II 482/81

ДЕПУТАТЫ

и

РЕДАКЦІОННЫЯ КОММИССІИ

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
У ФРАНЦА ВАГНЕРА.
1860.

A. FRANCK
67. rue Richelieu
PARIS

И 482/81
801-89/5287-5

ДЕПУТАТЫ

и

РЕДАКЦІОННЫЯ КОММИССІИ

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
У ФРАНЦА ВАГНЕРА.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1860.

Инв. 1807

Пр 83

827.03-46

2007111256

„Порученіе, на насъ возложенное," по словамъ г. Министра Внутреннихъ дѣлъ, „окончено и дальнѣйшее наше пребываніе въ С. Петербургѣ необязательно;" а потому теперь лежитъ на насъ долгъ: представить отчетъ Дворянству, Россіи, Государю и Исторіи, въ томъ участіи, которое выпало на нашу долю въ великомъ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ нашемъ отечествѣ. Исполненіе этой обязанности тѣмъ необходимѣе и неотложнѣе, что дѣйствія наши подверглись разнымъ пересудамъ и что не вездѣ, какъ мы имѣемъ причины думать, они были представлены въ настоящемъ ихъ видѣ. Постараемся же исполнить нашъ долгъ безпристрастно, — какъ говорится: sine ira et studio.

Государь Императоръ, въ рѣчи своей къ Тверскому дворянству, 11го Августа 1858 г. года изволилъ сказать: „Я ужъ приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобъ изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ *для присутствованія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ.*“ Его Величеству благоугодно было также объявить 16го Августа Костромскому дворянству: „для объясненія вашихъ выводовъ, я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ Комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ *для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ.*“ — Чрезъ три дня послѣ того, слѣдующія Высочайшія слова обращены были къ Нижегородскому дворянству: „*Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ Главномъ Комитетѣ;* но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ, избранныхъ вами, членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ.“

Во исполненіе сей Высочайшей воли, г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ циркулярно всѣхъ на-

чальниковъ губерній о томъ, что предоставляется „каждому Губернскому Комитету, по составленіи въ немъ проэкта, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ С. Петербургъ двухъ членовъ *для представленія Высшему Правительству* всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть *при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проэкта.*“

Въ послѣдствіи, въ этомъ распоряженіи произошли разныя перемѣны: депутатамъ велѣно пріѣзжать только тогда, когда они будутъ вызваны; и изъ тѣхъ Комитетовъ, гдѣ составлено болѣе одного проэкта, прибыть въ С. Петербургъ по одному члену отъ каждаго проэкта. Сверхъ того, при учрежденіи, при Главномъ Комитетѣ, Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положеній по крестьянскому дѣлу, рѣшено было вызвать депутатовъ въ два срока: сперва изъ тѣхъ 21 губерній, которыя прежде прочихъ представили свои проэкты, а потомъ изъ остальныхъ.

Съѣхавшіеся въ С. Петербургъ депутаты перваго призыва, въ числѣ 32, приглашены были 25го Августа въ общее присутствіе Редакціонной Коммиссіи по крестьянскому дѣлу. Тамъ прочтена была предназначенная для нихъ Инструкція съ разными приложеніями. Чтеніе это продолжалось слишкомъ полтора часа; по окончаніи его, засѣданіе было немедленно закрыто, а депутаты, снабженные каждый книжкою, въ которой содержалось все имъ прочитанное, разъѣхались по домамъ.

Эта инструкція, впрочемъ безъ приложеній, помѣщена нами въ концѣ брошюры.

Депутаты поражены были противорѣчіями Инструкціи съ словами, Высочайше обращенными къ дворянству разныхъ губерній, и съ журналомъ 26 Октября 1858 года, Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Эта Инструкція была даже несогласна съ отношеніемъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, объявлявшимъ каждому Комитету волю Государя Императора по избранію и прибытію въ С. Петербургъ членовъ: „для представленія *Высшему Правительству* всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть *при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проэкта.*“ Новое положеніе, созданное Инструкціею для депутатовъ, противорѣчило даже собственнымъ воззрѣніямъ Редакціонной Коммиссіи, или, вѣрнѣе сказать, ея Предсѣдателя, на обязанности сихъ членовъ, — воззрѣніемъ, не разъ высказаннымъ въ журналахъ общаго присутствія Редакціонныхъ Коммиссій. Всѣ эти обстоятельства побудили депутатовъ собраться для совѣщанія о томъ, что имъ дѣлать.

Первое собраніе было 26го Августа въ домѣ С. Петербургскаго депутата Гр. Шувалова.

Депутаты были въ крайнемъ недоумѣніи. Они спрашивали себя и другъ друга: кѣмъ составлена эта Инструкція? Какъ могла она попасть въ Государственную Канцелярію? Кѣмъ она была разсмотрѣна и поднесена на Высочайшее утвержденіе? — Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ С. Петербургъ, *для присутствія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи положеній въ Главномъ Комитетѣ;* что же значитъ перемѣна, въ силу которой

члены отъ Комитетовъ обязаны только представить, въ Редакціонныя Коммиссіи, мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникли въ послѣдствіи при разработкѣ крестьянскаго дѣла? Что значитъ то, что, по полученіи отвѣтовъ на упомянутые вопросы, *предъявляются* членамъ труды Коммиссій съ предложеніемъ новыхъ вопросовъ? Что значитъ, что члены обязаны представить, *каждый по своей губерніи*, или члены одной губерніи за общимъ подписомъ, свои письменные отзывы? Съ какою цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ срокъ, по краткости своей, невозможный? Почему недопущены оффиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, что значитъ явное устраненіе прежняго ихъ названія: *депутаты*, и замѣна его другимъ: *члены, избранные Губернскими Комитетами?*

Всѣ эти и многіе другіе, къ нимъ прикосновенные, вопросы сильно тревожили депутатовъ. Они вовсе не воображали быть повѣренными отъ земли и даже отъ дворянства, на совершеніе, обще съ Правительствомъ, великаго дѣла уничтоженія крѣпостнаго состоянія и надѣленія крестьянъ землею; они знали, что ихъ голосъ есть чисто совѣщательный, но они никакъ не думали, что ихъ призвали въ С. Петербургъ для того, чтобы сидѣть каждому въ своей квартирѣ, отвѣчать на заданные вопросы и представлять справки. Такое недовѣріе къ нимъ Правительства; такое неуваженіе въ ихъ лицъ, избранныхъ Губернскими Комитетами, составленными изъвыборныхъ отъ дворянства; такое униженное положеніе депутатовъ въ отношеніи къ Редакціоннымъ Коммиссіямъ, и, что важнѣе всего, совершенная невоз-

можность исполнить безъ общаго совѣщанія назначеніе, имъ указанное Государемъ и данное довѣріемъ Губернскихъ Комитетовъ, побудили ихъ обратиться къ Государю Императору съ всеподданнѣйшею просьбою.

Благоговѣя передъ Монархомъ, котораго благодушіе, мудрость и высокое просвѣщеніе устремляли отечество впередъ по пути улучшеній и преобразованій, дѣпутаты не рѣшились, въ первую минуту своего появленія въ Петербургѣ, обратиться къ Его Величеству прямо съ адрессомъ, не испытавъ предварительно мѣръ, болѣе скромныхъ и менѣе раздражительныхъ для предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи, къ коему они были поставлены въ оффиціальныя отношенія. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій и преній, депутаты положили составить письмо къ Генералъ-Адъютанту Ростовцову, съ ходатайствомъ: повергнуть на Высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшую ихъ просьбу о дозволеніи имъ имѣть общія совѣщанія въ томъ порядкѣ, какой Его Величеству угодно будетъ указать.

Въ слѣдующее собраніе (28. Августа), представлены были проэкты писемъ г. г. Волковымъ (Н. С.), Кн. Гагаринымъ, Кошелевымъ и Унковскимъ; сверхъ того предложенъ былъ проэктъ протеста, въ видѣ записки, предназначенной для подачи Генералъ-Адъютанту Ростовцову. Послѣдній проэктъ былъ устраненъ единогласно; за тѣмъ начались совѣщанія о прочихъ представленныхъ письмахъ. Положено было, для составленія окончательнаго проэкта письма, назначить Коммиссію изъ членовъ, представившихъ первоначальные проэкты. Эта Коммиссія составила одинъ общій про-

экть и передала его на слѣдующій же день собранію членовъ отъ Губернскихъ Комитетовъ.

Хотя этотъ проэктъ былъ выраженъ въ словахъ самыхъ умѣренныхъ и почтительныхъ, но онъ не былъ вполнѣ одобренъ общимъ собраніемъ: нѣкоторые члены потребовали еще бо́льшаго смягченія выраженій. По исправленіи, письмо было тотчасъ переписано, подписано всѣми наличными членами и вручено Московскому депутату Волкову для передачи предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій.

Вотъ содержаніе этого письма:

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ

Іаковъ Ивановичъ!

„По выслушаніи объявленной намъ Вашимъ Превосходительствомъ Высочайше утвержденной инструкціи, мы долгомъ считаемъ просить Васъ повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора всеподданнѣйшее наше ходатайство о дарованіи намъ возможности вполнѣ оправдать то назначеніе, которое Всемилостивѣйшій Государь благоволилъ указать намъ въ Высочайшихъ рѣчахъ къ дворянству разныхъ губерній и въ журналахъ Главнаго Комитета.

Дворянство доселѣ совѣщалось въ Комитетахъ каждой губерніи не только отдѣльно, но и въ разное время. Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости развился у насъ такъ быстро, что одна губернія не могла воспользоваться тѣмъ, что придумывалось въ другой; отъ этого произошло разнообразіе въ проэктахъ, представленныхъ Комитетами; къ тому же самые виды Правительства, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе уяснялись и становились намъ болѣе извѣстными. При подобныхъ обстоятельствахъ, и, въ особенности, при кратковременности срока, назначеннаго для занятій Губернскихъ Коми-

тетовъ, проэкты ихъ не могли достигнуть надлежащей полноты. Зная общее стремленіе нашего сословія къ осуществленію благихъ предначертаній Государя Императора, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать тѣ пополненія и согласованія, которыя окажутся необходимыми для достиженія общаго блага. Редакціонная Коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ Вашего Превосходительства, при всемъ своемъ желаніи и напряженномъ трудѣ, не можетъ обнять всѣхъ мѣстныхъ нуждъ и составить положеніе, соотвѣтствующее потребностямъ всѣхъ разнообразныхъ краевъ Имперіи. Излагая даже наши мнѣнія, думая дѣйствовать въ полномъ согласіи съ предположеніями Комитетовъ, она легко можетъ составить такія правила, которыя, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, совершенно неисполнимы: а между тѣмъ дѣло освобожденія крѣпостныхъ людей такъ важно, что малѣйшая ошибка можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для государства и всѣхъ сословій. Намъ, лицамъ изъ разныхъ мѣстностей, удобнѣе, чѣмъ кому либо, знать примѣнимость общихъ положеній къ дѣлу, и къ тому же намъ, не участникамъ въ трудахъ Редакціонной Коммиссіи, со стороны видиѣе неясности и неполноты, которыя неминуемо бываютъ во всякомъ человѣческомъ произведеніи. Если мы, каждый отдѣльно, будемъ писать свои замѣчанія, поясненія и пополненія, то изъ этого могутъ возникнуть новыя разнорѣчія, которыя усложнятъ окончательныя разрѣшенія существенныхъ вопросовъ; а потому только общія совѣщанія депутатовъ могутъ дать возможность согласовать различныя мнѣнія, надлежащимъ образомъ развить, уяснить ихъ, и представить Правительству соображенія, соотвѣтствующія какъ важности самаго дѣла, такъ и высокаго довѣрія, которое Государю Императору благоугодно было оказать дворянству.

Эти обстоятельства вынуждаютъ насъ просить Ваше Превосходительство повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества нашу всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи намъ имѣть общія совѣщанія въ такомъ порядкѣ, въ какомъ благоугодно будетъ указать Государю Императору, и о томъ, чтобы всѣ соображенія наши, какъ по предъявлен-

ным намъ вопросамъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія, поступили на судъ Высшаго Правительства.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Члены Губернскихъ Комитетовъ:

Владимірскаго, Иванъ Безобразовъ.
Владимірскаго, Павелъ Шарнаевъ.
Воронежскаго, Кн. Иванъ Гагаринъ.
Воронежскаго, Оедоръ Крашенинниковъ.
Костромскаго, Александръ Мироновъ (Губерн. Предвод.)
Костромскаго, Алексѣй Лопухинъ.
Московскаго, Сергѣй Волковъ.
Новогородскаго, Павелъ Косаговскій.
С. Петербургскаго, Гр. Петръ Шуваловъ (Губерн. Предвод.)
Полтавскаго, Михаилъ Позенъ.
Полтавскаго, Александръ Богдановичъ.
Псковскаго, Николай Волковъ.
Псковскаго, Василій Голенищевъ-Кутузовъ.
Рязанскаго, Ѳеодоръ Офросимовъ.
Рязанскаго, Кн. Сергѣй Волконскій.
Рязанскаго, Александръ Кошелевъ.
Саратовскаго, Кн. Владимиръ Щербатовъ (Губерн. Предвод.)
Саратовскаго, Илъ Озновишинъ.
Симбирскаго, Дмитрій Шидловскій.
Тамбовскаго, Николай Никифоровъ.
Тамбовскаго, Григорій Петрово-Соловово.
Тверскаго, Евграфъ Кардо-Сысоевъ.
Тверскаго, Алексѣй Унковскій (Губернскій Предвод.)
Харьковскаго, Александръ Шретеръ.
Харьковскаго, Дмитрій Хрущовъ.

Черниговскаго, Валеріанъ Подгысоцкій.
Черниговскаго, Александръ Марковичъ.
Ярославскаго, Павелъ Дубровинъ.
Ярославскаго, Дмосоенъ Васильевъ.

Чрезъ нѣсколько дней, а именно 2го Сентября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, изложенное въ отвѣтѣ Генералъ-Адъютанта Ростовцова. Оно было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

„Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій имѣлъ честь получить 1го сего Сентября письмо отъ 29го Августа, подписанное 29 членами, вызванными отъ Губернскихъ Комитетовъ. Того же числа онъ имѣлъ счастіе отправить письмо это въ подлинникѣ въ Царское Село на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе. 2 Сентября онъ удостоился получить слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

Его Императорское Величество прежде и нынѣ не встрѣчаетъ препятствія къ тому, чтобы члены Губернскихъ Комитетовъ совѣщались между собою; въ дѣлѣ столь важномъ и столь близко касающемся интересовъ дворянства, Государь Императоръ изволитъ находить полезнымъ, чтобы члены Губернскихъ Комитетовъ помогали одинъ другому своею мѣстною опытностью; но подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера оффиціальнаго.

За тѣмъ Его Величество соизволилъ Высочайше подтвердить, чтобы дальнѣйшія дѣйствія какъ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, такъ и членовъ Губернскихъ Комитетовъ неуклонно основывались на инструкціи 11го Августа, т. е. члены Губернскихъ Комитетовъ, не касаясь общихъ началъ, должны ограничиваться примѣненіемъ ихъ къ своимъ мѣстностямъ. Для чего они и были вызваны въ Петербургъ, и мнѣнія свои они должны представить отдѣльно по каждой губерніи. Въ заключеніе Его Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣлъ предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій вновь объявить членамъ отъ Губернскихъ Комите-

товъ, что всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе Главнаго Комитета, какъ о томъ было уже сказано въ инструкціи 11го Августа.

О таковой Высочайшей волѣ Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій имѣетъ честь увѣдомить Г. г. Членовъ Губернскихъ Комитетовъ."

С. Петербургъ, 3 Сентября 1859 года.

Генералъ-Адъютантъ **Ростовцовъ.**

Почти въ тоже время, т. е. 2го Сентября было объявлено г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ членамъ отъ Губернскихъ Комитетовъ, что Государь Императоръ будетъ ихъ принимать въ Царскомъ Селѣ 4го Сентября, въ часъ по полудни. Почему, въ означенный день, всѣ члены прибыли на станцію желѣзной дороги въ 10 часовъ утра и отправились въ Царское Село. Тамъ, со станціи, въ придворныхъ экипажахъ, они отвезены были во дворецъ, гдѣ отведены были для нихъ особыя комнаты. Безъ четверти въ часъ, они отправились въ залъ, въ которомъ они должны были представляться Государю Императору. Тутъ депутаты были разставлены по алфавитному порядку губерній, и Его Величество изволилъ выти ровно въ часъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ называлъ каждаго депутата, и Государь преимущественно спрашивалъ: гдѣ кто служилъ? За тѣмъ Императоръ сталъ посреди депутатовъ, сдвинувшихся вокругъ Его Величества, и произнесъ слѣдующія слова:

„Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для меня и для васъ, и успѣха котораго, я вполнѣ увѣренъ, вы столько же же-

лаете, сколько и я; съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я увѣренъ, что вѣрное мое дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать. Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда еще былъ Наслѣдникомъ, я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь, и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ, началъ я это дѣло; съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ: отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны: тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ Редакціонной Коммиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій. Но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь, что довѣріе мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ. Прощайте, господа, до свиданія."

По выслушаніи этихъ словъ, Воронежскій депутатъ Кн. Гагаринъ, по собственному внушенію, а не по порученію прочихъ депутатовъ, доложилъ Его Величеству, что дворянство готово на жертвы, хотя бы онѣ простирались и до трети ихъ достоянія. На это Государь изволилъ отвѣчать: „Нѣтъ, такихъ значительныхъ жертвъ я не требую; я желаю, чтобъ великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ. Прощайте, господа."

За тѣмъ депутаты, возвратившись въ отведенныя имъ комнаты, приглашены были къ обѣду за гоф-

маршалскій столъ. Это показалось страннымъ для всѣхъ, и обиднымъ для нѣкоторыхъ. Послѣдніе рѣшились тотчасъ же отправиться обратно въ С. Петербургъ.

По полученіи вышеупомянутаго отвѣта• депутаты собрались у гр. Шувалова, котораго просторный кабинетъ всѣхъ ихъ свободно вмѣщалъ. Въ исполненіе высочайшей воли, они положили имѣть частныя совѣщанія и, для того, раздѣлиться, по свойствамъ губерній, на двѣ части: т. е. на представителей отъ промышленныхъ и отъ земледѣльческихъ губерній. Но вскорѣ они убѣдились, что такое географическое раздѣленіе было неудобно. И въ той и въ другой части оказывались убѣжденія весьма различныя и даже одни другимъ противоположныя. Было нѣсколько общихъ собраній, гдѣ много толковали, но какъ никто не обязанъ былъ подчиняться большинству, то и не выходило изъ того никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ; даже правильнаго раздѣленія на кружки, въ слѣдствіе различныхъ убѣжденій, состояться не могло. Образовались сами собою три кружка: одинъ, преимущественно изъ членовъ отъ промышленныхъ губерній, съ требованіемъ обязательнаго выкупа и съ надѣленіемъ крестьянъ землею въ достаточномъ количествѣ; сюда принадлежали депутаты губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской, Тверской и Харьковской. Другой кружокъ состоялъ изъ членовъ отъ Рязанской, Тамбовской, Саратовской, одного депутата отъ Воро-

нежской (г. Крашенинникова), одного отъ Черниговской (г. Марковича) и Московскаго депутата. Тутъ убѣжденія были вообще довольно либеральныя; всѣ члены были расположены къ выкупу, хотя не всѣ признавали необходимость его обязательности; нѣкоторые несогласились также на надѣленіе крестьянъ вполнѣ достаточнымъ количествомъ земли. Въ третьемъ, всѣхъ менѣе единодушномъ, кружкѣ участвовали депутаты отъ губерній: Полтавской, С. Петербургской, Псковской, Новгородской, по одному члену отъ Воронежской (Кн. Гагаринъ), Симбирской (г. Шидловскій), и Черниговской г. Подвысоцкій). Не принимали участія въ совѣщаніяхъ ни въ какомъ кружкѣ: г. г. Ланской (Симбирскій), Гавриловъ (Владимирскій), Киненскій (Астраханскій) и Тиховидовъ (Вятскій). Мало участвовали въ собраніяхъ Нижегородскіе депутаты г. г. Нестеровъ и Стремоуховъ; послѣдній по причинѣ поздняго пріѣзда въ С. Петербургъ. Первые два кружка имѣли постоянныя собранія по два, по три и по четыре раза въ недѣлю, и въ нихъ были обсужены всѣ труды Редакціонной Коммиссіи. Послѣдній кружокъ не имѣлъ постоянныхъ собраній, вскорѣ распался, и его члены составляли свои замѣчанія каждый особо. Между ними были люди, изъ которыхъ одни желали личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли; другіе требовали безсрочнаго пользованія съ пересоцѣнкою земли или повинностей; иные готовы были согласиться на выкупъ, лишь бы онъ былъ не обязательный.

10го Сентября былъ большой обѣдъ, данный Предсѣдателемъ въ залѣ Кадетскаго Корпуса, какъ депу-

татамъ, такъ и членамъ Редакціонной Коммиссіи. Бесѣда была довольно радушна; тутъ депутаты и члены Редакціонной Коммиссіи познакомились между собою, и изъ такого сближенія можно было ожидать много пользы для дѣла, а именно облегченія между ними сношеній и устраненія нѣкоторыхъ взаимныхъ предубѣжденій. Но вскорѣ случившееся обстоятельство, ничтожное само по себѣ, имѣло однако самое дурное дѣйствіе на дальнѣйшій ходъ отношеній депутатовъ къ Редакціонной Коммиссіи.

12го Сентября разосланъ былъ ко всѣмъ депутатамъ слѣдующій циркуляръ:

„Вызванному въ С. Петербургъ члену Симбирскаго Губернскаго Комитета Гвардіи Штабсъ-Ротмистру Ланскому, уже представившему всѣ, безъ исключенія, отвѣты на вопросы по всѣмъ тремъ Отдѣленіямъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, Государь Императоръ, за такое примѣрное усердіе, объявляетъ Высочайшее свое благоволеніе.

О сей Монаршей волѣ Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій имѣетъ честь увѣдомить г.г. Членовъ Губернскихъ Комитетовъ и Редакціонныхъ Коммиссій."

12. Сентября 1859 года.

Подписалъ **Ростовцовъ.**

Чтобъ вполнѣ оцѣнить смыслъ и значеніе этого циркуляра, надобно знать, что послѣдніе огромные и весьма важные доклады Хозяйственнаго и Юридическаго Отдѣленій разосланы были къ депутатамъ только 10го Сентября, и что потому не было возможности составить, въ нѣсколько часовъ, по всѣмъ докла-

дамъ разныхъ Отдѣленій, замѣчанія и отвѣты, хотя сколько нибудь удовлетворительные. Къ тому же извѣстно было, что Государь отправился изъ Царскаго Села 10го, вечеромъ, въ путешествіе по Россіи, и что упомянутое повелѣніе, вслѣдствіе телеграммы Генералъ-Адъютанта Ростовцова, было по телеграфу же дано, кажется, изъ Тулы. Торжественное объявленіе Высочайшаго благоволенія г. Ланскому за таковое страдо-посѣщенное исполненіе депутатскихъ обязанностей, доказало, что на нихъ смотрятъ, какъ на бюрократическую формальность. Это глубоко оскорбило и огорчило депутатовъ. Циркуляръ этотъ прозванъ былъ ими *приказомъ по корпусу депутатовъ*, и, съ этого времени, нельзя было уже надѣяться на сближеніе между членами отъ Губернскихъ Комитетовъ и Редакціонными Коммиссіями.

Срокъ, назначенный для занятій депутатовъ, истекалъ, а трудъ ихъ, хотя спѣшный и усиленный, едва былъ сдѣланъ въ половину; потому они и обратились съ просьбою къ предсѣдателю Редакціонной Коммиссіи объ исходатайствованіи имъ отсрочки; одни просили продолженія срока на мѣсяцъ, другіе на двѣ недѣли. Отсрочка до 10 Октября была высочайше дарована.

Депутаты, утратившіе вѣру въ значеніе своего труда, спѣшили его кончить и даже разъѣхаться. Къ 10 Октября многіе представили свои замѣчанія и отвѣты; другіе ихъ оканчивали. Тутъ началась новая бюрократическая продѣлка. Стали, на основаніи пункта 7го инструкціи, приглашать депутатовъ въ общее присутствіе Редакціонныхъ Коммиссій, для словесныхъ

объясненій. Приглашали по три, по четыре и болѣе депутатовъ; съ ними диспутовали члены Редакціонной Коммиссіи, по назначенію Предсѣдателя. Эти диспуты не имѣли никакого результата и только доставляли въ журналы общаго присутствія статьи слѣдующаго содержанія: „Въ настоящемъ засѣданіи общее присутствіе Редакціонныхъ Коммиссій, на основаніи Высочайше данной 11го Августа инструкціи, имѣло совѣщанія съ нѣкоторыми изъ находящихся въ С. Петербургѣ членовъ Губернскихъ Комитетовъ, которые изъявили желаніе предложить лично вопросы по содержанію нѣкоторыхъ докладовъ Отдѣленій Коммиссіи. Возбужденные въ семъ засѣданіи вопросы, были обсуждены Коммиссіями совокупно съ означенными г. г. членами, и представленныя разъясненія будутъ приняты въ соображеніе при дальнѣйшихъ работахъ Редакціонныхъ Коммиссій.“

Съ прискорбіемъ должны мы сознаться, что каждое слово въ вышеприведенной нами статьѣ — совершенно ложно. Во 1хъ весьма немногіе депутаты изъявили желаніе совѣщаться съ Редакціонною Коммиссіею, потому что знали безполезность этихъ бесѣдъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ: большая часть членовъ были вызваны ею самою, единственно въ исполненіе 7го пункта инструкціи. Члены Редакціонныхъ Коммиссій, ex officio, предлагали вопросы, избирая самые немудреные, опасаясь, чтобъ не завязалось изъ того настоящаго прѣнія. Депутаты, убѣжденные, что призываютъ ихъ только ради исполненія формальности, отвѣчали также, какъ возможно короче, и общее присутствіе спѣшило закончить засѣданія, которыхъ безполез-

ность была всѣми одинаково сознаваема. Въ этихъ собраніяхъ не было и быть не могло ни одного настоящаго преній, хотя въ предметахъ для онаго не было недостатка, ибо разногласія между Коммиссіями и депутатами были многочисленны и существенны. Во 2хъ, возбужденные вопросы не были обсуждены Коммиссіями, а просто диспутовали, по порученію предсѣдателя, г. г. Семеновъ, Кн. Черкасскій и Соловьевъ; прочіе же члены сидѣли, какъ говорится, только ради пущей важности. Въ 3хъ, представленныя разъясненія не могутъ быть приняты въ соображеніе при дальнѣйшихъ трудахъ Редакціонной Коммиссіи, потому что они нигдѣ не записывались, и забывались вмѣстѣ съ окончаніемъ засѣданія.

Занятія депутатовъ приходили къ концу; Императора ждали въ Царское Село изъ его путешествія сперва къ 15му, а потомъ къ 17 Октября. Депутаты видѣли, что ими написаны кипы бумагъ (до 2000 листовъ); они полагали, что ихъ собратія втораго призыва, вѣроятно, столько же изведутъ чернилъ и бумаги, и что по этому нѣтъ возможности членамъ какъ Главнаго Комитета, такъ и Государственнаго Совѣта, провесть замѣчанія и соображенія депутатовъ. Вслѣдствіе сего, они рѣшились подать Императору адресъ съ всеподданнѣйшею просьбою: дозволить имъ вновь собраться и разсмотрѣть окончательные труды Редакціонныхъ Коммиссій. Это ихъ желаніе было тѣмъ естественнѣе и основательнѣе, что доселѣ ими было разсмотрѣно только „первое изданіе матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положеній о крестья-

нахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости;“ что въ этихъ трудахъ имѣлись значительныя противорѣчія, неизбѣжныя въ огромномъ и спѣшномъ трудѣ; что многія и притомъ весьма важныя части: о приведеніи положенія въ исполненіе, о казенныхъ повинностяхъ, объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ къ мировымъ судьямъ и къ уѣздной полиціи, — еще не были даже предположены; что ничего не было сказано опредѣлительнаго о выкупѣ крестьянскихъ земель; и что сельскій уставъ, который предполагалось составить, даже и въ главныхъ чертахъ не былъ набросанъ.

Вслѣдствіе этого было нѣсколько общихъ собраній депутатовъ. На первомъ рѣшено было: подать адресъ Государю. На второмъ: разсматривались проэкты адрессовъ, написанные Симбирскимъ, г. Шидловскимъ, и Харьковскими, Ярославскими и однимъ Тверскимъ депутатомъ (г. Ушковскимъ); но оба эти проэкта были устранены. Въ третьемъ засѣданіи былъ представленъ Рязанскимъ депутатомъ г. Кошелевымъ проэктъ адресса, который и былъ единогласно одобренъ, и даже черновая онаго подписана двадцатью однимъ членомъ. Вотъ содержаніе этого адресса:

Всемилостивѣйшій Государь!

„По Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, мы разсмотрѣли первоначальные матеріалы, составленные Редакціонными Коммиссіями по крестьянскому дѣлу, и представили предсѣдателю оныхъ наши объясненія и соображенія. Разногласіе въ мнѣніяхъ между означенными Коммиссіями и нами — значительно, даже существенно. Къ тому же важная часть ихъ работъ еще не могла быть нами обсуждена:

порядокъ введенія новаго положенія еще не предположенъ; докладъ о казенныхъ повинностяхъ еще не оконченъ; составъ и кругъ дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, имѣющихъ рѣшать всѣ дѣла между помѣщиками и крестьянами, еще не опредѣлены; почему обязанности, налагаемыя на насъ довѣріемъ Вашего Императорскаго Величества и сословія, къ коему мы принадлежимъ, рѣшаютъ насъ всеподданнѣйше просить о нижеслѣдующемъ:

1. Дозволить намъ разсмотрѣть окончательные труды Редакціонныхъ Коммиссій, до поступленія ихъ на обсужденіе Главнаго Комитета; и

2. Даровать намъ возможность представить сему Комитету изустныя объясненія въ подтвержденіе изложенныхъ нами мнѣній.

Искренно и глубоко сочувствуя великому преобразованію, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предпринятому, и желая, чтобъ оно, для блага отечества нашего, совершилось мирно и удовлетворительно для обоихъ сословій, въ семъ дѣлѣ преимущественно заинтересованныхъ, мы дерзаемъ сію нашу всеподданническую просьбу повергнуть къ стопамъ нашего Всемилостивѣйшаго Государя.“

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Крашенинниковъ. Шидловскій. Васильевъ. Кн. Волконскій. Ефремовъ. Кошелевъ. Кн. Гагаринъ. В. Подвысоцкій Стремоуховъ. Кн. Щербатовъ. Петръ Косаговскій. П. Волковъ. С. Волковъ. А. Марковичъ. П. Озюбишинъ. Гр. Шуваловъ. Голенищевъ-Кутуловъ. Гр. Левашевъ Петрово-Соловово. Никифоровъ и Парпачевъ.

Депутаты собрались на другой день для подписанія этого адреса, на бѣло переписаннаго; но вдругъ возникли опасенія и недоумѣнія. Не слишкомъ ли онъ рѣзокъ? Не изложена ли просьба слишкомъ требова-

тельно? Не лучше ли оставить бо́льшій просторъ къ удовлетворенію просьбы депутатовъ? Хотя большинство было за прежде одобренный адресъ, но нѣкоторые члены объявили, что они его подписать не могутъ, и, въ удовлетвореніе ихъ, приступлено было къ составленію новаго адресса. Послѣ долгихъ толковъ, исправленій и измѣненій, вышелъ слѣдующій адресъ, котораго вполнѣ не одобрялъ никто, но который былъ подписанъ всѣми. Какъ на губернскихъ выборахъ попадаютъ иногда въ губернскіе предводители люди, которыхъ никто для этого званія не имѣлъ въ виду, — такъ состоялся и этотъ адресъ. Его можно назвать *тушовымъ*. Вотъ онъ:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Какъ члены отъ Дворянскихъ Комитетовъ, мы исполнили Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества и представили наши замѣчанія и соображенія на первоначальные труды Редакціонныхъ Коммиссій по крестьянскому дѣлу.

Различествуя между собою въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, мы пришли однако къ тому общему заключенію, что предположенія Редакціонныхъ Коммиссій, въ настоящемъ ихъ видѣ, не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя съ благоговѣйною готовностью дворянство приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу.

Рѣшаясь оправдать довѣріе Всемилостивѣйшаго нашего Государя и имѣя въ виду, что объясненія и соображенія наши относятся только къ первоначальнымъ матеріаламъ упомянутой Коммиссіи, мы дерзаемъ всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о томъ, чтобъ дозволено было намъ представить наши соображенія на окончательные труды Ре-

дакціонныхъ Коммиссій, до поступленія ихъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Членъ отъ Воронежкаго Комитета, О. Крашенинниковъ. Членъ отъ Воронежскаго Комитета, Кн. П. Гагаринъ. Членъ отъ Московскаго Комитета, С. Волковъ. Членъ отъ Нижегородскаго Комитета. Стремоуховъ. Членъ отъ Новгородскаго Комитета, П. Косаговскій. Членъ отъ Рязанскаго Комитета, О. Офросимовъ. Членъ отъ Рязанскаго Комитета. Кн. С. Волконскій. Членъ отъ Рязанскаго Комитета, А. Конелевъ. Членъ отъ С. Петербургскаго Комитета, Гр. П. Шуваловъ. Членъ отъ С. Петербургскаго Комитета, Гр. Левашевъ. Членъ отъ Полтавскаго Комитета, М. Позенъ. Членъ отъ Псковскаго Комитета, В. Голенищевъ-Кутузовъ. Членъ отъ Псковскаго Комитета, П. Волковъ. Членъ отъ Саратовскаго Комитета, Кн. В. Щербатовъ. Членъ отъ Саратовскаго Комитета, П. Озерецкій. Членъ отъ Тамбовскаго Комит., Г. Петрово-Соловово. Членъ отъ Тамбовскаго Комитета, П. Никифоровъ. Членъ отъ Черниговскаго Комитета, В. Подвысоцкій.

Не подписали изъ депутатовъ, участвовавшихъ въ общихъ совѣщаніяхъ: Полтавскій — Богдановичъ, который опоздалъ въ собраніе и пріѣхалъ въ оное уже тогда, когда адресъ былъ отвезенъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Сверхъ того, не участвовали въ этихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ депутаты, уѣхавшіе тотчасъ послѣ подачи своихъ замѣчаній и отвѣтовъ, и именно: двое Костромскихъ, двое Владимірскихъ, одинъ Тверской (Кардо-Сысоевъ), одинъ Черниговскій (Марковичъ)

и одинъ Нижегородскій (Нестеровъ). Вовсе не участвовали въ депутатскихъ собраніяхъ: Симбирскій-Лапской, Владимірскій-Гавриловъ, Астрахапскій-Кишенскій и Вятскій-Тиховидовъ. Трое изъ сихъ членовъ были по назначенію Правительства, а г. Гавриловъ, хотя былъ и по выбору дворянства, но, по пріѣздѣ въ С. Петербургъ, поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. — Сверхъ того, не подписали этого адресса слѣдующіе члены, подавшіе особые адрессы: Симбирскій — г. Шидловскій, Тверской — г. Упковскій, Харьковскіе: г. г. Хрущовъ и Шретеръ, и Ярославскіе: г. г. Дубровинъ и Васильевъ. Первый подалъ особое всеподданнѣйшее письмо, а послѣдніе пять — совокупный адрессъ. Вотъ его содержаніе:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ, Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего Отечества. Ему предстоитъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

Первый изтекаетъ изъ любви Вашей, Государь, къ Россіи и ея счастію.

Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

Въ непогрѣшенной милости Вашей, великодушный Монархъ, къ дворянству, Вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразованія быта земледѣльцевъ.

Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ Дворянскихъ Комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать Вашему Величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ нынѣ крестьянскимъ дѣломъ.

Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ Вамъ, Государь, и живой преданности къ престолу и отечеству.

Да будетъ надъ нами судъ Вашего Величества.

Согласно Высочайше утвержденной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ инструкціи, мы представили въ Редакціонныя Коммиссіи наши подробныя соображенія и замѣчанія, но изъ внимательнаго изученія заключеній Коммиссій, мы убѣдились, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей, въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ; и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ предъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками: ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій.

Вѣруя въ благодушіе Вашего Величества, зная волю Вашу, Государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, Государь, всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдующемъ:

1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ. И

4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльною любовью къ престолу и Отечеству."

Подлинное подписали:

Дмитрій Хрущовъ, членъ Харьковскаго Комитета.
Александръ Шретеръ, членъ Харьковскаго Комитета.
Алексѣй Унковскій, Предсѣдатель Тверскаго Комитета.
Демосѳенъ Васильевъ, членъ Ярославскаго Комитета.
Павелъ Дубровинъ, членъ Ярославскаго Комитета.

Октября 16 дня 1859 года.

Слѣдовательно, не подписали никакого адресса только семь членовъ, уѣхавшіе изъ С. Петербурга до возвращенія Государя Императора; четверо, назначенные отъ Правительства, или состоящіе у него на службѣ, и одинъ, случайно не успѣвшій подписать адресса 18-ти. Такимъ образомъ послѣдній адрессъ можетъ считаться

общимъ выраженіемъ желанія дворянства, ибо уѣхавшіе конечно бы его подписали, потому что и прежде согласны были въ мнѣніяхъ съ прочими депутатами. Сверхъ того, двое изъ уѣхавшихъ и доселѣ думаютъ, что они адресъ подписали; ибо, отъѣзжая, они утвердили своими подписями адресъ, прежде единогласно одобренный, уже на бѣло переписанный, но потомъ измѣненный.

Я нарочно остановился на подробномъ изчисленіи всѣхъ подписавшихъ и неподписавшихъ депутатовъ, потому что выведено было, какъ говорятъ, на справку, что столько-то депутатовъ не участвовало въ адресѣ, и что это *благонамѣренное* меньшинство членовъ, довольное трудами Редакціонныхъ Коммиссій, не одобряло подачи адреса. Это совершенно несправедливо: можно положительно сказать, что не подписали адрессовъ только четверо членовъ, о которыхъ упомянуто было выше, т. е. трое, назначенныхъ отъ Правительства, и одинъ, состоящій у него на службѣ.

Депутаты, подавшіе въ числѣ восемнадцати, самый скромный адресъ, увѣрены были, что ихъ просьба не будетъ отвергнута; но проходили дни, недѣли, а рѣшенія имъ никакого не объявляли. Наконецъ прошелся слухъ, что 5 Ноября было засѣданіе Главнаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ самого Императора, что положено сдѣлать депутатамъ кому: выговоръ, кому замѣчаніе, и что эти рѣшенія должны быть имъ объявлены чрезъ начальниковъ губерній. Сперва никто не хотѣлъ этому вѣрить; отъ бюрократіи, конечно, всего можно было ожидать, но депутаты полагали пол-

ную надежду на Государя, (видно ложные доносы ввели его въ заблужденіе); къ крайнему удивленію всѣхъ и каждаго, вскорѣ этотъ случай подтвердился. Тогда депутаты рѣшились разъѣхаться. Они не замедлили получить, каждый отъ своего губернатора, отношенія, въ которыхъ объявлялись имъ Высочайше утвержденныя положенія Главнаго Комитета. Такимъ образомъ пять депутатовъ, подавшихъ одну общую просьбу, получили, по Высочайшему повелѣнію, *замѣчаніе* „за неправильныя и неумѣстныя свои домогательства," съ *разъясненіемъ*, „что они не имѣли права подавать прошеніе за общимъ подписомъ." — Восемьнадцать депутатовъ получили отъ начальниковъ губерній отношенія *съ разъясненіями*, по Высочайшему повелѣнію, „что, имѣя въ виду Высочайшею властью одобренный порядокъ своихъ дѣйствій, они не должны были утруждать Его Императорское Величество ходатайствомъ, къ измѣненію сего порядка клонящимся, и что члены не имѣли права подавать подобную просьбу за общимъ ихъ всѣхъ подписомъ."

Такія рѣшенія на всеподданнѣйшія просьбы депутатовъ, глубоко огорчили всѣхъ людей, искренно преданныхъ Государю и великому дѣлу, имъ предпринятому. Эти рѣшенія были и неосновательны, и неосторожны, и не политичны. Ставить депутатамъ въ вину общее подписаніе тогда, какъ вчера общимъ же подписаніемъ дворянъ, не собранныхъ въ оффиціальное засѣданіе, воспользовались для изданія Высочайшихъ Рескриптовъ по крестьянскому дѣлу, — было явною непослѣдовательностью. Странно также примѣнять полицейское пра-

вило къ такому дѣлу, каково крестьянское: Правительство освобождаетъ безъ вознагражденія людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, и отводитъ земли первымъ изъ владѣнія послѣднихъ; слѣдовательно дѣйствуетъ если не беззаконно, то сверхзаконно; и въ то же самое время оно требуетъ, чтобъ дворяне *даже не подавали Правительству прошеній за общимъ подписомъ*. Далѣе: упрекаютъ депутатовъ въ томъ, что они осмѣлились утруждать Государя ходатайствомъ, клонящимся къ измѣненію порядка, Высочайше утвержденнаго для ихъ дѣйствій; но само Правительство измѣняло, и даже не одинъ разъ, свои рѣшенія въ отношеніи къ депутатамъ. Не дѣлало ли оно еще болѣе? Не отступало ли оно по крестьянскому вопросу отъ прежде обнародованныхъ основныхъ началъ и не утверждало ли иныя, болѣе соотвѣтствующія требованіямъ дѣла? Люди добросовѣстные конечно не обвиняли въ томъ Правительство, ибо, по мѣрѣ развитія вопроса, предположенія, какъ его, такъ и дворянства, необходимо должны были испытывать такую участь; но осторожно ли было ставить въ вину депутатамъ, что они допускали возможность измѣненія рѣшеній Правительства, и что просили его, не о чемъ либо новомъ, а только объ исполненіи прежде имъ обѣщаннаго, или, вѣрнѣе сказать, даже части того, что имъ было обѣщано? *) Къ чему было теперь, при

*) Государь объявилъ дворянству, что депутаты вызваны будутъ *для присутствованія и общаго обсужденія въ С. Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ*; депутаты же скромно просили о дозволеніи имъ разсмотрѣть окончательные труды Редакціонныхъ Коммиссій *по поступленія ихъ въ Главный Комитетъ* по крестьянскому дѣлу.

новыхъ, вполнѣ измѣнившихся обстоятельствахъ, выдвигать опять обветшалую непогрѣшимость власти и ставить депутатамъ въ вину ихъ маловѣріе въ эту непогрѣшимость? Другія времена — другія начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтоженіе крѣпостнаго права какъ бы захлопывало дверь (такъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ожидать) за прежними временами. Къ тому же эти новыя рѣшенія Главнаго Комитета были и въ высшей степени неполитичны. Для депутатовъ, избранныхъ отъ дворянства, эти замѣчанія получали значеніе медалей *за усердіе*. Дворянство вообще не было довольно дѣйствіями своихъ депутатовъ въ Петербургѣ, ибо находило, что они тамъ ведутъ себя слишкомъ уклончиво; эти замѣчанія и разъясненія убѣляли депутатовъ; но неудовольствіе противъ Правительства, или, вѣрнѣе сказать, противъ бюрократіи отъ того усиливалось и углублялось. Послѣдствія этихъ неполитичныхъ дѣйствій Правительства не преминутъ обнаружиться. При будущихъ собраніяхъ дворянства, сочувствіе его къ депутатамъ выскажется гласно и даже громко, и будетъ явнымъ осужденіемъ Правительственныхъ распоряженій.

Упомянутыя губернаторскія отношенія, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни *Колоколъ*, ни всѣ прочія запрещенныя книги и листки не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи. Всѣ заговорили: „у насъ отнимаютъ принадлежащихъ намъ людей и даже часть крѣпостныхъ нашихъ земель, а за нами не хотятъ признать даже право обращаться

къ правительству съ просьбами за общимъ подписомъ! Чего можно было прежде лишать насъ, подкупленныхъ выгодами крѣпостнаго права, въ томъ теперь невозможно намъ отказывать; спасибо депутатамъ за то, что сдѣлали; но жаль что они дѣйствовали слишкомъ уклончиво и слабо; авось члены втораго призыва исправятъ ошибки своихъ предшественниковъ. Теперь бояться и терять намъ нечего, пусть бюрократія освобождаетъ крѣпостныхъ людей и сама съ ними управляется: мы устранимся, и тогда увидимъ, на сколько станетъ ея и со всѣми ея чиновниками."

И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями Правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ Правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажать ротъ, ибо нечего сказать въ оправданіе власти. Сама она дѣйствуетъ почти революціонно; отъ другихъ же требуетъ слѣпаго, безотвѣтнаго повиновенія. Сама во всемъ беретъ инціативу и существующее въ ея глазахъ не имѣетъ никакихъ преимущественныхъ правъ на дальнѣйшее бытіе: другимъ же она не дозволяетъ даже сказать слово въ свою защиту. Неудовольствіе, даже ожесточеніе всѣхъ противъ бюрократіи, въ Петербургѣ, Москвѣ и во внутренности Россіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь, во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства; нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ. Къ тому же теперь, при общемъ раздраженіи умовъ, еще нарушается одно изъ самыхъ существенныхъ правъ

дворянства, а имѣнію, принадлежащее ему, на основаніи Св. Зак. Т. IX ст. 112, преимущество совѣщаться о своихъ пользахъ и нуждахъ. Годъ тому назадъ было объявлено Высочайшее повелѣніе, въ силу коего дворянство, въ своихъ губернскихъ собраніяхъ, имѣло воздержаться отъ сужденій по крестьянскому вопросу. Тогда подобная мѣра была возможна; ибо крестьянскій вопросъ находился въ разсмотрѣніи Губернскихъ Комитетовъ: естественно, что дворянство не могло обсуживать одно и тоже дѣло въ двухъ своихъ инстанціяхъ. Но нынѣ обстоятельства совершенно иныя: учрежденная въ С. Петербургѣ Редакціонная Коммиссія отвергла всѣ проэкты Губернскихъ Комитетовъ, составила свои предположенія и распустила ихъ въ числѣ трехъ или болѣе того тысячъ экземпляровъ. Какъ же теперь дворянству, по этому жизненному для него вопросу, не высказать своего мнѣнія? Какъ теперь воспретить ему пользованіе правомъ, торжественно за нимъ признаннымъ, какъ нынѣ царствующимъ Императоромъ, такъ и августѣйшими его предшественниками? Въ настоящихъ обстоятельствахъ повтореніе, подтвержденіе выше упомянутаго прошлогодняго Высочайшаго повелѣнія, есть дѣло болѣе, чѣмъ неосторожное. Оно является не дѣйствіемъ самодержавія, а своеволіемъ бюрократіи, которая и безъ того сосредоточиваетъ на себѣ самую глубокую ненависть всѣхъ и каждаго. Подобныя своеволія, съ какою бы цѣлью ни предпринимались и отъ кого бы ни исходили (отъ Панпыхъ, Чевкиныхъ, Муравьевыхъ, или отъ либеральныхъ людей, засѣдающихъ въ Редакціонной Коммиссіи), равно недостойны сильнаго и благо-

намѣреннаго Правительства, равно ему вредятъ, раздражаютъ общество, — и самое добро, которое при подобныхъ мѣрахъ имѣется въ виду, они превращаютъ въ зло, и въ зло тѣмъ бо́льшее, чѣмъ чище источникъ, изъ котораго они исходятъ. Но справедливость требуетъ сказать, что никто не относитъ къ Императору деспотическихъ дѣйствій бюрократіи, и что даже слухи, въ публикѣ распространяемые, приписываютъ все доброе ему, а все худое людямъ, во зло употребляющимъ его имя и довѣріе.

Теперь, по разнымъ губерніямъ, имѣютъ быть выборы, и дворянство въ крайнемъ смущеніи. Не высказать своихъ опасеній и желаній — оно не можетъ, ибо бюрократія выставитъ его молчаніе за одобреніе своихъ дѣйствій. Заявленіе же неудовольствія со стороны дворянства будетъ неминуемо представлено въ видѣ оппозиціи видамъ Правительства. Нашему дворянству, какъ всякому Русскому, несвойственны дѣйствія оппозиціонныя; но не можетъ, не должно оно давать бюрократіи попирать себя по ея прихотямъ. Вѣроятно, дворянство рѣшится почтительно-вѣрноподданнически высказать свои опасенія и недоумѣнія, — или оно достойно той участи, которую бюрократія ему готовитъ.

Вотъ краткій, нѣсколько сухой, но безпристрастный разсказъ о внѣшней дѣятельности членовъ отъ 19 Губернскихъ Комитетовъ, въ продолженіи двухмѣсячнаго

ихъ пребыванія въ С. Петербургѣ. Слѣдовало бы представить очеркъ ихъ внутренней дѣятельности, т. е. передать сущность поданныхъ ими замѣчаній, соображеній и отвѣтовъ; но эта задача — неисполнима. Редакціонная Коммиссія хвалится, что она депутатовъ утопила въ чернилахъ и схоронила въ кипѣ бумагъ. Это совершенно справедливо: бюрократіи несомнѣнно принадлежитъ даръ все живое топить и хоронить. Депутаты перваго призыва подали, какъ говорятъ, до 2000 исписанныхъ листовъ бумаги; по крайней мѣрѣ столько же должно быть еще представлено членами отъ остальныхъ 27 губерній*); слѣдовательно, всего должно быть не менѣе 4000 листовъ, изъ которыхъ выйдетъ печатныхъ отъ 250 до 300 листовъ. Кто прочтетъ всѣ эти писанія? Изъ этой массы бумагъ составятся своды, которыя представятъ по мнѣнія депутатовъ, доказательно изложенныя (opinions motivées), а одинъ остовъ, или оглавленіе ихъ замѣчаній и соображеній. Вѣроятно, эти своды будутъ сдѣланы еще съ бо́льшею безцеремонностью и еще съ мéньшею акуратностью, чѣмъ своды изъ Губернскихъ Положеній; вѣроятно, замѣчанія и соображенія депутатовъ опровергнутся en bloc, какъ то̀ сдѣлано въ отношеніи къ трудамъ Губернскихъ Комитетовъ; самыя же работы членовъ, вѣроятно, полежатъ нѣсколько времени въ Главномъ Комитетѣ и въ кабинетахъ его членовъ,

*) Обыкновенно относятъ ко второму призыву 25 губерній, но отъ перваго призыва остались двѣ губерніи: Минская и Витебская, которыхъ депутатамъ велѣно пріѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ членами отъ западныхъ губерній, причисленныхъ ко второму призыву.

полежать также въ Государственномъ Совѣтѣ и наконецъ сдадутся въ архивъ, въ библіотеки и въ табачныя лавки. Депутаты предвидѣли участь, ожидающую ихъ труды: они просили о дозволеніи имъ имѣть оффиціальныя собранія, которыя дали бы имъ возможность представить Высшему Правительству общее ихъ мнѣніе. Но въ этомъ имъ отказали. Мы, члены отъ Губернскихъ Комитетовъ, знаемъ поданныя мнѣнія двухъ, трехъ, пяти нашихъ собратій; но бо́льшая часть депутатскихъ работъ намъ неизвѣстна. Даже депутаты, между собою совѣщавшіеся, сильно излагали послѣ собраній, свои замѣтки на бумагу, отдавали ихъ переписывать и представляли Предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій. У всякаго была лишь одна забота: какъ бы свои соображенія и отвѣты окончить въ крайне тѣсный срокъ, назначенный для депутатскихъ работъ; а до трудовъ своихъ собратій почти никому не было дѣла. А потому никто изъ насъ не въ состояніи представить вѣрный и подробный отчетъ о всѣхъ поданныхъ депутатами мнѣніяхъ. Постараюсь, хоть въ краткихъ словахъ, изложить содержаніе главныхъ мнѣній, высказанныхъ ими во время общихъ и частныхъ ихъ совѣщаній.

Первое, всѣмъ депутатамъ, участвовавшимъ въ совѣщаніяхъ, общее убѣжденіе заключалось въ томъ, что предположенія Редакціонныхъ Коммиссій нарушаютъ, безъ всякой необходимости и совершенно произвольно, права собственности помѣщиковъ. Почти всѣ депутаты сознавали необходимость надѣленія крестьянъ землею, но *отдачи помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе*

крестьянъ за неизмѣнныя повинности, казалась ничѣмъ не оправдываемымъ нарушеніемъ права собственности. Большинство членовъ требовало обязательнаго выкупа, какъ единственнаго средства произвести освобожденіе на законномъ основаніи и удовлетворительно для помѣщиковъ и для крестьянъ. Меньшинство депутатовъ, соглашаясь на отдачу мірскихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянъ, требовало переоцѣнки или земли, или, по крайней мѣрѣ, денежныхъ повинностей. Первые доказывали, что предположенія Редакціонныхъ Коммиссій должны имѣть послѣдствіями: 1) непріязненныя отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами, имѣющія превратиться въ явную борьбу; 2) необезпеченность положенія, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, требующая постояннаго чиновничьяго вмѣшательства въ ихъ взаимныя отношенія; и 3) разореніе помѣщиковъ, обязанныхъ или довольствоваться невозможною барщиною или заводить вольнонаемныя хозяйства безъ полученія денежныхъ на то средствъ. Сверхъ того депутаты опасались, что если разъ установится безсрочное пользованіе крестьянъ помѣщичьими землями за неизмѣнныя повинности, то правительство успокоится и долго, долго не озаботится устройствомъ выкупа. — Меньшинство депутатовъ, не желавшее выкупа, требовало переоцѣнки земли, или, по крайней мѣрѣ, повинностей, какъ потому, что стоимость земли постоянно возвышается, такъ и потому, что деньги, у насъ, еще быстрѣе упадаютъ въ стоимости. Всѣ эти, вполнѣ основательные, доводы многосторонно развивались членами Губернскихъ Комитетовъ въ опроверженіе вышеупомянутаго главнаго начала,

положеннаго Редакціонною Коммиссіею въ основу ея трудовъ. Замѣчательно, что *ни одинъ депутатъ* (кромѣ быть можетъ, четырехъ, неучаствовавшихъ въ депутатскихъ собраніяхъ) не одобрялъ этого основнаго положенія Редакціонной Коммиссіи, хотя въ числѣ призванныхъ членовъ были представители не одного большинства, но и разныхъ меньшинствъ Губернскихъ Комитетовъ.

Второй пунктъ, вызвавшій такое же общее неодобреніе со стороны всѣхъ депутатовъ, есть произвольное назначеніе высшихъ крестьянскихъ надѣловъ по губерніямъ. Редакціонная Коммиссія, желая дать своимъ выводамъ нѣкоторую, хотя наружную, правильность, составила вѣдомости крестьянскимъ существующимъ надѣламъ; но она исключила изъ этихъ списковъ всѣ имѣнія ниже 100 душъ, гдѣ, какъ извѣстно, надѣлы самые малые, и включила въ нихъ имѣнія оброчныя, гдѣ, по большей части, всѣ помѣщичьи земли числятся въ крестьянскомъ пользованіи. Посредствомъ такихъ произвольныхъ исключеній и включеній, цифры надѣловъ подняты были неправильно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и чрезмѣрно. Сверхъ того, почти всѣ Комитеты подали голосъ въ пользу нормальныхъ надѣловъ,—Редакціонныя же Коммиссіи не только ихъ отвергли, но установили свои высшіе и низшіе надѣлы, какъ будто въ явную противоположность Комитетскимъ положеніямъ, столь же несоразмѣрно возвысивъ первые, сколько понизивъ послѣдніе. Къ тому же многія отдѣльныя постановленія Редакціонныхъ Коммиссій *) сильно тревожили членовъ

*) Ред. Коммиссій считается нѣсколько, но онѣ имѣютъ

Губернскихъ Комитетовъ, а именно: *а)* Отдача земель усадебныхъ въ пользованіе не крестьянскихъ обществъ, какъ предполагалось всѣми Великороссійскими Комитетами, *а крестьянскихъ семействъ*, съ предоставленіемъ послѣднимъ права выкупать свои отдѣльныя усадьбы; *б)* предоставленіе крестьянамъ права уходить, по истеченіи 9 лѣтъ, цѣлыми обществами на иныя земли, по своему усмотрѣнію; *в)* дарованіе права лицамъ выходить изъ обществъ на условіяхъ весьма легкихъ; *г) удержаніе барщины* на условіяхъ невозможныхъ; *д)* произвольное, ничѣмъ не оправдываемое пониженіе оброковъ по многимъ мѣстностямъ; воспрещеніе помѣщикамъ, которыхъ крестьяне платили малые оброки, поднимать оные до нормы, правительствомъ установляемой; и даже, при выкупѣ, капитализація изъ этихъ, добродушіемъ или безпечностью установленныхъ оброковъ.

Третій пунктъ существеннаго разногласія между Редакціонною Коммиссіею и всѣми депутатами заключался въ томъ, что чиновничье вмѣшательство водворялось въ дѣла сельскія, и что вліяніе дворянства на крестьянъ вовсе устранялось. Хотя бережно скрывалось отъ депутатовъ будущее устройство, какъ земской полиціи, такъ и мировыхъ судей; однако слухи на счетъ назначенія всѣхъ этихъ чиновниковъ не по выбору сельскаго населенія вообще, а по произволу губернаторовъ; слухи на счетъ чисто бюрократическаго устройства всего уѣзднаго управленія полиціи и суда, —

одно общее присутствіе. Поэтому и самое названіе употребляется иногда во множеств. числѣ, иногда въ единств., безразлично. Такъ поступали и мы.

сильно волновали членовъ Губернскихъ Коммитетовъ и представляли имъ въ будущемъ совершенную невозможность жить въ деревняхъ. А потому не удивительно, что депутаты въ своихъ замѣчаніяхъ дозволяли себѣ самыя рѣзкія выходки *противъ чиновничества вообще и противъ вмѣшательства администраціи въ дѣла сельскаго населенія.* Я убѣжденъ, что Правительство не имѣетъ въ виду усилить и возвеличить чиновничій элементъ, и вовсе не желаетъ лишить сельское населеніе участія въ мѣстномъ управленіи, расправѣ и судѣ; но оно таитъ свои предположенія; а потому естественно, что муха кажется слономъ, и что депутаты видятъ въ замыслахъ администраціи то, чего навѣрное въ нихъ вовсе и нѣтъ. Кого винить въ этомъ дѣлѣ? Труды Редакціонныхъ Коммиссій, направленные противъ помѣщичьей власти, печатаются болѣе чѣмъ въ 3000 экземплярахъ и раздаются щедрою рукою; а работы Коммиссіи объ уѣздныхъ учрежденіяхъ издаются въ такомъ числѣ экземпляровъ, что нѣтъ возможности ихъ достать. Почему бы не сообщить ихъ депутатамъ? Почему бы не потребовать отъ нихъ на оныя замѣчаній? Такое къ нимъ довѣріе значительно бы ихъ успокоило, устранило бы много раздраженія въ ихъ отношеніяхъ къ Правительству и навѣрное доставило бы ему много дѣльныхъ замѣчаній.

Въ этихъ трехъ главныхъ и еще нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ, депутаты были единодушны. За тѣмъ, они расходились на приверженцевъ обязательнаго выкупа, которые составляли огромное большинство, и на защитниковъ: или постояннаго поль-

зованія съ переоцѣнкою, или освобожденія крестьянъ съ правомъ свободныхъ переходовъ. Число членовъ двухъ послѣднихъ категорій было незначительно. Далѣе, депутаты дѣлились на сторонниковъ нормальныхъ и существующихъ надѣловъ; за первые стояло большинство; но была возможность согласить эти два мнѣнія установленіемъ для существующаго надѣла границъ, близкихъ къ нормѣ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы и вполнѣ согласно съ требованіями Рескриптовъ. — Что касается до повинностей, то онѣ не составляли существеннаго предмета разногласій между депутатами: тѣ изъ нихъ, которые всего усерднѣе отстаивали помѣщичьи интересы, не требовали высокихъ повинностей, лишь бы поземельные надѣлы были какъ можно ограниченнѣе; депутаты же, объявившіе себя за существующіе надѣлы, желали повинностей настоящихъ, достаточно вознаграждающихъ дворянство за отходящія отъ нихъ земли. Но въ этомъ отношеніи между депутатами непремѣнно послѣдовало бы соглашеніе, если-бъ только были допущены оффиціальныя совѣщанія. Еще нѣкоторые члены Губернскихъ Комитетовъ сильно возставали противъ разныхъ заключеній Коммиссіи, нарушающихъ народные обычаи, и въ особенности *общинное поземельное владѣніе и круговую поруку*; но большинство депутатовъ, преимущественно занятое интересами дворянства, для которыхъ предположенія Коммиссіи казались гибельными, мало обращало вниманія на важный предметъ охраненія народнаго быта отъ посягательства администраціи.

Вообще можно сказать, что *всѣ* депутаты, безъ

исключенія, были за уничтоженіе крѣпостнаго состоянія; что *всѣ* они желали развязки скорѣйшей и окончательной, и что большинство изъ нихъ было одушевлено самыми миролюбивыми чувствами. Что касается до сопротивленія волѣ Государя, на счетъ освобожденія крестьянъ, до желанія затянуть дѣло и, подъ видомъ увольненія, устроить иное обязательное и столь же для крестьянъ тягостное положеніе, — то такихъ намѣреній никто изъ депутатовъ рѣшительно не имѣлъ, и слухи, въ семъ смыслѣ распущенные, суть чистѣйшія клеветы. По окончаніи занятій въ Губернскихъ Комитетахъ, члены ихъ пожили въ своихъ деревняхъ, убѣдились въ невозможности удержать крѣпостное право, въ необходимости разрѣшить вопросъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени, — и пріѣхали въ С. Петербургъ съ искреннимъ желаніемъ помочь Правительству въ установленіи новаго порядка вещей въ сельскомъ быту, на прочныхъ основаніяхъ.

Къ сожалѣнію, не всѣ замѣчанія и отвѣты депутатовъ были изложены съ надлежащимъ спокойствіемъ и умѣренностью. Нѣкоторые депутаты воображали, что рѣзкость выраженій есть лучшій доводъ противъ предположеній Редакціонныхъ Коммиссій. Этимъ они много повредили дѣлу и доставили Коммиссіямъ противъ себя оружіе.

Знаю, что нѣкоторые люди сочтутъ мои слова пристрастными. Какъ большинству депутатовъ члены Редакціонныхъ Коммиссій казались людьми, желающими разорить дворянство и заклятыми чиновниками, такъ и депутаты представлялись большинству членовъ Редак-

ціонныхъ Коммиссій крѣпостниками, пріѣхавшими отстаивать только свои Губернскія Положенія и одни интересы дворянства, въ самомъ тѣсномъ ихъ смыслѣ. Не правы въ этомъ были и тѣ и другіе. Хотя Редакціонная Коммиссія, при постановленіи своихъ замѣчаній, уклонилась во многихъ случаяхъ, въ ущербъ дворянства, отъ требованій справедливости, — не слѣдовало однако упускать изъ вида, что она, имѣвши передъ собою проэкты Губернскихъ Комитетовъ, гдѣ по большей части мало обращали вниманія на интересы крестьянъ, была въ обязанности защитить послѣднихъ; что произвольныя дѣйствія первой были вызваны столь же произвольными дѣйствіями Комитетовъ; и что, стало быть, депутаты должны были вникнуть въ томъ не одну Редакціонную Коммиссію, но и себя самихъ или свои Комитеты. Съ другой стороны, Редакціонная Коммиссія, исполненная гнѣва противъ Губернскихъ Положеній, видѣла въ депутатахъ только представителей этихъ проэктовъ и не хотѣла обратить вниманія на то, что въ Петербургѣ члены отъ большинства и меньшинства дѣйствовали за одно, что не послѣдніе перешли на сторону первыхъ, а на оборотъ, и что вообще депутаты были весьма умѣренны въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Главная причина всѣхъ этихъ недоразумѣній заключалась не въ депутатахъ и не въ членахъ Редакціонной Коммиссіи, а въ несчастномъ обстоятельствѣ воспрещенія депутатамъ имѣть оффиціальныя собранія. Еслибъ имъ дозволено было имѣть отдѣльныя оффиціальныя собранія, то ихъ дѣйствія были бы явны, всякія клеветы были бы невозможны, и депутаты въ своихъ

выраженіяхъ были бы осмотрительнѣе и воздержнѣе. Если бы депутатовъ соединили съ членами Редакціонной Коммиссіи, то непремѣнно произошло бы слiяніе, составилось бы большинство умѣренное, и вышли бы положенія равно удовлетворительныя для помѣщиковъ, для крестьянъ и для государства. Вмѣсто того, что случилось? Между депутатами распространялись слухи самые тревожные: говорили, что инструкція для нихъ составлена въ Редакціонной Коммиссіи съ цѣлью подавить ихъ дѣятельность; что имѣли въ виду этою бюрократическою продѣлкою сбыть ихъ поскорѣе съ рукъ и унизить въ глазахъ Россіи; что Государь, спрашивая у каждаго депутата: гдѣ кто служилъ? имѣлъ въ виду дать дворянству почувствовать, что оно есть только служилое сословіе, не больше; что назначеніе огромныхъ крестьянскихъ надѣловъ имѣло цѣлью окончательное уничтоженіе дворянства; что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи сообща представили Государю депутатовъ въ видѣ строптивыхъ, упорныхъ крѣпостниковъ, съ которыми необходимо раздѣлаться à la Pierre le Grand, и проч. Сверхъ того, извѣстіе, что труды Редакціонныхъ Коммиссій печатаются въ количествѣ 8 или даже 12 т. экземпляровъ и должны быть пущены въ продажу по дешевой цѣнѣ, съ цѣлью сдѣлать невозможными большія измѣненія въ предположеніяхъ Коммиссій, — это извѣстіе чрезвычайно тревожило большинство депутатовъ, видѣвшихъ въ такой мѣрѣ изощреніе топоровъ противъ нихъ, противъ ихъ семействъ и собратій. Эти слухи, съ раз-

ными прибавленіями и коментаріями, все болѣе и болѣе раздражали депутатовъ: къ ихъ успокоенію ни мало не способствовали дѣйствія Редакціонной Коммиссіи; а потому должно скорѣе дивиться благоразумію и умѣренности депутатовъ вообще, чѣмъ пользоваться неосторожностями, рѣзкостями и выходками отдѣльныхъ лицъ и возводить на такомъ основаніи обвиненія противъ всѣхъ.

Но какъ на депутатовъ возведены, и притомъ съ разныхъ сторонъ, тяжкія обвиненія, то и не могу пройти ихъ молчаніемъ.

Редакціонная Коммиссія обвиняла депутатовъ въ томъ, что они пріѣхали съ враждебными противъ нея предубѣжденіями, что ожесточеніе сихъ членовъ, во время ихъ пребыванія въ С. Петербургѣ, росло и усиливалось, и что они всѣми силами домогались уничтоженія Редакціонной Коммиссіи. Въ этомъ обвиненіи хотя много преувеличеннаго, но есть и доля правды. Что большинство депутатовъ не могло благосклонно относиться къ Редакціонной Коммиссіи — это вполнѣ справедливо. Во 1хъ, составъ Редакціонной Коммиссіи внушалъ вообще къ ней мало довѣрія: въ ней засѣдали преимущественно чиновники, которыхъ, хотя и замаскировали званіемъ помѣщиковъ, но это никого не обманывало; напротивъ, это еще усиливало недовѣрѣе къ Коммиссіи. Сверхъ того, туда призваны были большею частью члены меньшинства Губернскихъ Комитетовъ, а изъ членовъ большинства тамъ засѣдало только двое или трое. Во 2хъ, кто безпристрастно прочелъ труды Коммиссіи, кто вникъ въ смыслъ ея главныхъ постано-

ленiй и обратить вниманiе на ея заключенiя, прямо направленныя противъ помѣщиковъ, тотъ, конечно, найдетъ нерасположенiе депутатовъ къ Редакцiонной Коммиссiи вполнѣ естественнымъ, даже обязательнымъ. Можно и должно было противодѣйствовать положенiямъ Губернскихъ Комитетовъ, назначившихъ для крестьянъ недостаточные надѣлы, установившихъ странныя оцѣнки усадьбъ, удержавшихъ многiя принадлежности крѣпостнаго права, и проч.; но Редакцiонная Коммиссiя не исправила недостатковъ, замѣченныхъ въ губернскихъ проэктахъ: она просто на-просто отставила ихъ совершенно въ сторону, сочинила свои собственныя предположенiя, и при этомъ мало заботилась о правахъ помѣщиковъ, а считала ихъ достоянiе матерiею, изъ которой слѣдовало выкроить крестьянское благосостоянiе. Похвально и необходимо содѣйствовать этой благой цѣли, но справедливость должна быть главною руководительницею при начертанiяхъ законодателя. Если люди сторонiе дивятся увлеченiямъ Редакцiонной Коммиссiи; если многiе изъ собственныхъ ея членовъ выражаютъ во всеуслышанiе свое съ нею несогласiе и разсказываютъ, какими способами добывалось видимое единодушiе въ ея постановленiяхъ; если самые ревностные защитники крестьянскихъ правъ и интересовъ не рѣшились слѣдовать за нею во всѣхъ ея предположенiяхъ: то какъ же винить депутатовъ вообще, повѣренныхъ, если не отъ дворянства, то отъ дворянскихъ Комитетовъ, въ томъ, что они не съ благодарностью приняли, во имя дворянства, заключенiя Коммиссiи, которыхъ послѣдствiемъ должно быть обѣднѣнiе и унижение всего ихъ сословiя?

Нѣтъ! депутаты должны были дружно стать противъ Редакціонной Коммиссіи, указать энергически ея заблужденія и заявить Правительству, что ея заключенія не только уничтожаютъ значеніе дворянства, какъ землевладѣльца, но усиливаютъ, быть можетъ, вопреки ея желанію, то, что всего ненавистнѣе въ Россіи — чиновничество. Депутаты это исполнили по совѣсти; теперь предстоитъ Правительству воспользоваться ихъ полезными указаніями и дать предпринятому преобразованію направленіе, соотвѣтствующее общимъ потребностямъ нашей земли. — Что касается до послѣдней части обвиненія, то это чистая клевета; депутаты вовсе не домогались уничтоженія Коммиссіи, во 1хъ потому, что они всѣ глубоко сознавали необходимость скорѣйшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, и, вслѣдствіе того, не могли желать, чтобъ начертаніе положеній перешло въ новыя руки, а во 2хъ потому, что никто изъ нихъ не искалъ навалить на себя отвѣтственность по такому дѣлу, которое захватываетъ самые живые и существенные интересы не только двухъ сословій, но и всего государства, и которое, какъ бы оно разрѣшено ни было, не можетъ не возбудить, въ большей или меньшей степени, неудовольствіе и крестьянъ, и того сословія, къ которому депутаты принадлежатъ.

Еще Редакціонная Коммиссія обвиняла депутатовъ въ томъ, что они, оставаясь на почвѣ своихъ Губернскихъ Положеній, не хотѣли никакъ податься впередъ и думали только о томъ, какъ бы отстоять интересы своего сословія. Очень естественно, что депутаты старались защищать свои Губернскія Положенія; — ибо для того

они и были присланы въ С. Петербургъ; но несправедливо, что они не хотѣли податься впередъ: представленныя ими замѣчанія доказываютъ противное. Конечно, они не могли подняться до точки стоянія Редакціонной Коммиссіи, — для этого имъ слѣдовало бы перестать быть представителями, повѣренными, почти членами своего сословія, и сдѣлаться чиновниками, теоретиками и проч. Это было для нихъ тѣмъ невозможнѣе, что многіе эксперты и даже нѣкоторые депутаты отъ министерствъ далеко не одобряли предположеній Коммиссіи, и радовались, что ея заключенія встрѣчали единодушное сопротивленіе со стороны депутатовъ. Что послѣдніе защищали интересы своего сословія, это весьма естественно вообще, и совершенно необходимо при томъ положеніи, въ которое Редакціонная Коммиссія ставила дворянство. Почему въ Губернскихъ Комитетахъ были большинства и меньшинства, почему тамъ многіе старались оградить крестьянъ отъ притѣснительныхъ предположеній Комитетовъ, почему тамъ нѣкоторые люди не боялись противодѣйствовать своему сословію, оставаясь вѣрными убѣжденіямъ, въ силу которыхъ крестьяне получали свободу съ землею и на безобидныхъ условіяхъ? Почему же въ Петербургѣ таковое отношеніе членовъ другъ къ другу измѣнилось, не смотря на то, что представители всѣхъ проэктовъ были призваны? Предоставляю рѣшеніе этихъ вопросовъ размышленію Редакціонной Коммиссіи. Если изъ 38 депутатовъ никто не сталъ на ея точку, то это должно что нибудь да значить.

Еще одно обвиненіе со стороны Редакціонной Коммиссіи возводится на депутатовъ. Говорятъ, будто они

строили противъ нея козни, входили въ сношенія съ высшими государственными сановниками, съ цѣлью ее низвергнуть, и принимали участіе въ разныхъ интригахъ и злоумышленіяхъ. Не знаю, были ли какіе либо ковы и злоумышленія со стороны высшихъ сановниковъ противъ Редакціонной Коммиссіи; не знаю, былъ ли кто изъ людей, носившихъ званіе депутата, въ сношеніяхъ съ ними, имѣя цѣлью ее низвергнуть; темна чужая душа; но я знаю положительно, что депутаты, какъ таковые, какъ депутаты, не принимали участія ни въ какихъ козняхъ и ковахъ противъ Редакціонной Коммиссіи, и что они не были въ сношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ высшихъ сановниковъ. Я участвовалъ во всѣхъ общихъ совѣщаніяхъ депутатовъ, былъ съ ними въ короткихъ, товарищескихъ отношеніяхъ, и могу положительно сказать, что ни слова не было говорено ни о какихъ либо заговорахъ противъ Редакціонной Коммиссіи, ни о томъ, чтобъ войти въ сношенія съ высшими государственными сановниками, съ какого либо особеннаго цѣлью. Мы предполагали ѣхать въ мундирахъ, представиться Предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Но Князь Орловъ отклонилъ это предстаавленіе. Не было никакой явной, ни тайной, ни явной попытки привлечь на свою сторону высшихъ сановниковъ; и съ ихъ стороны также не было къ намъ никакихъ засылокъ или внушеній.

Не могу умолчать и объ обвиненіяхъ, высказываемыхъ противъ депутатовъ со стороны дворянства. Оно укоряетъ ихъ въ томъ, что они не рѣшились прямо и откровенно высказать правду Государю и указать,

куда ведутъ предположенія Редакціонной Коммиссіи. Это обвиненіе не лишено нѣкоторой основательности, хотя при этомъ много упущено изъ вида. Депутаты перваго призыва боялись, излишнею поспѣшностью и нѣкоторою рѣзкостью, болѣе повредить чѣмъ пособить дѣлу. Всѣмъ извѣстны полная благонамѣренность и доброта души царствующаго Императора. Депутаты знали, что, дѣйствуя смѣло и рѣшительно, они не подвергали себя опасности; но они боялись употребить во зло благодушіе Императора, оскорбить его и тѣмъ повредить дѣлу. Къ тому же, депутаты отъ дворянства являлись въ первый разъ по вызову Правительства; какъ имъ дѣйствовать, какъ слова ихъ будутъ приняты, въ какія отношенія къ нимъ станетъ Правительство — все было неизвѣстно. При такихъ обстоятельствахъ умѣренность и спокойствіе были необходимы. По этой причинѣ, большинство депутатовъ, въ своихъ отвѣтахъ, замѣчаніяхъ, письменныхъ и словесныхъ отзывахъ и особенно въ адресѣ, имѣло постоянно въ виду избѣгать всего, что можетъ раздражить, и старались высказывать свои мнѣнія въ самыхъ вѣжливыхъ и примирительныхъ выраженіяхъ. Въ подтвержденіе этого, ссылаюсь на бумаги, поданныя въ Редакціонную Коммиссію отъ большинства депутатовъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ дозволили себѣ выходки неумѣренныя, колкости и шутки. Ими воспользовались нѣкоторые члены Редакціонной Коммиссіи, много объ нихъ говорили и старались накинуть ими невыгодную тѣнь на дѣйствія депутатовъ вообще. Въ сношеніяхъ депутатовъ съ Редакціонною Коммиссіею было только два случая

размолвки, и они возведены были на степень исторій. Первый случай состоялъ въ слѣдующемъ: одинъ членъ Редакціонной Коммиссіи выразился въ засѣданіи на счетъ Ярославскаго Комитета не совсѣмъ уважительно; членъ онаго счелъ долгомъ вступиться и объявилъ, что за симъ онъ не считаетъ возможнымъ оставаться въ засѣданіи. Предсѣдатель хотѣлъ дѣло уладить и предложилъ члену Редакціонной Коммиссіи точнѣе объяснить свою мысль; но послѣдній, не находя въ своихъ словахъ ничего оскорбительнаго для Ярославскаго Комитета, повторилъ прежде имъ сказанное; тогда депутатъ счелъ долгомъ удалиться изъ засѣданія. Другой случай: какъ Редакціонная Коммиссія приглашала депутатовъ въ свои засѣданія только ради формы, т. е. для исполненія 7 пункта инструкціи, и какъ происходившія въ Коммиссіи объясненія не оставляли никакихъ слѣдовъ, то одинъ депутатъ почтительно просилъ предсѣдательствующаго члена Редакціонной Коммиссіи о томъ, чтобъ вопросы предложены были ему на бумагѣ, обѣщая на бумагѣ же дать и отвѣты, или же, чтобы записывались въ журналъ какъ дѣлаемые ему вопросы, такъ и его отвѣты. Ему было въ томъ отказано, и онъ удалился изъ засѣданія. Не оправдываю въ обоихъ случаяхъ ни депутатовъ, ни Редакціонной Коммиссіи: ибо если первые были, можетъ быть, слишкомъ требовательны, то послѣдняя роняла вовсе значеніе Правительства и свое собственное, превращая исполненіе пункта Высочайше утвержденной инструкціи въ чистую бюрократическую продѣлку; но долженъ сказать, что оба случая совершенно ничтожны, и что никакъ

не слѣдовало жаловать ихъ въ чинъ *исторій*, а тѣмъ менѣе скандаловъ.

Второе обвиненіе противъ депутатовъ со стороны дворянства заключается въ томъ: почему они не сошлись между собою, къ чему было исписывать до 2000 листовъ, — и отъ чего они не дѣйствовали единодушно и не высказали своихъ требованій единогласно? Въ этомъ обвиненіи много справедливаго; но необходимо принять въ соображеніе обстоятельства, при которыхъ происходили занятія депутатовъ. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ затрогиваетъ самые существенные интересы дворянства и возбуждаетъ въ высшей степени страсти его членовъ. Къ тому же, три года тому назадъ, объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія мало думали, еще менѣе говорили и почти вовсе не писали. Какъ же требовать, чтобы люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ краевъ Россіи, защитники разнородныхъ, даже противоположныхъ интересовъ, представители различныхъ мнѣній и лично другъ друга не знавшіе, разомъ сошлись, сдѣлавши одинъ другому всѣ необходимыя уступки, и отказавшись отъ нѣкоторыхъ личныхъ воззрѣній, пошли однимъ путемъ и заговорили однимъ языкомъ? Нѣтъ такое единодушіе было невозможно, и если, въ краткій срокъ своего пребыванія въ Петербургѣ, депутаты сошлись между собою въ нѣкоторыхъ главныхъ основаніяхъ, то и это — уже заслуга съ ихъ стороны: кому неизвѣстно, что во всѣхъ совѣщательныхъ собраніяхъ первые мѣсяцы проходятъ въ томъ, что члены между собою знакомятся, стараются сблизиться, и что

общее мнѣніе составляется только послѣ многихъ совѣщаній и балотировокъ? Какъ же можно упрекать депутатовъ въ томъ, что они, увидѣвши другъ друга, не сошлись внезапно всѣ въ мнѣніяхъ и не составили одну плотную массу? И то, по многимъ губерніямъ, произошли въ Петербургѣ явленія неожиданныя: люди, которые въ Губернскихъ Комитетахъ, въ теченіи 6, 7 и 8 мѣсяцевъ, между собою боролись, и которыхъ проэкты были весьма различны, согласились между собою и стали говорить въ одинъ голосъ. Депутаты исписали, конечно, много бумаги, но что же было дѣлать? Они просили оффиціальныхъ совѣщаній: въ этомъ имъ было отказано. На частныхъ совѣщаніяхъ, не только каждое мнѣніе имѣло свою самостоятельность, но даже каждый способъ выраженія могъ быть сохраненъ, ибо мнѣнія депутатовъ велѣно было подавать особо отъ каждаго лица или отъ каждой губерніи. Какъ же мнѣ подписывать отъ своего имени то, съ чѣмъ я вполнѣ не согласенъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ я не совсѣмъ одобряю? При оффиціальныхъ засѣданіяхъ, рѣшало бы большинство, и частныя мнѣнія явились бы только въ видѣ исключеній, или составились бы два, три мнѣнія. При частныхъ совѣщаніяхъ — это было невозможно.

Въ заключеніе скажемъ: Задача, предлежавшая депутатамъ перваго призыва была затруднительна по неопредѣленности ихъ положенія и по неизвѣстности отношеній, въ какія станетъ къ нимъ Правительство. Задача, предлежащая депутатамъ втораго призыва —

еще щекотливѣе. Редакціонная Коммиссія доказала, что она смотритъ на призывъ и дѣло депутатовъ, какъ на бюрократическую формальность. Высшее Правительство уклонилось и не имѣло съ ними никакихъ сношеній. Неужель эта странная продѣлка еще разъ повторится? Это невозможно. Что же сдѣлаетъ Правительство въ отношеніи къ новымъ депутатамъ? Какъ поступятъ имѣющіе съѣхаться депутаты въ отношеніи къ Правительству? Не осмѣливаемся отвѣчать на эти вопросы, но умоляемъ и тѣхъ и другихъ: быть, по возможности, умѣренными и стараться сблизиться, а не расходиться еще болѣе. При излишнихъ требованіяхъ и неосторожныхъ выходкахъ со стороны депутатовъ, Редакціонная Коммиссія усилится, предположенія ея чрезъ то значительно окрѣпнутъ,— и Высшее Правительство, не одобряя ихъ вполнѣ, но не имѣя также чѣмъ ихъ замѣнить, будетъ въ необходимости утвердить проэкты, представленные Редакціонною Коммиссіею. Если сія послѣдняя дозволитъ себѣ тѣже дѣйствія, которыя, внезапно совершенныя, отчасти удались ей при первомъ призывѣ, то депутаты дружно сомкнутся, и Правительству придется одному приводить въ исполненіе новое, ни кѣмъ не одобряемое положеніе. Не думаю, чтобъ возможно было устроить новый порядокъ на прочныхъ основаніяхъ, при уклоненіи всего дворянства отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Наша крѣпкая надежда — на Государя, котораго благодушіе и мудрость должны спасти Россію отъ увлеченій, отъ посягательствъ съ одной стороны и отъ сомнѣній, опасеній, уклоненій и сопротивленій съ другой стороны. Мудро и бла-

говременно начатое — да совершится не къ обидѣ кого-либо, а ко благу всѣхъ.

2го Декабря 1859 года.

P.S. Въ журналѣ Общаго Присутствія Редакціонныхъ Коммиссій, отъ 4 Ноября 1859 года содержится нижеслѣдующее:

„Нынѣ всѣ Гг. Члены перваго приглашенія, вызванные отъ Губернскихъ Комитетовъ, мнѣнія свои по работамъ Коммиссій для составленія положеній о крестьянахъ, уже представили; но, *къ крайнему для насъ сожалѣнію и затрудненію*, Г г. Члены Губернскихъ Комитетовъ *нисколько не пришли другъ съ другомъ къ соглашенію, но разъединились между собою даже въ главныхъ* началахъ, на коихъ должна быть основана реформа, *и составили такимъ образомъ нѣсколько партій.*

„*Мнѣнія эти образовали такую громадную массу*, что разсмотрѣніе оныхъ увеличиваетъ работу Коммиссій *по крайней мѣрѣ вдвое.* Я сдѣлалъ уже распоря-

женія, чтобы *доставить каждому изъ Г.г. Членовъ Коммиссіи возможность прочесть всѣ эти мнѣнія*; но для сего понадобится не мало времени."

Спрашивается: добросовѣстно ли изъявлять подобныя сожалѣнія и возводить такія обвиненія?

„Члены Губернскихъ Коммитетовъ не пришли другъ съ другомъ къ соглашенію." Но не были ли приняты всѣ нужныя мѣры къ полученію такого результата? Для чего воспрещены депутатамъ оффиціальныя собранія? Для чего вмѣнено имъ въ обязанность подавать замѣчанія или отдѣльно отъ своего имени, или по губерніямъ, но отнюдь не совокупно, за общимъ подписомъ? Какъ винить людей въ томъ, что они не сошлись, когда ихъ лишили всякихъ къ тому вспомогательныхъ средствъ?— Для чего при совѣщаніяхъ нужна оффиціальность? Для того, чтобы члены обязаны были покориться рѣшенію большинства, чтобы при взаимныхъ уступкахъ они могли приходить къ одному общему положенію, чтобы въ крайнихъ случаяхъ подавались, сверхъ того, одно, два, три отдѣльныя мнѣнія, а не высказывалось постоянно столько мнѣній, сколько людей въ собраніи, и чтобъ одинъ обязательный порядокъ велъ всѣхъ къ одной цѣли. Депутаты были глубоко убѣждены въ пользѣ оффиціальности для ихъ совѣщаній; они просили о предоставленіи имъ этого права, но имъ было въ томъ отказано; а теперь ставятъ имъ въ вину, что они не дошли до соглашеній! Редакціонная Коммиссія сама знаетъ, что̀ такое разногласія: для прекращенія ихъ въ средѣ своей, она прибѣгла къ средству даже незаконному, т. е. къ лишенію членовъ права

подписывать *съ особымъ мнѣніемъ* журналы общаго присутствія, а равно и доклады отдѣленій .... Какъ же полагать, что депутаты, не набранные однимъ лицомъ, по тѣмъ или другимъ уваженіямъ, а вызванные, какъ представители самыхъ разнорѣчивыхъ, даже противоположныхъ проэктовъ, съѣдутся, увидятся и во всемъ сойдутся! Даже наши мірскія сходки, состоящія изъ людей по преимуществу единодушныхъ, приходятъ къ единогласію только потому, что они обязаны обычаемъ составить одинъ общій приговоръ. А депутатамъ сказано: подавайте свои мнѣнія каждый отдѣльно и не смѣйте представлять ихъ за общимъ подписомъ; развѣ, при этомъ условіи, возможно было депутатамъ сойтись, сдѣлать другъ другу всѣ нужныя уступки не только въ мнѣніяхъ, но и въ способахъ ихъ выраженія, и подать въ 19 экземплярахъ (по числу губерній) одно и то же мнѣніе? А если бъ такое чудо и совершилось, то не было ли бы оно еще сочтено за стачку? Нѣтъ! такое требованіе граничитъ съ недобросовѣстностью, къ которой Редакціонная Коммиссія, при полнотѣ своихъ правъ, не имѣетъ, кажется, нужды прибѣгать.

„Члены Губернскихъ Комитетовъ разъединились между собою въ главныхъ основаніяхъ и составили такимъ образомъ группы.“ Это обвиненіе еще страшнѣе перваго. Неужель кому либо неизвѣстно, что всѣ люди, имѣющіе мнѣніе по крестьянскому вопросу, дѣлятся на защитниковъ освобожденія крестьянъ съ землею или безъ земли, и на сторонниковъ освобожденія съ выкупомъ обязательнымъ или добровольнымъ, или вовсе безъ выкупа? Все дворянство въ этомъ отношеніи распа-

дается на нѣсколько самыхъ разпорѣчивыхъ партій. Да и въ самой Редакціонной Коммиссіи имѣются, кажется, довольно яркіе образцы подобныхъ разногласій. Какъ же было думать, что депутаты, представители каждый своего проэкта, могли пріѣхать въ С. Петербургъ или съ мнѣніями совершенно одинакими, или вовсе безъ мнѣній? Какъ могли они не быть отголосками общественнаго мнѣнія и потому сторонниками самыхъ противоположныхъ мнѣній? Слѣдовательно, депутаты *не разошлись* между собою въ главныхъ основаніяхъ и не составили вслѣдствіе того группъ, а напротивъ: они сошлись между собою въ главныхъ основаніяхъ и потому составили группы. Самое сильное разъединеніе въ мнѣніяхъ было до пріѣзда депутатовъ въ С. Петербургъ и до начала ихъ бесѣдъ; а въ С. Петербургѣ, вслѣдствіе бесѣдъ, состоялись между депутатами нѣкоторыя соглашенія, и потому сдѣлалось возможнымъ образованіе группъ. Прискорбно, истинно прискорбно, что не допущены были оффиціальныя собранія депутатовъ: неминуемо составилось бы между ними большинство плотное, либеральное, умѣренное, которое значительно помогло бы Правительству въ разрѣшеніи многотрудной, ему предлежащей, задачи, и явило бы міру великій примѣръ благоразумія и не себялюбиваго разсчета, устрояющихъ на прочныхъ основаніяхъ благо двухъ сельскихъ сословій.

„Мнѣнія членовъ Губернскихъ Комитетовъ образовали такую громадную массу, что разсмотрѣніе ихъ увеличиваетъ работу Коммиссій по крайней мѣрѣ вдвое.“ — Депутаты это знали впередъ; il ne fallait pas

être prophète pour le savoir. Они это изложили въ своемъ письмѣ къ Предсѣдателю, и, преимущественно, на этомъ основаніи просили о дозволеніи имъ имѣть оффиціальныя собранія. Редакціонная Коммиссія жалуется, что ея труды увеличиваются, по крайней мѣрѣ, вдвое отъ огромной массы бумагъ, исписанныхъ депутатами. Это — еще не бѣда: Коммиссія уже доказала свое умѣніе по части сокращеній и выписокъ изъ Губернскихъ Проэктовъ; а потому она легко управится и съ мнѣніями депутатовъ; но есть бѣда другая, несравненно бо́льшая и вполнѣ дѣйствительная: Государю Императору благоугодно было удостовѣрить депутатовъ, что ихъ мнѣнія, согласныя съ мнѣніемъ Редакціонной Коммиссіи, войдутъ въ положеніе; *всѣ же остальныя* будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Какъ исполнить это Высочайшее обѣщаніе? Вотъ о чемъ должна быть забота; вотъ о чемъ должны крѣпко подумать добросовѣстные совѣтники Царскіе.

Предсѣдатель объявляетъ, „что имъ уже сдѣланы распоряженія къ тому, чтобы доставить каждому изъ членовъ Коммиссіи возможность прочесть всѣ мнѣнія депутатовъ.“ Напечатаніе этихъ мнѣній есть, конечно, вещь весьма полезная и нетрудная; за типографіями, вѣроятно, остановки не будетъ; но прочтеніе трехъ толстыхъ томовъ, которые составятся изъ отвѣтовъ и замѣчаній депутатовъ перваго призыва, будетъ трудомъ менѣе легкимъ. Какъ бы все дѣло не ограничилось однимъ напечатаніемъ!

Выше приведенныя пятнадцать строкъ изъ жур-

нала 4 Ноября содержать въ себѣ, для депутатовъ втораго приглашенія, новое и весьма сильное побужденіе къ единогласію. Теперь уже настоитъ для нихъ крайняя надобность въ томъ, чтобы, отложа въ сторону всѣ личныя воззрѣнія и даже мѣстныя хозяйственныя соображенія, они соединили всѣ свои усилія къ опроверженію однихъ главныхъ началъ, принятыхъ Редакціонною Коммиссіею, началъ, долженствующихъ почти уничтожить значеніе землевладѣльцевъ, породить борьбу между ними и земледѣльцами, содѣлать необходимыми частыя смѣшательства власти въ дѣла сельскія, и тѣмъ еще усилить въ Россіи ненавистную для всѣхъ бюрократію. Отъ души желаемъ, чтобъ это воззваніе, безсознательно обращенное Редакціонною Коммиссіею къ новымъ депутатамъ, было на сей разъ не гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

8 Декабря 1859.

(Прилож. къ 2 стран.)

Государственная Канцелярія.

ОТДѢЛЕНІЕ

ДѢЛЪ

ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ.

11го Августа 1859 г.

N. 368.

Господину Предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, послѣдовавшему въ Сентябрѣ 1858 года, Губернскіе Комитеты, учрежденные для составленія Положеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, должны выбрать изъ среды себя двухъ Членовъ для представленія высшему Правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно *признаетъ нужнымъ имѣть при разсмотрѣніи составленныхъ Губернскими Комитетами проэктовъ.* *)

По случаю прибытія въ скоромъ времени сюда Членовъ, избранныхъ нѣкоторыми Губернскими Комитетами, Государь

*) Замѣчательно тутъ отступленіе отъ первоначальныхъ словъ Высочайшаго повелѣнія. Тамъ въ отношеніи г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ было сказано: *при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проэкта.*

Императоръ, принявъ во вниманіе какъ изложенную выше нѣкоторыхъ вызова, а также, что общія начала по крестьянскому дѣлу указаны Высочайшими Рескриптами, программою и Высочайше утвержденными журналами Главнаго Комитета, мѣстнымъ же Комитетамъ было Высочайше предоставлено *примѣненіе общихъ началъ къ особенностямъ каждой губерніи*, — изволилъ признать необходимымъ опредѣлить образъ дѣйствій какъ Предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій для составленія Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и Членовъ, избранныхъ Губернскими Комитетами, — сообразно съ упомянутымъ, Высочайше уже указаннымъ, распредѣленіемъ дѣйствій.

Въ сихъ видахъ Его Императорское Величество соизволилъ Высочайше повелѣть руководствоваться по этому дѣлу слѣдующими правилами:

1. Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій долженъ, прежде всего, истребовать отъ каждаго изъ вызванныхъ членовъ *мѣстныя* свѣдѣнія и объясненія по такимъ вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи, уже при разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ нѣкоторыхъ лишь Губернскихъ Комитетахъ или въ самыхъ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, а потому не могли еще быть окончательно развиты сими послѣдними (по образцу всѣхъ докладовъ трехъ Отдѣленій) прежде пополненія первоначальныхъ необходимыхъ для того матеріаловъ. Сюда относятся:

а) Практическія указанія на мѣры къ охраненію владѣльческой поземельной собственности (особенно помѣщичьихъ лѣсовъ) отъ умышленной порчи, похищеній и пожаровъ; о порядкѣ заключенія условій по вольному найму и объ обезпеченіи надежнаго выполненія оныхъ.

б) Мѣстныя данныя о томъ, въ какихъ размѣрахъ понадобятся межевыя средства, для скорѣйшаго разграниченія угодій, предоставляемыхъ за повинность въ пользованіе крестьянъ, отъ прочихъ земель и угодій.

в) Ближайшія соображенія о порядкѣ и условіяхъ обращенія промышленныхъ селъ въ посады или мѣстечки.

г) Практическія данныя о средствахъ пополненія и со-

храненія въ нѣкоторыхъ сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, а также о возможномъ сокращеніи формальностей при отпускѣ хлѣба или раздачѣ онаго въ ссуду съ соблюденіемъ однако же нужныхъ предосторожностей.

д) Необходимыя данныя для введенія между крестьянами взаимнаго страхованія отъ огня, градобитія и другихъ неожиданныхъ несчастій.

е) Соображенія по ходатайству нѣкоторыхъ Губернскихъ Комитетовъ о предоставленіи лицамъ, непринадлежащимъ къ потомственному дворянству, права пріобрѣтать населенныя имѣнія безъ всякихъ ограниченій.

и ж) Предварительныя соображенія о порядкѣ добровольныхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами относительно выкупа послѣдними подмельныхъ угодій въ собственность.

2. По доставленіи Членами Губернскихъ Комитетовъ отвѣтовъ на всѣ означенные, еще не разработанные вопросы, Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій *предлагаетъ каждому изъ сихъ Членовъ* труды Коммиссій уже разработанные, *собственно по проэкту Положенія о крестьянахъ*; при чемъ, для успѣшнѣйшаго и удобнѣйшаго окончанія всего дѣла и для облегченія самихъ Членовъ, должны, по сему проэкту, быть предложены имъ *и вопросы, по коимъ требуется отъ каждаго Члена мѣстныя свѣдѣнія и объясненія.* Работы Коммиссій собственно по проэкту Положенія, вмѣстѣ съ извлеченными изъ оныхъ вопросами, *предъявляются, по усмотрѣнію Предсѣдателя*, или по каждому изъ трехъ Отдѣленій Коммиссій порознь, или всѣ совокупно.

3. Предсѣдателю предоставляется, независимо отъ указанныхъ выше вопросовъ, пригласить высланныхъ членовъ къ доставленію и всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ данныхъ и соображеній, какія еще окажутся необходимыми при дальнѣйшемъ ходѣ работъ.

4. *Такъ какъ сущность работы вызванныхъ Членовъ заключается*, по Высочайшему указанію, собственно *въ примѣненіи общихъ правилъ къ особенностямъ каждой губерніи*, то каждый

Членъ представляетъ *особый, по своей губерніи, письменный отвѣтъ на каждый вопросъ отдѣльно, или Члены оной губерніи даютъ отвѣты за общимъ подписаніемъ.*

5. Каждый изъ вызванныхъ Членовъ не обязывается излагать, ни въ полномъ, ни въ систематическомъ порядкѣ, соображенія по предложеннымъ имъ вопросамъ; онъ можетъ ограничиться хотя бы только и отдѣльными замѣтками; но для точнаго выполненія Высочайшей воли необходимо, чтобы представляемые отвѣты основывались на мѣстныхъ данныхъ и, по возможности, на положительныхъ фактахъ, какъ бывшихъ въ виду Губернскихъ Комитетовъ, такъ и лично извѣстныхъ каждому Члену, который, при изложеніи своихъ отвѣтовъ, не обязанъ стѣсняться Комитетскими постановленіями.

6. Если примѣненіе общихъ правилъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ вызоветъ какія либо особыя соображенія, то каждому изъ вызванныхъ Членовъ предоставляется, послѣ доставленія положительныхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, представить Предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій и означенныя соображенія.

7. При полученіи отвѣтовъ, Предсѣдателю предоставляется, *по своему усмотрѣнію, и по мѣрѣ надобности,* приглашать, для словесныхъ объясненій, Членовъ одной губерніи или нѣсколькихъ вмѣстѣ, согласно съ 10мъ пунктомъ Высочайше утвержденнаго 26 Октября 1858 года журнала Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу.

8. Дабы не останавливать дальнѣйшаго движенія работъ по Редакціоннымъ Коммиссіямъ, Предсѣдателю оныхъ вмѣняется въ обязанность наблюсти, чтобы всѣ необходимыя свѣдѣнія и объясненія были доставлены отъ Членовъ Губернскихъ Комитетовъ *не позже одного мѣсяца со дня предъявленія имъ первыхъ вопросовъ.*

9. По полученіи Предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и объясненій, *занятія вызванныхъ сюда, избранныхъ Губернскими Комитетами, Членовъ считаются оконченными* и Предсѣдатель извѣщаетъ о томъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

10. *Весь безъ исключенія* отвѣты Членовъ, какъ нынѣ вызванныхъ, такъ и тѣхъ, кои будутъ вызваны впослѣдствіи, вмѣстѣ съ заключеніями по онымъ Редакціонныхъ Коммиссій, представляются на обсужденіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, одновременно съ проэктомъ Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ проэктъ этотъ должны быть включены всѣ соображенія вызванныхъ Членовъ, которыя будутъ приняты Редакціонными Коммиссіями.

О таковой Высочайшей волѣ я имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству для надлежащаго распоряженія къ ея исполненію, увѣдомивъ объ оной и Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, для его свѣдѣнія.

Подлинное подписалъ: Государственный Секретарь
В. Бутковъ.

Скрѣпилъ: Исправляющій должность Статсъ-Секретаря
С. Жуковскій.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig.
Druck von Gustav Bär.

Durch alle Buchhandlungen ist ferner zu beziehen:

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СОВРЕМЕННОМЪ

ВОПРОСѢ РОССІИ

КАКЪ МОЖНО УЛУЧШИТЬ И УПРОЧИТЬ

БЫТЪ КРЕСТЬЯНЪ,

ЖИВУЩИХЪ НА ПОМѢЩИЧЬИХЪ ЗЕМЛЯХЪ.

ПОПРАВКА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ

ИЛИ

ЖЕНИТЬБА МАІОРА.

Изданіе

ЮРІЯ ПРИВАЛОВСКАГО.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

сочиненіе

А. С. ГРИБОѢДОВА.

СВОБОДНОЕ СЛОВО

РУССКІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОРГАНЪ,

издаваемый

подъ редакціею Л. Н. БЛЮММЕРА.

Томъ I, вып. 4.

1862.

БЕРЛИНЪ.
Ферд. Шнейдеръ.
Виктор. ул. 11.

BERLIN.
Ferd. Schneider,
Victoriastr. 11.

Содержаніе:

	стр.
I. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	233
II. КЪ РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ ОТЪ РУССКАГО .	251
III. УЛЬТРА-ЦЕНСУРНАЯ КАБАЛА (Образчикъ псевдолиберальныхъ реформъ современнаго бюрократическаго характера.)	266
IV. КОНСТИТУЦІЯ И СОЦІАЛИЗМЪ (Письмо къ редактору „Свободнаго Слова“)	272
V. ОТВѢТЪ НА ПРЕДЪИДУЩЕЕ ПИСЬМО	283
VI. О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ ВООБЩЕ И О ПОЛЬСКОЙ ВЪ ОСОБЕННОСТИ. (Въ поученіе императорскому исторіографу г. Щебальскому.)	290
VII. НОВЫЯ ПРОКЛАМАЦІИ. (Предварительная замѣтка. I. Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти. II. Земская дума. III. Молодая Россія.)	304
VIII. КОНОТЪ ШПОСТРАШНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ. (I. Прусскіе и русскіе обыски. II. Русскіе и австрійскіе обыски. III. Переѣздъ кн. П. В. Долгорукова. IV. Наказанное злодѣяніе. V. Прекращеніе газеты „Сіонъ“).	328
IX. ЗАМѢТКА. (Для е. в. Александра Николаевича.)	331
X. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. (см. на оборотѣ).	

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Статья Л. П. Блюммера.

Всякое государство, съ научной точки зрѣнія, есть организмъ. Этотъ „ипохондрическій максимъ“ Искры совершенно вѣренъ, хотя, при тупоумномъ его пониманіи, можетъ вести къ дикимъ доводамъ и печальнымъ послѣдствіямъ. Государство есть организмъ, — но изъ этого опредѣленія еще не слѣдуетъ, что это есть здоровый организмъ, безъ всякихъ аномальныхъ явленій, что это не есть организмъ, заключающій съ самой своей сущности разлагающіе элементы; изъ этого еще не слѣдуетъ что у этого организма составныя части не заражены мѣстною болѣзнью, что у этого организма не могутъ быть механическія прилѣпки. Слово „организмъ“ слишкомъ обще. Въ самомъ дѣлѣ, — что такое государственный организмъ? Взаимнообусловливаемое соединеніе народа подъ властію, на извѣстномъ клочкѣ земли, терминологически обозначаемой словомъ территорія. Власть, территорія и народъ — это существенные элементы государственной жизни. Но эти элементы тогда только соединены жизненною связью, то есть тогда

только представляютъ органическое соединеніе, организмъ, когда власть соотвѣтствуетъ народу, выходитъ изъ послѣдняго, когда принципъ власти облекается въ удовлетворительное представленіе. Разбойникъ, властвующій въ извѣстный моментъ надъ моею жизнью, есть тоже власть даннаго момента, — но существуетъ ли между нимъ и мною хоть какое бы то ни было органическое единство? Нѣчто подобное смѣшно и думать... Отчего-же не подумать, отчего-же не видѣть, что власть въ государствѣ есть иногда тотъ-же разбойникъ большой дороги, только болѣе объемистый, иначе (а иногда и также) вооруженный? Ставятъ различіе между „истинной свободой“ и „произволомъ“, — отчего-же не видятъ различія между „истинною властью“ и „разбойничьимъ насиліемъ?“ Принимая правовыя опредѣленія, нужно брать и правовые институты. Власть есть въ государствѣ, гдѣ она исходитъ отъ народа, — а иначе — она простое насиліе, самаго гадкаго свойства. Ну гдѣ-же необходимыя качества власти въ насиліи русскихъ императоровъ относительно Польши? Гдѣ органическіе признаки власти въ самодержавіи тѣхъ господъ, которые получаютъ свою корону не отъ любви и отъ воли народа, а изъ несуществующихъ рукъ божіихъ? Государство есть организмъ, но тогда только, когда въ этомъ государствѣ есть органическое единство... Что-же это за единство въ томъ случаѣ, когда интересы власти и интересы народа совершенно различны, когда власть и народъ стоятъ враждебно другъ къ другу? Единство въ то время, когда для народа именно то хорошо, что для правительства, по его личному пониманію, вредно?! Это не единство, а злобная иронія, оскорбительная насмѣшка.

Именно только съ этой точки зрѣнія мы должны бы разсматривать всякое государство, всякую власть, всякое правительство, а слѣдовательно и русское. Но мы, начиная нашъ журналъ, заявили, что будемъ крайне снисходительны, что пріймемъ не чисто-философскій, а исторіко-философскій взглядъ, что мы хотя не довольствуемся настоящимъ, но и не отрицаемъ его безусловно *). Поэтому, желая охарактеризировать современное положеніе русскаго правительства, мы будемъ говорить о немъ не какъ о насиліи, а какъ о власти, не какъ о разбойникѣ, а какъ о правительствѣ. Мы будемъ говорить также точно, какъ и г. Платоновъ, „что верховная власть не можетъ имѣть интересовъ, отдѣленныхъ отъ пользы народа: бѣдствіе подданныхъ — ея горе; народное благосостояніе — ея наслажденіе; а любовь народа — ея слава“. **) Мы не будемъ даже касаться отдѣльныхъ лицъ, какъ частныхъ людей; а постараемся уловить „общій типъ“ нашего правительства, и государственный дѣятель для насъ будетъ не личность, а дѣятель. Но если, при всѣхъ этихъ условіяхъ, при всей снисходительности и малотребовательности, о которыхъ заявляемъ мы, русское правительство вызоветъ строгій приговоръ, жосткое осужденіе, — то понятно, что положеніе его должно быть уже слишкомъ безотрадно и мрачно, слишкомъ унизительно. Пусть поймутъ тогда, отчего у иныхъ накипаетъ желчь, и отчего погдпа государственный дѣятель становится личнымъ врагомъ.

Русское правительство, по своей самодержавной

---

*) Своб. Сл. No. 1. Проспектъ

**) Своб. Сл. No. 3. О необходимости созванія выборныхъ.

сущности, носитъ въ самыхъ основаніяхъ начала надорванности, значительнаго безсилія. Самодержавіе, будучи элементомъ противуобщественнымъ, поставляя прихоть государя за законъ подданнымъ, ввѣряя вѣтви управленія не лицамъ, указаннымъ страною, а миньонамъ, лишаетъ правительство того внутренняго единодушія, которымъ крѣпко и скоро всякое человѣческое дѣло. Какъ самодержавная власть отдѣляетъ правительство отъ народа, такъ въ свою очередь подобное правительство отдѣляетъ и самодержавную власть отъ ея подданныхъ. Государь растетъ, воспитывается, мужаетъ, слагаетъ свои убѣжденія совершенно подъ другими условіями, чѣмъ простой гражданинъ. Его практическія знанія обыкновенно очень ограничены, сфера его жизни совершенно иная. Слѣдовательно, формируя органы своей власти, онъ, неоконтролируемый выраженіемъ народной воли, назначаетъ исполнителей своихъ предначертаній изъ людей, способныхъ по его личному мнѣнію, которое часто діаметрально противуположно съ мнѣніемъ страны. Этимъ неосмысленнымъ выборомъ онъ подрываетъ довѣріе къ своимъ органамъ, самъ въ тоже время окончательно подчиняясь взгляду и сужденію своихъ исполнителей. Разбирать каждое дѣло, иногда требующее спеціальныхъ познаній, онъ не можетъ; слѣдовательно онъ необходимо становится на точку зрѣнія докладчика дѣла; лживый, нечестный, недалекій докладчикъ вліяетъ на него — и самый благонамѣренный государь все болѣе и болѣе не понимаетъ нужды и требованія народа, все больше и больше расходится съ своими подданными, пока, наконецъ, между ними не открывается совершенный разладъ, переходящій въ окончательную, непримиримую вражду. Правительство идетъ въ разрѣзъ

народнымъ требованіямъ; народъ возстаетъ противъ верховной власти. Собственно говоря, въ общихъ чертахъ, это участь всякаго государя, — но фокусъ всѣхъ этихъ недостатковъ заключается въ государѣ самодержавномъ, котораго положеніе также несчастно, какъ и положеніе его народа. Государь конституціонный можетъ провѣрить вѣрность своего взгляда общественнымъ мнѣніемъ, оппозиціею представителей его народа, но до государя самодержавнаго народный голосъ недостигаетъ.

„L'union fait force“ говоритъ бельгійскій инприфтъ. Разладъ порождаетъ безсиліе, надорванность, мѣшающія и развитію силъ народа, и осуществленію дѣйствительно благихъ намѣреній государя. L'union fait force, говорятъ пословицы всѣхъ народовъ, и вотъ именно этой-то силы и нѣтъ у нашего правительства: полное, старческое безсиліе — это его самая яркая характеристическая черта. Безсиліе и надорванность что день — то яснѣе, и скоро-скоро покончатся какимъ нибудь coup-d'état, новою силою, вышедшею изъ народа. Какую бы сторону правительства не подвергнуть самому мирному анализу — всюду увидишь трещины, всюду разорвалось, всюду заплаты на живую нитку, неспособную удержать давленія наиболѣе легкаго. Всюду трещины, разсѣлины, — а народный организмъ съ такими разсѣлинами жить не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возмемъ-ли мы такъ называемую опору престола — войско; кончимъ-ли мы такъ называемымъ врагомъ престола — литературою, — мы нигдѣ не найдемъ искренно преданнаго, сознательно любящаго пріятеля правительства. Войску не довѣряетъ государь; войско государю. Правительство думаетъ, что войско заражается либеральными идеями; въ Апраксиныхъ, Анненко-

выхъ оно видитъ въ нѣкоторомъ родѣ послѣднихъ могикапъ (это напрасно!); войско, въ свою очередь думаетъ, что государь существеннымъ улучшеніемъ его судьбы заняться не хочетъ; что его больше занимаютъ выпушки, чѣмъ солдатская жизнь, — и у нихъ на языкѣ взаимные комплименты, а на душѣ такія раздумья, послѣдствія которыхъ узналъ англійскій Карлъ, когда Шотландцы передали его „кровожадному“ парламенту. Между войскомъ и правительствомъ разладъ — а правительство до того безсильно, что не можетъ перемѣнить расположеніе умовъ даже въ арміи... да что! — не можетъ даже просто матеріально улучшить положеніе и солдатъ и офицеровъ. Умныя головы составляютъ коммиссіи, въ которыхъ въ видѣ улучшенія быта офицеровъ хотятъ запретить послѣднимъ обзаводиться семействами? Какъ будто отъ этого бѣдность! какъ будто этимъ поможемъ дѣлу! Между тѣмъ, если бы наше правительство шло рука объ руку съ народомъ, если бы оно вѣрило народу и народъ ему вѣрилъ, то вѣдь правительству нечего было бы опасаться и войска; государь могъ бы завести не преторіанскія когорты, а войско національное; на его тесѣ не сидѣли бы безсмысленные, безобразные гарнизонные батальоны, негодные даже на рѣзню людей, а не то что для ихъ охраненія; войско заключало бы цвѣтъ молодежи, содержимой и обезпечиваемой народомъ, а не обкрадываемой генералами à la Лидерсъ или Затлеръ. Безсильно правительство не потому, что оно въ разладѣ съ войскомъ; но потому-то оно съ самимъ войскомъ въ разладѣ, что оно въ разладѣ съ народомъ.

Правительство видитъ расколъ — и, сознавая безсиліе духовенства, не надѣется на послѣднее, въ разладѣ

и съ нимъ; а безсильно до того, что не можетъ создать лучшее духовенство, которое побѣдило бы расколъ. Да вотъ вопросъ: откуда взять силу, когда даже расколъ носитъ въ себѣ вдвое болѣе элементовъ политическихъ, чѣмъ религіозныхъ, когда онъ результатъ гражданскихъ безпорядковъ? Духовенство безсильно: число раскольниковъ ежегодно увеличивается. Даже скопцы, по словамъ агента правительства Надеждина, удваиваются въ теченіи 20 лѣтъ. Духовенство совершенно справедливо винитъ въ этомъ правительство; правительство винитъ духовенство — и между ними раздоръ, хоть по существу дѣла — духовенство всегда лучшій слуга абсолютизму.

Русское правительство — абсолютное, а не въ состояніи собрать съ 60 мильоновъ людей и съ неисчислимаго количества земли 300 мильон. р. с., необходимыхъ ему для ежегодныхъ тратъ, въ то время когда Пруссія, имѣющая 16 мильоновъ людей, платитъ болѣе чѣмъ 150 мильоновъ руб. сер.! Гдѣ же тутъ хоть матерьяльная сила у матерьяльно-дѣйствующаго правительства? Русское правительство абсолютное — а не въ состояніи отмѣнить откупа, вредъ котораго само видитъ! Да именно потому-то оно и не въ состояніи этого сдѣлать, что оно абсолютное, что оно безсмысленно затрачиваетъ богатство, тратя самый капиталъ, а не живя на проценты, не усиливая почву, съ которой собираетъ плоды. Богатство народа въ его развитіи; а народное развитіе для абсолютизма — смерть.

Правительство, не отмѣняя откупа, показываетъ недовѣріе къ финансовымъ силамъ народа, и на столько безсильно, что само неможетъ изъискать ихъ.

Даже между русско-нѣмецкою бюрократіею и рус-

скимъ правительствомъ разладъ: правительство теперь само видитъ, что наша бюрократія, заражая народъ, нисколько ему не помогаетъ, — и на столько безсильно, что не въ состояніи замѣнить даже бюрократію чѣмъ нибудь болѣе полезнымъ и практичнымъ.

Не сильно правительство также ни дворянствомъ, ни крестьянствомъ, и съ ними въ такомъ же разладѣ, какъ со всѣмъ остальнымъ. Ни тому, ни другому оно не довѣряетъ, и пока живетъ только ихъ собственнымъ разладомъ. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса — лучшее доказательство нашихъ словъ. Почему правительство не дало крестьянамъ полнаго гражданства? Почему оно не развязало дворянства отъ столкновеній съ крестьянствомъ? Потому-что, по безсилію своему, оно боялось ихъ соединенія и единенія. А чего бы бояться ему, если бы оно было сильно своею правотою? Сильные безстрашны, сильные даже дерзки; только безсиліе хитритъ и царствуетъ по политикѣ divide et impere.

А наше правительство только и держится австрійскою политикою. Само отдѣленное ото всего, со всѣмъ враждующее, оно старается и между другими сѣять раздоръ и вражду. Къ счастью, это и есть лучшее доказательство его собственнаго безсилія, которое является, какъ мы уже сказали, самою яркою характеристическою чертою.

Но говорятъ, что и „знаніе есть сила.“ Въ такомъ случаѣ правительство наше безсильно вдвойнѣ. Мы не предполагаемъ другаго правительства, которому нужды народныя были бы такъ безъизвѣстны, какъ нашему. Это не голословный взглядъ, и его рисуетъ слѣдующій, по нашему мнѣнію, очень замѣчательный фактъ. Въ Россіи, въ тайныхъ типографіяхъ, теперь печатается

много воззваній, прокламацій, манифестовъ. *) и ихъ печатаніе и распространеніе совершается очень искусно. Между прочимъ, одна изъ прокламацій: „Къ Офицерамъ“ появилась въ первый день Пасхи (20 апрѣля), и попала не только въ народъ, но и въ дворцовую церковь. Государь прочелъ ее и заплакалъ. „Что-же они хотятъ отъ меня?“ спрашивалъ онъ у правительствующихъ администраторовъ. Эти слезы и этотъ вопросъ Александра Николаевича столько-же дѣлаютъ чести его чувствительности, сколько не приносятъ чести его сообразительности. Но главное, этотъ фактъ указываетъ, какъ мало знаетъ правительство наше нужды своего народа, какъ ему безъизвѣстна простая потребность свободы и ея условія? Чего-же хотятъ отъ меня! Славный вопросъ! О какой силѣ знанія тутъ можетъ быть рѣчь?! Главу государства нѣсколько строчекъ могутъ привести въ рѣшительное недоумѣніе, къ вопросу о томъ, что люди хотятъ отъ него! Нужно вспомнить при этомъ, что Александръ Николаевичъ, затѣвая освобожденіе крестьянъ, хвастался, что онъ рѣшитъ это дѣло въ шесть мѣсяцевъ. Нужно вспомнить также, что главные двигатели нашего правительства состоятъ изъ г. г. Адлербергов, Паниныхъ, Бутковыхъ, Барановыхъ, — и результатъ получишь на столько грустный, что невольно начнешь жалѣть наше правительство... наиболѣе обиднымъ сожалѣніемъ.

Картина, въ самомъ дѣлѣ, очень грустная, въ которой Charles de Mazade не даромъ нашелъ зловѣщее сходство съ предреволюціонною Франціею. Это именно

*) Объ этомъ см. статью въ нынѣшней книгѣ Свобод. Сл. и въ книгѣ 3я, стр 212—214.

„une monarchie absolue discréditée dans son principe et dans son mécanisme“, не смотря на то, что абсолютизмъ настоящего времени — пилюля все таки подслащенная и менѣе отвратительная пилюль покойнаго императора. Безсиліе власти и ея незнаніе отразились тутъ въ замѣчательно-уродливыхъ изображеніяхъ.

Но въ современномъ положеніи нашего правительства есть еще третья характеристическая черта. Это — кошачья трусливость, соединенная съ непонятною распущенностью. Правительству нашему уже всюду грезятся кровавыя призраки, отъ которыхъ оно прячется, которые ему ненавистны, и за которые оно принимаетъ всякое живое движеніе общества. Какое нибудь столкновеніе, какое нибудь жалкое недоразумѣніе, наконецъ простое заявленіе человѣческаго права — все это имъ принимается за явленія чудовищныя, угрожающія чуть ни высылкою царскаго семейства изъ Россіи. Это не хорошо не потому только, что это трусливо и гадливо, а потому, что печальныя мѣры, принимаемыя по этому случаю правительствомъ, шли и идутъ какъ разъ противъ людей, наиболѣе вѣрившихъ правительству. Правительству снился бунтъ въ крестьянскихъ безпорядкахъ; но что вызвало недовольство крестьянъ? Вѣра въ правительство, вѣра въ то, что обѣщанная имъ свобода должна быть лучше данной полусвободы. Крестьяне вѣрили, что правительство за нихъ; они надѣялись на своего царя, они любили его... а этотъ царь на ихъ любовь отвѣчалъ пролитіемъ крови безоружныхъ людей. Правительство испило крови польской... Но почему поляки возстали за свою свободу? Оттого, что они увидѣли, что они напрасно ждали дѣла Александра Николаевича, которому и они вѣрили.

Правительство испило студентской крови . . . но что было причиною студентскихъ волненій? Тоже вѣра въ государя, тоже мысль, что вѣроятно Александръ Николаевичъ не знаетъ о мѣрахъ противъ бѣдняковъ. Студенты считали государя на столько хорошимъ и просвѣщеннымъ, что не могли приписать ему дикихъ путятинскихъ правилъ. А правительство видѣло въ этомъ бунтъ! Да развѣ могутъ студенты бунтовать, когда они, несмотря на свою молодость, все таки знаютъ — какъ бунтуютъ люди?

Правительство пугается каждой строчки, напечатанной тайно отъ него . . . и оно, въ своемъ старческомъ страхѣ, при сознаніи внутренняго своего безсилія, ссылаетъ, пытаетъ, проливаетъ кровь своихъ подданныхъ. . .

А между тѣмъ — мало минутъ въ исторіи русскаго народа, въ которыя русское правительство могло бы находиться въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ въ настоящее время. У насъ теперь общество на столько сознательно, какъ оно еще никогда не бывало. Въ слѣдствіе сознательности, у насъ нѣтъ теперь исканія дикой, первичной свободы. Даже такъ называемая наша республиканская партія у насъ не въ авантажѣ. О высылкѣ изъ Россіи царскаго семейства думаетъ какой нибудь мальчикъ — и то потому только, что онъ прочелъ недавно о высылкѣ Бурбоновъ. Къ правительству приступаютъ съ требованіями наиболѣе снисходительными . . . . и Россія-ли виновата, что правительство не понимаетъ и не хочетъ понять Россію! Россія-ли виновата, если правительство ведетъ себя на край бездны!

А вѣдь нельзя сказать, чтобы правительство не чувствовало неловкости своего положенія. Оно настолько его чувствуетъ, что начинаетъ заигрывать съ либера-

лизмомъ. Государь, видя, что его реакціонные министры плохуютъ на каждомъ шагу, компрометируютъ его самого, — ссадилъ Путятина, Княжевича, выбросилъ Игнатьева, Наткуля, и впустилъ въ свой кружокъ хорошій суворовскій элементъ и элементы двусмысленные — въ видѣ г. г. Головнина, Валуева, Милютина, Рейтерна. Эти люди, дѣйствительно, умнѣе и честнѣе своихъ предшественниковъ, но они, за исключеніемъ кн. Суворова, и служатъ немаловажнымъ доказательствомъ того, что государь ясно таки не понимаетъ „чего хотятъ“ отъ современнаго русскаго государя. Нужно не либеральничанье, а соотвѣтствіе народнымъ желаніямъ. Теперь государь можетъ вручить министерскіе портфели не только Головнину и т. д., а даже самому богу — и тотъ не удовлетворитъ народнымъ нуждамъ. Народъ и общество ищутъ не одного хорошаго современнаго положенія, которое притомъ безъ радикальныхъ реформъ немыслимо, а и гарантіи своей свободы въ будущемъ. Общество понимаетъ лучше государя, что при настоящихъ порядкахъ сегодня министромъ Головнинъ, а завтра опять можетъ быть Путятинъ; сегодня могутъ объявить, что „надѣются на здравый смыслъ народа“, а завтра преслѣдовать этотъ здравый смыслъ. Народъ хочетъ слушаться царя тогда, когда царь будетъ слушать народъ; а царь хочетъ только приказывать, какъ будто онъ не знаетъ русской пословицы: любишь кататься — люби и саночки возить.

И отчего бы казалось государю не разстаться съ своею непотребною и безсильною властью? Вѣдь смѣшно сказать, — а его положеніе хуже положенія какого нибудь г. Адлерберга, не говоря уже о людяхъ порядочныхъ. Его сила выражается только — съ одной стороны — въ

случаяхъ карательныхъ; съ другой — въ безумной тратѣ народнаго богатства. Онъ не можетъ сдѣлать никакого порядочнаго дѣла, потому-что исполненіе вовсе не въ его рукахъ. Припомнимъ опять крестьянское дѣло, честь зачина котораго безспорно принадлежитъ доброму Александру Николаевичу. Государь въ крестьянскомъ дѣлѣ поднялся цѣлою головою выше нашего общества: общество было противъ реформы, онъ — за реформу. Онъ шелъ на прорѣзъ. Но что же мы видимъ немного спустя? Общество одумалось, тоже пошло за крестьянъ. Казалось бы, при желаніи царя и народа дѣло должно бы кончиться превосходно. Но между царемъ и народомъ стало императорское правительство, и вся царская воля была парализирована, и дѣлу дано было какое-то уродливое рѣшеніе. Правыя и лѣвыя руки царскія, хоть въ родѣ г. Муравьева, разъѣзжали по губерніямъ и волновали старыхъ дворянъ, скрывали бумаги, обманывали и пугали царя. Чисто мошенническія продѣлки г. министра юстиціи Панина извѣстны каждому, кому удавалось только бесѣдовать съ участвовавшими въ коммиссіи. Гдѣ-же тутъ сила? Вотъ тратить милліоны народныхъ денегъ государю не мѣшаютъ. Въ этомъ случаѣ онъ полный владыка, самодержавный государь. Но почему? потому, что это выгодно для царскихъ миньоновъ, потому, что государь народными деньгами платитъ долги г. г. Адлербергова и имъ подобныхъ. А вотъ былъ бы курьозный случай, если бы государь захотѣлъ употребить деньги на дѣло: вѣдь несправился-бы. Пожелай государь открыть два новыхъ университета, — скажутъ: нѣтъ денегъ. А подпиши государь бумагу о выдачѣ 400 т. р. с. г. Адлербергу — деньги найдутся. Вѣдь подобная власть жалка, безнравственна, грѣшна. Приведемъ доказатель-

ства. Государя увѣрили, что для существованія университетовъ необходимъ непремѣнный сборъ денегъ со студентовъ: иначе-де университетамъ держаться нельзя. Но вѣдь сборъ съ 6000 студентовъ составляетъ только сумму около 250 т. р. с., — а пусть государь спроситъ — сколько стоитъ — не говоримъ уже войско, — нѣтъ. — а только подкупъ Nord'a, Indépendance belge, Крестовой газеты, изданіе „Сѣверной почты“, „Нашего времени“, „Russische Revue“. Вѣдь эта сумма далеко превосходитъ 250 т. р. с., сдираемыхъ съ кожи бѣдняковъ-студентовъ! А возьмите третіе отдѣленіе, которое по бюджету стоитъ 835 т. р. с., — вѣдь это сумма бо́льшая въ три раза!

Или, можетъ быть, ду́маетъ онъ, что ему какъ конституціонному государю, не дадутъ тѣхъ дворцевъ, въ которыхъ онъ живетъ теперь; можетъ быть онъ думаетъ, что его семейство не получитъ въ годъ 7.957,905 р. 42 к. с., которые оно получаетъ по тепершнему бюджету? Онъ рѣшительно ошибается: ему больше дадутъ, и главное: дадутъ безъ упрековъ и нареканій. Да наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, — зачѣмъ не поэкономничать? Есть мильоны людей безъ куска хлѣба; есть сотни тысячъ людей, которые не проживаютъ и сотой части того, что проживаетъ Александръ Николаевичъ — и то послѣдніе считаются первыми богачами міра. Государь долженъ вспомнить, что и онъ человѣкъ. Но не нужно забывать и того, что русскій народъ не общитаетъ русскаго государя, особенно — если онъ будетъ его любить. Русскій человѣкъ умѣетъ отдать послѣднюю рубашку, а не то что кусокъ говядины отъ своего обѣда.

* * *

Изъ всякаго положенія есть исходъ, и часто не одинъ. Какой-же исходъ для русскаго правительства изъ современнаго его положенія? Тоже не одинъ. Исходъ зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ; обстоятельства часто зависятъ отъ самаго лица и отъ окружающей его среды. Мы можемъ сдѣлать только нѣсколько предположеній; мы только необходимо должны думать, что современное мрачное положеніе русскаго правительства продолжаться долго не можетъ.

Вопросъ объ исходѣ связанъ съ другимъ вопросомъ: будетъ-ли въ Россіи революція? Можетъ быть, хоть это крайне нежелательно. У революціи снизу рѣдко бываетъ строгая организація, гражданскій и нравственный порядокъ. Революція — печальное историческое явленіе, хотя явленіе иногда совершенно законное. Революція же сверху это – совершенное безобразіе, противъ котораго мы сами, если понадобится, будемъ возставать. Это явленіе совершенно незаконное, никогда непдущее съ народомъ, а вытекающее изъ дворцовыхъ интригъ. Между тѣмъ, у насъ возможна и та и другая революція, обѣ нежелательныя, обѣ неприводящія къ чему нибудь серьезному. Революція-снизу можетъ быть тогда, когда настоящій порядокъ не измѣнится. Александръ Николаевичъ любовь теряетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Упреки ему слышатся во всѣхъ концахъ Россіи. За него только есть одно слово: — онъ добрый человѣкъ. Но тутъ указываютъ на кровь, побоища, ссылки, тюремныя заключенія. Народъ и общество выйдутъ изъ терпѣнія. Общество готово ко всякимъ перемѣнамъ. Крестьяне подымутся по самому даже неправдоподному слуху. Но, несмотря на кровь, которая прольется, несмотря на всѣ

ужасы и жертвы этого возстанія, подобная революція, улучшивъ положеніе Россіи, не приведетъ къ конечнымъ, крайнимъ результатамъ: въ народѣ пойдетъ вражда состояній и сословій, а противъ Россіи двинутся нѣкоторыя западныя державы, и кровопролитная схватка кончится улучшеннымъ компромиссомъ, котораго однако можно достигнуть безъ крови и безъ жертвъ. Жертвы лягутъ на совѣсти Александра Николаевича, который все таки будетъ принужденъ (чего добраго извнѣ) дать, для спокойствія Европы, представительное правленіе. Его легко могутъ заставить разъиграть роль Людовика XVIII и Курфирста Кургессенскаго. Не нужно между прочимъ забывать и того, что отдѣляющаяся въ эту минуту Польша можетъ отвлечь вниманіе Австріи и Пруссіи — и тогда дѣло пожалуй окончится серьознѣе чѣмъ предполагаешь.

Этотъ исходъ при революціи снизу для нашего правительства очень непріятенъ; но онъ не избѣженъ при теперешнемъ statu quo. Его нельзя отвратить либеральничаньемъ. Тутъ для контр-революціоннаго движенія нуженъ тотъ образъ дѣйствій, о которомъ мы поговоримъ въ концѣ.

Революціи сверху — не новость для Россіи: весь XVIII вѣкъ полонъ ими; но взводятся-ли на престолъ, благодаря имъ, публичныя дѣвки въ родѣ Екатерины I., Елисаветы Петровны и Екатерины второй, или Александры-благословенные, отъ нихъ народу нѣтъ никакой пользы. Почему Константинъ Николаевичъ имѣетъ больше правъ на престолъ, чѣмъ Александръ Николаевичъ, почему онъ долженъ смѣстить послѣдняго съ его мѣста, и самъ сѣсть на него — для насъ совершенно не понятно. Обѣщаетъ ли это больше счастія Россіи?

болѣе безопасности? Напротивъ, по нашему мнѣнію, правленіе умнаго генералъ-адмирала сулило бы для Россіи еще болѣе бѣдъ и горя. Это былъ бы другой геніальный Борисъ Годуновъ, котораго тоже „сволокли бы“ съ престола. Было бы безобразно предоставлять судьбу Россіи въ руки ловкихъ интригантовъ. А между тѣмъ, и революція сверху едва-ли не настолько-же мыслима въ Россіи, какъ и революція снизу. Что-что, а честолюбіе у нашихъ великихъ князей и княгинь развито весьма значительно. Многіе больны имъ, и, за исключеніемъ развѣ мирнаго, куръ разводящаго Николая Николаевича, никто не прочь пожуировать на всероссійскомъ императорскомъ престолѣ. Пусть Екатерина Павловна, Екатерина Алексѣевна, Ольга Николаевна были, какъ утверждаетъ любезный кн. П. В. Долгоруковъ, прекрасные люди, но новыя свѣдѣнія, которыя мы получили по поводу опубликованныхъ нами „неизвѣстныхъ заговоровъ“, вовсе не рисуютъ ихъ намъ столько чуждыми политическихъ притязаній, какъ думаютъ иные. Екатерина Павловна и Елена Павловна, говорятъ, двѣ родныя сестры, очень схожія по характеру, а отчасти и по поступкамъ. Что-же касается до генералъ-адмирала, — то вѣдь это совершенный антитезъ бывшему намѣстнику царства Польскаго, и если послѣдній самъ отказался отъ престола, то в. к. Константина Николаевича въ подобномъ смиренномудріи заподозрить нельзя. Но во всякомъ случаѣ исходъ при революціи сверху былъ бы еще плачевнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, и даже нехочется говорить о тѣхъ грустныхъ послѣдствіяхъ, которые бы истекли изъ этого исхода. А современное положеніе правительства такъ мрачно, что можетъ повести и къ нему.

И такъ, мы не желали бы революціоннаго исхода, и потому именно, что мы видимъ возможность мирнаго, честнаго исхода, потому-что изъ всей царской фамиліи Александръ Николаевичъ все таки лучшій человѣкъ. Мирный исходъ возможенъ только при немъ. Состоитъ же онъ въ томъ, чтобы Александръ Николаевичъ пошелъ путемъ закона, а не произвола, чтобы онъ далъ возможность народному голосу достигать до него. Это тотъ исходъ, о которомъ просили государя и дворянство, и общество, и народъ — въ лицѣ тверскихъ и другихъ дворянъ.

Это есть единственно хорошій, спокойный и честный исходъ изъ печальнаго теперешняго положенія. Боятся ли государю этого пути? Когда онъ шелъ въ крестьянскомъ дѣлѣ наперекоръ почти всѣмъ — онъ не боялся за свою жизнь.... а вѣдь тутъ онъ пошелъ бы со всѣми, за исключеніемъ тѣхъ жалкихъ нравственныхъ кастратовъ, которые толкуютъ о просвѣщенномъ деспотизмѣ.... тутъ „благословеніе чадъ“ поддержало бы „домъ отчій“.

Дрезденъ. Май.

КЪ РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ ОТЪ РУССКАГО.

Русское дворянство переживаетъ въ настоящую минуту многознаменательную для него эпоху, — уже отовсюду слышатся толки: быть ему, или не быть; уже большинство голосовъ произноситъ русскому дворянству смертельный приговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, сословія, не принося ни обществу, ни государству никакой пользы, напротивъ, вредя тому и другому своею замкнутостью, едва-ли могутъ вызвать серьозный возгласъ въ свою защиту. Нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ общество безъ существованія сословій. Безсословныя общества уже существуютъ, и даже лучше кастовыхъ государствъ. Гражданское равенство и достоинство съ нихъ распространяются на всѣхъ одинаково — и тотъ божій даръ, который называется талантомъ, какую форму не принялъ бы онъ, не встрѣчаетъ тутъ тѣхъ преградъ для своего проявленія, которыя заграждаютъ ему путь при царствованіи кастовыхъ условій. Охранительныя начала также хорошо совмѣщаются въ естественно-монопольныхъ условіяхъ, какъ-то: въ капиталѣ, въ старчествѣ, привычкѣ,

въ общинномъ устройствѣ, какъ и въ дворянской кастѣ. Аристократія рода и чина нисколько не лучше аристократіи ума и богатства, талантовъ и труда. Слѣдовательно, если русскому дворянскому сословію должно погибнуть — то оплакивать его нечего. Будетъ возможность помянуть его добрымъ словомъ — пусть помянутъ; если-же нѣтъ, — то покойникъ пусть идетъ въ могилу безъ сожалѣній, но и безъ проклятій.

Могила русскому дворянству уже роется. Гробовщиками являются — здравый смыслъ русскаго и время. Можетъ статься, оно рухнетъ очень скоро — и этому поспособствуетъ то положеніе нашего дворянства, которое дѣлаетъ его нисколько непохожимъ на дворянство западной Европы. У насъ, собственно говоря, нѣтъ прямыхъ причинъ для существованія сословій. Дворянство всюду обозначаетъ качества, превышающія обыкновенное гражданство, особыя привиллегіи; а у насъ и самое дворянство не пользуется обыкновенными гражданскими правами. Дворянинъ, по понятію западной Европы, не только полный, самостоятельный гражданинъ, но къ тому-же еще личность, представляющая особенныя, ей исключительно принадлежащія достоинства. Король, по понятіямъ, сложившимся въ основаніе идеи дворянства, есть только первый дворянинъ, старшій между равными (inter pares). По русскому-же міросозерцанію, дворянинъ есть только выслужившійся холопъ царскій. Царь, по этому міросозерцанію, жалуетъ его, надѣляетъ нѣкоторыми правами, которыя совершенно зависятъ отъ его царской воли. Дворянинъ, по русскому міросозерцанію, можетъ быть лишенъ даже того, чѣмъ царь его не жаловалъ и что присуще ему по его человѣческой личности. А такой неопредѣленный регулятивъ,

какъ воля царская, не можетъ быть основаніемъ существованія сословій. Для нихъ необходимъ элементъ и фундаментъ болѣе прочный. Въ Россіи, и въ самомъ дѣлѣ, дворянство только и существовало, благодаря такому сильному и мрачному факту, какимъ являлось намъ крѣпостное право.

Но обращаясь, какъ русскій, къ русскому дворянству, я имѣю въ виду не указаніе важныхъ недостатковъ сословій вообще, пороковъ русскаго дворянства въ частности и т. д. Нѣтъ, я знаю хорошо, что рѣшительно у всякаго факта есть темныя стороны; но я знаю также, что существующій фактъ можно, до его уничтоженія, употребить и не только во вредъ, но и въ пользу людямъ; я знаю, что практическій человѣкъ именно на эту сторону дѣла и обращаетъ свое особенное вниманіе. По этому я хочу указать дворянству возможность практическаго — благотворнаго его примѣненія. Дворянство у насъ еще фактъ; пусть же оно пользуется своимъ существованіемъ, имѣющимися у него привиллегіями — на пользу общую. Несправедливо-предпочтенное передъ другими сословіями, пусть оно пользуется своимъ несправедливымъ положеніемъ, пусть до времени неотказывается отъ него, чтобы при помощи своей привиллегіи, добиться распространенія послѣдней — на обиженныхъ, на всѣхъ.

Прусскій сапожникъ, бельгійскій хлѣбопекъ, англійскій бочаръ собственно имѣютъ правъ больше, чѣмъ высокородный русскій дворянинъ: ихъ ни явно, ни тайно не имѣютъ права высѣчь; въ ихъ дома не ворвутся по разбойничьи блюстители закона; они не будутъ истерзаны безъ приговора суда; ихъ не заставляютъ такъ думать и молиться, какъ они не хотятъ; ихъ не застлятъ

платить что имъ не слѣдуетъ. и, наконецъ, цѣнп общественныхъ условій налагаютъ они по своей гражданской волѣ: ихъ голосъ. при другихъ голосахъ, имѣетъ законодательную силу. Тѣмъ не менѣе, все-же русскій дворянинъ имѣетъ правъ больше, чѣмъ не-дворянинъ: все-же по закону онъ избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія (пока не выпорютъ), отъ военной службы (пока не заставятъ служить); все-же дворянство имѣетъ средство обращаться съ просьбами и указаніями къ верховной власти (когда позволятъ). У другихъ сословій и этого нѣтъ. Купечество лишено послѣдне-указаннаго дворянскаго права. Мѣщанство же и крестьянство лишены самыхъ неотъемлемыхъ, просто человѣческихъ условій жизни. Поэтому, очень естественно, что дворянству передъ другими сословіями представляется большая возможность дѣйствовать, когда дѣйствовать нужно. То, что могутъ сдѣлать крестьянину, — то дворянину не сдѣлаютъ. Положимъ, Михайлова сослали, — но все-же его не разстрѣляли, какъ это сдѣлали съ Антономъ Петровымъ. Пусть мировыхъ посредниковъ Тверской губерніи забрали по крѣпостямъ; все-же ихъ не перебили — какъ это было съ казанскими крестьянами. Если съ дворянской стороны мы видимъ аресты, допросы, ссылки, — то съ крестьянской — мы видимъ кровь не одной тысячи людей; мы видимъ убійства, разстрѣливаніе, потопленіе (не луговъ, а человѣковъ!) Одно другаго не стоитъ: ссылка не замѣнитъ смерти. Такимъ образомъ дворянское беззаконіе — всегда безопаснѣе беззаконія недворянскаго. Притомъ, даже для общества мука дворянская — какъ-то чувствительнѣе, вліятельнѣе смерти крестьянской. Буду говорить откровенно: когда тысячи крестьянъ умирали по Россіи — обществу было тяже-

ло, — но оно не волновалось . . . а какіе сыпались протесты, возгласы, когда отставили Пирогова, или выслали проф. Павлова. (Дѣло Михайлова — иное). Неужели временная немилость правительства къ одному лицу оскорбительнѣе для общества смерти тысячи людей!? Этому, конечно, нужно дать другое толкованіе. Съ натяжкою, его даже можно отыскать: дворянинъ, видите-ли, человѣкъ съ правами гражданскими (jus civile), съ правами опредѣленными (definitum), потому и неуваженіе ихъ оскорбительнѣе неуваженія неопредѣленныхъ прирожденныхъ правъ (jus naturale). Но развѣ право жизни — не гражданское право? Нѣтъ, тутъ просто дворянское привиллигированное положеніе, которымъ нужно пользоваться, потому-что оно дѣйствительнѣе и безопаснѣе. Напрасныя жертвы грѣшны. Надо поэтому дѣйствовать хоть съ меньшею справедливостью, лишь бы съ меньшими въ тоже время жертвами. Надо поэтому, чтобы, при видѣ необходимости и возможности дѣйствій, дворянство, какъ сословіе, болѣе другихъ обезопасенное, дѣйствовало отважнѣе другихъ.

Но мало просто дѣйствовать: необходимо бороться не въ одиночку, не въ розсыпную, а дружно цѣлою массою. Масса всегда сила, которая всюду необходима. Наше правительство крайне слабо, но все таки оно могуче каждаго человѣка порознь. Оно и пользуется нашею разрозненностью; иначе, можетъ статься, очень давно наше правительство имѣло бы другой видъ. Вспомнимъ историческій примѣръ: нѣкогда на русскій престолъ призвали Анну Ивановну, женщину недалекую, привыкшую къ ограниченіямъ еще въ своемъ курляндскомъ захолустьи. Она приняла всѣ условія, которыя ей предписывали; уже самодержавіе чувствовало надъ собою

зубовный скрежетъ смерти.... Но пошли раздоры — и эта слабая бабенка, эта чувственная, пьяная Анна Ивановна, при наставленіяхъ Бирона, скрутила сильную стаю разнузданныхъ бояръ, скрутила бѣдный народъ. Что сдѣлаютъ одному, то десятерымъ уже не сдѣлаютъ. Но если бы, по слабоумію и трусости, даже большинство дворянства пошло бы за правительство, пусть недремлетъ благородное меньшинство, пусть выступаютъ даже отдѣльныя личности. Тверское дворянство заявило себя въ одиночку — и кто измѣритъ то необыкновенное нравственное вліяніе, которое произвело его движеніе!

При дружномъ, отважномъ трудѣ работа пойдетъ споро, какъ бы много ея небыло.... Но окончаніи ея, дворянство могло бы честно сойдти въ могилу, загладивъ свои старые, тяжелые грѣхи...

А работы, дѣйствительно, много, и ее можно бы раздѣлить на предконституціонную и поконституціонную. Время первой — теперь; програма ее — слѣдующая:

1) Окончаніе обязательныхъ отношеній съ крестьянами, при требованіи отъ правительства общей выкупной операціи, съ предоставленіемъ крестьянамъ ихъ участковъ въ полную, безповоротную собственность.

Чего бояться въ этомъ случаѣ дворянству? Окончить ненормальныя отношенія къ крестьянамъ необходимо самимъ землевладѣльцамъ, это ихъ собственный интересъ. Крестьянинъ на помѣщика или плохо будетъ работать, или вовсе не будетъ. Теперь время смутное. А почемъ знать — будетъ-ли въ состояніи правительство и впредь полицейничать надъ народомъ? Если не будетъ, то землевладѣльцы потеряютъ свои имущества даромъ. Лучше поэтому для нихъ своимъ должникомъ имѣть пра-

вительство, а не крестьянина. Требовать же отъ правительства выкупной операціи — дворяне имѣютъ полнѣйшее право: правительство на себя взяло весь отвѣтъ по крестьянскому дѣлу.

2) Готовность участія въ народныхъ тягостяхъ.

Было бы безобразно — подчинить себя подати подушной: человѣку, умирающему съ голоду, пришлось бы платить за то, что онъ живетъ въ государствѣ, доставляющемъ возможность подобной смерти. Но если бы дворянство потребовало своего участія въ народныхъ тягостяхъ, то такъ называемая подушная раскладка не была бы мыслима, подати подчинилось бы дворянское имѣніе, а не дворянская личность: точно также подати перешли бы съ крестьянской личности на крестьянскій участокъ. Дворянство, подчинивъ свои имѣнія подати, собственно говоря, нисколько не потерпѣло бы: оно собою повторило бы тѣ пожертвованія нашихъ купцовъ во время войны, которые, принесши на алтарь отечества сотню рублей, надбавляли по 10 к. с. на товаръ, и получали взамѣнъ сотень тысячи. Дворянскія имѣнія возвысились бы въ цѣнѣ, слѣдовательно результатъ получится одинъ и тотъ же. Только для крестьянъ это было бы не однимъ и тѣмъ же. Да если бы дворянство въ этомъ случаѣ и рисковало, то ему нужно вспомнить, что оно пожертвовало бы меньшимъ во избѣжаніе большихъ жертвъ.

3. Переѣздъ въ провинціи.

Значительнѣйшая и образованнѣйшая часть нашего дворянства стремится въ столицы. Провинціи, изъ которыхъ вывозятъ всѣ матерьяльные способы для развитія общественной жизни, дѣлаются поэтому бездѣятельными, мертвыми, представляютъ собою тяжелую, заѣдаю-

щую среду. Но нельзя же всей русской исторіи совершаться въ Петербургѣ, представляющемъ для всякаго дѣла песочное основаніе. Поэтому образованное дворянство, переѣхавъ въ провинцію, сдѣлало бы важный шагъ для развитія общественной жизни и для собственнаго своего перерожденія. Провинціальная жизнь избавила бы его отъ тѣхъ пошлыхъ требованій и привычекъ роскоши, этикета, въ удовлетвореніи которыхъ проходитъ значительная часть столичной жизни, и на которыя растрачивается значительная часть дворянскихъ состояній. Переѣхавъ въ провинцію, дворянство занялось бы хозяйствомъ, что открыло бы возможность поправить и закрѣпить за собою имѣнія, дало бы дворянству дѣльное направленіе и полезную дѣятельность — и сблизило бы его съ будущими избирателями, т. е. съ прочими классами народа. Дворянство, переѣхавъ въ провинцію, можетъ сильно поднять мѣстныя интересы, около которыхъ могутъ сгруппироваться партіи и начаться дѣятельная жизнь. Тутъ нѣтъ для дворянства ни какихъ опасеній — и очень много шансовъ для развитія необходимаго дѣла.

4 и главное: требованіе, настоятельное требованіе созванія выборныхъ земли русской для составленія земской палаты, ограничивающей власть самодержавнаго императора. Это необходимѣе воздуха. Этого требуетъ общая безурядица и тьма нерѣшенныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ и нельзя поручить самодержавной власти. . . Неужели Россія весь вѣкъ должна остаться при нынѣшнихъ: совѣтѣ и сенатѣ и синодѣ, гдѣ голова тѣмъ выше, тѣмъ тупоумнѣе, выжившѣе? Остаться-ли при теперешнихъ: министерствахъ, III отдѣленіи, цензурѣ, губернаторахъ, судахъ? при теперешнемъ положеніи

народа, котораго еще имѣютъ право безъ суда и сѣчь и забивать?

Остаться нельзя. — а неужели предоставлять все будущее Россіи, сильно зависящее отъ теперешняго ея устройства, всю ея славу и счастіе, — неужели отдать въ руки безпечному самодержцу и безумнымъ министрамъ? Нѣтъ, судьбою народа, кромѣ его самого, распоряжаться никто не имѣетъ права. Поэтому Россіи и необходимы выборные земщины, которые своимъ соборомъ порѣшили бы: какъ быть русской землѣ? Добиваться этого собора революціями — не хорошо, — а безъ революцій кому такъ безопасно, какъ дворянству? Тверское собраніе показало какъ необходимо и можно дѣйствовать — и остается только слѣдовать его примѣру. Правительство струситъ — да къ тому на всѣхъ дворянъ казематовъ не наготовишься.

Да что: правительство уже и теперь труситъ, — уже общій голосъ указываетъ, что 26 августа настоящаго года правительствомъ будетъ обнародованъ новый государственный уставъ. Императоръ даже хвастался, что онъ удивитъ имъ міръ божій. Дай-то богъ! этого желаешь искренно, хотя этому вѣришь слишкомъ плохо. Но какъ бы то ни было, правительство ни въ какомъ случаѣ не удовлетворитъ вполнѣ общества, не уничтожитъ дворянства, — а поэтому — и тому, и другому работы еще останется много. Можно навѣрное предвидѣть, что правительство будетъ даже стараться закрѣпить, закаменить дворянскія привиллегіи, чтобы вновь бросить яблоко раздора между неодноправными членами слишкомъ большой семьи. При такомъ ходѣ дѣлъ — работы будетъ еще больше, вся программа которой состоитъ

1). въ укрѣпленіи конституціоннаго порядка и

2) въ уравненіи правъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы стремиться къ уравненію по максиму, а не по минимуму. Скажу откровенно: лучше видѣть всю Россію, всѣхъ русскихъ съ дворянскими правами, чѣмъ съ крестьянскими.

Укрѣпленіе конституціоннаго порядка въ началѣ потребуетъ огромныхъ усилій общества. Рѣдкое правительство не врагъ своему народу. Русское своему тоже не другъ, т. е. царь не прочь соблюсти выгоды народа, но тогда только, когда онѣ не противурѣчатъ его собственнымъ выгодамъ. Всякій царь очень хорошо знаетъ, что конституціонный, или республиканскій образъ правленія лучше самодержавнаго, деспотическаго; онъ знаетъ это не хуже Лафаэта, Брута и т. д. Но по пословицѣ — своя рубашка ближе къ тѣлу — идетъ наперекоръ воли народа. Поэтому, если какой нибудь изъ царей, принужденный ходомъ обстоятельствъ, дѣлаетъ народу уступки, то обществу слѣдуетъ ихъ беречь ревниво, и никогда не выкидывать камня изъ-за пазухи. Лучше имѣть что нибудь, чѣмъ ничего, потому-что съ чѣмъ нибудь можно защищаться, съ чѣмъ нибудь можно идти впередъ. А чтобы не утерять даннаго, всегда нужно имѣть камень за пазухою. Русскій царь, безъ сомнѣнія, охотнѣе дастъ конституціонныя формы, чѣмъ дѣйствительно-конституціонное управленіе. Поэтому при подобномъ подаркѣ нечего раскисать отъ удовольствія, приходить въ восторгъ, плакать отъ умиленія, — а нужно: адресами-ли, постановленіями, указаніями, просьбою-ли, дебатомъ, или чѣмъ другимъ — а все принуждать царя честно исполнить свои обѣщанія. Когда конституціонное управленіе проникаетъ въ кость

народа, тогда за него бояться не нужно; но прежде этого проникновенія необходимо не только охранять его, но и стараться, чтобы и учрежденія проникающія были достойны, хороши, не внесли въ жизнь народа какой нибудь заразительной крупинки, въ родѣ пролетаріата и т. п. И все таки, даже въ это конституціонное время неуничтоженному дворянству можно будетъ дѣйствовать гораздо безопаснѣе, чѣмъ другимъ.

Но плохо сдѣлало бы дворянство, если бы загордилось своимъ временнымъ положеніемъ, если бы оно окончательно заформовалось, обратилось въ касту, т. е. если бы не поняло своей задачи. Оно увѣрилось бы тогда, что уравненіе сословій — чуть не болѣзнь нашего времени, и сумашедшій припадокъ взволнованныхъ бѣдняковъ можетъ выкосить скверные плевела общественной жизни. Способствованіе уравненію сословій и есть вторая задача по-конституціоннаго дворянства, которое должно вспомнить, что у всякаго лица, физическаго-ли, или юридическаго, должны быть какъ права, такъ и обязанности.

Но наши дворяне прежде чѣмъ дворяне — есть русскіе. Поэтому у нихъ есть возможность дѣйствовать не только какъ дворянамъ, но какъ и людямъ вообще. Благодаря этому, у современнаго русскаго дворянства, въ томъ случаѣ, когда дѣйствія его какъ дворянства непонадобятся, есть великая задача, которую оно необходимо должно помнить. Это: отказъ — въ случаѣ надобности — отъ своего дворянства. Только выбирите для этого практически удобную минуту!...

Москва.

УЛЬТРА-ЦЕНСУРНАЯ КАБАЛА.

(Обращикъ псевдо-либеральныхъ реформъ современно-бюрократическаго характера).

Вступленіе Головнина въ завѣдываніе министерствомъ народнаго просвѣщенія произвело въ первое время весьма благопріятное впечатлѣніе на мыслящее меньшинство русской публики. Причинъ радоваться было не мало. Во первыхъ, въ этомъ назначеніи видѣли окончательное освобожденіе отъ Путятина; во вторыхъ, имъ уничтожался слухъ, что японскій мореходецъ прибуксируетъ корабль русскаго просвѣщенія къ Корфу; въ третьихъ, о Головнинѣ ходили слухи, какъ о человѣкѣ либеральномъ, который, если захочетъ, то съумѣетъ бороться съ разными Валуевыми, Адлербергами, Паниными и имъ подобными — въ интересахъ русскаго просвѣщенія. Такая борьба потому была легче для Головнина, чѣмъ для кого либо другаго, что онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Константиномъ Николаевичемъ и имѣетъ на него вліяніе....

Одновременно съ назначеніемъ Головнина, разошлись слухи, что онъ сильно озабоченъ трагическимъ состоя-

ніемъ отечественной литературы, что всею душою хочетъ помочь русскому слову и старается сблизиться съ лучшими представителями отечественной мысли, чтобъ въ самомъ источникѣ узнать коренныя потребности науки и литературы.... Слухъ этотъ начиналъ ужь оправдываться: Головинъ принималъ къ себѣ писателей, соглашался съ взглядами, которые ему высказывали, заявилъ свое неудовольство противъ существующей системы предупредительной цензуры, и просилъ журналистовъ и литераторовъ помочь ему своими совѣтами въ трудномъ дѣлѣ преобразованія цензуры. Въ отвѣтъ на такой вызовъ Головнина послѣдовало отъ литераторовъ нѣсколько записокъ. Намъ извѣстно изъ нихъ три. Первая, поданная отъ редакцій „Отечественныхъ записокъ“, „Русскаго слова“, „Петербургскихъ вѣдомостей“ и еще двухъ-трехъ журналовъ, раздѣлялась на двѣ части: въ первой излагалась вся нелѣпость современнаго состоянія цензуры; а во второй предлагалась замѣна цензуры предупредительной — цензурою отвѣтственною, съ литературнымъ судомъ и присяжными. Вторая записка, болѣе радикальная, заявляла недовѣріе тому, что будто бы правительство рѣшится измѣнить драконовскій кодексъ своихъ уголовныхъ законовъ, безъ чего она полагала немыслимымъ отвѣтственную цензуру, невыгоды которой прямо обрушились бы на пишущей братіи, и предлагала, до коренныхъ измѣненій въ судопроизводствѣ, ограничиться нѣкоторыми практическими облегченіями и пересмотромъ существующаго цензурнаго устава, но съ тѣмъ, чтобы въ коммиссію для этого пересмотра были непремѣнно допущены члены, выбранные самими литераторами изъ своей среды, — въ равномъ числѣ съ назначенными отъ правительства. Наконецъ, въ третьей

запискѣ, лица, подписавшія вторую записку, заявили, что согласны только съ ея исторической частью, гдѣ описывается горькое состояніе литературы, но полагаютъ, что одно гласное, всестороннее обсужденіе этого вопроса въ печати можетъ привести къ какимъ нибудь положительнымъ, практически-осуществимымъ результатамъ. Въ основаніи этой записки лежала мысль, что если вызовъ правительства — не обманъ и не простой отводъ глазъ, то оно должно неизбѣжно дать такое позволеніе, которое уже было бы серьознымъ доказательствомъ, что оно дѣйствительно искренно хочетъ устроить дѣло къ общему удовольствію. Въ сущности правительство ничѣмъ не рисковало, позволяя свободно, безъ цензуры, говорить объ отмѣнѣ цензуры: оно могло, на основаніи общихъ законовъ, преслѣдовать тѣхъ, кто употребилъ бы это право во зло, и всегда могло взять назадъ это право, если бы увидѣло, что примиреніе между правительствомъ и литературою невозможно. Права этого оно однакожъ не дало — и вотъ чѣмъ разрѣшилась реформа. Во всѣхъ газетахъ отъ 14 марта подъ громкимъ заглавіемъ: „преобразованіе цензуры“ появилась слѣдующая загадка:

Государь императоръ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ е. и. в. въ совѣтѣ министровъ, управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, о преобразованіи цензурнаго управленія, высочайше повелѣть соизволилъ 8-го марта сего года:

I. Главное управленіе цензуры упразднить.

II. Наблюденіе, чтобъ въ книгахъ, брошюрахъ, періодическихъ изданіяхъ, гравюрахъ, эстампахъ и вообще произведеніяхъ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, возложить на министерство вн. дѣлъ, съ тѣмъ, чтобъ о случаяхъ замѣченныхъ упущеній министерство сіе сообщало, для зависящаго распоряженія: а) относительно всякаго рода изданій, изъятыхъ отъ общей цензуры, тѣмъ управленіямъ и вѣдом-

ствамъ, въ вѣдѣніи коихъ оныя состоятъ, б) относительно изданій, подлежащихъ общей цензурѣ — министерству нар. просв., и в) относительно изданій, подлежащихъ духовной цензурѣ — оберъ-прокурору синода.

III. Прочія затѣмъ обязанности главнаго управленія цензуры возложить на министра нар. прос., предоставивъ ему права сего учрежденія и подчинивъ ему непосредственно цензурные комитеты и отдѣльныхъ цензоровъ вѣдомства нар. просв.

IV. Не подвергать вовсе разсмотрѣнію общей цензуры всѣ изданія правительственныхъ учрежденій и губернскія вѣдомости, предоставивъ начальствамъ сихъ учрежденій и губернаторамъ поручать цензурованіе оныхъ лицамъ по своему выбору, съ тѣмъ, чтобъ въ *сомнительныхъ* только случаяхъ лица сіи обращались къ цензорамъ министерства нар. просв., а гдѣ оныхъ не полагается — къ директорамъ училищъ.

V. Сохраняя въ полной силѣ постановленіе, чтобъ встрѣчающіяся, какъ въ книгахъ, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ, мѣста и статьи духовнаго содержанія сообщались духовной цензурѣ, а касающіяся государя императора и особъ императорской фамиліи препровождались на разсмотрѣніе министра импер. двора, постановить, что *по всѣмъ прочимъ предметамъ* министерства нар. просв. только *въ сомнительныхъ* случаяхъ обращается къ другимъ вѣдомствамъ.

VI. Въ слѣдствіе сего, отмѣнить назначенныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ для просмотра статей, касающихся этихъ вѣдомствъ.

VII. Разсмотрѣніе и пропускъ къ печати статей и извѣстій политическаго содержанія оставить на прямой обязанности общей цензуры, во всѣхъ изданіяхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію оной, безъ всякаго участія и отвѣтственности за нихъ министерства иностр. дѣлъ.

VIII. Предоставить управляющему министерства нар. просв. войти въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами, объ изъятіи отъ разсмотрѣнія цензурой изданій разныхъ ученыхъ обществъ и чисто-спеціальныхъ и техническихъ, и заключеніе ихъ представить е. и. в.

IX. Предоставить управляющему министерства нар. просв. составить неотлагательно коммиссію, для пересмотра, измѣненія и

дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, съ тѣмъ, чтобъ заключенія министерства, по соглашенію со П-мъ отдѣленіемъ собственной е. и. в. канцеляріи, представлялись на высочайшее возрѣніе, установленнымъ порядкомъ.

Что-же означаетъ это въ переводѣ на обыкновенный языкъ?

1) За упраздненіемъ главнаго управленія цензуры — поручить полицейскій надзоръ за литературой министерству внут. дѣлъ. (Это могло бы имѣть смыслъ, если бы предварительная цензура была отмѣнена).

2) Права и обязанности бывшаго главнаго управленія возложить на Головнина и замѣнить такимъ образомъ властью лица коллегіальное (какъ оно ни было бы отвратительно) управленіе.

3) Не подвергать предварительной цензурѣ указовъ, приказовъ, извѣстій о подрядахъ (обыкновенное содержаніе правительственныхъ изданій), статьи спеціальныя, если въ эти статьи не входятъ научныя (сомнительныя) разсужденія... Да помилуйте, — цензора и до сихъ поръ только и вычеркивали то, что считали сомнительнымъ. Несомнѣнное, напр. объявленіе о пожалованіи тѣмъ или другимъ орденомъ то или другое лицо, никакая цензура невычеркивала.

4. За исключеніемъ мѣстъ и статей, въ которыхъ говорится объ Александрѣ Николаевичѣ и о духовенствѣ купно съ религіею, что должно сообщаться цензурамъ духовной и придворно-лакейской, — по всѣмъ прочимъ предметамъ, опять-таки въ сомнительныхъ случаяхъ, минист. народ. просвѣщенія должно обращаться къ другимъ вѣдомствамъ: въ жандармскій штатъ, фельдъегерскій корпусъ, III отдѣленіе, придворно-конюшенное управленіе и т. д.

5) Политическая цензура замѣняется общей.

6) Чисто спеціальныя и техническія сочиненія могутъ съ согласія М. Н. П. издаваться безъ цензуры.

7) Учреждается коммиссія, но не для измѣненія цензуры, а для дополненія(?), пересмотра и измѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, подъ предсѣдательствомъ кн. Оболенскаго изъ 4 человѣкъ отъ правительства, съ правомъ предсѣдателя приглашать, если ему вздумается и когда ёму вздумается тѣхъ изъ г. г. литераторовъ и редакторовъ, кого ему вздумается, по тѣмъ вопросамъ, по коимъ синедріономъ признано будетъ полезнымъ знать подробно мнѣнія г. г. писателей (а по какимъ-же вопросамъ безполезно?)

Изъ всего этого слѣдуетъ:

1) Что предварительная цензура остается на прежнихъ основаніяхъ, съ нѣкоторымъ облегченіемъ для статей политическихъ и съ бо̀льшимъ облегченіемъ для тѣхъ статей, изъ которыхъ никакая цензура въ мірѣ не могла бы вычеркнуть ни единой строчки (напр. изъ списка растеній въ руководствѣ къ ботаникѣ), и которыя слѣдовательно въ облегченіи такомъ не нуждаются. Сверхъ того, является надежда, что транспаранты будутъ печататься безъ цензурной подписи.

2) Что къ удобствамъ предварительной цензуры присовокупляются удовольствія цензуры карательной, ибо даже катованное уже отдается подъ отеческое соглядатайство мин. вн. дѣлъ.

И 3) Что статья, по предметамъ, некасающимся Александра Николаевича и религіозныхъ вопросовъ, но разсматривающая какую нибудь изъ благодѣтельныхъ реформъ валуевскаго жанра, и потому, по самому сво-

ему существу, сомнительная, должна совершать, по новому уставу, слѣдующія путешествія: отъ автора къ цензору, отъ цензора въ мин. вн. дѣлъ, и, буде помаранная и изувѣченная увидитъ свѣтъ божій, въ типографію; изъ типографіи въ мин. вн. дѣлъ (для соглядатайства) и въ шпіонницу III отдѣленія (отъ которой, заразившейся книгоманіею, недавно было приказаніе непремѣнно присылать по одному экземпляру каждой книжки каждаго изданія немедленно по выходѣ въ свѣтъ; для чего же, на счетъ издателей, будутъ составляться эти крѣпостныя библіотеки, если III отдѣленіе не думаетъ тѣмъ продолжать тайно полицейской опеки?), — и буде мин. вн. дѣлъ встрѣтитъ какое нибудь опущеніе, то по 1 §. снова должно послать статью въ мин. народ. просвѣщенія. . . . Что за вавилонское столпотвореніе?

---

24 марта воспослѣдовало заявленіе отъ новорожденной коммиссіи, что на первомъ засѣданіи *) она занималась подробнымъ разсмотрѣніемъ вопроса о точномъ опредѣленіи предмета ея занятій и вотъ что, на основаніи заявленія, подлежитъ сдѣлать этой коммиссіи.

Слѣдуя указаніямъ г. управляющаго минист. нар. просв. коммиссіи предлежитъ: 1) Составить проектъ новаго законоположенія о книгопечатаніи для тѣхъ произведеній наукъ, словесности и искусства, которыя изъяты будутъ отъ предварительнаго разсмотрѣнія цензурою (законодательство карательное), и 2) пересмотръ, дополненіе и измѣненіе нынѣ дѣйствующаго цензурнаго

---

*) О судьбѣ послѣдующихъ засѣданій, увы! никому неизвѣстно.

устава, для тѣхъ произведеній, которыя останутся подъ дѣйствіемъ предварительной цензуры. Въ составъ первой части труда коммиссіи войдутъ: 1) Постановленія объ административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ дѣлами книгопечатанія. 2) Постановленія полицейскія о типографіяхъ и литографіяхъ и о книжной торговлѣ во всѣхъ ея видахъ. 3) Постановленія о періодическихъ изданіяхъ, редакторахъ, издателяхъ, залогахъ, штемпелевыхъ сборахъ и пр. 4) Законы о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ, словомъ, письмомъ и печатью, и о наказаніяхъ за оныя. 5) Законы о судопроизводствѣ. Вторая часть труда будетъ заключаться въ составленіи устава цензурнаго. Не предрѣшая нынѣ вопроса о томъ, какія именно произведенія словесности, наукъ и искусства могутъ быть изъяты отъ дѣйствія предварительной цензуры, коммиссія *будетъ имѣть въ виду разработку законодательства карательнаго, независимо отъ постановленій цензурныхъ, въ томъ* предположеніи, что при существованіи полнаго законодательства о книгопечатаніи и при устройствѣ судебныхъ *органовъ преслѣдованія, круга вѣдѣнія* цензурныхъ постановленій можетъ быть сокращаемъ постепенно, по указаніямъ опыта и по мѣрѣ того, какъ новое законодательство утвердится практикою *и перейдетъ въ сознаніе самой литературы.* Гг. члены коммиссіи распредѣлили между собой занятія, для подробной разработки каждаго отдѣльнаго вопроса этого многосложнаго дѣла. *По мѣрѣ изготовленія*, работа каждаго члена будетъ разсматриваться и обсуждаться въ послѣдующихъ засѣданіяхъ. Весьма желательно было бы, чтобы гг. литераторы наши и редакторы періодическихъ изданій потрудились сообщать коммиссіи свои мысли и соображенія по вышеозначеннымъ предметамъ. Желательно было бы также, чтобы литература наша нѣсколько ближе ознакомила публики съ вопросами, до законодательства о печати относящимися. Сравнительное изложеніе законодательствъ другихъ образованныхъ государствъ и теоретическая оцѣнка ихъ могли бы приготовить общественное мнѣніе къ правильному разумѣнію силы и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи.

Изъ этого очевидно:

1) Что коммиссія,

соединившая такъ чудно
цензуру карательную и предупредительную, будетъ изыскивать способы закрѣпить эту двуспальную цензуру на вѣки вѣчные въ удобство и удовольствіе правительства, на вопль и скрежетъ зубовъ писателей.

2) Что кромѣ наказаній за преступленія противъ печати, придумаетъ еще какія-то преступленія противъ слова и наказанія за оныя.

3) Что не предрѣшая вопросъ: какія произведенія словесности, наукъ и искусствъ (?!?!) могутъ быть изъяты отъ дѣйствій предварительной цензуры (повѣсти, фотографическія карточки, драматическія произведенія, или статуи?), коммиссія будетъ имѣть въ виду разработку (только имѣть въ виду, а не разрабатывать?) законодательства карательнаго независимо (независимаго?) отъ постановленій цензурныхъ въ такомъ предположеніи, что когда какіе-то органы преслѣдованія (преслѣдованіе будетъ органическое и систематическое) будутъ устроены, то „кругъ вѣдѣнія цензурныхъ постановленій можетъ быть сокращаемъ постепенно, по указаніямъ опыта и по мѣрѣ того, какъ новое законодательство утвердится практикою и перейдетъ въ сознаніе самой литературы". Что печалиться! Точно литература до такой степени безсознательна, что предварительно нужны постепенныя сокращенія круга вѣдѣнія цензуры и утвержденія практикою законодательства. Если такимъ же образомъ будутъ высказаны и самыя заключенія коммиссіи, то прійдется наряжать другую для истолкованія смысла этихъ реторико-бюрократическихъ гіероглифовъ!

4) Что работы по этимъ вопросамъ будутъ изго-

товляться (точно дамскія шляпки) отдѣльными членами до общаго обсужденія

и 5) недавая никакихъ льготъ литературѣ, правительство, устроивая коммиссіи, весьма желало бы познакомиться знаніями литераторовъ, которыхъ оно приглашаетъ доставлять свои мнѣнія, обѣщаясь, что коммиссія воспользуется тѣми изъ нихъ, какія она найдетъ удобными правительству. Оно желало бы также, чтобы данныя для дѣла, предварительно въ видѣ фактовъ и сравненій постановленій въ другихъ государствахъ, были разработаны въ журналахъ. Вишь чего захотѣла: чужими руками каштанами попользоваться!

Изъ обѣихъ этихъ публикацій очевидно что ни о какомъ серьозномъ преобразованіи цензуры правительство и не думаетъ, и всѣ эти полумѣры ни что иное, какъ только перековка литературы въ новые, нѣсколько-легчайшіе кандалы. Видно, ни Головнину, ни его приспѣшникамъ и въ голову не приходитъ, что русское общественное мнѣніе отвѣтитъ на подобныя реформы не сочувствіемъ, а ненавистью, видно, что имъ и во снѣ не снилось, что свободному русскому слову суждено закрѣпить печатью такого рода мнѣнія и идеи, какихъ до сихъ поръ еще ни одинъ народъ невысказывалъ, и что пока они совершаютъ свою перековку, народъ съумѣетъ самъ сбросить эти кандалы — въ лицо своимъ палачамъ.

КОНСТИТУЦІЯ И СОЦІАЛИЗМЪ.

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ „СВОБОДНАГО СЛОВА“).

Милостивый государь!

Если мы не можемъ не сочувствовать честному, свободно сказанному слову, то не можемъ и оставить его безъ отвѣта, если оно не совсѣмъ согласно съ нашими убѣжденіями. На молчаніе щедро большинство читателей, ради лѣни, душевнаго спокойствія и мудраго правила — въ чужомъ пиру похмѣлье. Ихъ апатія отзывается и на энергіи писателя, покинувшаго въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ свою родину и, стало, далекаго отъ говора домашней критики, хвалебныхъ и бранчивыхъ рецензій и искреннихъ отзывовъ безпристрастной части публики.

Мы ждали выхода второй книжки вашего журнала, чтобы имѣть право сказать объ немъ наше мнѣніе. Она явилась. Направленіе „Свободнаго Слова“ обрисовалось достаточно. —

Вы предлагаете намъ „программу той свободы, которая для Россіи *необходима*“. „Что̀ для нея *возможно*“, объ этомъ, вы, конечно, поговорите впослѣд-

ствія. То, что по этой программѣ будетъ возможно, можно отчасти предвидѣть, имѣя передъ глазами живой примѣръ конституціонной Европы. Но этотъ вопросъ мы пока оставимъ встороне. Теперь намъ хотѣлось бы только поуяснить себѣ, разумѣется съ вашего позволенья, кое-какія изъ положеній проэкта, вами начертаннаго.

Въ § 10 (отдѣлъ 1й) говорится: „Свобода совѣсти, богослуженія и пр. обезпечивается.“ Какъ свобода совѣсти можетъ быть обезпечена, кѣмъ и въ какой мѣрѣ? Если правительствомъ, то какое право имѣетъ правительство вмѣшиваться во внутреннее состояніе человѣка? Обезпеченіе предполагаетъ вмѣшательство, вмѣшательство — насиліе.

Да и сверхъ того, государство обезпечиваетъ свободу совѣсти подъ условіемъ, „чтобы она не противорѣчила отношенію гражданина къ государству и обществу“. Такъ какъ она будетъ очень часто противорѣчить, потому-что людей много и у каждаго своя совѣсть, то и случаевъ вмѣшательства будетъ бездна. Всякій изъ насъ можетъ вѣрить во что ему угодно, признавать данный законъ согласнымъ или несогласнымъ съ совѣстью, но подъ страхомъ нарушенія общественнаго спокойствія долженъ повиноваться этому закону. — Если гражданинъ дѣлаетъ это вопреки своимъ нравственнымъ понятіямъ, то онъ человѣкъ безсовѣстный, хотя и терпимый членъ общества.

§ 11й. „Христіанская религія покровительствуется“. Христіанская религія также дѣло совѣсти, а совѣсти человѣка покровительствовать нельзя. Еще менѣе можно обезпечивать свободу совѣсти всѣхъ гражданъ и покровительствовать свободѣ совѣсти одного изъ нихъ, потому-что покровительствовать одному, значитъ тѣснить

другое. — Чѣмъ наша совѣсть чище и достойнѣе просвѣщенныхъ заботъ правительства совѣсти мусульманина? Если въ религіозномъ спорѣ еврей, человѣкъ логичный, разобьетъ по одиночкѣ всѣ мои доводы въ пользу божественности Христа и боговдохновенія его апостоловъ, то не обратиться ли мнѣ за помощью къ правительству, которое вмѣсто логики пришлетъ мнѣ двухъ жандармовъ? Если, не довѣряя разсудку, мы позволимъ себѣ въ душеспасительной бесѣдѣ неприличные поступки, то они и будутъ судиться, какъ неприличные поступки, безъ всякаго отношенія къ нашей вѣрѣ. Что за покровительство христіанину, наградившему пощечиной брата своего еврея за то, что послѣдній вѣритъ въ обрѣзаніе и не ѣстъ ветчины? Говорю это безъ малѣйшей желчи; намъ жаль разставаться съ послѣднимъ убѣжищемъ отъ недремлющаго правительственнаго надзора — нашей совѣстью, нашимъ посильнымъ сознаніемъ добра и зла. Покровительствуя христіанской религіи, правительство первое будетъ грѣшить противъ закона вѣротерпимости.

§ 18й. „Преподаватели въ общественныхъ учрежденіяхъ считаются на государственной службѣ“ т. е. получаютъ государственное жалованье, чины, ордена, т. е. остаются по старому подъ непосредственнымъ вліяніемъ правительства, въ его кабалѣ. Что стало съ нашими университетами, вамъ извѣстно. Намъ кажется, что одна изъ главныхъ причинъ, въ силу которой они постепенно идутъ къ упадку, это то, что русскіе профессора матерьяльно обезпечены правительствомъ. Увѣренные въ прочности своихъ мѣстъ, они мало дорожатъ мнѣніемъ аудиторіи. Не новость, что въ Германіи приватъ-доценты, существующіе на счетъ слушателей, ста-

рательнѣе и полезнѣе оффиціальныхъ профессоровъ. Не проще ли повернуть дѣло такъ, что правительство обезпечиваетъ неимущихъ студентовъ, какъ вы впрочемъ и сами намекаете на это въ § 17: „Вспоможеніе народному образованію — обязанность государства“.

§ 21. Вы сказали (§ 20й:) „никакая цензура немыслима“ и вслѣдъ за этимъ упоминаете о „злоупотребленіяхъ по выраженію мнѣній“ (видно намъ недостовало репрессивной цензуры!) и даже о наказаніи оныхъ злоупотребленій. Широкое слово . . . Смѣю спросить, какому бы наказанію подвергнули пишущаго эти строки, если, противъ ожиданія, онѣ показались бы вамъ и вашимъ судьямъ рѣзкими и поносными для вашей чести? Разумѣется, полному невниманію и пренебреженію. Худыя мнѣнія частнаго лица безспорно могутъ принести много зла; но исправляются онѣ противудѣйствіемъ общественнаго добраго мнѣнія, а не тюрьмой или денежнымъ штрафомъ. —

§ 24. Почему „политическія общества могутъ существовать только съ надлежащаго разрѣшенія учрежденій, которымъ ввѣряется блюденіе общественой безопасности“ (напр. IIIго отдѣленія?). Тутъ Николаемъ пахнетъ. Что это за прочное государственное устройство, гдѣ подобныя общества могутъ угрожать безопасности гражданъ? Неужели гдѣ заведется хоть одно такое общество, — тамъ сейчасъ и разбойническіе замыслы, покушенія на поджоги . . . точатъ кинжалы, готовятъ яды? . . .

§ 1й и 2й (отдѣлъ 2й.) „Особа государя священна и неприкосновенна; она безотвѣтственна“. Въ наше время такія особы называются кумирами, или по просту куклами. Мы, право, не знаемъ, что съ ними дѣлать. Онѣ

всѣмъ надоѣли. Республика выбросила ихъ давно за окошко. Россіи, вѣрно, еще хочется поиграть въ нихъ. Такъ какъ русскій царь священенъ, неприкосновенъ и безотвѣтственъ, то онъ намъ, людямъ обыкновеннымъ, несвятымъ, человѣкъ чужой, и общаго съ нимъ мы ничего не хотимъ имѣть. Мы не вѣримъ въ магическую силу его подписи, безъ которой никакой законъ не дѣйствителенъ. Существу не отъ міра сего мы не можемъ довѣрить ни войска, ни права объявлять войну, заключать торговые и политическіе трактаты, увеличивать налоги и пр. и пр. (§§ 6, 7, 8, 9). Какую кашу можетъ заварить человѣкъ безотвѣтственный! Вотъ орденами награждать, въ чины повышать, это онъ можетъ дѣлать, если есть досугъ забавляться шалостями. Но „высокое право помилованія“ (§ 11й), какъ исключительное его право, мы рѣшительно оспариваемъ. Въ частныхъ дѣлахъ даже преступнаго характера миловать можетъ и частное лицо. Мы думаемъ, что если царь — самая высшая власть, какая только поставлена отъ народа, то она болѣе другихъ должна быть прикосновенна, т. е. доступна каждому изъ насъ и нести наибольшую отвѣтственность. Всякое лицо власть-имущее ни что иное, какъ лицо, которому мы довѣрили наши интересы, за цѣлость которыхъ оно ручается, если не головой, то добрымъ именемъ, честью. Малѣйшій проступокъ его взвѣшивается строжайшимъ образомъ. То, что отпустится другому, ему зачтется. Государь подлежитъ отвѣту и суду малѣйшаго изъ гражданъ, потому-что малѣйшій наиболѣе нуждается въ немъ. Государь главноуправляющій и наемный человѣкъ. Онъ не имѣетъ права передавать чужое дѣло, чужую собственность, которой временно завѣдуетъ, сыну, брату, женѣ и пр. (§ 18, 23,

24). Онъ состоитъ на жалованьи и никакого блеска, ни парада, ни золотой гвардіи, ни дворцевъ, ни дворни отъ него не требуется.

Какое же однако дѣтское пониманіе вещей, какое отсутствіе правильнаго разумѣнія строя конституціонной машины, уравновѣшиванія противуборствующихъ силъ, властей! скажете вы.

Согласны; но такихъ невѣждъ, какъ мы, — найдете вы многое множество въ числѣ вашихъ читателей и это уже достаточная причина растолковать обстоятельно, по параграфамъ не совсѣмъ ясный для нихъ проэктъ.

Года полтора тому назадъ мы имѣли случай писать въ редакцію „Будущности“. Письмо наше осталось ненапечатаннымъ, потому-что, вѣроятно, было плохо и несоотвѣтствовало духу журнала. Мы говорили тогда, что розовая будущность, которую князь Долгоруковъ пророчитъ Россіи, намъ подозрительна; что конституцію, какъ переходную ступень отъ дикаго петербургскаго управленія къ лучшему порядку вещей, мы готовы принять, какъ неизбѣжное зло; но что вообще мы потеряли вѣру не только въ болото самодержавія и золотую середину конституціи, но даже и въ эдемъ республики. — Съ этихъ поръ прошло много времени. Изъ „Будущности“ вышелъ „Правдивый“: программа журнала съузилась: но журналъ, по нашему крайнему разумѣнію, много оттого выигралъ. Такъ какъ „Свободное Слово“ по направленію своему очень близко подходитъ къ органу князя Долгорукова, то мы должны повторить вамъ съ нѣкоторыми измѣненіями то же самое, что говорили ему, — подъ страхомъ быть вамъ непріятными или показаться непростительно-наивными.

Мы люди безъ средствъ, безъ имени, безъ голоса. Вы имѣете журналъ, которымъ заявляете свои требо-

ванія и желанія. Ужъ если работать въ пользу насъ, мелкихъ людей, то работать не вполовину. Что намъ нужно? Намъ, русскимъ, нужно прежде всего хорошее экономическое устройство Россіи. Какъ ни подновляй, ни чини, ни подкрашивай, ни измѣняй формы европейской политической организаціи, — не въ ней спасеніе новому человѣку. Выведите изъ Рима французскія войска, посадите тамъ Виктора Эммануила, передайте ему изъ рукъ въ руки свѣтскую власть папы, дѣла Италіи, какъ государства, пойдутъ лучше, но какъ страны, — едва ли. Въ Италіи, какъ и вездѣ, неумолимая бѣдность однихъ рядомъ съ безумнымъ богатствомъ другихъ; та же неправда относительно бобылей, горемыкъ, неимущихъ; правосудіе тому, кто въ состояніи за него заплатить; 10 часовъ кровавой работы голодному, 10 часовъ праздношатанія и пищеваренія капиталисту; дѣти блѣдны и тощи, матери шатаются ночью по улицамъ....

Порѣшить эти кричащія дѣла не подъ силу никакому президенту республики, никакому конституціонному монарху, никакому самодержавному деспоту. Но что они не могутъ сдѣлать, сдѣлаютъ люди, ничтожные по власти и имени, честные по убѣжденіямъ, сильные одной любовью къ ближнимъ. Къ тому же если есть матеріяльныя средства, есть даръ слова, свѣдѣнія, такъ больше ничего и не требуется. Пусть пишутъ, учатъ насъ какимъ манеромъ раздѣлаться намъ съ старымъ міромъ, какъ спихнуть этого тяжелаго идола съ его пьедестала?

За вами, пишущими и печатающими за-границей, нѣтъ ни шпіоновъ, ни полицейскихъ ищеекъ; вы широко-свободны въ вашей дѣятельности. За неимѣніемъ оригинальнаго матерьяла давайте намъ переводы на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, кото-

рыя потому только и запрещены у насъ, что лучшіе. Не безпокойтесь, все пройдетъ въ Россію. Каждый изъ насъ провезетъ туда драгоцѣнную ношу подъ носомъ у таможень и жандармовъ. — Но, ради Бога, намъ личностей не нужно. Сплетнями и скандалами кишитъ Россія; мы не знаемъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться дома; для нихъ однихъ гласность у насъ и существуетъ. Но гласностью не проймешь всѣхъ подлецовъ, тупыхъ и злыхъ людей. Знаете ли вы хоть одинъ примѣръ висѣлицы и повѣшеннаго на ней каторжника, который обратилъ бы на путь истины другихъ каторжниковъ? Не убивайте ни дѣломъ, ни словомъ. Человѣкъ убитый словомъ — существо потерянное для жизни. Его клеймо несмываемо. Ему исправиться нельзя, потому-что всѣ лучшіе люди отъ него отшатнулись. И воръ, и подлецъ и разбойникъ — стыдъ общества, въ которомъ они водятся. Всякое преступленіе — ударъ въ набатъ, который долженъ напоминать намъ негодность, ветхость нашего общественнаго зданія. Что тутъ наказывать, кого казнить? Взялъ человѣка, да заперъ его въ темную комнату на хлѣбъ и воду да на столько времени, чтобы у него кровь обратилась въ воду и язвы пошли по ногамъ; убилъ человѣка на площади при стеченіи тысячей преступныхъ зѣвакъ, во имя правды, порядка и человѣколюбія и концы въ воду.... Тонкая юриспруденція! Встарину медицина помѣшанныхъ сажала въ дома умалишенныхъ; нынѣ она догадалась, что помѣшаннаго можно вылечить только посреди умныхъ людей. А юристъ попрежнему шлетъ преступника въ гнѣздо преступниковъ; изъ мелкаго воришки дѣлаетъ убійцу, изъ убійцы — будущую очистительную жертву своихъ юридическихъ заблужденій.

Спасеніе Россіи не въ конституціонномъ, не въ республиканскомъ образѣ правленія (форма правленія вещь второстепенная); ея спасеніе, какъ и спасеніе всей остальной Европы въ правильномъ, соціальномъ устройствѣ, въ примиреніи частныхъ интересовъ съ общими. — Задача огромная. Какъ устроить жизнь Петра, Ивана, мою, вашу такъ, чтобы мнѣ болѣе не представлялось ни повода, ни мысли украсть ваши часы или кошелекъ, такъ что если бы я и захотѣлъ, то не могъ попасть въ острогъ? Какъ сдѣлать, чтобы этому господину показалось отвратительнымъ жить на чужой счетъ и, лежа на диванѣ, собирать проценты съ капитала, оставленнаго въ наслѣдство дѣдомъ или отцемъ? Какъ сдѣлать, чтобы Петръ получилъ средства учиться и развиться на столько, на сколько развитъ Павелъ, чтобы мужикъ Иванъ былъ сытъ также, какъ помѣщикъ Степанъ, потому-что оба, какъ это ни странно, имѣютъ одинаковое право на насущный хлѣбъ и стало на землю, общую нашу кормилицу?

Слова бредни, опять заскрипѣлъ соціализмъ ... красные призраки передъ глазами.... Соціализмъ имѣетъ по крайней мѣрѣ за собою ту заслугу, что никогда не облекался въ замкнутую доктрину, какъ старая наука. Это протестъ, жалоба, крикъ гибнущей души подъ обломками стараго міра (извините за поэтическое выраженіе). Человѣкъ искалъ свободы, колесилъ вправо и влѣво, падалъ, ошибался, натыкался на разныя несообразности, на медовыя рѣки Фурье, на семейные публичные дома Кабе, на таинственный circulus ле-Ру; по дорогѣ собралъ множество драгоцѣнныхъ истинъ, много опытности, но не могъ раздѣлаться съ непримиримою ненавистью къ старой, подгнившей тюрьмѣ, въ которой

провелъ лучшіе года свои. Блуждая въ степи, этотъ человѣкъ ищетъ пріюта: кругомъ страшная пустота; не вернуться же назадъ, можетъ близко до жилья.... Укажите же ему да и намъ кстати, гдѣ пріютиться, за какой рубежъ не переступать? Ваша доля, вожатыхъ, прекрасна и завидна. А вонъ тамъ эти наглые люди смѣются, что бѣдный узникъ бросился изъ окна тюрьмы въ море да со страха и отчаянія чуть не за луну цѣпляется. Эдакій, моль, практическій человѣкъ!

Но это прекрасная мечта, не болѣе.... Да, да вѣдь и мы золотаго вѣка не ждемъ. Его обѣщали намъ люди хорошіе, которые крѣпко вѣрили въ свое обѣщаніе; мы не ставимъ этого имъ въ упрекъ, какъ не ставимъ въ упрекъ Христу, что божественный сонъ его не совсѣмъ осуществился. Что ждетъ насъ впереди, не знаемъ. Хуже теперешняго не будетъ. И такъ во имя свободы и разума въ долгій путь! Но напередъ позвольте намъ распорядиться совсѣмъ этимъ ненужнымъ хламомъ стараго хозяйства, съ этой шутовской царской мантіей, съ этимъ кнутомъ плантатора, съ этой рясой іезуита, съ этой гильотиной юриста, со всей этой негодной кладовой лжи и невѣжества. Намъ не нужна месть; кулаки и кровь намъ противны. Зло не въ людяхъ, а въ неправильномъ пониманіи вещей. Тотъ, кто понимаетъ — прощаетъ. Ведите насъ путемъ мира и правды. Тяжело читать прокламаціи, въ которыхъ ревнители отечественной пользы приглашаютъ перерѣзать столько-то и столько-то народа; но приводить ихъ въ исполненіе еще труднѣе. Мы не проклинаемъ революціоннаго движенія; но не желаемъ его. А наберется черезъ край народной чаши желчи и слезъ — тогда хлынувшій потокъ накипѣвшей вѣками злобы будетъ ужасенъ. Много надѣлаетъ

бѣдъ первый громовый ударъ русской революціи. Нашъ общій долгъ стараться его заблаговременно отразить. „Свободное Слово“ можетъ быть однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ громовыхъ отводовъ, которые кое-гдѣ разбросаны на нашей крышѣ.

Я предвижу одно возраженіе: мы хлопочемъ о конституціонномъ устройствѣ Россіи; правильная конституція не мыслима безъ свободы прессы; будетъ она свободна, будете говорить въ слухъ что угодно, развивать, какія угодно теоріи, хоть соціальныя. Чего же вамъ больше? Согласны; но во первыхъ если конституція не мыслима безъ свободы прессы, то свобода прессы мыслима безъ конституціи; во вторыхъ сколько до перваго непроцензированнаго роднаго листка пойдетъ нашей братьи по міру, сколько слезъ прольется, сколько преступленій совершится?

ОТВѢТЪ НА ПРЕДЪИДУЩЕЕ ПИСЬМО.

Прежде всего мы искренно благодарим русскаго, прислав-шаго намъ только-что напечатанное письмо. На молчаніе щедро большинство читателей, говоритъ онъ; намъ поэтому очень дорого каждое слово, каждое ука-заніе нашихъ ошибокъ. Роль публициста, живущаго внѣ той среды, для которой онъ пишетъ, крайне трудна; за-щищаемые интересы измѣняются ежеминутно; вновь за-родившіяся идеи и потребности не всегда во время мо-гутъ дойдти до самаго чуткаго уха. Критика и анализъ людей самой среды тутъ крайне необходимы: иначе публицистъ начнетъ жить въ мірѣ иллюзій, необыкно-венно-радужныхъ, привлекательныхъ, но невѣрныхъ, не-реальныхъ, — и пропаганда учителя теряетъ часть своей жизненности. Больше и больше провѣрки, больше задачъ отъ общества, больше высказа требованій! Авторъ письма, на которые мы отвѣчаемъ, рѣшительно удовлет-воряетъ желанію, высказанному выше. Называя себѣ человѣкомъ безъ средствъ, безъ имени, безъ голоса, т. е. человѣкомъ толпы, онъ не только анализируетъ сужде-нія публициста, но и самъ предъявляетъ вопросы, тре-

буя ихъ разрѣшенія. Пусть это вопросы и не особенно новые, — но что же дѣлать, если въ мірѣ еще царитъ старое зло? Мы отвѣчаемъ на тѣ, которые по нашимъ силамъ; но считаемъ необходимымъ предварительно оговорить замѣчанія автора письма, относящіяся непосредственно къ „Свободному Слову“.

Авторъ письма дѣлаетъ намъ слишкомъ много чести, придавая „Свободному Слову“ такую важность, которую мы лично не можемъ ему приписать. Быть громоотводомъ революціи, быть наставникомъ общества, — нѣтъ, это слишкомъ громадная задача! Разрѣшить страстныя нужды человѣчества, обратить людей въ ангеловъ, въ существа, которыхъ не возмутитъ никакое злое побужденіе — это работа, надъ которою мы готовы трудиться, но на которую у насъ, по нашему собственному сознанію, нѣтъ никакихъ силъ, хотя и мы сознаемъ всю необходимость и величавость подобной работы. Наша задача несравненно-скромнѣе: основывая „Свободное Слово“, органъ ни отъ кого независимый, цѣлью своею мы поставили — способствовать выраженію общественнаго мнѣнія въ Россіи. „Свободное Слово“ есть тѣ же „Голоса изъ Россіи“, которыя встрѣтили такой почетный пріемъ въ русскомъ обществѣ. Мы не руководители русскаго народа, а его слуги. Авторъ письма, конечно, это замѣтилъ. Если мы помѣщаемъ статьи лицъ, принадлежащихъ къ редакціи „Свободнаго Слова“, то именно потому, что наша редакція тоже состоитъ изъ русскихъ людей, которымъ, какъ и другимъ, позволительно имѣть свое мнѣніе, свое сужденіе. Помѣщая проэктъ русской конституціи, мы не имѣли въ виду закабалить въ наши рамки русской народъ, а только высказать тѣ условія жизни, которыя, по нашему личному мнѣнію,

крайне необходимы и совершенно возможны для Россіи настоящей минуты, такъ какъ при этихъ условіяхъ Россіи представляется возможность самой высказать свои желанія. Мы скажемъ откровенно автору письма, что наши личныя желанія нисколько неумѣреннѣе его желаній, но, не видя возможности ихъ осуществленія, мы смиряемъ ихъ, и работаемъ, по мѣрѣ разумѣнія, не для собственныхъ желаній, а для свободы Россіи. Насъ лично обуеваетъ такой же космополитическій соціализмъ, какъ и автора письма, но мы видимъ, что ратовать за все человѣчество безплодно, и мы, по мѣрѣ силъ, ратуемъ за свободу русскую. Въ далекомъ будущемъ самый принципъ національности замѣнится безспорно болѣе широкимъ принципомъ, мы это знаемъ, — но такъ какъ онъ теперь средство свободы, — то мы стоимъ за него горячо. Мы работаемъ дѣло по нашимъ силамъ, хотя слишкомъ часто жалѣемъ о незначительности этихъ силъ. Лучшимъ же доказательствомъ того, что мы не прочь отъ разрѣшенія болѣе отдаленныхъ задачъ, да сочтетъ авторъ письма наше искреннее заявленіе, что если самъ онъ представитъ разрѣшеніе какихъ бы то ни было соціальныхъ проблемъ — мы дадимъ ему самое почетное мѣсто въ нашемъ органѣ. Что касается до личностей — у насъ ихъ нѣтъ; для насъ всякая личность почтенна... но у насъ есть нѣкоторыя дѣла, которыя выводить на свѣжую воду мы считаемъ не лишнимъ... Клеймить мы никого не хотимъ... Но что же дѣлать, если насъ заставляютъ знать человѣковъ, чтобы свидѣтельствовать о нихъ другимъ людямъ?

Перейдемъ теперь къ замѣчаніямъ автора письма, относящимся къ проэкту русской конституціи.

Авторъ письма удивляется, что свобода совѣсти, богослуженія и пр. можетъ быть обезпечена Кѣмъ и въ какой мѣрѣ? спрашиваетъ онъ. Свобода совѣсти можетъ быть обезпечена какъ и всякая свобода. Свобода совѣсти можетъ быть опезпечена какъ правительствомъ, такъ и сознаніемъ общества. Если вамъ, хозяину, не позволяютъ насильно перетаскивать меня, наемщика, въ свою вѣру — это есть уже обезпеченіе совѣсти. Если вамъ, хозяину, не позволяютъ кощунствовать надъ моими, работничьими, религіозными убѣжденіями — это тоже обезпеченіе, которое можетъ быть гарантировано каждымъ, даже правительствомъ. Тутъ нѣтъ запускиванья грязныхъ лапъ въ чужую душу. Тутъ именно предоставленіе каждому права вѣрить или не вѣрить во что ему угодно. Слово „обезпечивается“ есть ни что иное, какъ конституціонный терминъ, который можетъ быть неизвѣстенъ автору письма, но не составляетъ нашей ошибки. Авторъ письма, между прочимъ, замѣчаетъ негодность нашего выраженія, по которому государство обезпечиваетъ свободу совѣсти подъ условіемъ: „чтобы она не противурѣчила отношенію гражданина къ государству и обществу“. Какъ же иначе? Неужели государство будетъ обезпечивать религію тюкальщиковъ, душяльщиковъ, скопцовъ? Вѣрить или не вѣрить во что ему угодно можетъ каждый, но, изъ-за религіозныхъ убѣжденій, душить или скопить другихъ — никто не имѣетъ права. Этимъ рѣшительно нарушается всякій нравственный порядокъ, который выявляется въ объективномъ правѣ. Жить въ „гражданскомъ“ обществѣ не заставляютъ человѣка. Если же послѣдній живетъ въ немъ,

то естественно подчиняется нормамъ общественныхъ отношеній. —

Христіанская религія покровительствуется, говоритъ авторъ письма, — а покровительствовать совѣсти человѣка нельзя. Почему же авторъ думаетъ, что покровительствовать одному — значитъ тѣснить другаго. Намъ напротивъ кажется, что можно одному покровительствовать — и не тѣснить другаго. Если, напримѣръ, кража денегъ изъ христіанской церкви будетъ преслѣдоваться нѣсколько строже обыкновенной кражи — это будетъ покровительствомъ, и не будетъ стѣсненіемъ совѣсти другаго. Тутъ нѣтъ грѣха противъ вѣротерпимости.

Авторъ письма удивляется и тому, что по нашему проэкту, преподаватели въ общественныхъ учрежденіяхъ считаются на государственной службѣ. Онъ выводитъ изъ этого самыя произвольныя толкованія. Но вѣдь государственная служба можетъ быть и безъ чиновъ, орденовъ, мундировъ. — Заставлять же государство платить за общественное воспитаніе — совершенно естественно и законно. Не каждое общество въ состояніи обезпечить преподавателей и дать имъ послужебную пенсію, которая необходима. Жалованье наставникамъ — это именно видъ вспоможенія народному образованію. Мы не предоставляли контроля въ общественныхъ заведеніяхъ государственной власти, — а платить деньги — считаемъ обязанностью послѣднея.

Авторъ письма нападаетъ далѣе на насъ за то, что, поставивъ кореннымъ правиломъ „никакая цензура не мыслима“, мы говоримъ о злоупотребленіяхъ печати и ихъ наказаніяхъ. Онъ видитъ въ этомъ требованіе цензуры репрессивной. Напрасно. Цензура репрессив-

ная — есть тоже цензура, а мы рѣзко выразили, что „никакая цензура не мыслима“. Злоупотребленія печати могутъ судиться безъ всякой цензуры, судомъ присяжныхъ. Въ какихъ случаяхъ? Мы представимъ вамъ одинъ изъ многихъ. Положимъ, вы были бы купцомъ, прекрасно ведущимъ свои дѣла. Вдругъ какой нибудь Times, имѣющій страшную вѣру въ обществѣ и нелюбовь къ вамъ, напечаталъ бы слѣдующія строки: „Домъ N N прекратилъ платежи“. Довольно этихъ четырехъ словъ Times'a, чтобы вы понесли громадныя потери. Какъ вы думаете: было ли бы это злоупотребленіемъ печати? Необходима ли вамъ судебная защита? А тутъ ни о какой репрессивной цензурѣ нѣтъ рѣчи.

За наше положеніе: „политическія общества могутъ существовать только съ разрѣшенія учрежденій, которымъ ввѣряется блюденіе общественной безопасности“, авторъ письма осыпаетъ насъ самыми ядовитыми упреками. Тутъ Николаемъ пахнетъ, говоритъ онъ. Нисколько. Въ Германіи National-Verein, въ Бельгіи „Либеральная ассоціація“ существуетъ съ разрѣшенія учрежденій, которымъ ввѣряется блюденіе общественной безопасности — и отъ нихъ Николаемъ не пахнетъ. Во Франціи существовала община отца Анфантена, — а вѣдь нашъ проэктъ конституціи нѣсколько по свободнѣе французскаго, и у насъ comité de salut publique не является въ видѣ III отдѣленія. Авторъ письма кинулъ въ насъ громы слишкомъ неосновательно.

Гдѣ авторъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно правъ, — это въ параграфахъ 2го отдѣла. Все, что онъ тутъ говоритъ, есть дѣйствительная — но, къ глубокому сожалѣнію . . . пока еще неосуществимая истина! Отъ слишкомъ, слишкомъ многаго хотѣли бы отрѣшиться

и мы, — но гдѣ исходъ? Что касается до насъ — мы, не смотря на всѣ наши раздумья и исканія, не нашли его. За горечь этихъ раздумій, за тщетность нашихъ исканій, простите наше согласіе на компромиссу философскаго и историческаго началъ человѣческой жизни. Вы вѣдь сами говорите, что порѣшить кричащія дѣла, разрѣшеніе которыхъ представляете намъ, не подъ силу никакому конституціонному монарху, никакому самодержавному деспоту. Мы скажемъ откровенно, что, какъ намъ кажется, они не подъ силу и „людямъ, ничтожнымъ по власти и имени, честнымъ по убѣжденіямъ, сильнымъ любовью къ ближнимъ“. По нашему мнѣнію, они подъ силу одной только жизни, которая раньше или позже сдѣлаетъ свое дѣло, — т. е. приведетъ къ общему нравственному развитію, когда дѣйствительно никто не пойдетъ по міру, когда не будетъ ни слезъ, ни преступленій. Въ свою очередь, наше скромное дѣло: помогать работѣ жизни — и для этой помочи люди самыхъ разныхъ, но честныхъ убѣжденій должны подать другъ другу руки. Надо только сперва добиться хоть до чего нибудь, вооружиться хоть чѣмъ нибудь. По нашему мнѣнію, конституціонное государство въ этомъ случаѣ хорошее оружіе. Какъ бы то ни было, — мы дружески протягиваемъ нашу руку благородному автору письма, вызвавшаго эти объясненія.

О ВОПРОСѢ НАЦІОНАЛЬНОМЪ ВООБЩЕ,

И О РУССКО-ПОЛЬСКОМЪ НАЦІОНАЛЬНОМЪ ВОПРОСѢ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

(Въ поученіе императорскому исторіографу г. Щебальскому).

La question polonaise-russe par P. Schébalski.

Лейпцигъ. 1862.

Не многія изъ брошюръ, трактующихъ о русско-польскомъ вопросѣ, производили на насъ такое безъѣзненное впечатлѣніе, какое производитъ брошюра г. Щебальскаго. Всякія убѣжденія простительны — если они искренни. Православныя тенденціи г. Аксакова, императорскія убѣжденія г. Чичерина крайне-непріятны, — но мы, изъ-за нихъ, никогда не позволимъ себѣ причислять г. г. Аксакова и Чичерина къ писателямъ того отдѣленія, на которое общество должно смотрѣть съ отвращеніемъ. За г. г. Чечерина и Аксакова можно даже вступиться, если ихъ противника забудутъ границы литературной полемики, переведутъ полемику изъ области анализа въ область намёковъ. Лучшее доказательство ихъ чистосердечности — слишкомъ горячая, но крайне неудачная защита своего дѣла. Г. Чичерина, трактующаго о пре-

красности провинціальной жизни на Руси 15 лѣтъ тому назадъ, жизни при крѣпостномъ правѣ и всякаго рода безправіяхъ; г. Аксакова, полемизирующаго съ поляками и евреями, необходимо заподозрить въ ослѣпленіи, но ни въ чемъ нибудь другомъ, недостойномъ порядочнаго человѣка. Другое дѣло г. Щебальскій. Онъ не фанатикъ, не ослѣпленный, онъ слишкомъ умный человѣкъ, воспитывавшійся не книжками Блунчли и не Домостроемъ о. Сильвестра. Ни въ одной его статьѣ незамѣтно и капли увлеченія; г. Щебальскій всегда сохраняетъ приличный тонъ. И главное — онъ не можетъ не знать того, что извѣстно каждому школьнику, только сошедшему съ учебной скамейки. Слѣдовательно, если его статья по русско-польскому вопросу носитъ на себѣ печать незнанія, ярости, — то оба эти качества должно признать недобросовѣстностью, умышленностью; если его статья представляетъ уклоненіе отъ дѣла, непониманіе его — то въ этомъ нужно признать поддѣлку. Въ чью пользу дѣлается эти поддѣлка — сторонникомъ того и нужно признать г. Щебальскаго. Если же этотъ защищаемый господинъ — III отдѣленіе собственной е. в. канцеляріи, то г. Щебальскаго необходимо причислить къ россійско-жандармскимъ писателямъ, — слѣдовательно, къ писателямъ небезкорыстнымъ.

Къ глубокому нашему сожалѣнью, всѣ условія, характеризующія писателя III отдѣленія, представлены г. Щебальскимъ въ его статьѣ по русско-польскому вопросу, и для насъ теперь имя автора этой статьи не разъединимо съ именемъ г. Павлова, издателя „Нашего времени“. Наши слова не голословное ругательство: мы подтвердимъ ихъ фактами, и volens nolens прочтемъ г. Щебальскому лекцію о томъ, что какъ мы увѣ-

рены, г. императорскій исторіографъ самъ знаетъ очень хорошо. Скажемъ только откровенно — намъ жаль г. Щебальскаго, такъ какъ мы любимъ русское слово и русскихъ писателей.

Уже первыя строчки статьи г. Щебальскаго представляютъ положительную безсовѣстность. Онъ утверждаетъ, что ругать поляковъ и коверкать факты по русско-польскому вопросу русскому публицисту совершенно позволительно, потому-что поляки тоже ругаются и имѣютъ кругъ читателей обширнѣе, чѣмъ русскій публицистъ: къ ихъ услугамъ наиболѣе извѣстный въ Европѣ языкъ — французскій, и множество заграничныхъ журналовъ. Русскій-де только и пишетъ что для русскихъ. Слѣдовательно, всѣ шансы на сторонѣ противниковъ. Tous les désavantages de la position se trouvent du coté du publiciste russe. Каверзнѣе подобной уловки мы ничего не знаемъ. Будто г. Щебальскій не понимаетъ, что то-то и важно, что круги читателей русскаго и польскаго публициста совершенно различны. Вѣдь сочиненія поляковъ до русскихъ не доходятъ; а русскихъ — только для нихъ и пишутся. Русская-же публика въ этомъ вопросѣ важнѣе всякой другой. Истина, высказываемая полякомъ, для русскаго уха не существуетъ; а ложь, высказанная русскимъ, на него дѣйствуетъ, вліяетъ неотразимо. Гдѣ же тутъ равенство шансовъ? А самое главное — гдѣ тутъ честное служеніе русскому развитію? Дѣло иное, если бы мнѣнія г. Щебальскаго было бы можно прямо опровергать въ русскихъ журналахъ, подобно тому, какъ оно опровергнется въ „Свободномъ Словѣ“, — онъ былъ бы совершенно правъ, его возгласы о равенствѣ шансовъ не были бы безчестны . . . ну, а можетъ ли онъ при са-

мой полной недобросовѣстности, сказать нѣчто подобное? Нѣтъ. Дѣло иное, если бы г. Щебальскій написалъ самую убійственную статью для поляковъ на французскомъ или на китайскомъ языкахъ, и ее также не допускали бы въ Россію, какъ и статьи опровергаемыхъ поляковъ, — г. Щебальскій былъ бы совершенно правъ, какъ правъ кн. Долгоруковъ, напечатавшій свой La question russo-polonaise, съ которымъ мы нисколько не согласны, — тутъ шансы равны, такъ какъ кругъ читателей одинъ, и можетъ взвѣсить доказательства той и другой стороны, пристать къ той или другой партіи, или осудить обѣ. Г. Щебальскій этого не сдѣлалъ. Дѣло иное наконецъ, если бы г. Щебальскій хотя не вполнѣ, но честно уяснилъ бы своимъ читателямъ доводы противниковъ, — онъ былъ бы хоть отчасти правъ. . . . А у него нарочно подобраны не доказательства, а выходки поляковъ, выходки, осужденныя самими же поляками. Подобными способами пользуется только Аскоченскій, такъ какъ выходокъ не искать стать въ человѣческихъ спорахъ. Какой-то Дмухинъскій читаетъ теперь въ Парижѣ публичныя лекціи, въ которыхъ доказываетъ, что русскіе не славяне, — вѣдь и этою пошлою выходкою можно бы воспользоваться . . . но какой честный человѣкъ обратитъ на нее серьезное вниманіе, станетъ ставлять ее въ обвиненіе цѣлой литературѣ? Поляки могутъ заблуждаться и заблуждаются, предъявляютъ иногда неумѣренныя требованія. Но дѣло честнаго публициста не чернить ихъ за это, а разъяснить недоразумѣніе — и во всякомъ случаѣ вѣрно представить ихъ доказательство. Слишкомъ нескромно ставить себя въ примѣръ, но мы смѣло скажемъ, что напечатавъ статью „Что русскіе хотятъ отъ поляковъ“, мы исполнили долгъ

честнаго публициста. Мы не мирволили заблужденіямъ поляковъ, но ихъ доводы представили en toutes lettres: пусть читатель самъ видитъ доказательства, самъ выводитъ заключенія, самъ рѣшитъ — какая сторона права. Опровергать неправду — долгъ каждаго, но опровергать необходимо честно. Наше уваженіе къ Герцену, Огареву, Бакунину безгранично, но когда намъ показалось ошибочнымъ мнѣніе Н. П. Огарева объ университетахъ, — мы не усомнились дать мѣсто опроверженію, да именно потому, что наши шансы не только были равны, а у „Колокола“ было больше шансовъ: наши читатели одни и тѣ же, но авторитетъ Огарева и кругъ читателей „Колокола“ значительнѣе нашего. Мы не ограничились и этимъ, а перепечатали статью лондонскаго сотоварища. Въ этой же книжкѣ „Свободнаго Слова“ помѣщенъ разборъ новыхъ цензурныхъ положеній, — да помѣщенъ и самый текстъ положеній, хотя это просто излишне. Возмемъ дѣйствія редакціи „Колокола“. Лондонскій журналъ назвалъ московскихъ профессоровъ доносчиками (по нашему мнѣнію — не справедливо); но онъ напечаталъ вполнѣ и тотъ актъ, на основаніи котораго онъ клеймилъ московскихъ профессоровъ: каждый можетъ рѣшить — кто правъ. „Колоколъ“ озаглавилъ одну изъ статей митр. Филарета „духовной барковщиной“, но онъ печатаетъ и самую статью московскаго митрополита, уже предварительно отпечатанную въ какомъ-то россійскомъ журналѣ: пусть читатели провѣрятъ названіе. И этотъ образъ дѣйствій мы вовсе не ставимъ въ заслугу, — такъ какъ это только долгъ каждаго честнаго писателя. Дѣйствуетъ-ли такъ г. Шебальскій?.... Благо бы, будь мнѣнія и доводы польскихъ публицистовъ хорошо извѣстны

русскимъ, — а то вѣдь они — рѣшительная terra incognita. По нашему мнѣнію, поступокъ г. Щебальскаго вреднѣе писаній г. Шедо-Ферроти. Герцена и его убѣжденія знаетъ вся Россія . . . а многіе ли изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей вѣдаютъ о какомъ нибудь „Revue contemporaine“ или „Patrie“? Безсовѣстность г. Щебальскаго въ этомъ случаѣ полная.

А она не единственная: на ней держится вся статья, написанная очень ловко, съ тѣмъ фальшиво-либеральнымъ оттѣнкомъ, какимъ блещутъ неподписанныя передовыя статьи „Нашего времени“. Суть его статьи: значеніе національнаго принципа и русско-польскія національныя отношенія. Мы и укажемъ читателю какимъ благороднымъ образомъ трактуетъ эти вопросы г. Щебальскій.

Question des nationalités, восклицаетъ г. Щебальскій, — question colossale, question terrible!... C'est le levier d'Archimède, qui soulère tout le globe terrestre et renverse l'histoire de fond en comble. И что-же? Г-нъ Щебальскій, провозглашающій, что это дескать le levier d'Archimède — будто бы съ смущеніемъ выражаетъ свое незнаніе основныхъ мотивовъ этого question colossale, question terrible. Въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ онъ наивно, что же составляетъ фундаментъ національной силы? Племенность? историческія воспоминанія? языкъ? вѣра? политическія условія? Но, говоритъ онъ, всѣ эти условія трудно найдти въ соединеніи; а каждое изъ нихъ въ отдѣльности, или ихъ частныя соединенія не разрѣшаютъ вопроса окончательно . . . Французы и Бельгійцы, говоритъ г. Щебальскій, имѣютъ одинъ языкъ, одну вѣру, однихъ предковъ — и не соединются во едино. Италія же напротивъ, пред-

ставляя тѣ же самыя условія для единенія, и тѣ же историческія различности, въ нашихъ глазахъ сплотилась въ одно политическое тѣло. Альзасскіе нѣмцы живутъ очень хорошо при французахъ, и совершенно забыли свою германскую отчизну, несмотря на то, что отдѣлены отъ нея только шириною Рейна. А чехи, уже четыре столѣтія раздѣляющіе политическую участь австрійской имперіи, сохраняютъ свою національную отдѣльность. Какому же закону, спрашиваетъ г. Щебальскій, подчиняются эти противорѣчія? Тамъ протестуетъ исторія противъ племеннаго единства; а тутъ племенное начало возстаетъ противъ исторіи. Наконецъ, вотъ міръ скандинавскій: нѣкогда составлялъ онъ единое политическое тѣло; поздиѣе раздѣлился вполнѣ добровольно на три части, а теперь снова стремится къ единящей славянѣ. Кто же объяснитъ это какимъ нибудь однимъ основнымъ принципомъ, годнымъ на всѣ случаи? Кто намъ скажетъ, подъ какою формою опредѣляются и сплавляются двѣ діометрально-противуположныя тенденціи, замѣчаемыя въ народныхъ инстинктахъ — тенденція сплавленія и отдѣленія, — одну — формующія громадныя массы; другую — разбивающую сплотившееся на небольшія обломки?

На всѣ эти вопросы, говоритъ г. Щебальскій, отвѣтитъ въ одинъ прекрасный день исторія . . . но тогда только, тогда она сможетъ отдѣлить съ надлежащею точностью симпатіи и антипатіи народныя отъ взглядовъ правительственныхъ; когда она будетъ въ состояніи сказать: вотъ что въ данный моментъ требовалъ народъ, и вотъ что совершала политика. Въ настоящее время это еще не подъ силу исторіи, и намъ остается только ограничиться признаніемъ факта, какъ факта, и указать,

что въ XIX вѣкѣ является въ исторіи человѣческихъ обществъ новый и необыкновенно могучій двигатель — элементъ національности.

Какому закону, спрашиваетъ г. Щебальскій, подчиняются подмѣченныя имъ противурѣчія? — и будто бы не найдя рѣшенія, уныженно говоритъ, что это-де разрѣшитъ исторія; тогда-молъ люди и утѣшатся, и узнаютъ почему они сто лѣтъ назадъ дрались на подобіе разъяренныхъ животныхъ. Тутъ, нехотя, начнешь поучать г. Щебальскаго, потому-что онъ говоритъ вещи, непростительныя для школьника, вѣроятно забывъ изрѣченіе своего патрона, что нужно учиться такъ, чтобы языкъ не былъ въ состояніи произнести дикой фразы. Какому закону? Да какому закону подчиняется какое-бы то ни было живое, жизненное человѣческое чувство? По какому закону человѣкъ любитъ, ненавидитъ, желаетъ? По какому закону человѣческія личности иногда діаметрально противоположны, и одна страстно жаждетъ именно того, что другой непріятно? По какому внѣшнему закону одинъ цѣлый вѣкъ безъ устали ѣздитъ, сломя голову, — другой, напротивъ, сидитъ дома сидень-сиднемъ? По какому закону въ нашей жизни случаются промежутки, въ которыя одну и туже личность мы любимъ и нелюбимъ, уважаемъ и презираемъ? Этимъ живымъ накипомъ управляетъ не какой нибудь машинный законъ, а часто невидимая прядь самыхъ тонкихъ нитей жизненныхъ отношеній, иногда случайныхъ обстоятельствъ, которыя не подведешь ни подъ какую машинную рамку, ни подъ какой законъ. Никакое живое чувство не регулируется математическимъ правиломъ; ни отъ какого чувства нельзя требовать тѣхъ признаковъ, которые намъ нравятся. Всѣ-ли люди, любящіе кого ни-

будь, растаиваютъ передъ ликомъ своего „предмета“ краснѣютъ, потупляютъ глаза и т. д.? Нѣтъ: эти признаки могутъ и не быть. Другіе, напротивъ, блѣднѣютъ, или приходятъ въ поэтическіе и непоэтическіе экстазы. Это обусловливается ихъ индивидуальностью, самобытностью. Тоже самое примѣняется къ живому чувству народа. Главное не то, что у народа есть мертвые признаки — вѣра, складъ рѣчи (мы подразумѣваемъ ортодоксію, католицизмъ, протестантизмъ, жаргонъ и т. д.), одни прабабушки и прапрадѣдушки, а то, что въ народѣ есть стремленіе, стремленіе въ настоящую минуту, къ единству или разъединенію. Иначе очень легко было бы составить произвольный списокъ признаковъ и начать волею божіею, слѣдуя ему, соединять и раздѣлять народы. Альзасскіе нѣмцы не хотятъ отдѣляться отъ французовъ, а тутъ какой нибудь верховный совѣтъ, въ родѣ священнаго союза, прорекъ бы: нѣтъ, нѣтъ, — отдѣляйтесь, — у васъ есть всѣ признаки... Да въ нихъ нѣтъ въ настоящую минуту — стремленія къ отдѣленію, что̀ и составляетъ фундаментъ элемента національности, такъ какъ стремится живая нація, вся жизненная ея сторона. Благодаря этому всѣ попытки насильственныхъ ассимиляцій и бываютъ большею частью неудачны. Ассимиляція состоитъ въ пріданіи механически извѣстныхъ признаковъ. И вотъ покойный русскій императоръ какихъ только грязныхъ вещей не дѣлывалъ съ литовцами, чтобы обрусить ихъ: и языкъ ввелъ русскій, и унію, и чиновничество, и законы, безбожно растлѣвалъ и развращалъ юношество, *) но все же это не повело ни къ

*) Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, онъ заводилъ женскіе

чему, потому-что у литовцевъ не было внутренняго стремленія къ совокупному съ Россіею существованію.

Кромѣ того, неужели г. Щебальскій не знаетъ, что въ національномъ стремленіи скрывается большею частью другое чувство: исканіе свободы? Неужели г. Щебальскій не предполагаетъ, что стремясь къ національному освобожденію, народы очень часто въ существѣ стремятся вообще къ свободѣ, къ такому устройству жизни, расположенной по собственному желанію, которое бы (устройство) вполнѣ соотвѣтствовало настоящему положенію народа? Неужели, г. Щебальскій не видитъ, что итальянцы не потому только собрались въ кучу, что они итальянцы, а потому-что они знали, что самое достиженіе свободы иначе не мыслимо? Національность и національныя стремленія, собственно говоря, только цвѣтъ, которымъ окрашиваются требованія свободы даннаго времени. Если г. Щебальскій представитъ себѣ на землѣ полное довольство, отсутствіе утѣсненій со стороны правительствъ, то, право, онъ представитъ себѣ общества космополитическія, немечтающія о національныхъ отличіяхъ. . . .

Гдѣ-же тутъ невозможность пониманія принципа національности? Что это за головоломный вопросъ, на который можетъ отвѣтить только исторія? Нѣтъ-съ, вѣдь это все вещи школьничьи — и г. Щебальскій могъ только намѣренно напустить себѣ въ глаза туманъ. . . . Съ какою-же цѣлью? Цѣль г. Щебальскаго очень хитра: отговариваясь непониманіемъ самаго принципа, г. импе-

---

пансіоны (извѣстенъ особенно одинъ — но его называть не ловко), въ которые пріѣзжалъ развратничать съ 16 и 15 лѣтними дѣвочками.

раторскій исторіографъ совершенно естественно коверкаетъ русско-польскія національныя отношенія, сводитъ вопросъ на мелочи, на выходки, на увлеченія той, или другой стороны. Г. Щебальскій, начиная съ одной милой загадки, потомъ задаетъ себѣ другую: въ чемъ состоитъ національный вопросъ для Россіи и Польши? Чтобъ объяснить послѣднее, повѣствуетъ россійскій исторіографъ, я въ видѣ введенія позволю себѣ разсказать слѣдующій дѣйствительный случай:

„Въ одномъ изъ маленькихъ городовъ, сосѣднихъ Литвѣ, я встрѣтилъ въ обществѣ директора городскаго училища. Замѣтивъ въ его произношеніи нѣкоторыя неправильности, я спросилъ его — изъ какихъ онъ мѣстъ. Изъ Польши, отвѣчали мнѣ. — Изъ Варшавы? — Нѣтъ, изъ Полотска.... И такъ, Полотскъ, по мнѣнію этого наставника юношества, есть Польша? Полотскъ! современникъ Новгорода и Ладоги — русское княжество Рогволода и Изъяслава!!... Въ этихъ словахъ моего случайнаго знакомаго лежитъ основаніе русско-польскаго вопроса“.

Читатель, безсомнѣнія, удивляется. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ тутъ основаніе русско-польскаго вопроса? Изъ того, что господинъ изъ Полотска считаетъ себѣ поляком ъ еще ничего не слѣдуетъ; изъ того, что Полотскъ принадлежалъ тысячу лѣтъ тому назадъ полумиѳическимъ Рогволоду и Изъяславу — еще не слѣдуетъ, что онъ русскій городъ. Иначе думаетъ г. Щебальскій, и начинаетъ съ ужасомъ разсказывать, что-де поляки, какъ свидѣтельствуетъ разсказанный случай, имѣютъ притязанія на всю Бѣлоруссію и полуденную Россію до Двины и Днѣпра.

Не знаемъ какъ другимъ, а намъ кажется, что если бы

двухъ боровшихся господъ мы спрашивали о причинѣ драки — и получили бы въ отвѣтъ отъ одного: „потому-де, что его противникъ уже въ дракѣ ударилъ его нѣсколько разъ“, — то подобный отвѣтъ намъ не показался бы удовлетворительнымъ. То, что случилось въ дракѣ, то не могло быть ея поводомъ. Это не больше какъ частность, обстоятельство драки — а не ея основаніе. А г. Щебальскій подобное обстоятельство, случившееся post factum, ставитъ за фундаментъ — и разумѣется, разитъ поляковъ. Сдѣлай онъ это безъ задней мысли — онъ показалъ бы себѣ только тупоумнымъ господиномъ, неспособнымъ отличить причинъ отъ слѣдствій. Но было бы ребячествомъ считать г. Щебальскаго за человѣка хоть сколько нибудь простодушнаго. Это просто желаніе замутить вопросъ, т. е. повести дѣло нечестно. Г. императорскій исторіографъ очень хорошо знаетъ, что вопросъ и юридически, и философски, и исторически долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ:

Въ чемъ состоитъ русско-польскій вопросъ?

— Въ стремленіи поляковъ добиться свободы.

Положенія о томъ, — какую форму пріиметъ эта свобода, на какое пространство должна размахнуться она подъ польскимъ національнымъ кровомъ — это положенія второстепенныя, которыя рѣшать не можемъ ни мы, ни г. Щабальскій. Намъ необходимо добиваться только осуществленія этого стремленія; намъ позволительно только высказывать условія, при которыхъ народная воля можетъ высказаться справедливѣе и дѣйствительнѣе. Никакой диктаторской власти никто неможетъ на себѣ принять; подчеркъ нашего пера еще ничего не значитъ. И споръ — о будущей судьбѣ на-

рода смѣшно рѣшать на основанія антикварскихъ доказательствъ. Въ великихъ историческихъ явленіяхъ важнѣе всего живое сознаніе народовъ, а не выписки изъ лѣтописей, повѣствующихъ о Рогволодѣ и Изъславѣ. До послѣднихъ господъ и русскимъ мало дѣла; полякамъ-же и Европѣ — и вовсе нѣтъ. Поэтому, истинно-честному публицисту необходимо заботиться не объ историческихъ или произвольныхъ доказательствахъ извѣстной принадлежности той или другой области, того или другаго города, а объ отысканіи для этихъ городовъ способовъ и возможности лучше устроиться, по ихъ собственной волѣ, такъ какъ Милль говоритъ совершенно вѣрно, что тотъ образъ жизни самый лучшій, какой установленъ самою индивидуальностью. Толковать же — на которой верстѣ отъ Варшавы должна установиться польская граница — это значитъ только затмѣвать вопросъ, запутывать умы тѣхъ, которыя вѣрятъ авторитету и ловкой, хоть можетъ быть нечестной, діалектикѣ писателя. Это значитъ, по нашему мнѣнію, дѣлать дѣло безсовѣстное.

А г. Щебальскій — отдаемъ ему полную справедливость — полемизируетъ очень искусно. Онъ, по видимому, играетъ роль защитника несправедливо-угнетаемыхъ, роль защитника **русскихъ отъ полонизаціи**. Задача, по видимому, прекрасная, достойная честнаго писателя. Но вотъ вопросъ: что это за русскіе, которыхъ берется защищать г. Щебальскій? Это — литовцы, племя, мало похожее на польское, но еще менѣе на русское, въ которомъ однако безспорно въ тысячу разъ больше симпатій къ полякамъ, чѣмъ къ намъ. Честна-ли въ такомъ случаѣ защита г. Щебальскимъ литовцевъ отъ полонизаціи, при замѣнѣ послѣдней русизаціею? Честно-

ли дѣлаетъ г. Щебальскій, вытаскивая Литву изъ польскихъ объятій и всовывая ее въ жосткія русскія объятія? По нашему мнѣнію — нѣтъ. Тотъ, кто не любитъ насилія, тотъ не любитъ его въ какой бы оно ни являлось формѣ. Защищать одно насиліе противъ другаго — значитъ только, — быть холопомъ послѣдняго. Защищать словомъ жосткія объятія III отдѣленія, защищать объятія уніи, православія, чиновничества — значитъ, — быть жандармскимъ писателемъ, какимъ и является г. Щебальскій.

Нашъ приговоръ жестокъ — и, не скроемъ, намъ слишкомъ тяжело произносить его, особенно надъ лицомъ, которое своими дарованіями могло бы вызвать иной приговоръ. Но какая-же темная сила заставила г. Щебальскаго написать его недобросовѣстную статью, разбираемую нами? Какая сила еще раньше заставила г. Щебальскаго утверждать, что доносы — это одно изъ свойствъ русскаго народа?

Скажемъ откровенно, намъ слишкомъ жаль г. Щебальскаго, который вмѣсто вреда могъ бы приносить пользу (мы этимъ вовсе не говоримъ, что только наши мнѣнія полезны — боже храни!). Намъ слишкомъ жаль г. Щебальскаго, и мы предпочли бы ошибиться и извиниться, чѣмъ еще разъ подтвердить теперь высказанное мнѣніе, что г. Щебальскій принадлежитъ къ сонму г. г. Павловыхъ, Никитенокъ, Арсеньевыхъ. Вольфзоновъ, Шедо-Ферротей и т. д. Но это зависитъ не отъ насъ, а отъ самого г. Щебальскаго.

НОВЫЯ ПРОКЛАМАЦІИ,

НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ ТАЙНЫХЪ РУССКИХЪ ТИПОГРАФІЯХЪ.

Юпитеръ, чтобы понравиться Данаѣ, обратился, какъ извѣстно, въ золотой дождь. Свобода въ наши дни, чтобы увлечь Россію на путь прогресса, превращается въ дождь печатныхъ прокламацій, которыя, къ немалому сокрушенію г. оберъ полицмейстера Анненкова, сыплются на нее съ крайнимъ изобиліемъ. Въ 3й книжкѣ „Свободнаго Слова“ была уже перепечатана одна прокламація: „Къ Офицерамъ“, написанная превосходно. Въ настоящей книжкѣ нашего журнала мы перепечатываемъ еще три — не потому, чтобы считали ихъ образцовыми и особенно важными, но какъ выраженіе тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя вызываются современнымъ мрачнымъ состояніемъ Россіи. Самые листки могутъ быть написаны и плохо и безтактно, но это нисколько не отнимаетъ у нихъ значительности, какъ отчаяннаго крика, вырывающагося прямо изъ груди, въ которой накипѣла месть и желчь за всѣ перенесенныя и переносимыя оскорбленія и утѣсненія. Напротивъ, безтактность, неумѣренность должны обратить особенное

вниманіе. Лица и кружки, печатающія подобныя прокламаціи, естественно наиболѣе рѣшительные дѣятели .... а зачинъ каждаго дѣла всегда принадлежитъ людямъ рѣшительнымъ.... Какъ же правительство на столько близоруко, что несоглашается удовлетворить мирныя, законныя требованія общества и народа, подвергая себя всевозможнымъ случайностямъ? Намъ вообще жаль людей, но намъ особенно отвратительно отдавать судьбу дорогой Россіи въ руки фанатиковъ или интригантовъ. Всякія поползновенія на власть диктатуру и деспотизмъ намъ рѣшительно чужды, — мы хотимъ царства не своей, а всенародной воли, т. е. мы хотимъ только того, что хочетъ народъ, — и правительство не внемлетъ, подвергая и себя и народъ возможности кровавой рѣзни, проповѣдываемой въ одной изъ печатаемыхъ прокламацій.... Зачѣмъ же это? Говорятъ, государь учредилъ особенный секретный комитетъ для охраненія своей особы, комитетъ, состоящій изъ Суворова, Анненкова и шефа жандармовъ, — но не лучше ли, если бы государь охранилъ себя любовью народною? Три лица и нѣсколько вѣрныхъ (à la Шервудъ) ротъ солдатъ не укроютъ его отъ напора недовольныхъ массъ народа; а массы народа укроютъ его отъ всякихъ центральныхъ и нецентральныхъ революціонныхъ комитетовъ. Стыдно вамъ, государь, разъигрывать роль Франциска II. —

Первыя двѣ прокламаціи мы перепечатываемъ безъ всякихъ замѣтокъ: онѣ говорятъ дѣло, требуютъ того, что должно и что можно; но къ прокламаціи подъ названіемъ „Молодая Россія“ мы считаемъ необходимымъ присоединить кое-какія замѣчанія.

Прежде всего мы могли бы причислить этотъ маля-

фестъ къ изданіямъ реакціонной партіи, желающей скомпрометировать современное русское движеніе и запугать правительство неограниченностью требованій партіи движенія впередъ. На подобныя штуки пускалась нѣкогда, именно въ 48 году, реакціонная партія въ Пруссіи. Она издавала тайный журналъ, неизвѣстный публикѣ и издававшійся только для короля, въ которомъ требованія демократической партіи доводились до того, что высказывалось отъ имени демократовъ — будто бы они будутъ вѣшать на фонарныхъ столбахъ каждаго, одѣтаго въ порядочный сюртукъ. Подобными нелѣпостями пугали и возбуждали короля. Въ этихъ продѣлкахъ принималъ особенное участіе нѣкто гофратъ Шнейдеръ, прыгнувшій изъ канатныхъ плясуновъ въ королевскіе чтецы и нынѣ занимающійся экстрацензурою русскихъ книгъ, печатаемыхъ за-границею. Мы могли бы приписать къ подобнымъ продѣлкамъ и „Молодую Россію“, если бы только не знали: какое дѣйствительно-существующее общество выпустило ее. А намъ оно, если не ошибаемся, коротко знакомо. Мы и поведемъ бесѣду съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ, который не укроется тѣмъ, что такъ величаво и такъ задорнорѣзко трактуетъ наше дѣло.

Ваши попытки, господа, дѣйствительно внушены любовью къ народу; мы знаемъ это — и не отрицаемъ. Для чего же вы взводите на насъ, конституціонистовъ, клевету, что мы оттого только требуемъ конституціи, что у насъ отняли право на даровую работу? Полноте, милые, хорошіе люди! У насъ поползновеніи на даровой хлѣбъ, на власть — далеко меньше чѣмъ у васъ. Мы, конституціонисты, хотимъ воли народной, удовлетворенія народныхъ требованій, а вы хотите владычества

вашей личной воли: передѣла земли — вы хотите такого, какъ вамъ желательно, распредѣленія податей такого, какое вамъ понутру, желаній отъ народа тѣхъ, которые у васъ, выборовъ подъ вашимъ вліяніемъ, крови враговъ вашихъ; вы хотите быть деспотическимъ правительствомъ — мы не хотимъ. Кто же больше любитъ власть, кто охотнѣе идетъ на даровые хлѣба? Вы сами говорите, что „твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно-скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Національное собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если они только останутся живы)“... Вы говорите это откровенно — и сдѣлаете это; мы и не говоримъ, и не сдѣлаемъ, потому-что намъ отвратителенъ всякій деспотизмъ. Вы хотите быть насильно благодѣтелями, но кто знаетъ: пожелаетъ ли народъ вашихъ благодѣяній, и съ какой стати вы хвалитесь, что вы лучше другихъ, что вамъ можно вѣрить тогда, когда другимъ не вѣрить? Напротивъ, человѣкъ, который говоритъ: „Помни, что тогда кто будетъ не съ нами — тотъ будетъ противъ; кто противъ — тотъ нашъ врагъ; а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми способами“ — не заслуживаетъ никакого довѣрія, и на его благодѣянія разсчитывать нельзя. Тотъ человѣкъ, который говоритъ: „въ топоры“ „бей“,

вѣдь ни что иное, какъ то же III отдѣленіе, умѣющее бить отлично. Согласитесь, милые люди, что быть биту вами, или жандармомъ — одно и тоже. Вы, конечно, скажете, что бить будете только до поры до времени, до тѣхъ поръ пока на землѣ не настанетъ общее братство. Да, полноте: кто поручится, что это не будетъ безконечно. И развѣ можно возродить въ людскихъ сердцахъ братство кровью и побоями? Развѣ тотъ способенъ на братство, кто проповѣдываетъ кровавую месть, кому не жалко ни правыхъ, ни виноватыхъ? Разбойничать потому, что другіе несогласны съ вашими убѣжденіями — это просто мерзость, таже тайная полиція, таже инквизиція.

Вы идете за народъ — и идете противъ него: какъ совмѣстить это? Вы идете за развитіе — и другихъ общинъ кромѣ земледѣльческихъ не признаете: это вѣдь, добрые люди, чистое противорѣчіе. Вы идете противъ общества, противъ литературы, противъ всего образованнаго, идете за народъ, и говорите такимъ языкомъ, который народъ не пойметъ, — это смѣшно. Вы всовываете въ ротъ мужику возгласъ: „да здравствуетъ соціальная, демократическая республика русская!“ а это для него мѣдь звѣнящая, пустыя звуки... Соціализмъ, демократизмъ, республика! да, столько лекцій вы должны прочесть народу, чтобы растолковать ему простое, обыденное значеніе этихъ словъ? А вы на слова — соціализмъ, республика, демократія хотите подцѣпить старообрядцевъ!.. Пусть они ненавидятъ правительство, да вѣдь они ненавидятъ и васъ, восклицающихъ: „да здравствуетъ соціальная демократическая республика русская!“ Если они враги правительству — они враги

и вамъ . . . . а вы такъ дѣтски расчитываете на нихъ; вы хвалитесь знаніемъ народныхъ нуждъ!

Вы говорите, что ваши союзники молодежь и офицеры. . . . Обманываетесь, милые . . . . или представьте доказательства. Между вами, положимъ, есть и молодежь и офицеры — да сколько? Развѣ вся молодежь, всѣ офицеры? Полноте.

Но какъ бы далеко не шли ваши возгласы — мы не сердимся на васъ, а жалѣемъ. Вы совершенно законное, хотя и уродливое чадо современныхъ безпорядковъ. Вы собственно говори, кромѣ топоровъ и рѣзни, — да вашего царствованія, что̀ принадлежитъ только вамъ, — въ существѣ требуете того же, чего и мы: землю для крестьянъ, народный судъ, выборное управленіе, равномѣрное распредѣленіе налоговъ, порядочнаго воспитанія дѣтей, освобожденія женщины, уничтоженія монастырей, уменьшенія солдату срока службы, независимости Польши и Литвы. Этого добиваемся и мы, конституціонисты, — только вы своимъ требованіямъ даете нечеловѣческую форму, вы требуете крови для того, чего можно добиться безъ крови. Кто изъ насъ правѣе — должны рѣшать не мы сами, а народъ. Онъ и скажетъ: кто правъ. Замѣтимъ только одно, что если вы справедливо упрекаете правительство за тюремныя заключенія, ссылки, смерть, — то вѣдь и правительство, наше грустное, всѣми нелюбимое правительство, — можетъ совершенно основательно упрекнуть васъ тѣмъ же самымъ.

Оставляя „Центральный революціонный комитетъ“, мы скажемъ нашему правительству, — что именно оно виновно въ появленіи манифестовъ à la „Молодая Россія“: будь у насъ гласный судъ и небоязнь слова —

подобныя явленія совершенно-искренно осмѣивала бы вся русская журналистика, начиная отъ Вадуевской библіотеки и кончая современникомъ геніальнаго Добролюбова.

I. РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти.

Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро, и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки, при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами, и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подоб-

ными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно—убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль! — она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроти, ему не вполнѣ удалось замаскировать и предать посмѣянію подобную мысль.

Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши, пока, еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но вѣроятно Герценъ не преминетъ дать пощечину въ своемъ „Колоколѣ“ какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству.

Интересно бы знать, во сколько обходится это покровительство? (Примѣч. прокл.).

Печатано въ Петербургѣ.

II. ЗЕМСКАЯ ДУМА.

Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, разоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія, — земская дума. Цѣль ея:

Полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и

созваніе земской думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для составленія новаго „Уложенія“ и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

На дняхъ бывшее Общее Собраніе Думы изъ депутатовъ отъ всѣхъ областныхъ кружковъ, дало намъ воз-

можность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствій и выступить какъ организованная партія.

Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій мы назначаемъ день тысячелѣтія Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству — въ совершенной неспособности котораго мы глубоко убѣждены — свои требованія въ такой формѣ, передъ которой оно должно будетъ уступить.

Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньшихъ жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ просьбою и совѣтомъ: идти за одно съ нами и не поддерживать существующаго порядка. Присоединяться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ полагающихся на свои силы.

Типографія Земской Думы.
Апрѣль 1862 года.

III. МОЛОДАЯ РОССІЯ.

„Крайности ни въ комъ нѣтъ, но всякій можетъ быть незамѣнимой дѣйствительностью; предъ каждымъ открытыя двери. Есть что сказать человѣку — пусть говоритъ, слушать его будутъ; мучитъ его душу убѣжденіе — пусть проповѣдуетъ. Люди не такъ покорны какъ стихіи, но мы всегда имѣемъ дѣло съ современной массой, ни она несамобытна, ни

мы не независимы отъ общаго фона картины, отъ однакихъ предшествовавшихъ вліяній, связь общаго есть. Теперь вы понимаете отъ кого и кого зависитъ будущность людей и народовъ?

— „Отъ кого?“

— Какъ отъ кого? . . . да отъ насъ съ вами, напримѣръ. Какъ же послѣ этого сложить намъ руки?“

А. Герценъ. [Робертъ Оуенъ.]

Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія. Прослѣдите жизнь всѣхъ сословій и вы увидите, что общество раздѣляется въ настоящее время на двѣ части, интересы которыхъ діаметрально противоположны и которыя слѣдовательно стоятъ враждебно одна къ другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа, угнетаемаго и ограбляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти—народа, который грабятъ чиновники и помѣщики, продающіе ему его же собственность — землю, грабитъ и царь, увеличивающій болѣе чѣмъ вдвое прямыя и косвенныя подати и употребляющій полученные деньги не на пользу государства, а на увеличеніе расточительства двора, на приданое фрейлинамъ-любовницамъ, на награду холоповъ, прислуживающихъ ему, да на войско, которымъ хочетъ оградиться отъ народа.

Опираясь на сотни тысячъ штыковъ, царь отрѣзываетъ у большей части народа [у казенныхъ крестьянъ] землю, полученную имъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, дѣлаетъ это въ видахъ государственной необходимости и въ то же время, какъ-бы въ насмѣшку надъ бѣднымъ, ограбляемымъ крестьяниномъ, даруетъ по нѣсколько ты-

сячъ десятинъ генераламъ, покрывшимъ русское оружіе неувядаемою славою побѣдъ надъ безоружными толпами крестьянъ; чиновникамъ, вся заслуга которыхъ — немилосердный грабежъ народа; тѣмъ, которые умѣютъ ловчѣе подать тарелку, налить вина, красивѣе танцуютъ, лучше льстятъ!

Это всѣми притѣсняемая, всѣми оскорбляемая партія, партія — народъ.

Сверху надъ нею стоитъ небольшая кучка людей довольныхъ, счастливыхъ. Это помѣщики, предки которыхъ или они сами были награждены населенными имѣніями за свою прежнюю холопскую службу; это потомки бывшихъ любовниковъ императрицъ, щедро одаренные при отставкѣ; это купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежомъ и обманомъ; это чиновники, накравшіе себѣ состоянія, — однимъ словомъ всѣ имущіе, всѣ у кого есть собственность родовая или благопріобрѣтенная. Во главѣ ея царь. Ни онъ безъ нея, ни она безъ него существовать не могутъ. Падетъ одинъ, — уничтожится и другая. Въ настоящее время партія либеральничаетъ, обиженная отнятіемъ у нея права на даровую работу крестьянъ, ругаетъ государя, требуетъ конституціи, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою и звѣномъ соединенія — собственность. Она понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности и потому въ минуту возстанія окружитъ своего естественнаго представителя царя. Это партія императорская.

Между этими двумя партіями издавна идетъ споръ, споръ почти всегда кончавшійся не въ пользу народа. Но едва проходило нѣсколько времени послѣ пораженія, народная партія снова выступала. Сегодня забитая, за-

сѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею. Она пойдетъ рѣзать помѣщиковъ, какъ было въ восточныхъ губерніяхъ въ 30-хъ годахъ, за ихъ притѣсненія; она встанетъ съ благороднымъ Антономъ Петровымъ — и противъ всей императорской партіи.

Къ этой безурядицѣ, къ этому антагонизму партій, антагонизму, который не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталами, являются распорядителями участи остальныхъ, присоединяется и невыносимый общественный гнетъ, убивающій лучшія способности современнаго человѣка.

Въ современномъ, общественномъ строѣ, въ которомъ все ложно, все нелѣпо отъ религіи, заставляющей вѣровать въ несуществующее, въ мечту разгоряченнаго воображенія, — бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно изъ основаній которой не выдерживаетъ даже поверхностной критики, отъ узаконенія торговля этого организованнаго воровства и до признанія за разумное положенія работника, постоянно истощаемаго работою, отъ которой получаетъ выгоды не онъ, а капиталистъ; женщины, лишенной всѣхъ политическихъ правъ и поставленной наравнѣ съ животными.

Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія, губящаго современнаго человѣка, и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшія силы, одинъ — революція, революція кровавая и неумолимая, — революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.

Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ-быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это, и все-таки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давножеланная!

Понимаетъ необходимость революціи инстинктивно и масса народа, понимаетъ и небольшой кружокъ нашихъ дѣйствительно передовыхъ людей . . и вотъ изъ среды ихъ выходятъ одинъ за другимъ эти предтечи революціи и призываютъ народъ на святое дѣло возстанія, на расправу съ своими притѣснителями, на судъ съ императорской партіей. Разстрѣливаніе за непониманіе дурацкихъ положеній 19-го Февраля, работа въ рудникахъ за указаніе безнадежности настоящаго положенія, ссылка въ отдаленныя губерніи, ссылка гуртомъ въ каторжныя работы за публичное заявленіе своего мнѣнія, за молитву въ церквахъ по убитымъ, — вотъ тѣмъ отвѣчаетъ императорская партія имъ!

Императорская партія! думаете ли вы остановить этимъ революцію, думаете ли запугать революціонную партію? или до сихъ поръ вы не поняли, что всѣ эти ссылки, аресты, разстрѣливанія, засѣченія на смерть мужиковъ ведутъ къ собственному же вашему вреду, усиливаютъ ненависть къ вамъ и заставляютъ тѣснѣе и тѣснѣе смыкаться революціонную партію, что за всякаго члена, выхваченнаго вами изъ ея среды, отвѣтите вы своими головами? Мы предупреждаемъ и ставимъ на видъ это только вамъ, члены императорской партіи и ни слова не говоримъ о вашихъ начальникахъ, около которыхъ вы группируетесь, о Романовыхъ — съ тѣми разчетъ другой! Своею кровью они заплатятъ за бѣд-

ствія народа, за долгій деспотизмъ, за непониманіе современныхъ потребностей. Какъ очистительная жертва сложитъ головы весь домъ Романовыхъ!

Больше же ссылокъ, больше казней! — раздражайте, усиливайте негодованія общественнаго мнѣнія, заставляйте революціонную партію опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всѣмъ этимъ ускорите революцію, и что чѣмъ сильнѣе гнетъ теперь, тѣмъ безпощаднѣе будетъ месть!

Революціи все способствуетъ въ наст. время: волненіе Польши и Литвы, финансовый кризисъ, увеличеніе налоговъ, окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вапроса весною 1863 года, когда крестьяне увидятъ, что она кругомъ обмануты царемъ и дворянами; а тутъ еще носятся слухи о новой войнѣ, поговариваютъ, что государь поздравилъ уже съ нею гвардію. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы и Россія дойдетъ до банкротства. Тутъ то и вспыхнетъ возстаніе, для котораго достаточно будетъ незначительнаго повода! Но можетъ случиться, что крестьяне возстанутъ не сразу въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а отдѣльными деревнями, что войско не успѣетъ пристать къ намъ, что революціонная партія не успѣетъ сговориться, не достаточно централизуется, и заявитъ свое существованіе не общими, а частными вспышками, императорская партія подавитъ ихъ — и дѣло революціи снова остановится на нѣсколько лѣтъ.

Для избѣжанія этого Центральный Революціонный Комитетъ въ полномъ своемъ собраніи, 7-го Апрѣля, рѣшилъ:

Начать изданіе журнала, который выяснилъ бы публикѣ принципы, за которые онъ берется, и въ то же

время служилъ бы органомъ революціонной партіи въ Россіи. Въ немъ будутъ помѣщаться отчеты о засѣданіяхъ Комитета, будутъ предлаг. вопросы на обсужденіе пров. комитетамъ, будутъ заявляться публикѣ мнѣнія революціонной партіи о каждомъ важномъ событіи. Комитетъ вынужденъ былъ приступить къ изданію своего органа и тѣмъ, что еще ни одинъ изъ издаваемыхъ журналовъ не выяснилъ обществу революціонной програмы. Для доказательства этого мы обратимся къ двумъ органамъ: Колоколу и Великоруссу.

Не смотря на все наше глубокое уваженіе къ А. И. Герцену, какъ публицисту, имѣвшему на развитіе общества большое вліяніе, какъ человѣку, принесшему Россіи громадную пользу, мы должны сознаться, что „Колоколъ“ не можетъ служить не только полнымъ выраженіемъ мнѣній революціонной партіи, но даже и отголоскомъ ихъ.

Съ 1849 г. у Герцена начинается реакція: испуганный неудачною революціею 48 года, онъ теряетъ всякую вѣру въ насильственные перевороты. Два, три неудавшихся возстанія въ Миланѣ, ссылка и смерть на его глазахъ французскихъ республиканцевъ, наконецъ казнь Орсини, окончательно тушатъ его революціонный задоръ и онъ принимается за изданіе журнала съ либеральною [не болѣе] программою.

Колоколъ, встрѣченный живымъ привѣтомъ всей мыслящей Россіи, какъ первый свободный органъ, вскорѣ становится загадкою для людей дѣйствительно революціонныхъ. Гдѣ же разборъ современнаго политическаго и общественнаго быта Россіи, гдѣ проведеніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ должно построится новое общество?

Проходитъ еще годъ и Колоколъ, оказывая вліяніе на правительство, уже совсѣмъ становится конституціоннымъ. Увлеченіе имъ молодежи уменьшается, революціонная партія ищетъ другаго органа и если онъ читается, то этому способствуетъ еще прежняя слава Герцена, Герцена привѣтствовавшаго революцію, Герцена упрекавшаго Ледрю-Роллена и Луи-Блана въ непослѣдовательности, въ томъ, что они, имѣя возможность, не захватили диктатуры въ свои руки и не повели Францію по пути кровавыхъ реформъ для доставленія торжества рабочимъ.

Наконецъ, его надежды на возможность принесенія добра Александромъ, или кѣмъ-нибудь изъ императорской фамиліи; его близорукій отвѣтъ на письмо человѣка, говорившаго что пора начать бить въ набатъ и призвать народъ къ возстанію, а не либеральничать; его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи; надежда на мирный переворотъ; его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми одними можно только что нибудь сдѣлать, — окончательно уронили журналъ въ глазахъ республиканской партіи.

Но намъ могутъ возразить, что ошибаемся мы, а не Герценъ, что отвращеніе его отъ насильственныхъ переворотовъ проистекло изъ знакомства съ исторіею Запада, отъ его увѣренности, что каждая революція создастъ своего Наполеона.

Мы отвѣтимъ на это, что и самъ Герценъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, да и революціи кончались худо отъ непослѣдовательности людей, поставленныхъ въ главѣ ея. Мы изучали исторію Запада и это изученіе не прошло для насъ даромъ: мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ

террористовъ 92 года, мы не испугаемся, если увидимъ, что для ниспроверженія современнаго порядка приходится пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито Якобинцами въ 90 годахъ!

Въ Іюлѣ прошлаго года появился въ Россіи Великоруссъ.

Не смотря на всю ошибочность и отсталость его мнѣній, не смотря на радикальную противоположность ихъ съ нашими, мы все-таки должны заявить свое уваженіе къ редакціи его, выдавшей въ Россіи же протестъ противъ существующаго порядка. Успѣхъ Великоруссa былъ громадный, что и надо было предвидѣть вначалѣ. Удовлетворяя и какъ нельзя лучше совпадая съ желаніями нашего либеральнаго общества, т. е. массы помѣщиковъ, стремящихся хоть чѣмъ нибудь нагадить правительству и опасающихся въ то же время даже тѣни революціи, грозящей поглотить ихъ самихъ, кучку бездарныхъ литераторовъ, сданныхъ за ветхостью въ архивъ, а во времена Николая считавшихся за прогрессистовъ, онъ все-таки не могъ составить около себя партіи. Его читали, объ немъ говорили, да и только. Онъ вызывалъ улыбку революціонеровъ своимъ мнѣніемъ о томъ, что государь побоится отдать приказъ стрѣлять въ собравшійся народъ, своими невинными адресами, которыми думаетъ спасти Россію.

Объ остальныхъ заграничныхъ журналахъ даже и упоминать не стоитъ. Не понимаемъ зачѣмъ это уѣзжаютъ изъ Россіи господа въ родѣ Блюммера и Кн. Долгорукова: шли бы себѣ они рука объ руку съ Русскимъ Вѣстникомъ и Сѣверной Почтой, да вызывали бы вмѣстѣ своими принципами презрѣніе всѣхъ честныхъ людей.

О прокламаціяхъ [на всякой брошюрѣ, изданной нами, будетъ стоять: „Изд. Центр. Рев. Ком.“], выходившихъ въ послѣднее время въ такомъ изобиліи, тоже распространяться не стоитъ: неимѣніе опредѣленныхъ принциповъ, пустое, ничего незначущее и ни къ чему неведущее либеральничанье, — вотъ отличительныя черты ихъ.

Не находя ни въ одномъ органѣ полнаго выраженія революціонной программы, мы помѣщаемъ теперь главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество, а въ слѣдующихъ нумерахъ постараемся развить подробнѣе каждое изъ этихъ положеній.

Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейдти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, — этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякій человѣкъ долженъ непремѣнно приписаться къ той или другой изъ общинъ: на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли, отъ которой онъ впрочемъ можетъ отказаться или отдать ее въ наемъ. Ему предоставляется также полная свобода жить внѣ общины и заниматься какимъ угодно ремесломъ, только онъ обязанъ вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не на пожизненное пользованіе, а только на извѣ-

стное количество лѣтъ, по истеченіи которыхъ міръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество членовъ общины остается неприкосновеннымъ въ продолженіе ихъ жизни, но по смерти дѣлается достояніемъ общины.

Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбирались самимъ народомъ; требуемъ, чтобы общинамъ было предоставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ.

Мы требуемъ, чтобы кромѣ Національнаго Собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли Русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія Областныя Собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней. Національное Собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя Собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ, желаемъ, чтобъ онъ падалъ всею своею тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого мы требуемъ, чтобъ Національное Собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣлило бы его только между областями. Уже Областныя Собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины въ полномъ своемъ собраніи рѣшаютъ какую подать долженъ платить какой членъ ея, при чемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго, однимъ словомъ вводится налогъ прогрессивный.

Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ, требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой она дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія на счетъ общества больныхъ и стариковъ, однимъ словомъ всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія

Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины, требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго не мыслимо уничтоженіе наслѣдства.

Мы требуемъ уничтоженія главнаго притона разврата — монастырей, мужскихъ и женскихъ, тѣхъ мѣстъ, куда со всѣхъ концевъ государства стекаются бродяги, дармоѣды, люди ничего недѣлающіе, которымъ пріятенъ даровой хлѣбъ, и которые въ тоже время желаютъ провести всю свою жизнь въ пьянствѣ и развратѣ. Имущества какъ ихъ, такъ и всѣхъ церквей должны быть отобраны въ пользу государства и употреблены на уплату долга внутренняго и внѣшняго.

Мы требуемъ увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья войску и уменьшенія солдату срока службы.

Требуемъ, чтобы по мѣрѣ возможности войско распускалось и замѣнялось національной гвардіею.

Мы требуемъ полной независимости Польши и Литвы, какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставать. ся соединенными съ Россіею.

Мы требуемъ доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшить по большинству голосовъ: желаютъ ли они войдти въ составъ федеративной Республики Русской.

Безъ сомнѣнія мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Національное Собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы во составъ его не вошли сторонники современнаго порядка [если только они останутся живы]. Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы — доказываетъ прошлое французское Собраніе 48 года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, къ намъ обратятся съ вопросомъ: на кого же мы надѣемся, гдѣ тѣ элементы, сгруппировать которые мы хотимъ, кто на нашей сторонѣ?

Мы надѣемся на народъ: онъ будетъ съ нами, въ особенности старообрядцы, а вѣдь ихъ нѣсколько милліоновъ. Забитый и ограбленный крестьянинъ станетъ вмѣстѣ съ нами за свои права, онъ рѣшитъ дѣло, но не ему будетъ принадлежать инициатива его, а — войску и нашей молодежи.

Мы надѣемся на войско, надѣемся на офицеровъ, возмущенныхъ деспотизмомъ двора, той презрѣнной ролью, которую они играли и теперь еще играютъ, убивая своихъ братьевъ Поляковъ и крестьянъ, повинуясь безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ государя. Оно вспомнитъ сентябрекій приказъ, разберетъ хорошенько въ какое положеніе поставитъ себя если станетъ исполнять его, да кстати вспомнитъ и свои славныя дѣйствія въ 1825 году, вспомнитъ безсмертную славу, которой покрыли себя герои мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззваніемъ къ ней мы оканчиваемъ нынѣшній нумеръ журнала, потому что она заключаетъ въ себѣ все лучшее Россіи, все живое, все, что станетъ на сторонѣ движенія. все, что готово пожертвовать собой для блага народа.

Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйдти вожаки народа, что ты должна стать во главѣ движенія, что на тебя надѣется революціонная партія! Будь же готова къ своей славной дѣятельности, смотри, чтобъ тебя не застали въ расплохъ! Готовься, а для этого сбирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайныя общества, съ которыми Центральный Революціонный Комитетъ самъ постарается войдти въ сообщеніе, разсуждайте больше о политикѣ, уясняйте себѣ современное положеніе общества, а для большаго успѣха приглашайте къ себѣ на собранія людей дѣйствительно рево-

люціонныхъ и на которыхъ вы можете вполнѣ положиться.

Скоро, скоро наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, знамя красное и съ громкимъ крикомъ: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика Русская! — двинемся на зимній дворецъ истребить живущихъ тамъ. Можетъ случиться, что все дѣло кончится однимъ истребленіемъ императорской фамиліи, то есть какой нибудь сотни, другой людей, но можетъ случиться, и это послѣднее вѣрнѣе, что вся императорская партія, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ за государя, потому что здѣсь будетъ идти вопросъ о томъ, существовать ей самой или нѣтъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ полною вѣрою въ себя, въ свои силы, въ сочувствіе къ намъ народа, въ славное будущее Россіи, которой вышло на долю первой осуществить великое дѣло соціализма, мы издадимъ одинъ крикъ: „въ топоры“ и тогда . . . тогда бей императорскую партію не жалѣя, какъ не жалѣетъ она насъ теперь, бей на площадяхъ, если эта подлая сволочь осмѣлится выдти на нихъ, бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицъ, бей по деревнямъ и селамъ!

Помни, что тогда кто будетъ не съ нами, тотъ будетъ противъ; кто противъ — тотъ нашъ врагъ; а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми способами.

Но не забывай при каждой новой побѣдѣ, во время каждаго боя повторять: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика Русская!

А если возстаніе не удастся, если придется намъ поплатиться жизнію за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ истрепетно,

безстрашно, и кладя голову на плаху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!“

КОПОТЬ ИНОСТРАННАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ.

I. Прусскіе и русскіе обыски. Въ 121 №. „Volks-Zeitung“ напечатано слѣдующее извѣстіе:

Am Dienstag, den 14. Mai, fand bei dem Redakteur der hier erscheinenden russischen Zeitung (Swobodnoje Slowo), Herrn v. Blummer, während seiner Abwesenheit von Berlin eine polizeiliche Haussuchung statt. Es erschien ein russischer Polizeibeamter in Begleitung eines preußischen, forschte nach Briefen und zog Erkundigungen nach Personen ein, mit welchen Herr v. B. umgehe. Sonderbar und lächerlich klingt das Motiv, welches der russische Polizeibeamte angab, um seine Haussuchung zu rechtfertigen. Er gab nämlich an, er wolle eine Person ermitteln, welche vor Kurzem mit einer bedeutenden unterschlagenen Summe aus Petersburg entlief und glaube, da bei Herrn v. B. alle Russen, die aus Rußland kommen, verkehrten, den Flüchtling dort zu ermitteln. Wenn die russische Regierung durch solche lächerliche Motive ihre politischen Gegner in Preußen zu fassen glaubt, ist sie im großen Irrthum; durch solche Kunstgriffe kann sie wohl in ihrem Lande etwas ausrichten, hier in Preußen erstreckt sich ihre Macht nicht so weit.

А въ Vossische-Zeitung (Nr. 126) петербургскій корреспондентъ этой газеты сообщаетъ вотъ что: „In den letzten Tagen fanden wiederum Verhaftungen .... es war auch eine Haussuchung bei der Schwester des bekannten russischen politischen Flüchtlings, Fräul. v. Blummer. Es ist nutzlos, daß die Regierung Einzelne verfolgt, da doch das ganze Volk dieselbe Unzufriedenheit theilt".

Новѣйшія-же свѣдѣнія утверждаютъ, что Ант. Петр. Блюммеръ арестована.

Предоставляя изъ всего этого вывести заключеніе читателю, мы пока можемъ только повторить нашу просьбу корреспондентамъ „Свободнаго Слова", напечатанную въ 134 Nr. „Колокола": пересылать заграничныя письма исключительно на имя издателя, Ferdinand Schneider (Victoria Str. 11).

II. **Австрійскіе и русскіе обыски.** Четырехъ русскихъ, ѣхавшихъ въ Венецію, именно: литераторовъ Потѣхина и Ничипоренко, купцовъ Кандинскаго и Собашникова, австрійская таможенная полиція осматривала, раздѣвая до рубашекъ — въ то время, когда у другихъ, нерусскихъ, осматривали только чемоданы.

Въ свою очередь, въ Вержболовѣ, русская полиція осматривала ... тоже русскихъ, ѣхавшихъ за границу, кандидатовъ петербургскаго университета г. г. Утина и Неклюдова — по карманамъ.

III. **Переѣздъ кн. П. В. Долгорукова.** Редакторъ „Правдиваго" извѣстилъ насъ, что онъ, вслѣдствіе благородныхъ дѣйствій французскаго правительства, принужденъ переселиться изъ Парижа въ Брюссель.

IV. **Наказанное злодѣяніе.** По доносу вологодскаго предводителя дворянства — будто бы вологодскій вице-губернаторъ г. Пейкеръ помогаетъ сосланнымъ въ

Вологду студентамъ, благородный и либеральный мин. внутр. дѣлъ Валуевъ уволилъ г. Пейкера, человѣка очень небогатаго, отъ должности.

V. **Прекращеніе газеты Сіонъ** (Письмо русскаго еврея въ редакцію „Своб. Сл.“)... „Жалобно затрепетало въ насъ обиженное чувство національной чести и религіознаго убѣжденія, когда мы узнали, что, оскорбленнымъ въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствамъ, евреямъ не дозволяется опровергать нелѣпыя нападки и неосновательныя обвиненія, возводимыя нѣкоторыми газетчиками на евреевъ и ихъ религію, не дозволяется — не смотря на то, что всякое неопровергнутое обвиненіе виситъ какъ мечъ дамокловъ, надъ головами цѣлаго народа. Грустное и печальное явленіе! — нравственное безоружіе тогда, когда ведется борьба со средневѣководѣйствующими молодцами! Но передъ „quos ego“ правительства раздраженныя чувства и волнуемые умы тихо должны уложиться, чтобы на поверхности все было гладко и спокойно. И этотъ крестовый походъ противъ убѣжденій совершается въ годъ тысячелѣтія Россіи, когда все кричитъ во все горло о прогрессѣ и движеніи впередъ! Не упадайте духомъ, евреи-ратоборцы! Пусть не смутятъ васъ преграды, возводимыя грамотными и безграмотными холопами противъ защиты убѣжденій совѣсти. Рано или поздно сознаютъ и эти молодцы, что пресса — есть арена, открытая для всѣхъ и каждаго, гдѣ надъ сталкивающимися мыслями стоитъ общественное мнѣніе и вѣнчаетъ идею побѣдительницу“...

ЗАМѢТКА.

Вѣрить ли своимъ глазамъ?... Газеты извѣщаютъ о конституціи въ Китаѣ... Сынъ неба, серединный императоръ (по бокамъ россійскій и австрійскій), китайскій богдыханъ даетъ своему народу конституцію!... И не нашлось у него предусмотрительныхъ мандариновъ, въ родѣ нескончаемаго Панина, или „во святыхъ розголюбца“ Филарета, или цѣлой орды Адлербергова, которые могли бы убѣдить его, что народъ для нее еще не созрѣлъ, что давать конституцію рано и опасно?... Горькая участь предстоитъ вамъ, Александръ Николаевичъ! Вашъ родитель въ тридцатилѣтіе своего самодурства довелъ страждущую Россію до одного уровня съ Китаемъ, — а вы, съ вашими псевдо-либеральными бюрократами, доживаете до того, что Китай въ глазахъ общественнаго мнѣнія дѣлается выше стогнущей отъ деспотизма Россіи. Опомнитесь, послѣдній могиканъ абсолютизма! оставьте на время ваши помазаннические препровожденія времени на охотѣ, и хоть безъ охоты подумайте о современномъ движеніи во всемъ мірѣ! Дайте конституцію, созовите Земскій соборъ — хоть къ дню тысячелѣтія Россіи. Право, тысяча лѣтъ — весьма достаточный срокъ для дурачествъ самодержавія...

Дайте намъ догнать на пути развитія хоть Китай.... Не увлекайтесь тѣмъ, что Римъ праздновалъ тысячелѣтіе при полномъ разгарѣ оргіи императорства: вспомните дальнѣйшую судьбу Римской имперіи, и будьте человѣкомъ, хоть послѣ того, какъ тунисскій бей и китайскій богдыханъ дали вамъ урокъ, который такъ-таки всецѣло и перейдетъ на страницы исторіи.

12 Іюня.

Фердинанда Шнейдера, издатель нижеслѣдующихъ русскихъ книгъ (Берлинъ, Mathäikirch-Str. No. 24), предлагаетъ свои услуги по изданію произведеній русской литературы — историческаго, политическаго или беллетристическаго содержанія, мемуаровъ и т. п. Изданіе, по обоюдному условію, можетъ быть устроено на счетъ издателя, или автора: въ послѣднемъ случаѣ отдается строгій отчетъ въ издержкахъ.

Стихотворенія ЛЕРМОНТОВА, не вошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій.

Книга составлена извѣстнымъ библіографомъ и издана съ особеннымъ тщаніемъ. 1 Thlr. въ переплетѣ 1 Thlr. 12 Sgr.

Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II.

Томъ I. 1855—1858.	2 Thlr.
Томъ II. 1859—1860.	2 Thlr.
Томъ III. 1860—1861.	1 Thlr. 15 Sgr.

Стихотворенія НЕКРАСОВА, съ возстановленіемъ вычеркнутыхъ цензурою стиховъ. 1 Thlr.

Экземпляры въ красивомъ (съ золотымъ обрѣзомъ) переплетѣ продаются 12 Sgr. дороже.

Изъ записокъ фонъ-Шнабелевопскаго. ГЕЙНРИХА ГЕЙНЕ. 10 Sgr.

О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Н. М. КАРАМЗИНА. 24 Sgr.

Сочиненія К. РЫЛѢЕВА. 1 Thlr.

Трумфъ. Трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ И. А. КРЫЛОВА. 10 Sgr.

Царствованіе Іоанна Грознаго (Отрывокъ изъ исторіи государства Россійскаго). Н. А. НОЛЕВАГО. 25 Sgr.

Думы К. РЫЛѢЕВА. 15 Sgr.

Горе отъ ума. Комедія А. С. ГРИБОѢДОВА. Полнѣйшее изданіе. 1 Thlr.

Демонъ. Поэма М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. 4 изданіе. 15 Sgr.

Стихотворенія К. РЫЛѢЕВА. 3 изданіе. 15 Sgr.

Войнаровскій. Поэма К. РЫЛѢЕВА. 3 изданіе. 10 Sgr.

Дома сумасшедшихъ. Сатира А. О. ВОЕЙКОВА. 10 Sgr.

Отцовскій совѣтъ. С. Л. ПУШКИНА. 5 Sgr.

Евгеній Онѣгинъ. Поэма А. С. ПУШКИНА. 1 Thlr. въ переплетѣ 1 Thlr. 12 Sgr.

Imprimerie de Rosenthal et Co. à Berlin, August Strasse 91.

СВОБОДНОЕ СЛОВО

РУССКІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОРГАНЪ,

издаваемый

подъ редакціею Л. П. БЛЮММЕРА.

Томъ I, вып. 5 и 6.

1862.

БЕРЛИНЪ.
Ферд. Шнейдеръ,
Виктор. ул. 11.

BERLIN.
Ferd. Schneider,
Victoriastr. 11.

Содержаніе:

стр.

I. ПИШУЩІЕ ЖАНДАРМЫ (Посвящается г. Шедо-Ферроти et consortes) 333

II. НЕОБХОДИМЪ-ЛИ БРАКЪ. Статья I 349

III. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗАКОННОСТИ (По поводу одной старой университетской лекціи.) 361

IV. ПОЛЬСКІЯ ДѢЛА 1862 года 374

V. ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ 1830—31 г. (Предварительная замѣтка. — Первыя дѣйствія) 389

VI. ДИПЛОМАТІЯ И ЧЕЛОВѢЧНОСТЬ. (По поводу „Воспоминаній“ г. Фонтона.) 412

VII. ЕЩЕ МАНИФЕСТЪ ИЗЪ РОССІИ. (Къ братьямъ Славянамъ: Болгарамъ, Сербамъ, Хорватамъ и пр.). 424

VIII. ПО ПОВОДУ ПОЖАРОВЪ И МОЛОДОЙ РОССІИ. (Отъ редакціи. I. Что-то скажетъ Герценъ? II. Что сказалъ Герценъ.) 427

IX. АРЕСТЫ 444

X. ПО ДѢЛУ „ПРАВДИВАГО“ И „ПРАВДОЛЮБИВАГО“ ОТЪ РЕДАКЦІИ СВОБОДНАГО СЛОВА 445 448

XI. ЗАГРАНИЧНЫЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(см. на оборотѣ).

ПИШУЩІЕ ЖАНДАРМЫ.

(Посвящается г. Шедо-Ферроти et consortes.)

Онъ умеръ, какъ я сказалъ, въ душномъ чуланѣ, оставленный всѣми, мучимый укорами совѣсти. А! значитъ, жизнь, общество и человѣкъ не такъ индеферентны къ проступкамъ и нечестнымъ дѣламъ, какъ думаютъ? значитъ, и жизнь, холодная, бездушная жизнь казнитъ своекорыстіе, оправдывающее служеніе себѣ всевозможными и невозможными средствами?! Да, большею частью. Есть, правда, воры, которымъ люди честные жмутъ руки: но, господа, это исключенія; есть негодяи, честимые до поры .... да будто въ жизни собственное сознаніе и несуществуетъ? Оно-то и преслѣдуетъ каждаго виновнаго, погибай онъ въ золотѣ и роскоши, или умирай въ темномъ чуланѣ пассажскихъ нумеровъ.

(Мѣсто, непропущенное русскою цензурою.)

На дняхъ берлинскій книгопродавецъ Бокъ напечаталъ неизвѣстно кѣмъ написанную брошюру: „Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные русскіе дѣятели,“ брошюру, въ которой Александръ Николаевичъ

пишется чрезъ большія буквы и называется благочестивѣйшимъ, самодержавнѣйшимъ, великимъ государемъ, а Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ и Блюммеръ — отщепенцами, мерзавцами, богохульниками, людьми, попирающими все честное и благородное (т. е. третье отдѣленіе, цензуру, самоуправство, взяточничество и. т. д.). Подобное издательство для г. Бока не новость: еще раньше онъ издалъ знаменитыя „примѣчанія“ К. Д. Шедо-Ферроти къ письму А. И. Герцена къ барону Бруннову. Г. Бокъ, вѣроятно, не преминетъ и впредь напечатать еще дюжины подобныхъ произведеній. Но ихъ мы никогда не поставимъ въ вину почтенному германцу: г. Бокъ, торгуя всѣмъ, чѣмъ угодно, естественно издаетъ то, за что ему лучше платятъ. Объ источникѣ своихъ доходовъ онъ заботится очень мало, тѣмъ болѣе, что, будучи человѣкомъ не безъ самолюбія, онъ, какъ издатель книжекъ, защищающихъ 3^е^ отдѣленіе, очень легко можетъ получить, на подобіе г. Фурместро, не только Станислава 2^й^ степени, но и чинъ коллежскаго регистратора, съ правомъ носить синій мундиръ. Нѣмцы, какъ извѣстно, большіе охотники до лакейскихъ формъ. Какъ бы то ни было, за печатаемыя имъ вещи отвѣтственность на него возлагать никакъ не слѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ему благосостояніе и слава Россіи? Благо Россіи само-по-себѣ, а онъ самъ-по-себѣ. Мы, какъ читатели видятъ, даже защищаемъ его, предоставляя ему полную свободу заниматься тѣмъ, что ему выгоднѣе. Но, къ сожалѣнью, мы не можемъ съ тою же индиферентностью отнестись къ авторамъ книгъ, печатаемыхъ г. Бокомъ. Говоря о нихъ, мы приходимъ въ самое жалостливое расположеніе духа: намъ отъ всей души больно за людей, расточающихъ на насъ

громы самой пошлой брани. Въ теченіе нашей несляшкомъ продолжительной жизни намъ случилось встрѣтиться съ человѣкомъ, занимавшимся тѣмъ же ремесломъ, на которое наши порицатели тратятъ свои умственныя и нравственныя силы. Мы говоримъ объ А. Е. Надеждинѣ, человѣкѣ въ сущности очень хорошемъ, но погибшемъ вслѣдствіе своего ремесла, заниматься которымъ принудила его крайняя нужда и неудовлетворенное самолюбіе. Мы когда-то говорили о немъ въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, и могли бы отослать нашихъ порицателей къ этой статьѣ, да жалѣемъ, что благородный цензоръ Обертъ, о безкорыстіи котораго мы нѣкогда говорили,*) вымаралъ статью на половину, совершенно исказивъ ея смыслъ.**) Скажемъ поэтому, что Надеждинъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ и въ страшномъ разскаяніи. Когда наши порицатели представятъ предсмертную агонію Надеждина, томимаго невыразимыми угрызеніями, то они поймутъ — почему мы жалѣемъ нашихъ жандармскихъ писателей, почему мы жалѣемъ нашихъ заграничныхъ порицателей. Быть индеферентнымъ къ будущимъ мученьямъ ближняго — никакъ нельзя, — это страшный грѣхъ, который можно сознавать, даже невѣря въ бога и желая счастья своей родинѣ.

---

*) Свобод. Слово, кн. I. стр. 53.

**) Лучшее доказательство этому представятъ слѣдующія строки. Мы говорили о Надеждинѣ: „это одинъ изъ недюжинныхъ примѣровъ паденія человѣка съ удивительно хорошею душою.“ Г. Обертъ выкинулъ слово „паденія“ и явилась слѣдующая фраза: „это одинъ изъ недюжинныхъ примѣровъ человѣка съ удивительно хорошею душою.“ Сколько одна фраза похожа на другую — да рѣшитъ самъ нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія!

Мы и поговоримъ о русскихъ жандармскихъ писателяхъ довольно подробно и очень мирно. Но считаемъ не лишнимъ предварительно объяснить кое-какія отношенія, неясныя для многихъ.

19 Февраля 1855 года с. и. в., благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій (по своему росту) государь Александръ Николаевичъ вступилъ, вслѣдствіе благого предусмотрѣнія божія, на прародительскій престолъ. Въ какомъ положеніи онъ засталъ свою державу — можно видѣть изъ того, что, несмотря на все почтеніе къ своему въ бозѣ почившему родителю, онъ, на перекоръ родительскимъ думамъ, принялся за перестройку государственнаго быта Россіи. Съ самаго начала царствованія Александра Николаевича то и дѣло наряжаются коммиссіи „для поправленія обстоятельствъ.“ Видно оказалось, что положеніе крестьянства — неестественно и и нечеловѣчно; судовъ — невыразимо; войска — отвратительно; просвѣщенія — невыносимо гадко; финансовъ — банкротственно; администраціи — невообразимо. Насколько стало вдругъ сознательно общество — можно видѣть изъ того, что всѣ ожидали рѣшеній всевозможныхъ коммиссій безропотно, терпѣливо, умѣряя непрактичныя требованія, снисходя даже къ слабостямъ. Но, къ величайшему сожалѣнію, русскіе начали мало-по-малу замѣчать, что они ошибаются: коммиссіи дѣла не дѣлали, или дѣлали очень плохо; правительство же задумало повести дѣла по старому. Собственно тутъ изумляться и не было чему: перечинка общественныхъ и государственныхъ отношеній никогда не можетъ быть по плечу одному человѣку, какою бы силой ни обладалъ онъ; миѳическихъ Геркулесовъ, чистящихъ слишкомъ-заиавожепныя конюшни, сыскать — нѣтъ никакой возможности.

Какъ бы ни былъ хорошъ и благонамѣренъ самодержавный государь, но едва ли онъ и имѣетъ право, и имѣетъ силу устроивать судьбу народа по своему благоусмотрѣнію: объ этомъ дѣлѣ не мѣшаетъ потолковать съ самимъ народомъ. Тѣмъ не менѣе, общее настроеніе было таково, что даже такой геніальный человѣкъ, какъ Искандеръ, подчиняется ему, и начинаетъ журналъ, имѣвшій цѣлью, по словамъ г. Шедо-Ферротн: „освобожденіе слова — отъ цензуры, крестьянъ — отъ помѣщиковъ, податного сословія - отъ побоевъ.“ Такимъ образомъ, даже геніальный Искандеръ отдавалъ все дѣло въ руки одного человѣка, т. е., по словамъ „Молодой Россіи“, укротилъ свой „революціонный задоръ.“ Общество было смирно; „Колоколъ“ кротокъ. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ .... и вдругъ, по словамъ жандармскихъ писателей, Россія сдѣлалась революціонною; „Колоколъ“ повелъ рѣчь о насильственныхъ переворотахъ .... вдругъ, — ни съ того, ни съ сего, — пошли возмущенія крестьянъ, вспышки поляковъ, бунты студентовъ, адрессы дворянства; появляется наконецъ „Молодая Россія“, требующая крови по крайней мѣрѣ 3 мильоновъ человѣкъ, такъ какъ извѣстно, что „великіе“ самодержцы т. е. террористы 90^хъ^ годовъ прошлаго столѣтія перерѣзали болѣе мильона человѣкъ. Отчего же это? Были люди смирны — вдругъ сдѣлались бунтовщиками.

Мы думаемъ отъ того, что не народъ перемѣнился, а перемѣнилось направленіе правительства. Самъ скромный, милый профессоръ Шилль доказалъ, что революціонныхъ народовъ нѣтъ и не бывало, а были и есть революціонныя правительства. Въ самомъ дѣлѣ, народы очень консервативны. Русскій народъ, напримѣръ, вотъ уже цѣлую тысячу лѣтъ „консервируетъ“ православіе

и самодержавіе. Консервативнымъ, а не революціоннымъ онъ является и теперь: онъ „консервируетъ“ теперь не болѣе какъ обѣщанія правительства; онъ хочетъ только дѣйствительнаго, реальнаго, честнаго осуществленія всенародновысказаннаго обѣта „царствовать на благо Россіи.“ Народъ не измѣнился, и стоитъ только за свои права. Иначе ведетъ себя правительство: оно публично заявило, что вѣритъ народу, надѣется на здравый его смыслъ, — и не уничтожило шпіонницы, цензуры, не совѣтуется съ здравымъ народнымъ смысломъ. Это уже перемѣна, которая, естественно, породила недовольство. Правительство обѣщало пойдти мирнымъ и спокойнымъ путемъ реформъ .... а неужели кровь, убійства, разстрѣливанья суть атрибуты мирныхъ, спокойныхъ реформъ? Конечно, нѣтъ! Правительство бросилось въ радикализмъ, само вызываетъ революцію; оно первый ея дѣятель! Понятно, что народъ волнуется. потому-что онъ не хочетъ революціи; понятно, что „Колоколъ“ становится все грознѣе и грознѣе; понятно, что вмѣсто одного „Колокола“ появляются „Будущность“, „Правдивый“, „Свободное Слово“ и начинаютъ сыпаться прокламаціи, предъявляющія самыя страстныя требованія.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, русскій народъ консервативенъ и одно правительство революціонно: нужно только принять за исходную точку не правленіе Рюрика, а начало царствованія Александра Николаевича.

Но не такъ думаютъ наши порицателя, пишущіе жандармы. По ихъ мнѣнію, не заграничную литературу вызвало общественное состояніе, а самое общественное состояніе вызвано заграничною литературою, т. е. по ихъ мнѣнію, не солнце даетъ возможность бытію тѣни, а тѣнь

солнцу. Литература, дѣйствительно, явленіе небезслѣдное и небезвліятельное въ жизни народовъ, — но она важна и вліятельна только какъ резюмированье и оформулированье народнаго мнѣнія, народныхъ требованій. Отъ литературы, какъ отъ каждаго факта, безспорно, есть слѣдствіе, но вѣдь первопричина лежитъ вовсе не въ ней. У дикарей Африки нѣтъ литературы, и переведите на готентотскій языкъ самое лучшее сочиненіе перваго современнаго мыслителя, оно пройдетъ безъ всякаго вліянія. Это говоритъ и наука, и простой человѣческій смыслъ.

Пишущіе жандармы объ этомъ вовсе не думаютъ, и поэтому для самаго поправленія дѣла придумываютъ иныя средства чѣмъ тѣ, которыхъ требуетъ и народъ и мы. Во избѣжаніе безпорядковъ, мы требуемъ улучшенія общественнаго положенія; а пишущіе жандармы доказываютъ, что мы безбожники, властей неуважаемъ; для насъ важно дѣло, а не лицо; для нихъ — напротивъ лицо, а не дѣло. Редакція „Колокола“, напримѣръ, обратилась къ прежнему доносчику Ростовцеву, какъ къ порядочному человѣку, когда онъ сталъ за крестьянъ; а пишущіе жандармы говорятъ, что отецъ оставилъ Искандеру 200 т. р. с. Мы говоримъ, что нужно созвать народное собраніе; а намъ возражаютъ, что мы о волосахъ своихъ заботимся, или что у алжирскаго бея надъ носомъ шишка. Очень понятно, что по этому насъ слушаютъ, читаютъ, намъ сочувствуютъ; а жандармскіе писатели, въ родѣ г. Шедо-Ферроти, поддѣваютъ публику на мошенническія штуки, злоупотребляютъ для расхода свой книги чужимъ именемъ. Мы подрываемъ довѣріе къ нечестному дѣлу правительства; а пишущіе жандармы, будучи не въ силахъ подорвать наше дѣло,

подкапываются подъ наши честныя имена, вѣроятно забывая, что дѣло не въ Герценѣ, Бакунинѣ, кн. Долгоруковѣ и Блюммерѣ, а въ томъ положеніи, которое вызываетъ нашу дѣятельность.

Этимъ, какъ кажется, мы пояснили, что̀ необходимо — и теперь можемъ перейдти исключительно къ пишущимъ жандармамъ.

Подкупать пишущихъ и платить и награждать добровольно защищающихъ правительства — дѣло не новое. Этотъ образъ дѣйствій всегда являлся на сцену, когда правительства начинали поступать нечестно противъ своихъ гражданъ. Относительно Франціи это превосходно развито г. Некарскимъ (Соврем. N. 3, 1862). Правительства, смотря по талантамъ, платятъ иногда большія деньги. Но замѣчательно, что всѣ, или почти всѣ пишущіе жандармы умирали въ презрѣніи общества и въ бѣдности. Для нашей литературы послѣдній примѣръ уже упомянутый нами Надеждинъ. Въ 3^ем^ъ отдѣленіи онъ имѣлъ руку очень сильную, именно: тайнаго совѣтника М. М. Попова, его наставника — и въ гимназіи, и въ 3^мъ^ отдѣленіи. Но что-же? Чуланъ Пассажа, въ которомъ умеръ Надеждинъ, нисколько не лучше самой дрянной мужицкой хаты. У Надеждина осталось семейство, можетъ статься, въ слишкомъ плачевномъ состояніи, семейство, ни въ чемъ неповинное, но, какъ мы слышали, ежеминутно оскорбляемое. Доля горькая! Также умерли Гюйссенъ, писавшій во славу Петра, и Коцебу. Тѣмъ не менѣе, все же являются новыя личности, увлекаемыя или бѣдностью, или тщеславіемъ, неудовлетвореннымъ самолюбіемъ, желчью противъ кого нибудь, на позорную и невѣрную дорогу.

Въ статьѣ „Русскія книги за границею“,*) мы говорили о нѣкоторыхъ изъ писателей, продавшихъ свое перо нашему правительству, и указывать на Павловыхъ, Арсеньевыхъ, Никитенокъ и. т. д. два раза не стоитъ. Мы поговоримъ исключительно о г. Шедо-Ферроти и о неизвѣстномъ авторѣ книги: „Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные русскіе дѣятели“, — потому что цѣль у обоихъ авторовъ — одна и таже: подорвать довѣріе къ лицамъ русскихъ заграничныхъ дѣятелей.

Подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти скрывается (въ настоящее время очень плохо) нѣкій остзейскій баронъ Фиркъ. До личныхъ его отношеній намъ нѣтъ дѣла, хотя мы получили изъ Россіи и изъ-за границы не мало очень курьезныхъ свѣдѣній объ этомъ господинѣ. Мы уже заявили, что искренно жалѣемъ людей въ родѣ и въ ремеслѣ г. барона Фиркса: они роняютъ сами себя, — стало, зачѣмъ увеличивать сумму ихъ несчастій? Шедо-Ферроти для насъ не болѣе, какъ авторъ „примѣчаній“ къ письму Искандера, и наша цѣль доказать только, какъ онъ ошибается, нападая на Герцена лично.

Все дѣло, выдвинувшее г. Шедо-Ферроти, какъ извѣстно, произошло изъ юмористическаго письма Искандера къ барону Брунову. Колкій, блестящій умъ Искандера хотѣлъ еще разъ (можетъ быть, и лишній) подтрунить надъ петербургскимъ правительствомъ: ему были крайне смѣшны „дружественныя“ и „недружественныя“ угрозы и наставленія, предупрежденія, сыпавшіяся на него. Онъ и написалъ остроумное письмо, въ которомъ, по своей обыкновенной ловкости, мастерски подшутилъ надъ присылаемыми къ нему извѣщеніями. Напечатай подобную вещь Герценъ

*) Свобод. Слово. кн. 1.

въ Россіи, всѣ приняли бы ее за граціозную шутку, какою она является и теперь, такъ какъ юморъ блещетъ отъ первой до послѣдней строки. Въ самомъ дѣлѣ: не смѣшно-ли называть время нашихъ посланниковъ за границею — драгоцѣннымъ? Всѣмъ, конечно, извѣстно, что препровожденіе этого времени потому только драгоцѣнно, что стоитъ очень много денегъ бѣдной Россіи. Русскій посланникъ въ Берлинѣ получаетъ напримѣръ 38 т. р. с. одного жалованія .... за что? богъ вѣдаетъ. Бывшій посланникъ во Франкфуртѣ, г. Фонтонъ, все свое время проводилъ за картами, и бѣдной Россіи приходилось платить его долги.*) Конечно, въ этомъ случаѣ, одно названіе „драгоцѣннаго“ уже давало юмористическій тонъ письму. Но этого мало. Герценъ предупреждаетъ барона Бруннова, чтобы онъ не боялся за смерть шефа жандармовъ, кн. Василья Долгорукова. Это, конечно, тоже шутка. Далѣе. Кто откажетъ въ комическомъ элементѣ эпитетамъ: Искандеръ — Прозерпина съ бородой; Шуваловъ — Плутонъ съ эксельбантомъ; Александръ Невинный (но невиновный)? Далѣе. Можно-ли отнять характера шутки въ строчкахъ, посвященныхъ волосамъ Герцена? У Герцена, благодаря порядочной жизни, есть еще столько волосъ, что онъ самъ не замѣтитъ, когда у него выпадетъ одинъ, или два волоса. Онъ, слава богу, не похожъ на тѣ голыя головы нашихъ сенаторовъ и государственныхъ мужей, которыя такъ блестятъ на балетныхъ представленіяхъ: о волосахъ ему заботиться нечего. Наконецъ, отдавать себя „материнской попечительности“ императорскаго посольства, — это значитъ только язвительно подтру-

*) О нашихъ посланникахъ мы поговоримъ отдѣльно.

нивать надъ нимъ. Наши посольства попечительны! .... для жандармовъ — что ли? для писателей — жандармовъ? Но вѣдь Герценъ къ этой котеріи не принадлежитъ.

Такимъ образомъ, письмо Герцена было только блестящею шуткою, надъ которою самъ баронъ Бруновъ, человѣкъ, говорятъ, очень умный, вѣроятно посмѣялся отъ души. Мы увѣрены, это ему было даже пріятно получить отъ редактора „Колокола“ письмо, которое относилось къ барону Бруннову лично съ полнымъ уваженіемъ. Мы рѣшительно думаемъ это: иначе баронъ Брунновъ непремѣнно увѣдомилъ бы А. И. Герцена, что подобная корреспонденція нѣсколько стѣсняетъ его, и тогда Герценъ никогда не напечаталъ бы своего письма. Но какъ извѣстно, гдѣ баринъ милостивъ, тамъ лакей обидчивъ. Баронъ Брунновъ не обидѣлся .... а г. Шедо-Ферроти обидѣлся за барона. Такой обидчивый слуга явленіе неисключительное; но нужно имѣть не мало мужества, чтобы заявить о своихъ лакейскихъ чувствахъ. Г. Фиксъ руководимый разными причинами — затѣялъ, не смотря ни на что, нахально привязаться къ Герцену. Побудительныя причины были. Говоря откровенно: „я де консерваторъ“, подрывая Герцена, онъ думалъ подорвать самое дѣло ненавистнаго ему либерализма. Но къ общему довольству, онъ повредилъ только своему дѣлу. Мы уже выразили разъ, что всѣ очень хорошо понимаютъ, что изъ того, что представители правды и либерализма нехороши, вовсе не слѣдуетъ, что правда и либерализмъ также нехороши. Пусть Герценъ лично, не только, что самолюбивый человѣкъ, что онъ деспотъ въ душѣ, — пусть будетъ онъ чортъ знаетъ что такое, — изъ этого не

слѣдуетъ, что необходимо „консервировать“, радикалисткое, по нашему мнѣнію, петербургское правительство. Результатъ, напротивъ, получаешь другой: видишь по крайней мѣрѣ, что либерализмъ не соединяется съ неблагороднымъ холопствомъ; консерватизмъ-же — соединяется. Вотъ дѣло иное, если бы остзейскій баронъ доказалъ вредность герценовскихъ требованій — онъ непремѣнно поправилъ бы свое дѣло. Что нападать на Герцена, какъ на частное лицо, какъ на автора юмористическаго письма? Неужели баронъ не знаетъ, что Герценъ только дитя современныхъ обстоятельствъ, ихъ отраженіе? Если г. Фиркъ думаетъ нѣсколько иначе, то этимъ онъ показываетъ недостаточность своего образованія — не болѣе. Мы впрочемъ и не будемъ навязывать остзейскому барону знакомство съ сколько нибудь порядочными историческими, политическими и общественными системами. Напротивъ, мы всегда удивлялись даже тому, что г. Шедо-Ферроти, человѣкъ смышленный, но недостаточно образованный, выступилъ на серьозное литературное поприще, къ которому у него нѣтъ достаточной подготовки. Лучшее образованіе, конечно, избавило бы его отъ многихъ промаховъ; серьозное пониманіе предохранило бы его отъ непростительныхъ даже школьнику ошибокъ. А то вотъ г. Фиркъ заподозрѣваетъ Герцена въ желаніи уподобиться удушеннымъ русскимъ императорамъ, Діонисію Сиракузскому, греческой королевѣ, какому-то королю. Неужели онъ не знаетъ, что для слишкомъ многихъ людей — эта компанія не настолько хороша, чтобы желать насильственно, или по приглашенію втереться въ нее? Исключая одно только лицо, о которомъ мы не имѣемъ права сказать что нибудь неодобрительное,

всѣ остальныя упомянутые г-да очень и очень плохи, и могутъ у порядочныхъ людей только способствовать разлитію желчи. Петръ III былъ идіотъ; Павелъ I — сумашедшій; покойный русскій императоръ — извергъ и. т. д. Считать за честь подобную компанію — смѣшно. Только ужь крайне холопское сердце можетъ умиляться этою честью. Герценъ же, напротивъ, съ большею охотою называетъ себя Прозерпиною съ бородой, чѣмъ греческой королевой.

Но пишущему жандарму, г. Фиркэ, сообразить это не удалось, или не хотѣлось .... и чтоже? Г. Фиркъ обвиняетъ Герцена, вслѣдствіе этого, въ желаніи захватить всю власть въ свои руки при будущемъ переворотѣ въ Россіи, распоряжаться Россіею по царски. Г. Фиркъ обвиняетъ, что Герценъ желаетъ добиться осуществленія своихъ идей, вызванныхъ, по собственному признанію г. Шедо-Ферротн, искреннею любовью къ отечеству. Вотъ это мило! Да кто-же не стремится къ осуществленію своихъ идей, своихъ завѣтныхъ думъ? Конечно, добиваться можно разными путями. Это совершенно вѣрно. Но изъ того, что Герценъ требуетъ отдѣленія отъ Россіи Польши, никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ желалъ насильственнаго диктаторскаго осуществленія своихъ желаній. Напротивъ. „Молодая Россія“ въ высшей степени задорно выразила, что Герценъ теперь потому и не можетъ служить выраженіемъ революціонныхъ мнѣній, что онъ чувствуетъ отвращеніе отъ диктатуры. Что-же касается до Польши, то отдѣленія ея требуютъ всѣ мыслящіе русскіе, вся Европа. Это не выраженіе диктаторскихъ мнѣній, а настоятельная потребность времени. На что ужь г. Щебальскій: офиціальный, правительственный, имне-

раторскій исторіографъ, — и тотъ говоритъ о необходимости отдѣленія Польши .... виноваты! — не говоритъ, а умалчиваетъ, т. е., не произнося solemnia verba, выражаетъ tacitus consensus.

Мы увѣрены, что баронъ Фиркъ видитъ теперь, какъ онъ ошибся, хотя ошибка его изъ самыхъ явныхъ. Мы распространились о ней особенно подробно потому только, что намъ, жалѣющимъ искренно пишущихъ жандармовъ, хотѣлось бы остеречь барона отъ подобныхъ ошибокъ: чего добраго, правительство изъ за нѣсколькихъ промаховъ увидитъ неспособность барона, и перемѣнитъ свою милость на невниманіе. Тогда, пожалуй, г. Шедо-Ферроти умретъ на подобіе Надеждина. Мы позволили себѣ предупредить его, потому-что даже лютому врагу своему не желаемъ смерти въ чуланѣ, смерти при страшныхъ угрызеніяхъ совѣсти. Мы обращались къ нему какъ человѣкъ къ человѣку, потому что всегда думаемъ, что даже у самаго отпѣтаго жандарма сохраняется человѣческая личность.

Но еще болѣе, чѣмъ г. Шедо Ферроти намъ жаль другаго пишущаго жандарма, неизвѣстнаго автора брошюры: „Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные русскіе дѣятели.“ Баронъ Фиркъ, какъ мы сказали, человѣкъ смышленый, ловкій; а бѣдный неизвѣстный авторъ такъ плохъ, что наши опасенія за него невыразимы. По всей вѣроятности правительство само устыдится такого неловкаго защитника. Валуево-головнинское правительство все несравненно умнѣе неизвѣстнаго автора, и, сколько мы знаемъ, боится защиты à la г. Елагинъ.. Что-же будетъ дѣлать тогда нашъ порицатель, презрѣнный обществомъ и игнорируемый правительствомъ? Наше сердце обливается кровью, когда мы

подумаемъ о его жалкой будущности! Ради этого мы и поговоримъ съ нимъ еще дружелюбнѣе, чѣмъ съ г. Шедо-Ферроти; мы позволимъ себѣ дать ему нѣсколько наставленій, чтобы онъ велъ свои „дѣлишки“ поосторожнѣе, половче.

Прежде всего, — авторъ пишетъ варварски плохо; его книжку трудно дочитать до трети: сонъ клонитъ — такъ все старо, избито, вяло. Авторъ видимо подражаетъ г. Шедо-Ферроти, даже называетъ послѣдняго извѣстнымъ писателемъ (въ какомъ отношеніи?), заимствуетъ у него факты. Но, милый жандармъ, подражать вредно такъ какъ всякое подражаніе скучно, a tous les genres sont bons, excepté le genre ennuyeux. За чтеньемъ подобныхъ вещей заснетъ не только читатель, но пожалуй и 3 отдѣленіе.

Потомъ авторъ, упрекая кн. Долгорукова въ особенности, и насъ вообще, за любовь къ невѣрнымъ слухамъ, самъ сплетничаетъ, какъ перезрѣлая уѣздная барышня, сплетничаетъ неинтересно. Это промахъ.

Далѣе, нашъ порицатель хвалитъ шефа жандармовъ. — Это крайняя неловкость. Хвалитъ онъ и вообще жандармовъ, и цензуру, и взяточничество. Это неловкость невѣроятная.

Наконецъ, онъ, восхваляя своихъ единомышленниковъ, упрекаетъ насъ за то, что мы, либеральное публицисты, относимся другъ къ другу съ уваженіемъ. Это просто смѣшно. Уважать каждаго — право и обязанность человѣка; а уважать людей, которые извѣстны своими достоинствами, любовью къ родинѣ, — это святой долгъ, тѣмъ болѣе, что онъ не ведетъ насъ къ ослѣпленію. Мы другъ къ другу относимся съ уваженіемъ, но не потворствуемъ взаимнымъ ошибкамъ.

Наши журнальныя отношенія можно скорѣе назвать недружественными. „Свободное Слово“, напримѣръ, не упоминая ни объ одной изъ статей „Сѣверной Почты“, дало мѣсто возраженію на статью Н. П. Огареву; кн. Долгоруковъ прочелъ намъ рѣзкую лекцію, по поводу „Неизвѣстныхъ заговоровъ“; редакція „Колокола“ назвала насъ наивнымъ за кн. Вяземскаго. Слѣдовательно, если при этихъ обстоятельствахъ, мы относимся къ другъ-другу съ уваженіемъ, то потому, что не имѣемъ поводовъ на противное.

Это мы просимъ не забыть, при будущихъ трудахъ неизвѣстнаго автора, порицающаго насъ, — для его же собственной пользы. Иначе онъ попадется въ просакъ, вызовущій недовольство кн. Василія Долгорукова.

Пишущихъ-же жандармовъ вообще мы просимъ не забыть, что каждое новое ихъ созданіе вызоветъ у насъ только одинъ возгласъ:

Бѣдные люди! какъ намъ жаль васъ ....

Киссингенъ, Іюнь.

НЕОБХОДИМЪ-ЛИ БРАКЪ?

СТАТЬЯ I[АЯ].

Человѣческія общества стремятся теперь къ уничтоженію всевозможныхъ стѣсненій. Какъ прежде думали добиться свободы посредствомъ разныхъ гарантій и регламентацій, такъ, напротивъ, теперь добиваются ее посредствомъ уничтоженія общественныхъ перегородокъ всякаго рода. Прежде для личной безопасности заключались въ цѣхи; теперь для личной-же свободы выходятъ изъ цѣховъ. Прежде для пріобрѣтенія гарантій заключались въ сословія; теперь для пріобрѣтенія существеннѣйшихъ обезпеченій сливаютъ сословія въ единую массу, нераздѣляемую юридическими и политическими уловками. Прежде для охраненія отъ распространенія проституціи заключали прозелитокъ этого ремесла въ публичные дома, или въ особенныя ремесленныя котеріи; теперь, напротивъ, уничтожаютъ эти пріюты разврата, надѣясь доставленіемъ женщинѣ полныхъ гражданскихъ правъ и ея умственнымъ развитіемъ предохранить ее отъ паденія. Прежде сумасшедшихъ сажали въ клѣтки; теперь врачи думаютъ, что лучшее лекарство для умалишеннаго — общество разумныхъ людей, всевозмож-

ныя развлеченія. И эта перетасовка идей идетъ во всемъ, начиная отъ торговли и кончая преступленіями. Тоже и въ наукѣ: новѣйшія политическія и правовыя школы рѣшительно приходятъ къ тому заключенію, что самостоятельность, самобытность — лучшій источникъ развитія и совершенствованія, и что всякій покровительственный элементъ (въ смыслѣ покровительства извнѣ) есть только лишній порогъ на небезтрудномъ и безъ него пути. Яснѣе всего выразилъ это недавноумершій Бокль, имѣвшій блистательнаго предшественника — Милля, по нашему мнѣнію, перваго изъ современныхъ политическихъ философовъ. Бокль, къ сожалѣнью, представляетъ одни окончательныя выводы, рѣшительно отрѣшаясь отъ современной почвы. Милль-же особенно дорогъ тѣмъ, что указываетъ самый путь до боклева идеала, путь твердый и реальный, неоснованный на ломкѣ, дозволяющей заблудиться между руинами. Что настоящій порядокъ общественной и государственной жизни не хорошъ — въ этомъ нѣтъ спора: эксплуатація силы и капитала однихъ — бѣдпота и вынужденныя преступленія другихъ — встрѣчаются на каждомъ шагу. Но этотъ современный порядокъ еще слишкомъ крѣпокъ; думать, что вотъ-вотъ онъ мгновенно разрушится — невозможно; его невозможно игнорировать, какъ нельзя игнорировать всякую силу. Непрактично мечтать, что одно мановеніе нашей руки ниспровергнетъ въ прахъ всѣ людскія убѣжденія, всѣ привычки, всѣ предразсудки. Если иные перевороты совершаются очень скоро, то потому-только, что къ этому перевороту было все подготовлено. Христіанство — напримѣръ — ученіе очень сильное и, по чистой доктринѣ, безспорно ученіе соціалистическое, — не только не сломало старыя человѣческо-житейскія

формы, но и само подчинилось этимъ формамъ. Настоящій порядокъ — противникъ еще слишкомъ могучій, а потому переходъ отъ настоящаго порядка къ боклеву идеалу не можетъ быть мгновененъ, не можетъ быть рѣзокъ. Не всякое дѣло крѣпко, „когда подъ нимъ струится кровь.“ Для жизненныхъ отношеній помимутно необходимы сдѣлки. Сила всегда сила, и человѣческія предразсудки и привычки поэтому тоже не бездѣлица, и „вѣрный“ путь въ лабиринтъ общественныхъ отношеній къ выходу изъ современной безурядицы крайне необходимъ. Необдуманный шагъ только губитъ и дѣло и дѣятелей. Скажемъ откровенно: у насъ такъ называемся женская эмансипація (дѣло необыкновенно важное, такъ какъ отъ него, въ свою очередь, зависитъ много дѣлъ) именно потому и идетъ такъ плохо, что первое ея проявленіе было угловато. Милль по этому, незабывая силы современнаго порядка, поступаетъ, по нашему мнѣнію, крайне осмотрительно и разумно. Сущность и достоинство предлагаемаго Миллемъ состоитъ въ томъ, что онъ практически указываетъ возможность человѣческой личности высказываться такъ, какъ она хочетъ, т. е., если я вѣрю во что нибудь, вы — не вѣрите, то мы не должны заставлять другъ друга думать такъ, какъ думаетъ одинъ изъ насъ; вашъ образъ жизни и мыслей не долженъ быть для меня закономъ. Отсутствіе-же какого бы-то нибыло общаго мѣрила само собою уничтожитъ нѣкоторые законы, выходившіе изъ этого источника; перегородки и стѣсненія мало-по-малу изчезнутъ и боклево pia desideria явится во всемъ своимъ блескѣ.

Общее направленіе, указанное выше, не минуло и бракъ. Нѣкогда бракъ былъ установленъ въ видѣ обезпеченія общественной нравственности. Двухъ человѣковъ,

во избѣжаніе того, чтобы они впредь не сдѣлались безнравенными, связывали на всю жизнь, почти совершенно не допуская возможности сложить принятыя цѣпи, грозя въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви, наказаніями, ограниченіями и. т. д. Боязнь развитія безнравственности заставила попечительный людъ изъ физіологически-гражданскихъ отношеній сдѣлать какую-то непосягаемую сакру. Чрезъ это, мало-по-малу, бракъ въ общественной жизни обратился въ сильное стѣсненіе, не только неограждающее отъ безнравственности, но, напротивъ, порождающее ее. Принудительная неизмѣнность чувствъ — дѣло совершенно невозможное: чувства измѣняются, а обрачившіяся лица, во избѣжаніе скандализированія общественной нравственности, должны это скрывать, обнаруживать свои наклонности и симпатіи подъ покровомъ тайны, т. е. лгать, подличать, другъ друга взаимно обманывать, и, такимъ образомъ, въ результатѣ прибѣгать къ полнѣйшей безнравственности. Насильственныя отношенія мужа и жены, изъ которыхъ нѣтъ выхода, доводятъ не только до обмана, но и до преступленій, особливо, по уголовной статистикѣ, со стороны женщинъ. Божеская санкція нисколько не помогала дѣлу.

По этому (не говоря пока о старой) въ исторіи новѣйшей мы видимъ отмѣненіе многихъ крайнихъ ограниченій относительно условій брачной жизни. Уничтожили, напримѣръ, прежде всего полную нерасторгаемость брака, введенную въ законодательные кодексы волею Карла великаго; увеличивали мало-по-малу количество основаній, необходимыхъ для расторженія; вдовы получили право втораго брака; судъ по разводнымъ дѣламъ перешелъ изъ рукъ духовенства въ руки граж-

данской власти. Французская революція почти совершенно переработала идеи о бракѣ. Декретомъ Законодательнаго собранія (20—25 сентября 1792 г.) была узаконена совершенная свобода развода. За основанія приняты: consentement mutuel (обоюдное согласіе) la simple allégation d'incompatibilité d'humeur où de caractère (простое доказательство несходства характеровъ); сумашествіе; глупость, или ярость одного изъ обрачившихся; присужденіе безчестящаго наказанія; сильное оскорбленіе; намѣренное оставленіе супруга въ теченіи по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ; пятилѣтнее безвѣстное отсутствіе; эмиграція, и, наконецъ, доказанная безнравственность. Главная же заслуга французской революціи состоитъ въ томъ, что она не только увеличила свободу окончанія брачныхъ отношеній, — но перемѣнила самыя условія принятія и промульгаціи ихъ, измѣнила самый характеръ брака, принявъ въ основанія не каноническую систему, а гражданскую. Ограниченія, допущенныя ею, устанавливаются только ради послѣдствій брака — дѣтей.

Въ Россіи бракъ установленъ вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства, въ его византійской формѣ. Византійское право, какъ извѣстно, носитъ на себѣ сильный отпечатокъ римскаго. Поэтому, естественно, къ намъ внесены были самыя строгія формы брака, вызванныя разными обстоятельствами античной имперіи. Запустѣніе Италіи привело римскихъ цесарей къ мысли о бракѣ обязательномъ: каждый римскій гражданинъ долженъ былъ, подъ опасеньемъ разныхъ стѣсненій, непремѣнно обзавестися законнымъ семействомъ. Плодородіе жены вело къ особеннымъ привилегіямъ — jus trium liberorum. Паденіе гражданскихъ доблестей породило другую идею:

поддержанія породы (lex Papaea). Эти тяжелыя античныя формы перешли къ намъ если не вполнѣ, если и смягченныя христіанскимъ элементомъ, то нисколько нелишенныя государственно-церковнаго характера. Мужъ, благодаря этимъ условіямъ, началъ играть суровую роль римскаго pater-familias, а. Это впрочемъ не мѣшало женщинѣ страшно распутничать. Іоаннъ IV, вѣроятно, не даромъ казнилъ и мѣнялъ своихъ женъ; Елена Глинская, царевна Софія не могутъ похвастаться особенною нравственностью. Развратъ былъ тѣмъ ядовитѣе, что онъ совершался подъ покровомъ тайны. Петръ 1й, доканчивая и выглаживая Россію, какъ государство, гуляя самъ съ публичными женщинами à la Монсъ, Екатерина I и т. п., только усилилъ строгость брачныхъ отношеній. Эти строгости привели къ тому, что XVIII и начало XIX вѣковъ представляютъ какую-то оргію распутства. Мода на такъ называвшіеся тогда „маханія“, при отсутствіи свободы развода, дала бытіе такой отвратительной картинѣ, подлѣ которой совершенно блекнутъ очерки теперешняго Берлина, Лондона и пр. Въ XIX вѣкѣ, когда вся Европа приняла гражданскую систему брака, мы остались при прежней божественной. Но, въ свою очередь, въ то время, какъ западная Европа нѣсколько успокоилась относительно рѣшенія о формѣ брака, — у насъ, напротивъ, горячо поднялся самый вопросъ о необходимости брака. Замѣчательнѣе всего то, что мы пришли къ положительному отрицанію. На положеніе: необходимъ-ли бракъ? — значительная часть русскихъ отвѣчаетъ — нѣтъ, такъ какъ бракъ безнравственъ, потому-что онъ допускаетъ насиліе.

Въ самомъ дѣлѣ, и безъ брака, можно достигнуть

тѣхъ-же самыхъ результатовъ вполнѣ свободно, какъ и при супружескихъ стѣсненіяхъ. Законъ соединенія двухъ половъ такой-же органическій законъ человѣка, какъ и законъ общенія. Мужина и женщина будутъ соединяться, по мимо всякихъ государственныхъ цѣлей, силою физіологическаго стремленія. Рожденіе дѣтей также естественно отъ двухъ обрачившихся, какъ и необрачившихся лицъ. Между тѣмъ, отношенія послѣднихъ гораздо естественнѣе: люди будутъ сходиться по добровольному нестѣсненному согласію, жить вмѣстѣ — пока имъ хорошо, расходиться просто-на-просто тогда, когда они чувствуютъ себя худо. Злоупотребленій бояться нечего, такъ какъ злоупотребленія существуютъ и теперь. Но тогда выборъ лица будетъ предоставленъ каждому на свой страхъ, что непремѣнно породитъ болѣе серьозный взглядъ. Бракъ съ этой точки зрѣнія рѣшительно вреденъ, и необходимо должно думать, что человѣчество доживетъ таки до его уничтоженія, что человѣчество оставитъ и въ этомъ случаѣ путь стѣсненій; и тутъ повторится справедливость боклева pia desideria. Бокль будетъ совершенно правъ, но и Милль не является съ запоздалымъ и невѣрнымъ мнѣніемъ, такъ какъ, конечно, подобнымъ обр. не можетъ рѣшиться вопросъ для текущей минуты. Не только законодательство, но само общество смотрятъ на небрачныя связи очень строго; такъ называемые „незаконно-рожденные“ чувствуютъ надъ собою тяготѣніе общественнаго предразсудка. Далѣе, покинутая женщина очень часто не имѣетъ пристанища. Далѣе, всякое отношеніе, по настоящему ходу вещей, требуетъ своей формулы. Наконецъ, тутъ необезпечивается судьба дѣтей. Обо всѣхъ этихъ вопросахъ необходимо подумать.

Предварительно мы постараемся разсмотрѣть два вопроса: a) какія формы могутъ принять отношенія мущины и женщины? b) какія средства могутъ представиться для обезпеченія судьбы дѣтей?

Прежде чѣмъ существовали брачныя отношенія, конечно, существовали отношенія небрачныя. Поэтому, не должно быть сомнѣнія, что послѣднія могутъ существовать и въ будущемъ. Но вотъ какія формы даетъ намъ исторія для небрачныхъ связей.

1) Отношенія чисто животныя. Мущина, подчиняясь физіологическому побужденію, инстинкту, соединяется съ женщиною. Лучшимъ выраженіемъ этихъ отношеній служитъ гаремъ. Тутъ нельзя представить себѣ хозяйственной, или нравственной стороны: человѣкъ, набирая женщинъ въ гаремы, заботится, конечно, исключительно только о плотской сторонѣ отношеній. Въ прежніе дни персидскій шахъ ежедневно получалъ по одной жертвѣ-дѣвушкѣ. Древніе вавилоняне выставляли на базаръ женщинъ — и каждый прохожій могъ удовлетворить себя. Въ наше время этимъ отношеніямъ служатъ публичные дома. Постоянный историческій фактъ указываетъ на законность подобной связи, но и на односторонность и вредность ея. Физіологическая сторона вопроса никакъ не можетъ быть устранена, но неопредѣленность отношеній, порождаемыхъ ею, неисключая другихъ сторонъ, низводитъ въ тоже время человѣка на степень неразумнаго животнаго, чувствующаго инстинктъ случки.

Подобныя-же отношенія въ другой формѣ представляетъ древняя Спарта. Многоженства тутъ не было: спартанецъ имѣлъ одну женщину; но онъ могъ видѣться съ нею только въ продолженіи нѣсколько часовъ ночи.

Подобная точка зрѣнія, конечно, не можетъ казаться удовлетворительною, и никто не пожелаетъ ея введенія въ міръ современныхъ отношеній, какъ не пожелаетъ и введенія тѣхъ чисто животныхъ отношеній, которыя установлялъ своимъ примѣромъ Сократъ, отдавая свою жену Ксантипу на пользованіе Алкивіаду.

2) Отношенія жертвенныя. У вавилонянъ была богиня Мелліта. Каждая женщина должна была хоть разъ въ жизни являться во храмъ этой богини, гдѣ каждый проходившій чужеземецъ могъ удовлетворять ею свои половыя похоти, бросивъ за это опредѣленную монету въ ссаку храма. Нѣчто въ родѣ этихъ отношеній существовало у древнихъ евреевъ и у римлянъ.

Но эти отношенія мущины и женщины, небудучи брачными, значительно стѣсняли свободу женщины — угрозами общественными или религіозными. Это не встрѣчается —

3) въ отношеніяхъ чисто свободныхъ, которыя существовали у грековъ, у римлянъ имперіи, существуютъ теперь — въ слишкомъ узкомъ общественномъ примѣненіи. Въ Римѣ сенаторы могли совершенно законно находиться въ свободныхъ отношеніяхъ съ актрисами и вольно отпущенницами, которыя въ этомъ случаѣ назывались amica, uxor gratuita и т. п. Знаменитые греки жили съ гетерами. Въ новомъ мірѣ существуютъ такъ называемые ménages parisiens, и наконецъ „общественныя“ женщины. Всѣ эти отношенія очень свободны. Моменты вступленія въ нихъ и выхода представляются рѣшительно обоюдному согласію двухъ лицъ разныхъ половъ. Нѣкоторыя изъ этихъ отношеній, не имѣя никакихъ ограниченій, недовольствуются простымъ актомъ

случки, продолжаются довольно долго, всю жизнь — и приводятъ къ самымъ счастливымъ результатамъ.

Наилучшія изъ этихъ формъ, конечно, за новымъ міромъ, за тою ихъ формулою, имя которой въ общественномъ мнѣніи „ménages parisiens“. Лица сходятся безъ принужденія, несмотря на разность или равенство лѣтъ, характеровъ, состояній, общественныхъ положеній, національныхъ отличій. Никакого юридическаго или каноническаго освященія тутъ не требуется. Участь дѣтей, по предположенію, обезпечивается естественною родительскою любовью. Разрывъ связи въ рукахъ соединившихся. Изъ небрачныхъ и брачныхъ отношеній, ménages parisiens, безспорно, самыя лучшія: доставляя полную свободу тому и другому лицу, „парижскіе“ браки не обусловливаются ни исключительно половыми стремленіями, ни исключительно юридическими обязательствами. Но именно, что лучше „парижскихъ“ браковъ доказываетъ, что при современномъ порядкѣ вещей рѣзкій переходъ отъ брачныхъ отношеній едва-ли можетъ быть мыслимъ? Ménages parisiens — лучшая форма связи мущины и женщины — и она такъ слабо распространена! Люди охотнѣе готовы подчиниться нѣкоторымъ, иногда значительнымъ неудобствамъ, охотнѣе жертвуютъ своею свободою, чѣмъ соглашаются не имѣть кое-чего опредѣленнаго. Что-же это за причина, по которой люди бѣгаютъ отъ лучшаго?

Но, нашему мнѣнію, тутъ соединяется немало причинъ, какъ-то: — политическое и гражданское неравенство положеній мущины и женщины, недостатокъ женскаго труда, необезпеченность дѣтей, гнетъ общественнаго мнѣнія, недостаточная или невсесторонняя развитость и пр. Но едва-ли не главнѣйшій въ этомъ случаѣ по-

будительный мотивъ тотъ-же, по которому самые развитые люди, сознавая всѣ недостатки современной государственной жизни, все-же ищутъ свободы не отъ государства, а свободы въ государствѣ, такъ какъ всякій разумный человѣкъ очень хорошо сознаетъ, что сила ломитъ солому, что разорвать всецѣло государственныя связи нѣтъ никакой возможности, и что борьба при подобной попыткѣ производитъ только анархію, страшную всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности. Это лучшее доказательство того, что люди, никогда не теряя изъ виду идеала, разумно-ли инстинктивно-ли, а все таки ищутъ переходныхъ ступень при ходѣ общественнаго развитія. Это лучшее доказательство тому, что при современныхъ порядкахъ „парижскій“ бракъ, т. е. уничтоженіе всякихъ брачныхъ отношеній, едва-ли можетъ имѣть значеніе нормы. Люди очень естественно предполагаютъ, что полное достоинство всякаго дѣла обусловливается полною гармоніею этого дѣла со всѣми другими общественными установленіями. Самые ярые коммунисты и соціалисты нашихъ дней, вполнѣ признавая, что „la propriété c'est le vole“, — очень рачительно удерживаютъ за собою пріобрѣтенное, или доставшееся имъ по наслѣдству имущество, потому-что они совершенно ясно понимаютъ, что отказъ отъ собственности одного лица тогда только имѣлъ бы желанное слѣдствіе, когда бы этотъ отказъ былъ не исключительнымъ, а общимъ фактомъ. Тоже относительно связи мущины съ женщиною. Очень многіе изъ современныхъ людей сознаютъ, что „парижскій бракъ“ самая лучшая форма данныхъ отношеній, — и почти никогда не рѣшаются соединить подобною формою свою судьбу съ судьбою самой развитой дѣвушки, или женщины.

Возьмемъ примѣръ наиболѣе модный: судьбу Фантины въ новомъ романѣ Виктора Гюго. Фантина не наша заурядная барышня: это характеръ сильный, способный работать до истощенія, отбросить все то, что для многихъ женскихъ характеровъ составляетъ ихъ существо, — т. е. желаніе быть красивою; Фантина отрѣзываетъ свои волосы, продастъ свои зубы (не продавая себя) — и что же? даже этотъ страшный характеръ погибаетъ безвременно и ужасно. А много-ли такихъ Фантинъ? Какъ-же поэтому входить легко въ ближайшія и безусловныя отношенія къ женщинѣ, когда каждое лицо зависитъ не только отъ самого себя, но и отъ правительства явнаго и тайнаго, близкаго и далекаго, большаго и малаго, отъ цѣлаго общества и отъ своего сосѣда, отъ своего имущества, отъ своихъ занятій? Какъ-же входить въ безусловныя отношенія къ женщинѣ, когда эти отношенія по большей части не безслѣдны, сопровождаются рожденіемъ дѣтей, тотчасъ-же по своемъ появленіи подчиняющихся извѣстнымъ (и очень нехорошимъ) законамъ, дѣтей, на столько несчастныхъ, что они не могутъ зарабатывать даже тотъ горькій хлѣбъ, который въ крайнемъ случаѣ доступенъ взрослой и сильной матери. Нѣтъ, человѣческое чувство любви къ женщинѣ и къ ребенку никакъ не позволитъ распространиться въ настоящую безурядицу „парижскому браку“, лучшей, какъ мы уже сказали формѣ данныхъ отношеній. Пусть это будетъ прекраснымъ идеаломъ, до котораго мы будемъ стремиться, — а пока намъ необходима какая нибудь условная форма связи, пока бракъ необходимъ, какъ норма, дозволяющая уклоненія и исключенія.

Какая-же форма, какой бракъ?

(Продолженіе въ слѣд. N).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗАКОННОСТИ. *)

(По поводу одной старой университетской лекціи).

Насъ заѣло чувство законности, законность и пр. Какъ? спрашиваетъ удивленный читатель: какимъ образомъ можетъ заѣсть насъ то чувство, котораго мы, по общему сознанію, никогда не чувствовали? Очень просто, читатель, — какъ причина извѣстнаго заѣдающаго слѣдствія. Нѣкоторые ученые открыли въ нѣкоторыхъ народахъ это похвальное чувство. — Наши ученые, заимствующіе подчасъ чужую ученость не умомъ, а страницами, по которымъ они читаютъ потомъ съ кафедръ, позаимствовали между прочимъ и вышеназванное чувство. И вотъ теперь — что бы общество ни сдѣлало, при какихъ бы то ни было условіяхъ, наши ученые то и дѣло что суютъ всюду чувство законности. Начнемъ-ли мы охать отъ профессорскихъ лекцій — на сценѣ тотчасъ же чувство законности; прохаживаются-ли по

---

*) Мы предварительно испрашиваемъ извиненія у автора статьи, за то, что она является не вполнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ прислана. Иначе, не имѣя характера общаго разсужденія, статья была бы явленіемъ нѣсколько позднимъ, — въ чемъ, какъ кажется, нельзя обвинить ее теперь. Ред.

нашимъ спинамъ казацкія нагайки — намъ толкуютъ о чувствѣ законности; ссылаютъ-ли насъ безъ суда — чувство законности тутъ какъ тутъ. Подчасъ бываетъ отъ него далеко хуже, чѣмъ тошно; ѣстъ оно насъ, нашу плоть и кровь, нашъ духъ, нашу силу.

Но это было бы не особенно странно, хоть и не совсѣмъ хорошо. А то вотъ въ чемъ дѣло: наши ученые говорятъ намъ о такомъ чувствѣ законности, изъ котораго очевидно, что они настоящаго-то заграничнаго чувства и не знаютъ. Мы и хотимъ потолковать объ этомъ чувствѣ, взявъ за air нашей проповѣди нѣсколько словъ г. Б. Н. Чичерина „Повиновеніе закону и пр. (смотри ниже).

„Повиновеніе закону — вотъ первое требованіе правды, первый признакъ гражданственности, первое условіе свободы!“ восклицаетъ г. Чичеринъ. Оспаривать это общее положеніе было бы болѣе нежели странно; это истина исновая, уже достаточно истасканная различными проповѣдниками государственной морали. Сущность впрочемъ заключается не столько въ теоретической важности высказаннаго положенія, сколько въ его житейскихъ, чисто-практическихъ приложеніяхъ. Кому не извѣстно, что самая святая, самая очевидная истина въ своихъ крайнихъ выводахъ нерѣдко является вопіющею несправедливостью? Соглашаясь съ г. Чичеринымъ въ необходимости повиноваться законамъ, мы тѣмъ не менѣе убѣждены, что въ данномъ случаѣ также необходимо тонкое чувство мѣры, какъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ. Иначе можно прійдти къ самымъ неожиданнымъ и оскорбительнымъ для нравственнаго

достоинства гражданина заключеніямъ. Къ сожалѣнію московскій публицистъ страдаетъ именно отсутствіемъ мѣры, и въ своихъ исключительно-теоретическихъ требованіяхъ готовъ на всѣ возможныя крайности. „Не думайте, поучаетъ онъ, чтобы повиновеніе закону ограничивалось одними хорошими законами. Еслибъ всякій сталъ исполнять только тѣ законы, которые онъ считаетъ хорошими, то было бы полное господство анархіи. Во всѣхъ странахъ міра есть законы и хорошіе и дурные: но обязанность повиноваться распространяется на всѣ. Это требованіе общее. Для юриста повиновеніе закону такая-же основная аксіома права, какъ 2 × 2 = 4 для математика: кто не врѣзалъ себѣ этого глубоко въ сердце, тотъ не можетъ сдѣлать ни единаго шага въ правовѣденіи.“ Въ этихъ словахъ, въ этомъ сопоставленіи юридическаго начала съ аксіомою 2 × 2 = 4 кроется капитальная ошибка оратора. Тогда какъ въ точныхъ, математическихъ наукахъ всякое вычисленіе приводитъ только къ одному строго-опредѣленному и неизмѣнному рѣшенію, науки такъ называемыя нравственно-политическія: исторія, философія и право допускаютъ многоразличныя воззрѣнія, изъ которыхъ каждое можетъ имѣть свою долю истины. Имѣть дѣло съ числами далеко не тоже, что̀ съ людьми, и смотрѣть на живые организмы, доступные радости и страданію, какъ на цифры, могутъ развѣ тѣ законодатели и юристы, гордые своимъ чорствымъ безстрастіемъ, для которыхъ лучше весь міръ погибни — лишь бы торжествовала признанная ими доктрина! Такой взглядъ чуждъ христіанскому просвѣщенію. Христіанство научило уважать человѣческую личность и указало на глубокое различіе между понятіями строгаго права (jus strictum) и

нравственности. Различіе это, конечно, небезъизвѣстно г. Чичерину; онъ могъ вычитать о немъ если не изъ собственнаго сердца, то хотя изъ книгъ, потому что объ этомъ важномъ предметѣ писали многіе мыслители и публицисты. Истинная задача законодательства состоитъ въ стремленіи провести въ народную жизнь начала высшей правды; но тѣмъ не менѣе, какъ дѣло человѣческаго сознанія, зависящее отъ тысячи мѣстныхъ, временныхъ и даже личныхъ причинъ, оно часто не достигаетъ своей цѣли. Противорѣчіе между требованіями писаннаго закона и нравственности бываетъ нерѣдко, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно проявляется до такой степени ярко, что способно возмутить честнаго человѣка самой кроткой и уступчивой природы. Еще римскіе юристы сознавали, что summum jus — summa injuria! Мы вовсе не проповѣдуемъ, чтобы всякой могъ сортировать законы по своему субъективному разумѣнію и руководствоваться тѣми изъ нихъ, которые ему нравятся; это дѣйствительно повело бы къ полной анархіи. Нѣтъ, мы хотимъ только указать, что выше всякихъ законодательныхъ актовъ стоятъ законы нравственные, равно для всѣхъ священные, одинаково для всѣхъ обязательные. Что̀ это за нравственные законы? мы толковать не будемъ; кому недоступны гуманность, вѣротерпимость, филантропія, для кого мертвая буква высочайшаго указа обязательнѣе смысла этихъ понятій, тому не помогутъ никакія объясненія.

Какъ скоро существуетъ ясно-сознаваемое противорѣчіе между требованіями нравственности и писаннаго закона, сила послѣдняго уже подкопана въ самомъ основаніи. Надобно вовсе не имѣть гражданскаго мужества, чтобы рѣшиться на исполненіе того закона,

который прямо отвергается вашею совѣстью, вашею вѣрою въ благородное и святое. Нетрудно подчиниться произволу законодателя въ его мелочныхъ, полицейскихъ распоряженіяхъ, какъ-бы они нелѣпы ни были; нетрудно, напримѣръ, снисходя его безсмысленному желанію, остричь свои волосы подъ гребенку, дать казенное направленіе бакенбардамъ, застегнуться на всѣ крючки и пуговицы. Но есть болѣе важные, болѣе существенные вопросы, гдѣ уступки бываютъ далеко не такъ легки. Какія нечеловѣческія усилія нужны были судьѣ-слѣдователю въ то время, когда съ одной стороны еще существовала страшная система пытокъ, а съ другой въ немъ самомъ уже пробудилось сознаніе въ ихъ безплодной жестокости! Что еслибы онъ, въ порывѣ кротко-гуманнаго, христіанскаго одушевленія, рѣшился вопреки закону или вовсе избѣгать пытокъ, или покрайней мѣрѣ ослабить ихъ суровость, умѣрить ихъ употребленіе: неужели и тутъ раздался бы обвинительный голосъ доктринёра: „законность попирается! пока не уничтожены всемилостивѣйшимъ манифестомъ дыбы и встряски, онѣ должны быть обязательны во всемъ ихъ безчеловѣчіи!“ Намъ возразятъ, что это — отжившая старина и что напрасно ее тревожить. Пусть и такъ; но развѣ въ современномъ обществѣ уже вовсе не замѣчается никакого противорѣчія между началами нравственности и положительныхъ законовъ и развѣ это печальное явленіе не производитъ въ жизни потрясающихъ, истинно — трагическихъ столкновеній? Не понапрасну же образованные народы прибѣгаютъ въ уголовныхъ дѣлахъ къ суду присяжныхъ, предоставляя ихъ совѣсти, ихъ нравственному чутью умѣрять губительную силу карательныхъ постановленій. Развѣ современная цивилизація уже стоитъ на той вы-

сотѣ, когда нѣтъ и быть не можетъ такихъ отсталыхъ узаконеній, которыя нисколько не гармонируютъ съ развитіемъ общественныхъ нравовъ и которыя потому самому или совсѣмъ не исполняются, или при каждомъ новомъ заявленіи своего авторитета вызываютъ въ болѣе образованныхъ сословіяхъ негодованіе и протестъ? Не допуская осужденія и протеста, законодательная власть сама лишаетъ себя необходимой опоры; когда все общество молчитъ, когда всѣ смиренно гнутъ свои шеи и, словно бараны, предоставляютъ законодателю гнать себя въ ту или другую сторону, какимъ образомъ онъ узнаетъ о несостоятельности своихъ предписаній, о необходимости отмѣнить отжившій законъ и установить новый? Такъ называемая партія умѣренныхъ боится, чтобы правительство, недовольное разнаго рода адрессами и манифестаціями, не свернуло съ дороги мирнаго прогресса на старую николаевскую колею. Но развѣ это возможно? развѣ правительство уже такъ пòшло, что не видитъ, что въ старомъ порядкѣ несть и ему спасенія? Безъ людей, безъ денегъ далеко не уѣдешь! Притомъ когда, въ какое время русское общество наиболѣе походило на запуганное стадо, какъ не въ прошедшее царствованіе? Молчаніе было гробовое, послушаніе образцовое; что-жъ убѣдилось ли этимъ тогдашнее правительство въ выгодахъ либеральнаго движенія? Нисколько; видя кругомъ полное безгласіе, оно начало поступать со всѣми безъ изъятія, какъ съ безсловесными. И по-дѣломъ! кто отказывается отъ своего человѣческаго достоинства, тотъ его и не достоинъ. Прекрасно повиновеніе, основанное на разумѣ; повиновеніе же бараньяго стада нимало непохвально и не только не въ состояніи ослабить деспотизма, а напротивъ умножаетъ

его притязанія. Согни только шею, деспотизмъ потребуетъ, чтобъ ты согнулъ и спину; а согнешь спину — онъ какъ разъ осѣдлаетъ тебя и станетъ погонять плетью.

Наше законодательство обильно постановленіями, которыя, будучи порождены одностороннимъ развитіемъ государственнаго принципа и крайнимъ абсолютизмомъ верховной власти, чужды всякой справедливости, и потому строгое исполненіе ихъ необходимо ставитъ порядочнаго человѣка въ совершенный разладъ съ собственною совѣстью. Таковы, напримѣръ, законы и административныя распоряженія, направленныя противъ раскольниковъ, предписывающія грабить ихъ скиты, ломать ихъ часовни и преслѣдовать цѣлое населеніе за его религіозныя вѣрованія; таковы всѣ секретныя предписанія о цензурѣ, потакающія оффиціальной лжи и враждебныя всякому свободно-правдивому голосу; таковы и всѣ постановленія о тайной полиціи, основанныя на подкупѣ и шпіонствѣ. Неужели всѣ эти безобразныя узаконенія должны быть священны для всѣхъ и каждаго? Не дуракъ ли будетъ тотъ, кто, имѣя возможность избѣгнуть ихъ исполненія, подчинится имъ вопреки правдѣ и совѣсти — изъ единственнаго желанія соблюсти законность до-нѣльзя? Не только частное лицо, но и чиновникъ, которому доступны человѣческія чувства, постарается обойдти нелѣпый законъ и не станетъ дѣйствовать съ радушіемъ и безпощадностью машины высокаго давленія. — А законы о преподаваніи въ школахъ? При покойномъ государѣ университетскіе курсы были замкнуты въ узкія рамки программъ, напередъ разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ подозрительнымъ правительствомъ, которое заботилось очищать ихъ отъ всего вольнодумнаго;

въ военноучебныхъ заведеніяхъ преподаватели всеобщей исторіи обязывались проводить ту нелѣпую мысль, что конституціонное устройство ведетъ только къ смутамъ и что самое счастливое и цвѣтущее время римской исторіи было при императорахъ; о временахъ же римской республики предписывалось излагать кратко, вскользь, какъ о мало-интересной эпохѣ народнаго невѣжества. Учители греческаго языка не смѣли заикаться объ эразмовомъ произношеніи; а русскимъ историкамъ запрещено было доискиваться и спорить о настоящемъ годѣ пришествія варяго-руссовъ. Если такіе невинные вопросы, какъ о приходѣ Рюрика, подвергались запрету деспотическаго законодателя, то ужь конечно отъ него нечего было ожидать снисхожденія къ тѣмъ истинамъ науки, которыя обличаютъ царство дикаго произвола. Философія и естественныя науки до сихъ поръ состоятъ въ подозрѣніи правительства. Что-же, въ видахъ пресловутой законности, надо было наставникамъ юнаго поколѣнія подчиниться высочайшимъ прихотямъ, и жертвуя правдою и благородствомъ, развращать молодежь и вмѣстѣ съ этимъ губить будущее Россіи? Ради царственнаго ослѣпленія надо было позабыть пророческое слово Спасителя о тѣхъ, „аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ?“ Наконецъ, вотъ еще одинъ наиболѣе разительный примѣръ: уголовное уложеніе узаконяетъ доносъ, требуя его отъ всѣхъ, и грозя тяжкими наказаніями всякому, кто бы завѣдомо пренебрегъ этимъ милымъ способомъ выказать свое усердіе къ правительству. Нравственное чувство невольно отвращается отъ такого узаконенія; опытъ исторіи громко говоритъ не въ его пользу. Система доносовъ и шпіонства всегда и вездѣ порождала крайній развратъ и вела къ распаденію

всѣхъ общественныхъ связей; не касаясь грустныхъ, но поучительныхъ свидѣтельствъ изъ жизни другихъ народовъ, мы считаемъ достаточнымъ напомнить, что и въ жизни русскаго народа небезслѣдно прошли страшныя времена слова и дѣла. Общество клеймитъ наушничество и шпіонство заслуженнымъ позоромъ; самые цари, покровительствующіе доносамъ и награждающіе за нихъ чинами и деньгами, не скрываютъ своего презрѣнія къ доносчикамъ. Неблагосклонное къ доносчикамъ, общественное мнѣніе въ бо̀льшей части случаевъ не только не бываетъ враждебно противъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ, но еще обнаруживаетъ къ нимъ искреннее состраданіе и симпатію; какъ часто оно видитъ въ нихъ мучениковъ за идеи правды и свободы и уважаетъ въ нихъ и чистоту убѣжденій и гражданское мужество! Образованные народы, выдавая оскорбленнымъ правительствамъ бѣглыхъ воровъ, убійцъ и разбойниковъ, политическимъ изгнанникамъ даютъ радушный и надежный пріютъ. И велико ли иногда бываетъ разстояніе между именемъ героя и названіемъ политическаго преступника? Успѣхъ, увѣнчавшій смѣлое предпріятіе Гарибальди, далъ ему славу героя; будь проиграно его дѣло, попадись онъ въ руки неаполитанскаго короля — и онъ былъ бы присужденъ къ смерти. Любопытно бы узнать, какъ г. Чичеринъ, подъ вліяніемъ своей доктрины, смотритъ на итальянскаго патріота? Въ глазахъ всей Европы онъ — великая и благороднѣйшая личность; въ глазахъ же г. Чичерина, можетъ быть, не болѣе, какъ счастливый бунтовщикъ.

Изо всего сейчасъ-высказаннаго можно сдѣлать одинъ выводъ, что тамъ, гдѣ законъ не требуетъ отъ гражданина подлости, онъ долженъ быть исполняемъ.

Уваженіе къ законамъ есть первая и необходимая основа государственной жизни; ибо вотще писать законы, если ихъ не исполнять. Но вѣдь уваженія этого нельзя приказать; если нѣтъ его въ народѣ, то его не вызовутъ никакія проповѣди съ кафедры. Вмѣсто того, чтобы повторять избитое нравоученіе: „повинуйтесь законамъ, хотя бы и дурнымъ!“ — не лучше ли было обратиться къ законодателю съ правдивымъ и твердымъ словомъ о необходимости напередъ воспитать въ народѣ чувство законности. А воспитывается оно во 1-хъ) хорошими т. е. гуманными и разумными законами; нелѣпыя и жестокія узаконенія нельзя заставить уважать, потому что это несогласно ни съ здравымъ умомъ, ни съ совѣстью. Во 2-хъ) чувство законности, воспитывается въ народѣ увѣренностью, что всѣ законы исходятъ изъ дѣйствительныхъ потребностей общества. Такая увѣренность возможна лишь тамъ, гдѣ законы навязываются не извнѣ, а редактируются народными представителями и скрѣпляются ихъ торжественно-выраженнымъ согласіемъ. Но такъ ли бываетъ у насъ? Для кого и когда было тайною, что исключительнымъ источникомъ законовъ въ нашемъ отечествѣ есть произволъ верховной власти, которая не любила и не любитъ прислушиваться ни къ общественнымъ желаніямъ, ни къ истинамъ, добытымъ наукою? Первый томъ Свода открывается слѣдующею статьею: „Императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный; повиноваться его верховной власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ (!)“ Вотъ коренное положеніе. Очевидно, что произволъ царственной единицы является вполнѣ-разнузданнымъ: всякое слово государя, всякая его прихоть — уже есть законъ. Стоитъ ему, въ при-

падкѣ тупоумія и бѣшенной горячки, предписать нелѣпицу, оскорбительную для нравственнаго достоинства человѣка, и она уже обязательна для всѣхъ подданныхъ. Такъ Павелъ I[й] заставлялъ и мущинъ и дамъ, при встрѣчахъ съ нимъ на улицахъ, выходить изъ каретъ, не смотря на время года: мущины должны были преклонять колѣна на грязной мостовой, дамамъ же позволялось останавливаться на подножкѣ экипажа; такъ Николай Неудобозабываемый предписывалъ отбирать изъ среды семействъ малолѣтныхъ сыновей и записывать въ кантонисты, узаконялъ гоненіе на раскольниковъ и евреевъ, запиралъ двери къ университетскому образованію и такъ далѣе. Въ 3-хъ) чувство законности въ обществѣ развивается ненарушимымъ равенствомъ всѣхъ и каждаго передъ законами и твердымъ уваженіемъ къ ихъ требованіямъ со стороны самаго правительства и его органовъ. Но, увы! ни этого равенства, ни этого уваженія не знаетъ русская исторія и русская дѣйствительность. Развѣ Екатерина великая не раздавала государственныхъ земель и свободныхъ людей своимъ фаворитамъ единственно въ награду за тѣ великіе подвиги, какіе совершались ими въ ея спальнѣ? Развѣ Павелъ Петровичъ не продолжалъ также безумно обращать свободныхъ людей въ крѣпостныхъ рабовъ? Развѣ названія Биронщины, Аракчеевщины, Клейнмиховщины не ясно показали, какъ много и какъ безнаказанно могутъ творить на Руси временщики, потворствуемые императорскимъ самовластіемъ, вопреки положительнымъ законамъ страны? А при теперешнымъ государѣ такъ ли строго и неумытно наказываются ворующіе министры, какъ ворующіе становые? Клейнмихель, напримѣръ, удаленъ съ льстивымъ благодарственнымъ рескриптомъ; да и

другіе сановные господа, какъ скоро окажутся или вредными негодями или ни къ чему неспособными невѣждами, сдаются на храненіе въ государственный совѣтъ и надѣляются при этомъ и похвальными рескриптами и громадными окладами. Понёсъ ли графъ Закревскій хотя малое наказаніе за тотъ наглой поступокъ, за который уголовное уложеніе назначаетъ лишеніе правъ состоянія и ссылку въ Сибирь? За какія услуги М. Н. Муравьевъ и графы Адлерберги, старшій и младшій, получили богатыя земли въ Самарской губерніи? За что Лидерсъ, прославившійся казнокрадствомъ въ недавнюю войну, награжденъ графствомъ? На какомъ основаніи незаконнорожденныя царскія дѣти пользуются высшими титулами? ради чего за побочными дѣтьми нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ признаны права законныхъ, тогда какъ, относительно всѣхъ другихъ сословій, подобныя уступки ни въ какомъ случаѣ не допускаются? Почему въ мирное время гражданскій судъ безпрестанно замѣняется военнымъ, вопреки постановленіямъ Свода законовъ? Неужели съ тою цѣлью, чтобы наказывать невинныхъ? Въ прошломъ году военный судъ рѣшилъ въ 24 часа наказать одного крестьянина сквозь строй и сослать въ Сибирь на поселеніе за открытой грабежъ; наказаніе исполнено; а въ нынѣшнемъ году доведено до свѣденія Сената, что найдены настоящіе преступники грабежа, и что сосланный крестьянинъ наказанъ невинно, вслѣдствіе поспѣшности произведеннаго слѣдствія. Почему въ нѣкоторыхъ важныхъ слѣдствіяхъ верховная власть рѣшается предписывать слѣдователямъ, чтобы они не стѣснялись формами судопроизводства, т. е. дѣйствовали бы совершенно произвольно? Еще недавно былъ отданъ такой приказъ московской слѣдственной коммиссіи по дѣлу студентовъ.

Но остановимся; подобными примѣрами неуваженія верховной власти и ея органовъ къ законамъ, ею-же самою установленнымъ, кишитъ наша общественная жизнь, и если продолжать исчисленіе всего, что̀ приходитъ намъ на память, то мы никогда не кончимъ наши вопросы.

Г. Чичеринъ былъ бы вполнѣ правъ, еслибъ требованія его относительно уваженія законовъ обратилъ не столько къ учащемуся молодому поколѣнію, сколько къ сильнымъ земли: это было бы и смѣло, и честно. Онъ могъ бы развить ту справедливую мысль, что пока правительство не научится само уважать законы, до тѣхъ поръ оно напрасно будетъ требовать этого отъ народа. Пока въ народѣ существуетъ сознаніе, что законъ (по пословицѣ) — паутина, въ которой вязнетъ муха, а шмель проскакиваетъ, до тѣхъ поръ онъ всячески станетъ заботиться какъ-бы обойдти его. Масса далеко не такъ глупа, какъ о ней думаютъ. Если сильные міра сего плутуютъ, обираютъ, и обманываютъ, развѣ могутъ не дѣлать того-же безсильные? Съ волками жить — по-волчьи выть! Это естественный законъ самохраненія; иначе бы пришлось умирать съ голоду. Васъ грабятъ, а вы неужели легкомысленно подставите свои карманы? Разумѣется, нѣтъ! одна плутня вызоветъ цѣлый рядъ другихъ, и нечего нападать на отсутствіе нравственности въ низшихъ сословіяхъ, когда народные опекуны не потрудились внѣдрить ее въ своихъ собственныхъ сердцахъ. „Свобода анархическая, говоритъ г. Чичеринъ, есть придверіе деспотизма.“ Правда; но это фраза не менѣе справедлива и тогда, когда переставимъ ее на оборотъ и скажемъ, что деспотизмъ приводитъ къ анархіи и дѣлаетъ законы безсильными.

ПОЛЬСКІЯ ДѢЛА 1862 ГОДА.

Посвящается памяти незабвеннаго Канарскаго.

Несмотря на то, что положеніе Польши уже давно не принадлежитъ къ заурядным, недавнія происшествія въ Варшавѣ и внѣ ея еще сильнѣе и судорожнѣе заставили каждаго мыслящаго человѣка обратить вниманіе на польскій вопросъ, который долженъ же хоть когда нибудь разрѣшиться — согласно волѣ народной. Польскій вопросъ — вовсе не гордіевъ узелъ, по крайней мѣрѣ для русскихъ, для тѣхъ русскихъ, которые видятъ въ дѣлѣ не однѣ версты и сажени, а живое народное чувство. Каждый полякъ, неослѣпляемый враждою, вполнѣ желаетъ свободы Россіи, и никогда ненавязываетъ ей то политическое устройство, за которое стоитъ онъ самъ. Если до этой мысли дойдетъ каждый русскій, то этимъ рѣшительно покончится его обязанность относительно Польши, этимъ значительно порѣшится польскій вопросъ. Иначе, будетъ-ли устроивать судьбу Польши россійскій самодержецъ (курьозный титулъ!), или московскій доктринеръ, или нѣмецкій штатсманъ — Польша ни какимъ образомъ не будетъ и не должна быть довольна и благодарна. Хорошее, или дурное управленіе возметъ

она — это ея дѣло; но она должна получить свое управленіе, должна установить его сама, и ничто другое не будетъ цѣлесообразно и прочно.

Въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которые уже истекли или еще совершаются передъ нашими глазами, въ виду новаго фазиса польскихъ дѣлъ, который зачинается теперь, мы сдѣлаемъ обзоръ недавне-прошлаго, и выскажемъ нѣкоторыя предположенія о будущемъ, насколько послѣднее вытекетъ изъ анализа событій.

Въ Польшѣ началось очевидное движеніе ранѣе 1860 г. На это были причины. Николай умеръ въ очень странную минуту. Смерть его была почти мгновенна, и она застала Польшу въ расплохъ. Наученные опытомъ 48 года, поляки поняли возможность насильственнаго отторженія отъ Россіи только въ томъ случаѣ, когда революціонное движеніе было бы всеобщее и успѣшное, когда завязалась бы одновременная борьба въ Австріи, Италіи и Франціи. На послѣднюю Польша расчитывала. Но безобразный и безшутный переворотъ 52 года отнялъ у поляковъ очень значительную часть надеждъ. Впрочемъ, едва-ли они много думали и о кружевной республикѣ Ламартина, котораго политическая ничтожность яснѣе солнца. Часть вѣрованій была въ Римѣ. Озлобленные и угнетенные насиліемъ, поддерживаемые религіею и духовенствомъ, поляки слали свои взоры къ апостольскому престолу, подобно тому, какъ русскіе во время монгольскаго ига надѣялись на свое духовенство. Но папская поддержка могла быть только нравственною, но никакъ не матерьяльною. Однако, продолжись крым-

ская война, поляки, можетъ быть, успѣли бы опомниться, и какъ ни двусмысленна была бы поддержка наполеоновской Франціи, навѣрное во многихъ мѣстахъ поднялось бы революціонное знамя — едва ли непреждевременное. Преждевременное вотъ почему. Наполеонъ III сидѣлъ тогда на престолѣ далеко не такъ крѣпко, какъ теперь, и, конечно, тогда онъ былъ на столько эгоистически-благоразуменъ, что никогда не рѣшился бы на политику бурбонскихъ-Людовиковъ, которые, угнетая свой народъ, поддерживали революціонное движеніе американскихъ штатовъ. Очень легко можетъ быть, что возстань тогда поляки, онъ поспѣшилъ бы помириться съ русскимъ правительствомъ. Тоже было бы съ Австріею, которая, какъ извѣстно, играла немаловажную роль въ крымской войнѣ. Польша и не возстала. Ближайшія обстоятельства доказывали повидимому благоразумную практичность спокойствія: Россія заключила миръ, внутренно ожила, бросилась на дорогу реформъ; молодой самодержецъ пріѣхалъ между прочимъ въ Варшаву, и пролилъ нѣсколько капель своихъ драгоцѣнныхъ слезъ, обѣщая сдѣлать для поляковъ всевозможное. Всѣ эти симптомы были очень благопріятны для исхода болѣзни, такъ какъ вѣдь никто еще не зналъ, что у русскаго царя слезы женскія, т. е. ничего нестоющая вода.

Чего ожидали тогда поляки?

По меньшей мѣрѣ — исполненій клятвенныхъ обѣщаній Александра 1го и того, что имъ принадлежало по закону: полной, хоть бы и административной самостоятельности Польши, автономіи административной, долженствующей мало-по-малу перейдти въ самостоятельность политическую. Первая автономія должна была проявиться — въ самостоятельномъ управленіи, которое должно бы рас-

пространиться и на Литву; въ развитіи выборнаго начала до полныхъ представительныхъ формъ; въ полнотѣ и независимости обученія; въ независимости религіозной; въ мѣстной раскладкѣ податей; въ уменьшеніи находящагося во Польшѣ войска; въ утвержденіи самостоятельности судовъ.

Удовлетвореніе этихъ крайне-умѣренныхъ желаній было обѣщано. Статьями XV и XXXIII, изданнаго по случаю коронаціи манифеста, полякамъ, экспатрировавшимъ и замѣшаннымъ въ политическихъ волненіяхъ, была объявлена амнистія, полная или неполная. Годъ спустя — открыта варшавская медицинская академія. Но этимъ и кончилось дѣло: путь реформъ, несмотря на незначительность требованій, вѣроятно, оказался такъ труденъ, что правительство отказалось двинуться хоть на шагъ дальше, замѣняя только отъ времени до времени однихъ негодяевъ-чиновниковъ другими, назначая вмѣсто Паскевича — Горчакова, потомъ Сухозанета, потомъ Ламберта и т. д., удержавая Назимовыхъ, Муха-новыхъ и имъ подобныхъ.

У поляковъ вспыхнуло чувство оскорбленныхъ и галгански обманутыхъ надеждъ, сильнѣе закипѣло чувство оскорбленной національной гордости и презрѣнія къ утѣснителямъ. Всякое довѣріе къ правительству было подкопано окончательно. Польша увидѣла наконецъ, что ждать нечего. Правительство, подмѣтивъ симптомы общественнаго недовольства, захотѣло подавить ихъ, — и только подлило въ огонь масла: Польша, Литва покрылась сѣтью новыхъ, молодыхъ обществъ, которыя, заимствуя у старыхъ ихъ ненависть и опытность, приносили съ собою неудержимую энергію. Угрюмо смотрѣлъ ограбленный земледѣлецъ; точилъ свой ножъ

мастеровой; полька приколола къ груди своей символъ страданія — крестъ; готовилась молодежь, страстно покоряясь наставленіемъ отцовъ; съ церковной каѳедры дѣйствовало духовенство, можетъ быть, и слишкомъ, но все таки благородно и необходимо возбуждая народный фанатизмъ. Нѣтъ никому дѣла: дѣйствовало-ли польское духовенство своекорыстно или безкорыстно, — оно дѣйствовало въ пользу народа — и только воплощенное безстыдство можетъ упрекать за это служителей бога и народа.

Конецъ 1860 уже обнаружилъ нѣкоторыя довольно значительныя волненія; кое гдѣ раздался польскій народный гимнъ. Но поляки, еще невполнѣ сконцентрировавшись, рѣшились ждать — пока только хватитъ силъ.

Въ 1861 году произошла извѣстная варшавская бойня: 10 апрѣля Варшава обагрилась кровью своихъ сыновъ. Одни погибали, умирая съ молитвою на устахъ; другихъ отвозили въ далекую Сибирь, гдѣ новопривезенные разсказывали сосланнымъ старикамъ про тѣ печальные подвиги русскихъ-нѣмцевъ, которые не избѣгнутъ правдиваго и жосткаго осужденія исторіи. Тюрьмы переполнялись. Каждое церковное служеніе, каждыя похороны (какъ, напр. польки Савинской) служили причиною погибели многихъ, или молившихся, или плакавшихъ надъ гробомъ своихъ близкихъ. Общества не только ученыя, но и земледѣльческія закрывались. Самыя завѣтныя чувства были оскорблены.

Но поляки сдѣлали новую мирную попытку: глава польскаго духовенства, честный старецъ Фіалковскій написалъ къ русскому самодержцу, почтительное письмо, въ которомъ кротко напоминаетъ клятвопреступленія, говоритъ о крови невинно-убитыхъ.

Какой-же отвѣтъ?

Революціонный: русскій императоръ отвѣчалъ, что „если недовольство было бы общее, то онъ принялъ бы его во вниманіе; но смерть нѣсколькихъ человѣкъ для него — ничто“. Значитъ: онъ требовалъ общаго возстанія; значитъ: справедливость требованій онъ мѣрялъ количествомъ крови. Полякамъ нечего было ждать. Но они еще и еще не одинъ разъ показываютъ примѣръ политическаго благоразумія, то въ Варшавѣ, гдѣ ихъ вѣшали, то въ Ковнѣ (12 Августа), то въ Вильнѣ, гдѣ они сошлись на могилу Канарскаго, того самаго святаго мученика Канарскаго, который первый протянулъ руку примиренія русскому народу, отдѣливъ послѣдній отъ безпутнаго и безчестнаго правительства.

1861 годъ прошолъ въ смутномъ, въ нерѣшительномъ положеніи дѣлъ. Наступилъ 1862 г. Картина нѣсколько перемѣнилась — и передъ нашими глазами новая обстановка, небезинтересная въ поучительномъ родѣ и небезвліятельная на будущее.

Наиболѣе живой интересъ возбуждаютъ, за исключеніемъ дѣлъ каноника Біалобржескаго, Александра Замойскаго и выбора, по смерти Фіалковскаго, новаго администратора варшавской епархіи, происшествія недавняго времени: назначеніе в. к. Константина штатгальтеромъ, маркиза Вельепольскаго — его помощникомъ; пораненіе генерала Лидерса и в. князя. Всѣ эти происшествія быстро бѣгутъ одно за другимъ, взаимно другъ другомъ освѣщаются, и свидѣтельствуютъ о новой эпохѣ, въ которую вступаетъ теперешняя исторія Польши.

Незадолго передъ назначеніемъ в. к. Константина въ Польшу, всѣ говорили, что онъ, при нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ государственномъ совѣтѣ, займетъ мѣсто предсѣдателя. Если бы это случилось — неизвѣстно: было бы это во вредъ, или въ пользу Польшѣ. В. к. Константинъ, будучи старшимъ по нисходящей линіи братомъ императора, по всѣмъ вѣроятностямъ, очень желаетъ разыгривать роль старшаго въ семействѣ вообще. Одаренный очень значительнымъ умомъ, нечуждый общихъ знаній и знакомства съ нуждами Россіи и болѣзнями нашего времени, онъ вполнѣ рожденъ быть самодержцемъ, признающимъ за законъ только свою волю, только свои убѣжденія. Къ нему перешли всѣ деспотическія замашки его отца. Но, не будучи деспотическимъ императоромъ, онъ рѣшился разыгрывать роль либеральнаго принца. Морское министерство обязано ему значительными улучшеніями; онъ крѣпко держалъ сторону освобожденія крестьянъ, поддерживаетъ многія реформы. За это Россія, несмотря на побудительныя причины этихъ дѣйствій, должна искренно благодарить великаго князя. Но натура беретъ свое, и либеральный принцъ нерѣдко прорывается, доставляя этимъ не мало поводовъ для истиннаго уразумѣнія его характера. Всѣмъ русско-польскимъ либеральнымъ партіямъ извѣстны поступки либеральнаго принца въ Вилла-Франкѣ и Николаевѣ. Правда, иногда научаемый горькимъ опытомъ, хоть извѣстнымъ „николаевскимъ“ отвѣтомъ на его оскорбленіе, послѣ котораго онъ было рѣшился покинуть Россію, великій князь, раздражаясь болѣе и болѣе внутренно, холодѣетъ наружно, сдерживается; но эта „сдержанность“ заставляетъ только еще болѣе опасаться его накипѣвшей злости. Нужно будетъ

увидѣть его въ полнотѣ власти — и тогда окончательно обсудить его.

Назначеніе его было внезапно; самые предварительные слухи объ этомъ были до крайности застѣнчивы. Сообщавшіе вѣсть постоянно оговаривались, что, можетъ быть, в. к. Константинъ и не приметъ назначенія. Онъ и самъ находился въ нерѣшительности. Съ одной стороны его манило штатгальтерство, могущее обратиться въ самостоятельное королевствованіе. Но съ другой стороны, нельзя было не видѣть огромныхъ затрудненій. Чего хотятъ поляки — либеральный принцъ знаетъ. Этимъ требованіямъ удовлетворить трудно, не отрѣшившись вполнѣ отъ фамильныхъ интересовъ. Этого мало: недостаточно самаго искренняго желанія съ его стороны, — необходимо довѣріе и поляковъ, и не однихъ поляковъ Конгресовки, а и всѣхъ польскихъ партій — находятъся-ли послѣднія подъ покровомъ двуглаваго, или одноглаваго орловъ. Наконецъ, польскій либерализмъ не есть либерализмъ „нѣмецкій“ или французкій. Наполеоны для Польши едва-ли нужны и вовсе невозможны. Либеральный принцъ знаетъ къ тому-же о польской депутаціи къ саксонскому королю, и о притязаніяхъ Альберта, старшаго сына послѣдняго. Эта другая сторона медали могла обезкуражить и не одного великаго князя. Либеральный принцъ колебался — и взвѣшивалъ шансы. Пристально взглянулъ онъ и на Россію . . . . и этотъ взглядъ рѣшилъ дѣло: в. к. Константинъ увидѣлъ, что быть первымъ въ Россіи — ему нельзя: деспотизмъ чуетъ тамъ свою смерть, да и при немъ, или безъ него, а великому князю до императорства пришлось бы пройдти кромвелевскою дорогою. Путь невѣрный — и вотъ за

внезапнымъ назначеніемъ послѣдовало и внезанное принятіе этого назначенія.

В. к. Константинъ впрочемъ, выбирая изъ двухъ неизвѣстностей заманчивѣйшую, не ринулся въ выбранное закрывъ глаза. Напротивъ, онъ позаботился объ опорѣ. Столпомъ явился въ этомъ случаѣ нѣкто маркизъ Вельепольскій, личность очень замѣчательная въ новѣйшей исторіи Польши.

Маркизъ Вельепольскій принадлежитъ къ самымъ значительнѣйшимъ аристократическимъ фамиліямъ королевства. Первоначально онъ былъ дѣятелемъ одной едва-ли не изъ самыхъ либеральныхъ партій, придержпвавшихся, въ противодѣйствіе Россіи, къ австрійскому двору. Богатый, талантливый, популярный маркизъ имѣлъ многихъ сторонниковъ. Кромѣ духовенства, къ нему примкнули тѣ ихъ польскихъ патріотовъ, вся дѣятельность которыхъ была всецѣло направлена къ противудѣйствію Россіи, можно-ли поддержать его своею собственною силою, или помощью другихъ державъ, хотя бы Австріи, старой и вѣчной противницы русскаго народа и правительства. Польская интеллигенція, заключившаяся по преимуществу въ кругу помѣщиковъ, если иногда и не вполнѣ поддерживала маркиза, игравшаго значительную роль въ администраціи, то и непротиводѣйствовала ему. По силу г. Вельепольскаго покачнули печальныя событія 1846 года. Политика Метерниха привела въ этомъ году къ рѣзнѣ въ Галиціи; не одно помѣщичье семейство было вырѣзано, благодаря желанію австрійскаго министра возбудить враждующіе интересы, чтобы самому держаться чужою враждою и разъединеніемъ. Аристократическій и владѣтельный маркизъ написалъ тогда извѣстное „Открытое письмо“, въ кото-

ромъ, устрашенный рѣзнею, онъ протянулъ руку примиренія и помощи покойному русскому самодержцу. Письмо это погубило г. Вельепольскаго въ глазахъ Польши, но подняло по лѣстницѣ административныхъ отличій. Онъ потерялъ значительную часть партіи, удержавъ за собо ютолько чисто-аристократическіе роды, слишкомъ заинтересованные помѣщичьими выгодами, и нѣкоторое духовенство. Событія 1860—61 годовъ выдвинули его еще значительнѣе: въ февралѣ и апрѣлѣ 1861 года его можно было по справедливости назвать „правителемъ“ Польши. Князь Горчаковъ, бывшій въ то время намѣстникомъ, не имѣя достаточнаго войска, поручилъ дѣло „усмиренія“ маркизу, который организовалъ тогда министерство, захвативъ въ свои руки народное образованіе. „Правленію“ маркиза между прочимъ обязано своимъ закрытіемъ „Варшавское земледѣльческое общество.“ Въ концѣ 1861 г. его роль нѣсколько затмилась, и онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, гдѣ его вполнѣ узналъ и оцѣнилъ в. к. Константинъ, который, принявъ штатгальтерство Польши, оперся на маркиза Вельепольскаго.

Чѣмъ грозитъ Польшѣ этотъ дуумвиратъ — покажетъ исторія. Но вотъ какія обстоятельства усложнили ходъ дѣла.

Генералъ Хрулевъ, тотъ самый, что служилъ по питейной части у комерціи совѣтника Кокорева, на одномъ смотру обозвалъ офицеровъ, братающихся съ поляками и читающихъ „возмутительныя“ сочиненія, „дураками“. Офицеры выбрали депутацію изъ 6 человѣкъ, (2 офицера, 2 унтеръ-офицера и 2 рядовыхъ), которая должна была попросить у питейнаго генерала объясненіе по поводу нанесеннаго оскорбленія. Г. Хру-

левъ нашелъ въ этомъ нарушеніе дисциплины, и депутація была отдана подъ военный судъ, приговорившій ей разстрѣляніе. Русскій самодержецъ отказался конфирмовать несчастный приговоръ, — и его утвердилъ исправлявшій должность намѣстника, генералъ-адъютантъ Лидерсъ, тотъ самый, безпутная жизнь котораго извѣстна каждому малому мальчику. *) За это россійскій Ловласъ поплатился — можетъ быть, своею безполезною, или даже вредною жизнію: честная рука пустила въ него пулю, и состояніе его здоровья очень сомнительно.

Этого мало. Не успѣлъ в. к. Константинъ пріѣхать въ Варшаву, какъ его постигла, впрочемъ невполнѣ, — участь предшественника: подмастерье г. Ярошинскій, рискуя своею жизнью, выстрѣлилъ въ князя-штатгальтера.

Эти происшествія безспорно очень важны: еще никогда до сихъ поръ поляки не выходили на подобное поприще. Значитъ: современныя событія носятъ особенный, необыкновенный характеръ, если они вызываютъ необыкновенныя мѣры.

Въ самомъ дѣлѣ — каково современное состояніе Польши?

Во первыхъ, никогда единеніе польскаго народа небыло такъ сильно, какъ теперь. Окончаніе безобраз-

---

*) Генералъ Лидерсъ, во время крымской кампаніи, вытащилъ одного изъ безталаннѣйшихъ пьянѣйшихъ начальниковъ корпуснаго штаба въ генеральство за то только, что супругу этого господина возили къ главнокомандующему (Лидерсу) на почтовыхъ. Дѣла бывшаго намѣстника съ Г-жею П — вой и дѣв. В — ти также извѣстны.

ныхъ отношеній помѣщиковъ съ крестьянами дозволило обѣимъ сторонамъ разглядѣть общаго врага. Теперь польскій народъ — единая шляхта, безъ всякихъ общественно-аристократическихъ перегородокъ, — и вражду въ немъ трудно возбудить не только пошлыми мухановскими эрласами, но и чѣмъ нибудь по серьознѣе. Чувство національнаго единства, общее сознаніе чужеземнаго гнета — страшно сильны. Одинаковая религія представляетъ одинаковый источникъ подкрѣпленія и утѣшенія.

Во вторыхъ, достаточная политическая зрѣлость позволяетъ всѣмъ видѣть цѣль теперешнихъ польскихъ стремленій. Польша знаетъ не только то, чего она не хочетъ, но и то, что она хочетъ. Польша знаетъ и своихъ враговъ. Панславизмъ, какое бы то ни было соединеніе съ Россіею — ей ненавистны. Поэтому каждый панславистъ — ея врагъ. Suum cuique: пусть Русь будетъ Русью, Польша — Польшею. Польша незаботиться о республикѣ, а о свободѣ, и всякій глава ея, который будетъ придерживаться фамильныхъ, а не польскихъ традицій, будетъ ненавидимъ.

Въ третьихъ, польскіе дѣятели теперь не аристократическіе роды, а выходцы изъ народа. Кто когда либо просматривалъ списки осужденныхъ русскимъ правительствомъ, кто вспомнитъ кто̀ такой по состоянію г. Ярошинскій, тотъ ясно увидитъ — кто̀ теперь дѣйствуетъ.

Въ четвертыхъ, русское сочувствіе къ полякамъ существуетъ не только въ сердцѣ русскихъ изгнанниковъ, но и въ сердцѣ самыхъ солдатъ и войска. Русская вражда идетъ туда-же, куда и польская.

Въ пятыхъ, поляки, чувствуя силу, не могутъ согла-

ситься теперь на какіе-либо компромиссы: вопросъ поставленъ теперь слишкомъ рѣзко, и можетъ окончиться только полнымъ и рѣшительнымъ своимъ уясненіемъ.

Можетъ-ли-же въ такомъ случаѣ удовлетворить подобному состоянію великій кн. Константинъ, поддерживаемый съ одной стороны маркизомъ Вельепольскимъ, съ другой — войскомъ, въ которомъ существуетъ броженіе, хотя существуютъ и питейные генералы?

Едва-ли.

Русское господствованіе нераздѣлимо съ принципомъ ассимиляціи. Вынужденная внутренняя автономія подъ наружными формами будетъ скрывать колючіе шипы. Преподаваніе на польскомъ языкѣ еще не значитъ свободное и согласное съ народнымъ духомъ преподаваніе; выборное полицейское управленіе еще не значитъ управленіе безъ тайной полиціи; коллегіальное и самостоятельное обсужденіе законовъ еще не значитъ ненарушеніе этихъ законовъ.

И кто, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ, что при Николаѣ и на польскомъ языкѣ печатались для дѣтей катехизисы, въ которыхъ оканонизировывались доносы? Кто не знаетъ, что не только честные выборные полицейскіе чиновники, но и все польское дворянство парализировались жандармами? Кто не знаетъ, что законы, обсужденные коллегіальнымъ и самостоятельнымъ польскимъ сенатомъ, и обнародованные для всеобщаго исполненія, безпрестанно нарушались самымъ дикимъ произволомъ?

А что иное можетъ дать в. к. штатгальтеръ для Польши, какъ русской провинціи? Ничего, и тутъ никакое спокойствіе немыслимо, особливо, если самое вступленіе либеральнаго принца въ должность только и сопровождается, что арестами, страшными приговорами,

пытками? И развѣ даромъ вмѣстѣ съ благороднымъ полякомъ сажаютъ на важный постъ нѣкоего г. Келлера, бравшаго взятки по пяти и десяти рублей? Развѣ даромъ назначаютъ хоть въ Минскъ губернаторомъ г. Кожевникова, у котораго (давно ли?) минская-же палата государственныхъ имуществъ отнята за разбойническія грабительства?

Поляки, какъ мы знаемъ, ничего большаго и неожидаютъ отъ великаго кн. Константина: общественный пріемъ, выстрѣлъ г. Ярошинскаго указываютъ на то основательное недовѣріе, которое встрѣтилъ и встрѣтитъ в. князь-намѣстникъ. Полякамъ важно не то, кто будетъ ихъ деспотическимъ правителемъ, а то, чтобы ихъ права были возстановлены и ненарушаемы. Ходъ дѣлъ, который мы видимъ теперь, не можетъ привести къ сколько-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Безспорно, со стороны либеральнаго принца было бы и разумнѣе и честнѣе вести дѣла кротко, миролюбиво и послѣдовательно; но это только отдалило бы на нѣсколько часовъ тѣ факты, которыхъ всѣ ждутъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Но вотъ вопросъ: не рѣшено-ли уже отдѣльное польское королевство съ нынѣшнимъ штатгальтеромъ, какъ самостоятельнымъ королемъ?

Можетъ быть. Даже русская камарилья въ состояніи убѣдиться, что удержать взволнованную Польшу за Россіею невозможно. Нѣкоторые ея члены охотно согласяться на ея отдѣленье, если оно будетъ соединено съ полнымъ отстраненіемъ изъ Россіи в. к. Константина, который все-таки, благодаря своей маскѣ, мѣшаетъ имъ во многомъ. Но едва-ли это повлечетъ къ чему нибудь особенно серьозному.

Во первыхъ, добровольное правительственное отдѣленіе не можетъ не ограничиться только Конгресовкою, т. е. небольшимъ клочкомъ Польши.

Во вторыхъ, самая самостоятельная Конгресовка, подъ владычествомъ в. к. Константина, не можетъ не быть связана во всѣхъ политическихъ отношеніяхъ, и такимъ образомъ представитъ только вторую Россію, въ то время, когда она должна быть первою Польшею.

Въ третьихъ, при королѣ Константинѣ Польша будетъ принуждена поддерживать русскіе фамильные интересы, хотя бы это прямо противорѣчило ея собственнымъ интересамъ.

Въ четвертыхъ, возможность расширенія Польши будетъ уничтожена.

Все это положительно противно и вѣковымъ польскимъ традиціямъ, и народному духу.

Для успокоенія Россіи, Польши и Европы необходимо полное признаніе принципа національности — безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Поляки будутъ пользоваться всѣми уступками: они на столько практичны, — но они будутъ и практически-послѣдовательнѣе своихъ непрошенныхъ благодѣтелей, запятнанныхъ клятвопреступленіями, чужимъ горемъ и неповинною кровью.

ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

1830 — 1831 г.

Исторія даетъ тяжелые уроки. Горько поэтому, если бы эти уроки, при ихъ удушающей тяжести, были безполезны. Исторія достаточно указываетъ печальность революцій. Но если революціи иногда неизбѣжны, то пусть прежнія ошибки заставятъ ихъ дѣятелей вести дѣло и съ возможною осторожностью, и съ осмотрительностью въ непреждевременности начала печальнаго дѣла.

Польская революція 1830—31 годовъ, вызванная безсовѣстными дѣйствіями петербургскаго двора и его клевретовъ, полна ошибокъ. Пусть-же и она будетъ небезплоднымъ поучительнымъ урокомъ.

Мы — противъ революціи, противъ ея кровавыхъ ужасовъ. Но когда народъ возстаетъ за свою свободу — и мы не видимъ возможности достигнуть ее дѣйствіями мира — мы искренно станемъ въ ряды работниковъ свободы, не усомнясь перейдти при первой возможности на дорогу спокойнаго разрѣшенія вопроса.

Наше время вообще смутно, но нереволюціонно. И общественное мнѣніе, и разумъ массъ — все теперь за мирный путь реформъ. Народъ стоитъ за совершающіеся факты

— въ какой области человѣческой жизни не показались бы они: онъ волнуется только тогда, когда не хотятъ признать силы послѣдняго факта. А какъ часто не хотятъ признать разумнаго факта развитія народа! какъ часто идутъ противъ этого развитія, требующаго иныхъ, болѣе разумныхъ чѣмъ прежде, формъ общественной и государственной жизни!

Для историческихъ уроковъ важно безпристрастное уясненіе факта.

Предлагая нашимъ читателямъ бѣглый очеркъ исторіи польскаго возстанія, мы почерпнули его изъ источника вполнѣ достовѣрнаго. Отрывокъ, печатаемый нами, взятъ изъ сочиненія одного поляка, убѣжденія котораго покровительствовалъ покойный прусскій король. Карлъ Форстеръ — врагъ всякой анархіи. Поэтому всѣ упреки его русскому правительству — должны имѣть полную достовѣрность и полную безпристрастность. Наша личная умѣренность и непарціальность также извѣстны нашимъ читателямъ. Поэтому, они не будутъ введены въ заблужденіе, если, на основаніи представляемаго обсужденія фактовъ, выведутъ свои заключенія. Между тѣмъ, благодаря этой статьѣ, иные основательнѣе сгруппируютъ уже извѣстные имъ факты; а иные только впервое познакомяться съ ними. Это и есть наша цѣль, такъ какъ мы всегда чужды навязыванья другимъ собственныхъ убѣжденій.

Статья начинается прямымъ разсказомъ фактовъ, т. е. днемъ 29 ноября, когда всѣ дѣйствія враждовавшихъ происходили при полномъ дневномъ свѣтѣ.

ПЕРВЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

1830 г.

Достопамятный въ польскихъ лѣтописяхъ день 29 Ноября (1830 г.) начался тѣмъ таинственнымъ спокойствіемъ, которое такъ часто предшествуетъ великимъ бурямъ. На все готовые, заговорщики ожидали съ нетерпѣніемъ минуты дѣйствія. Въ шесть часовъ вечера, два огненные столба, — одинъ съ юга, выходящій изъ подожженной пивоварни, находившейся на Солеской набережной, близъ Бельведера, а другой съ запада изъ стараго строенія, недалеко отъ арсенала, — должны были дать толчекъ движенію и служить сигналомъ нападенія на русскихъ во всѣхъ занимаемыхъ ими частяхъ города.*)

---

*) Число войскъ въ Варшавѣ было слѣдующее:

Поляковъ.

Пѣхоты	7,300	человѣкъ,
Кавалеріи	600	„
Артиллеріи	200	„ и 14 орудій.
итогъ	8,120	человѣкъ.

Русскихъ.

Пѣхоты	3,600	человѣкъ,
Кавалеріи	1,800	„
Артиллеріи (2 орудія)	25	„
итогъ	5,425	человѣкъ.

Къ несчастью, условленный пожаръ удался плохо; его видѣла только одна часть заговорщиковъ и напрасно ожидала другая. Слѣдствіемъ этой неудачи была разрозненность движенья, умножившая препятствія, и едва, едва непогубившая всего предпріятія.

Не смотря на то, около семи часовъ вечера, Высоцкій явился въ юнкерскія казармы съ крикомъ: „Къ оружію Поляки! Часъ мщенія насталъ. Сегодня мы должны побѣдить или умереть. Къ оружію!“ Призывъ этотъ, принятый съ восторгомъ, воодушевилъ всѣхъ. Шлегель роздалъ патроны и вся школа выстроилась въ боевой порядокъ.

Не теряя и минуты, Высоцкій сталъ въ главѣ колонны, состоявшей изъ ста шестидесяти воспитанниковъ, изъ которыхъ каждый могъ командовать отрядомъ, и пошелъ на русскія кавалерійскія казармы, находившіяся не далеко оттуда, у Варшавскихъ воротъ. Казармы, перерѣзанные множествомъ канавъ съ маленькими мостиками, были бы для нихъ рѣшительно неприступны, еслибъ только кавалеристы, атакованные неожиданно и къ тому же ночью, не подумали, что имѣютъ дѣло съ нѣсколькими тысячами осаждающихъ. Мракъ, возбуждая ужасъ неизвѣстности, увеличивалъ въ глазахъ ихъ число непріятеля. Страшная, кровавая битва загорѣлась въ казармахъ.

А между тѣмъ болѣе важныя происшествія происхо-

Но вслѣдствіе незнанія приготовлявшихся событій нѣкоторыми отрядами войска, а именно кавалеріей, которая вся выстроилась подъ командою великаго князя, дисциплинированныя польскія силы простирались только до 8000 человѣкъ. Къ тому же русскіе на другой же день имѣли 28ю орудями болѣе, изъ которыхъ 24 были привезены изъ артиллерійскаго парка, находившагося въ Гора, а 1 отнято у инсургентовъ.

дали въ Бельведерскомъ замкѣ. Осемнадцать заговорщиковъ, большею частью студенты варшавскаго университета, задумали захватить в. к. Константина Павловича. Чтобы достигнуть своей цѣли, маленькій отрядъ этотъ раздѣлился на двѣ части; первая половина прошла черезъ сады, чтобы не допустить бѣгства цесаревича, другая же быстро двинулась къ главному выходу съ крикомъ: „смерть тирану!“ Скоро перешли они черезъ подъѣздъ дворца, столь, бывало, грознаго для поляковъ, между тѣмъ какъ вдали раздавалась перестрѣлка, завязавшаяся между юнкерской школой и русскою кавалеріей.

Константинъ спалъ въ то время, когда возмущеніе начиналось за разъ на столькихъ пунктахъ. Одинъ изъ его камердинеровъ, внезапно разбудивъ его, стащилъ съ постели и толкнулъ на потаенную лѣстницу, ведущую въ павильонъ, занимаемый женою цесаревича, княгинею Ловичь. Мѣшкать было нечего: въ ту же самую минуту заговорщики врывались во внутренность главнаго корпуса; всѣ уголки замка были обысканы ими съ бѣшенными криками ненависти и мщенья, но проникнуть въ павильонъ великой княгини они не рѣшились. Такимъ образомъ, только уваженіе ихъ къ женщинѣ и соотечественницѣ спасло цесаревича отъ величайшей опасности. Нѣмой и дрожащій отъ страха, среди колѣнопреклоненныхъ и молящихся прислужницъ княгини, онъ разплачивался теперь дорогою цѣною за страхъ, внушенный имъ народу, порученному его управленію.

Увидавъ безполезность дальнѣйшихъ поисковъ, заговорщики рѣшились удалиться. Но прежде чѣмъ оставили дворцовыя покои, они умертвили явившагося туда съ только что изготовленнымъ рапортомъ объ успѣхахъ

революціи, полицмейстера Любовицкаго; а на дворѣ, приkололи штыками русскаго генерала Жандра, любимца в. князя, хотя тотъ самъ же обыкновенно называлъ его мерзавцемъ изъ мерзавцевъ. Потомъ они очень кстати поспѣшили удалиться черезъ лѣсокъ Лазіенки, такъ какъ вслѣдъ за ними русской полкъ входилъ въ замокъ.

Соединившись съ Вѣсоцкимъ, положеніе котораго было очень незавидно, они спасли его отъ угрожавшей ему опасности быть окруженнымъ русской кавалеріей, которая, замѣтивъ наконецъ малочисленность непріятеля, выгнавшаго ее изъ казармъ, приготовлялась отомстить за свое первое пораженіе. Но приходъ бельведерскихъ заговорщиковъ измѣнилъ ихъ обоюдное положеніе. Оба соединившіеся отряда штыкомъ проложили себѣ путь къ Варшавѣ и быстро двинулись на площадь къ Александровской церкви, гдѣ разсчитывали найдти шесть лучшихъ баталіоновъ. Но генералъ Станиславъ Потоцкій, узнавъ весь планъ заговора, явился на площадь, и по мѣрѣ того, какъ приходили баталіоны, отсылалъ ихъ къ цесаревичу, почему они и не могли явиться на выручку юнкеровъ въ кавалерійскихъ казармахъ. Генералъ Потоцкій, въ которомъ заговорщики были до того очень твердо увѣрены, заплатилъ жизнію за свою измѣну.

И другія части столицы не оставались въ бездѣйствіи. Четвертый армейскій полкъ, двѣнадцати-пушечная батарея, большая часть гвардейскихъ гренадеръ, саперный баталіонъ и гренадерскія роты всѣхъ польскихъ полковъ, квартировавшихъ въ Варшавѣ, вышли изъ своихъ казармъ. Между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ означенныхъ войскъ направлялись къ арсеналу, другіе наблюдали за русской пѣхотой. Всѣ мѣры къ общественному

спокойствію и безопасности были впрочемъ приняты: карауль въ банкѣ удвоенъ.

Предводительствуя войсками, направленными къ арсеналу, Заіончовскій и Добровольскій по дорогѣ вошли въ театръ Varietés, гдѣ шло представленіе, и крикомъ: „Къ оружію! Русскіе рѣжутъ нашихъ!“ подняли зрителей. Присоединившись къ инсургентамъ, они значительно увеличивали ихъ. Послѣ довольно долгаго сопротивленія, арсеналъ былъ взятъ и заключавшееся въ немъ оружіе роздано народу.

При первыхъ выстрѣлахъ многіе польскіе генералы, извѣстные своимъ слѣпымъ повиновеніемъ в. князю, поспѣшили сѣсть на лошадей и объѣхать городъ, чтобы просьбами или угрозами прекратить возстаніе. Дѣйствія ихъ, направленные противъ интересовъ родины, не остались безнаказанными. Генералъ Гауке и полковникъ Метишевскій были оба умерщевлены у подъѣзда дворца королевскихъ намѣстниковъ; генералъ Трембицкій, отказавшійся принять сторону народа, называя возставшихъ гражданъ убійцами, заплатилъ своею кровью за это оскорбленіе; генералъ Сіеміонтковскій пойманъ съ депешами отъ в. князя и убитъ на Саксонской площади; генералъ Блюмеръ, одинъ изъ членовъ ненавистнаго cours prévotable прострѣленъ осемнадцатью пулями въ ту минуту, когда онъ почти уже достигъ до русской арміи; тѣло его повѣсили на висѣлицѣ; шефъ тайной полиціи, полковникъ Зассъ съ ему подобными, не избѣгнулъ народнаго мщенія. Къ несчастію, въ этой суматохѣ не мало было очень грустныхъ ошибокъ; такъ убитъ храбрый генералъ Новицкій, принятый заговорщиками за варшавскаго коменданта, русскаго генерала Левицкаго.

Владѣя арсеналомъ и главными пунктами въ столицѣ, поляки могли уже торжествовать побѣду. Борьба правда продолжалась еще и на слѣдующій день, но вездѣ съ уроном для русскихъ. Только разрозненность дѣйствій съ самого начала возстанія вредила полякамъ, и лишала ихъ значительной части плодовъ такъ искусно составленнаго плана. Каждый отрядъ дѣйствовалъ особо, такъ-сказать по собственному вдохновенію, что не могло не способствовать бѣгству в. князя, сильно рисковавшаго вначалѣ быть захваченнымъ; да и русскія войска, не обезоруженныя инсургентами, на что послѣдніе вполнѣ разсчитывали, составляя планъ возстанія, соединились за Варшавой, и стали у воротъ ея въ угрожающее положеніе. Министръ финансовъ Любецкій созвалъ въ самую ночь возстанья административный совѣтъ королевства и, чтобы придать ему либеральный оттѣнокъ, призвалъ въ него людей извѣстныхъ любовью къ народу, какъ князя Адама Чарторижскаго, Михаила Радзивила, генерала Паца, Кохановскаго и Нѣмцевича. Но, не смотря на участіе самыхъ уважаемыхъ гражданъ, его первая прокламація недовольно проникнутая революціоннымъ духомъ, была принята очень дурно.

Президентомъ города Варшавы назначенъ всѣми уважаемый Венгжецкій, а временное начальствованіе надъ арміей, въ отсутствіе генерала Хлопицкаго, убѣжавшаго изъ театра Variétés при крикахъ патріотовъ, и тщательно скрывавшагося съ тѣхъ поръ, поручено генералу Пацу. Имя Хлопицкаго, какъ предводителя возстанія, было во всѣхъ устахъ; самъ же онъ показался только вечеромъ 30го, когда опасность уже миновалась и, къ несчастью, тайные происки в. князя начинали уже приготовлять разъединеніе.

Положеніе Хлопицкаго въ этихъ обстоятельствахъ, было самое странное: инсургенты искали его, какъ своего предводителя, и Любецкій равно желалъ его присутствія, какъ единственнаго человѣка, могущаго остановить революцію. Сперва, когда заговорщики предлагали ему главное начальствованіе, онъ не разъ отвѣчалъ имъ: „что никогда не приметъ никакой власти отъ бунтовщиковъ.“ И однакожъ принялъ начальство надъ арміей, по приказанію административнаго совѣта продолжавшаго, правда, дѣйствовать отъ имени Николая.

И что за хаосъ царствовалъ тутъ въ политическихъ принципахъ! Любецкій, державшій въ рукахъ своихъ нить всѣхъ интригъ, говорилъ: „надо устроть дѣла такъ, чтобы Николай, конституціонный король польскій, воевалъ съ Николаемъ, самодержавнымъ русскимъ императоромъ.“

1го декабря административный совѣтъ организовалъ исполнительный комитетъ, въ числѣ членовъ котораго были: кастелланъ Дембовскій, нунцій Лелевель, Владиславъ Островскій и Густавъ Малаховскій.

Въ тотъ же день составился почетный легіонъ изъ студентовъ университета, въ числѣ тысячи, и возникъ патріотическій клубъ, который, состоя подъ вліяніемъ Лелевеля, взялъ на себя обязанность руководить общественнымъ мнѣніемъ.

2го, Константинъ, занимавшій во главѣ многочисленной военной силы варшавскія ворота, потребовалъ, чтобы депутація отъ административнаго совѣта высказала ему желанія націи. Вслѣдствіе того Князю Адаму Чарторижскому, Любецкому, Владиславу Островскому и Лелевелю поручено было сообщить ему, что Польша требуетъ приведенія въ дѣйствіе полученной

ею конституціи и разсчитываетъ на исполненіе обѣщаній, данныхъ Александромъ касательно польскихъ провинцій, присоединенныхъ въ концѣ послѣдняго вѣка. Сверхъ того депутаты должны были узнать, имѣлъ ли литовскій корпусъ приказаніе вступить въ Польшу.

Уклончивые отвѣты в. князя уничтожили послѣднюю надежду на соглашеніе и правительство удвоило свою дѣятельность въ вооруженіи арміи, а генералъ Хлопицкій обратился къ ней съ энергическимъ воззваніемъ.

Однакоже политическій горизонтъ прояснился немного 3го декабря, вслѣдствіе возвращенія національныхъ войскъ, ушедшихъ съ Константиномъ, который, видя непоколебимую и грозную твердость возставшихъ, написалъ слѣдующее письмо административному совѣту:

„Я позволяю польскимъ солдатамъ, оставшимся вѣрными „мнѣ до послѣдней минуты, возвратиться къ своимъ соотечествен„никамъ.“

„Я удаляюсь изъ Варшавы съ императорскими войсками, и „ожидаю отъ польскаго правдушія, что имъ дозволено будетъ „безпрепятственно возвратиться въ предѣлы имперіи.“

„Поручаю также покровительству польской націи всѣ заве„денія, собственность и личность русскихъ, предоставляя ихъ „охраненію чести націи.“ 3 декабря. Константинъ.

Административный совѣтъ приказалъ, чтобы всѣ требованія цесаревича были исполнены.

Подчиняясь общественному мнѣнію, самый совѣтъ вскорѣ преобразовался. Члены временнаго правительства, назначенные на его мѣсто были: Адамъ Чарторижскій, Кохановскій, Нацъ, Дембовскій, Нѣмцевичъ, Лелевель и Владиславъ Островскій. Ихъ первымъ дѣломъ было созвать діэту на 18е декабря.

5го, генералъ Хлопицкій провозгласилъ себя до собранія представителей диктаторомъ и издалъ слѣдующій манифестъ:

„Наше критическое положеніе требуетъ величайшей энергіи во „всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, при которыхъ малѣйшее упущеніе „или замедленіе въ исполненіи можетъ сдѣлаться пагубнымъ для „нашего общественнаго дѣла. Влекомый не честолюбіемъ, не „любовью къ власти (отъ которой я совершенно далекъ), а сообра„зуясь съ обстоятельствами и слѣдуя примѣру Римлянъ, которые „въ минуты общественныхъ опасностей поручали верховную „власть одному лицу, объявляю вамъ, Поляки, что съ сегодняш„няго дня, на короткое только время, а именно до собранія „палатъ, я принимаю на себя власть диктаторскую."

„Я передамъ ее въ руки довѣрителей націи."

„Вѣрьте, дорогіе соотечественники, что я буду пользоваться „этою властью, только для вашего блага. Да здравствуетъ ро„дина!" Варшава, 5 декабря 1830. Диктаторъ Хлопицкій.

Съ этой минуты революція остановилась въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и уступила мѣсто контръ-революціи. Мы не будемъ описывать въ подробности всѣхъ дѣйствій диктатора. Достаточно будетъ сказать, что, воспитанный въ военномъ лагерѣ, и считая себя связаннымъ присягою самодержавному императору, Хлопицкій, самовольно принявшій на себя постъ болѣе дипломатическій, нежели военный, не понялъ или не хотѣлъ понять великодушнаго порыва польской націи. Любецкій, прежде отъѣзда своего въ Петербургъ съ нунціемъ Женцирскимъ, отъѣзда, предпринятаго подъ предлогомъ переговоровъ съ Николаемъ, въ сущности же единственно для того, чтобы только выиграть время, Любецкій помѣстилъ къ диктатору множество своихъ агентовъ, которые управляли имъ какъ хотѣли. Постоянно недовольный, взбѣшонный, недоступный, Хлопицкій терялъ драгоцѣнное время въ мѣрахъ или ничтожныхъ, или положительно

вредныхъ. Онъ наводнилъ край офицерскими патентами; потомъ, неловкій подражатель, окружилъ себя консульскою гвардіей, сформированной изъ студентовъ, для которой онъ не жалѣлъ общественной казны, употребляя ее то на окопировку и мундиры своихъ гвардейцевъ, то на разсылку эмиссаровъ; послѣднее, порученное профессору Зарма, исполнялось очень дурно. Однимъ словомъ, можно бы подумать, что диктатура помутила разумъ генерала, еслибъ только подобный образъ дѣйствій не приводилъ къ парализаціи революцію со всѣми ея послѣдствіями; а подобная политическая система дѣйствія принята и въ наше время во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ.

Въ опредѣленное время діэта собралась подъ предсѣдательствомъ маршала Владислава Островскаго; и представители народа дали полное согласіе на всеобщее возстаніе Польши.

Это рѣшеніе сильно не понравилось Хлопицкому, отказавшемуся тотчасъ же отъ начальствованія; но нѣкоторыя личности, пользовавшіяся властью подъ его именемъ, возстали противъ этого говоря, что въ критическую минуту, когда Польшѣ угрожаетъ опасность быть завоеванной непріятелемъ, войско лишено главнокомандующаго. Произведенное ими волненіе умовъ, было такъ сильно, что діэта, уступая возбужденному ропоту, закономъ возвратило диктаторство отказавшемуся отъ него Хлопицкому. Одинъ только нунцій, Теофилъ Моравскій, вотировалъ противъ общаго рѣшенія.

Передъ своимъ закрытіемъ палаты назначили двѣ комиссіи: одну для редакціи манифеста, другую для утвержденія и обнародованія его, отъ имени діэты. Кромѣ того, послѣдняя должна была слѣдить за дѣйствіями

диктатора и лишить его власти въ случаѣ необходимости.

Возложенная обязаность на первую комиссію была очень затруднительна; хотя палаты одобрили возстаніе польской и литовской націи, но Хлопицкій все еще признавалъ владычество императора Николая и не допускалъ другихъ границъ Польшѣ, какъ опредѣленныхъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Однакоже комиссія справилась съ возложеннымъ на нее порученіемъ.

Важный актъ, выражавшій всѣ причины неудольствія Польши, заключался слѣдующимъ образомъ:

„Поляки были лишены Николаемъ послѣдняго утѣшенія: „надежды присоединенія ихъ къ своимъ соотечественникамъ, „поддерживавшей ихъ въ перенесеніи бѣдствій во время цар„ствованія Александра. Съ той минуты всѣ связи были пре„рваны: и священный огонь, который съ давнихъ временъ, запре„щено было зажигать на алтарѣ любви къ отечеству, тайно „тлѣлъ въ сердцахъ людей благомыслящихъ. Одна общая идея „занимала ихъ умы: невозможность переносить долѣе такое „порабощеніе. Правительство само дало толчокъ къ ускоренію „минуты вспышки. За слухами о войнѣ для порабощенія на„родовъ, слухами, подтверждавшимися ежедневно, явилось „повелѣніе поставить польскія войска на военное положе„ніе, вывести ихъ изъ царства, и замѣстить ихъ многочис„леннымъ русскимъ войскомъ. Огромныя суммы, собранныя „займомъ продажею общественныхъ имуществъ, положенныя „на сохраненіе въ банкъ, назначены были для покрытія издер„жекъ этой убійственной для свободы войны. Аресты снова „возобновились. Минуты были драгоцѣнны: наша армія, наши „сокровища, всѣ наши средства, предназначались для употребле„нія, противнаго нашей народной чести, отказывавшейся слу„жить орудіемъ порабощенія для другихъ народовъ, сражаться „противъ прежнихъ своихъ товарищей по оружію. Всѣ раздѣ„ляли это чувство пылкое же юношество наше, неустрашимые „воспитанники юнкерской школы и университета, также большая „часть храбраго варшавскаго гарнизона и многіе граждане, рѣ-

„шили подать сигналъ возстанія. Электрическая искра въ одно „мгновеніе обняла своимъ пламенемъ войско, столицу, однимъ „словомъ — всю страну. Ночь 29 ноября освѣтилась огнями сво„боды; въ одинъ день столица была освобождена; въ нѣсколько „дней все войско воодушевлено одной цѣлью, крѣпости заняты, „весь народъ вооруженъ, и братъ государя, вмѣстѣ съ русской „арміей, положившійся на великодушіе поляковъ, только этой „мѣрѣ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Вотъ героическіе фак„ты этой революціи, благородной и возвышенной какъ энтузіазмъ „молодежи, породившей ее.“

„Народъ польскій возсталъ изъ своего униженія съ твер„дою рѣшимостію не подчиняться болѣе только-что свергнутому „имъ жестокому игу; онъ не ранѣе положитъ оружіе, завѣщан„ное ему предками, какъ возвративъ свою независимость и „древнее могущество — единственно вѣрныя ручательства свобо„ды: не ранѣе, какъ обезпечивъ себя въ покойномъ обладаніи „свободныхъ учрежденій, требуемыхъ духомъ времени; не ранѣе „наконецъ, какъ достигнувъ соединенія съ своими братьями, стра„дающими подъ гнетомъ с. петербургскаго кабинета, освобо„дивъ ихъ и сдѣлавъ соучастниками своей независимости и „свободы.“

„Никакое чувство національной ненависти не возбуждаетъ „насъ противъ русскихъ, такихъ же славянъ какъ и мы; на„противъ, въ первое время мы утѣшали себя въ потерѣ нашей „независимости мыслію, что соединеніе наше подъ однимъ ски„петромъ, хотя и вредное для нашихъ интересовъ, можетъ одна„кожъ цѣлую націю въ сорокъ милліоновъ душъ сдѣлать со„участницею конституціонныхъ вольностей, которыя во всемъ „образованномъ мірѣ стали насущною потребностью, какъ для „управляемыхъ, такъ и для управляющихъ.“

„Убѣжденные, что наша свобода и независимость никогда „не были враждебными для нашихъ сосѣдей, напротивъ еще слу„жили во всѣ времена равновѣсіемъ и щитомъ для Европы и „теперь могутъ быть ей болѣе чѣмъ когда нибудь полезными, „мы предстоимъ передъ правителями и народами съ полною „увѣренностію, что политика ихъ и человѣколюбіе равно заго„ворятъ въ нашу пользу.“

„Если даже въ предстоящей борьбѣ, опасности которой не

„скрыты передъ нами, мы должны будемъ сражаться одни за „интересы всѣхъ, то, убѣжденные въ святости нашего дѣла и „нашей собственной неустрашимости, уповая на помощь свыше, „мы будемъ сражаться до послѣдней капли крови за свободу! „И если провидѣніе присудило нашу родину къ вѣчному пора„бощенію, если въ этой послѣдней борьбѣ свобода Польши „должна погибнуть подъ развалинами городовъ ея и трупами „ея защитниковъ, врагъ нашъ будетъ царствовать только надъ „пустырями, и каждый вѣрный полякъ, умирая унесетъ съ собою „въ могилу то утѣшеніе, что если небо и не дозволило ему спасти „свое собственное отечество, то по крайней мѣрѣ эта битва „на смерть защититъ хотя на время вольности Европы отъ угро„жающей имъ опасности.“

Манифестъ этотъ былъ подписанъ и обнародованъ 5 января 1831 года, не смотря на сопротивленіе диктатора.

Но это разъединеніе препятствовало правильному ходу дѣлъ; такимъ образомъ, не смотря на великодушныя пожертвованія дворянства, храбрость арміи и энтузіазмъ народа, кадры наполнялись медленно, а казна истощалась безъ пользы. Неудовольствіе начинало показываться во всѣхъ классахъ.

Расходясь съ одной стороны съ коммиссіями, съ другой — съ министерствомъ, Хлопицкій, вмѣсто того, чтобы вооружать народъ массами и быстро занять Литву и тѣмъ способствовать ея возстанію, терялъ время въ мелочныхъ преслѣдованіяхъ клубовъ и журналистики.

Путешествіе Любецкаго въ Петербургъ, какъ это и должно было предвидѣть заранѣе, не привело ни съ какой стороны къ удовлетворительному результату. Оно дало только время Николаю собрать войско и направить его къ предѣламъ Польши, которой онъ угрожалъ самой жестокою войной.

Тогда диктаторъ, безумные припадки ярости кото-

раго дѣлали его со дня на день болѣе и болѣе невыносимымъ, долженъ былъ во второй разъ сложить съ себя власть. Желая однако воспользоваться его военными способностями для общественнаго дѣла, князь Адамъ Чарторижскій умолялъ его не оставлять командованія арміей; но Хлопицкій, раздраженный общимъ сопротивленіемъ его принципамъ, не сталъ слушать никакихъ просьбъ и предложеній.

Въ эту критическую минуту снова собралась діэта, успѣвая пособить роковой медлительности съ ея горькими послѣдствіями.

Кандидаты на главнокомандующаго арміей, имѣвшіе за себя наиболѣе голосовъ, были: Радзивиллъ, Круковецкій, Нацъ, Скшынецкій, Войчинскій и Вейзенгофъ. 21 января, первый, т. е. князь Михаилъ Радзивиллъ провозглашенъ былъ генералиссимусомъ; а смяченный наконецъ Хлопицкій обѣщалъ помогать ему своими совѣтами.

Въ это время товарищъ Любецкаго въ путешествіи, Жецирскій возвратился изъ Петербурга и предсталъ предъ діэтой, которой нунцій Романъ Солтыкъ уже представилъ свое предложеніе объ обнародованіи декрета о лишеніи фамиліи Романовыхъ правъ на престолъ польскій. Отчетъ Жецирскаго о непріязненномъ пріемѣ Николая, и возложенномъ на него странномъ порученіи, привелъ все собраніе въ высшую степень раздражительности. Маршалъ Владиславъ Островскій, братъ его Антоній, Францискъ Воловскій и Ледоховскій поочередно всходили на трибуну, напоминая о многократно нарушенной царями присягѣ и страданіяхъ отечества. Вскорѣ общій крикъ: „Нѣтъ болѣе Николая! Долой тирановъ!“ раздался въ собраньи, и продолжаясь подъ

сводами дворца, въ нѣсколько минутъ облетѣлъ весь городъ.*)

При наступленіи ночи вся Варшава была иллюмино-

---

*) Въ оправданіе этого внезапнаго рѣшенія, принятаго подъ вліяніемъ сильнаго негодованія, мы приводимъ здѣсь всѣ многократныя нарушенія с. петербургскимъ правительствомъ общественнаго договора (pacte social).

10я статья конституціи заключала слѣдующее: въ случаѣ, если русскія войска войдутъ въ Польшу, то снабженіе ихъ съѣстными припасами и ихъ походные расходы лежатъ на русскомъ правительствѣ. Однакожъ они стояли пятьнадцать лѣтъ въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ на полномъ содержаніи страны, исключая жалованья; военнопостойная — подать стоила все это время жителямъ четверти ихъ доходовъ.

Статья 16я утверждала свободу печати. Этотъ проводникъ цивилизаціи мѣшалъ власти: и вмѣсто того, чтобы пресѣкать законными мѣрами неизбѣжныя уклоненія, оно предпочло уничтожить все постановленіе, ввело цензуру, мѣшало ученымъ сношеніямъ съ иностранцами, и поручило отправленіе правосудія и распространеніе просвѣщенія своимъ невѣжественнымъ и алчнымъ чиновникамъ. Статьи 18я, 19я, 20я, 21я и 22я подтверждали древній кардинальскій законъ (neminem captivari permittemus nisi jure victum), постановляя, что никто не можетъ быть арестованъ безъ соблюденія формальностей и внѣ случаевъ предвидѣнныхъ закономъ. Причина ареста должна быть тотчасъ же сообщена письменно заключенному, который непремѣнно, въ продолженіи слѣдующихъ за тѣмъ трехъ дней, долженъ быть призванъ къ суду; въ случаѣ оправданія, свобода возвращается ему немедленно; наконецъ, представившій за себя поручительство можетъ въ продолженіи нѣкотораго времени оставаться на свободѣ. Ни одно изъ этихъ постановленій, единственныхъ ручательствъ личной безопасности и счастья, не было соблюдено.

Статья 23я постановляетъ, что никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ по существующему закону и рѣшенію правильнаго законнаго суда. Не смотря на это положительное

вана, радостныя толпы гуляющихъ наполняли улицы при звукахъ музыки; восторженный народъ не переставалъ до самаго разсвѣта пѣть національные гимны свободы.

постановленіе, множество мирныхъ гражданъ судилось военнымъ судомъ — ради ли того, что боялись гласности рѣшенія суда гражданскаго, или ссылаясь на то, что обвиненные служили когда-то въ военной службѣ, а главное потому, что военныя судилища дѣйствовали по полученнымъ ими тайнымъ предписаніямъ. Въ иныхъ процессахъ несправедливость обвиненья была такъ очевидна, что судьи не осмѣливались произносить приговора и къ легкому наказанію, не находя виновныхъ; тогда уничтожали рѣшеніе, назначали другой судъ; если и второй рѣшалъ дѣло также какъ и первый, назначался третій, прибавляя, что если нужно будетъ назначить тысячу судилищъ одно за другимъ, правительство не остановится, пока не получитъ приговора, сообразнаго съ его желаніями.

Обыкновенно поручали кончать дѣло всегда готовому къ роли палача генералу Блюмеру.

Статья 24я дозволяла каждому поляку свободно путешествовать за-границею и проживать тамъ свои доходы. И въ этомъ капризъ властителя и его многочисленныхъ сподвижниковъ съумѣлъ поставить возмущающія препятствія. Скоро перестали выдавать паспорты въ страны конституціонныя: всякій путешественникъ, пріѣзжавшій въ Варшаву, не исключая даже и женщинъ, проходилъ черезъ строгій допросъ; вещи его и бумаги разсматривались дерзкими шпіонами. Путешествія въ Англію и во Францію возбуждали особенное подозрѣніе и приводили къ частымъ арестамъ. Отсюда возникла пословица: „Чтобы быть арестованнымъ, надо только поѣхать въ „Варшаву.“

Статья 26я утверждала права собственности, называя преступниками противъ общественной безопасности тѣхъ, кто станетъ нарушать ихъ. А сколько почтенныхъ гражданъ отцовъ семействъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ, подвергались унизительному наказанію за то только, что разглашали бѣдственныя для нихъ послѣдствія гражданскихъ процессовъ! Къ тому же къ

30 января палаты назначали національное правительство, состоявшіе изъ пяти неотвѣтственныхъ членовъ, пользовавшихся почти всѣми преимуществами,

---

нимъ еще ставили цѣлые эскадроны кавалеріи на полное ихъ содержаніе.

Статья 33я, 91я и 93я предоставляла королю распоряженіе государственными доходами, не выходя изъ суммъ бюджета, назначаемаго на каждые четыре года діэтой. И однако въ продолженіи 15 лѣтъ существованія польскаго королевства не было ни одного конституціоннаго бюджета. Народу не дозволялось даже знать своихъ средствъ и расходовъ. Государь произвольно располагалъ доходами по представленію министра финансовъ, дѣйствовавшаго конечно съ похвальными цѣлями, но безъ участія палатъ, неимѣвшаго возможности воспротивиться тому, чтобы значительная часть общественныхъ суммъ не попала въ карманы льстецовъ и предателей.

Статьями 47й и 82й устаповлялась отвѣтственность министровъ и высшихъ сановниковъ въ случаѣ, еслибъ они контрасигнировали повеленія, противныя конституціи и законамъ. Онѣ никогда не исполнялись. Презирая мнимую отвѣтственность, агенты правительства никогда не задумывались подписывали самые произвольные приказы. Орудія деспотизма, они укрывались подъ его покровительствомъ отъ достойно заслуженнаго ими наказанія.

Статья 87я поставляла въ обязанность королю созваніе діэты каждые два года. А отъ 1820 до 1825 Польша потще ожидала собранія своихъ представителей. Утомленный конституціонными преградами, и возбуждаемый в. княземъ Константиномъ, императоръ Александръ все болѣе и болѣе приближался къ деспотизму. Общественный договоръ давалъ ему конечно право отсрочивать собраніе діэты и распускать ее, въ случаѣ разногласій; онъ же находилъ болѣе покойнымъ для себя совсѣмъ не созывать ее.

Статья 89я утверждаетъ свободу членовъ діэты. Ни одинъ изъ нихъ не могъ быть арестованъ или призванъ къ уголовному суду до ея закрытія — иначе какъ по волѣ палатъ. И эту

составляющими принадлежность королевскаго достоинства. Члены эти были: князь Адамъ Чарторижскій и Барзиковскій, представители монархизма; Винцентъ Ніе-

---

статью нарушили равно какъ и другія. Въ 1825 году Константинъ лично арестовалъ у варшавскихъ воротъ нунція Винцента Ніемойскаго, передалъ его жандармамъ и подъ ихъ присмотромъ, какъ преступника, отправилъ въ отдаленное отъ его помѣстій мѣсто. Восшествіе на престолъ другаго монарха нисколько не улучшило судьбы этого достойнаго депутата. Благодарность и уваженіе къ нему согражданъ представляли его виновнѣй прочихъ въ глазахъ правительства.

Статья 95я утверждала гласность преній въ палатахъ. Но Александръ, принявъ конституцію за себя и за своихъ наслѣдниковъ, десять лѣтъ спустя присоединилъ къ ней прибавочную статью, воспрещавшую эту гласность. Такимъ образомъ, онъ уничтожилъ лучшую гарантію конституціоннаго порядка. Желая оправдать свой произвольный поступокъ, онъ объяснилъ его нежеланіемъ правительства имѣть какое либо вліяніе на выборы. Ложь слишкомъ очевидная. Вскорѣ за нею отставили отъ службы комиссаровъ округовъ, за то только, что они допустили либеральныхъ гражданъ быть выбранными въ палату. Пошли далѣе, стали рыться въ старыхъ бумагахъ, чтобы отыскать предлогъ для обвиненія лучшихъ людей въ странѣ. Иногда къ нимъ подсылали шпіоновъ, которые сами вызвали ихъ на оскорбленіе, потомъ жаловались на нихъ полиціи. Такимъ образомъ, различными способами достигалась одна цѣль — удаленіе отъ выборовъ уважаемыхъ народомъ кандидатовъ, чѣмъ либо опасныхъ для правительства.

Статьи 110я и 111я предоставляли право быть выбранными королемъ въ сенаторы, по представленію сената, поляку, платящему двѣ тысячи флориновъ (около 12000 франковъ) прямаго налога. Цензъ этотъ служилъ ручательствомъ независимости назначаемаго. Вотъ единственная статья конституціи, постоянно выполнявшаяся вплоть до 1829 года; но тогда и она была нарушена. Названіе сенатора оказалось ничтожнымъ, а сенаторское достоинство стало чѣмъ-то въ родѣ почетнаго камергера.

мойскій и Теофилъ Моравскій, представители идей конституціонныхъ; и Лелевель, представлявшій демократію.

Князь Адамъ Чарторижскій, выбранный президентомъ

Не только не ожидали болѣе представленія сената для назначенія его членовъ, но раздавали сенаторское достоинство чиновникамъ, не имѣвшимъ другаго состоянія кромѣ мѣсячнаго жалованья. Безъ революціи 1830 года, сенатъ въ одинъ прекрасный день былъ бы весь составленъ изъ чиновниковъ, получающихъ жалованіе отъ правительства.

Статьи 135я и 137я предписывали учрежденія въ каждомъ палатинатѣ совѣта для выбора чиновниковъ, составленія списка кандидатовъ и защищенія имущественныхъ правъ. Совѣтъ этотъ былъ нѣкотораго рода конституціонной, охраняющей магистратурой, необходимой въ административной іерархіи. И ее не пощадили болѣе прочихъ учрежденій: палатинатъ Калицскій вскорѣ лишился своего совѣта. Впослѣдствіе его лишили и представительства на діэтѣ, потому что его нунціи всегда составляли въ ней опозицію. Такимъ образомъ патріотическое направленіе нѣкоторыхъ гражданъ сдѣлалось причиною того, что цѣлая провинція потеряла драгоцѣнныя для нея вольности.

Статьи 138я, 141я и 142 утверждали независимость судилищъ неотрѣшаемость судей; отрѣшить послѣднихъ возможно было только по особенному приговору суда. А сколько изъ нихъ было преслѣдуемыхъ за то, что ихъ рѣшенія не нравились правительству: сколько другихъ отрѣшенныхъ отъ должности единственно по капризу начальника!

Статья 140я и слѣдующія за ней опредѣляли, что судьи частью должны быть избираемы, а судилища раздѣляться на гражданскія и ассизы: но, не смотря на самыя убѣдительныя просьбы, отдѣльнаго судопроизводства никогда не было установлено.

Статья 153я гласила, что военныя силы королевства должны состоять изъ дѣйствующей арміи и милиціи (національной гвардіи), готовой придти къ первой на помощь въ случаѣ нужды. Правительство, присоединяя насмѣшку къ незаконности, назвало полицейскихъ, приставленныхъ къ варшавской ратушѣ, милиціей.

національнаго правительства, обнародовалъ изложеніе своихъ принциповъ, кончая его слѣдующими словами:

„Въ горестные дни когда самое имя Польши вычеркивалось „изъ списка націй, вся наша надежда обратилась на монарха, въ „удѣлъ которому досталась почти вся наша страна. Юный, бла„городный Александръ, преисполненный великодушнѣйшихъ на„мѣреній относительно Польши, пріобрѣлъ качествами своего ума „и сердца мое глубочайшее уваженіе."

„Я думалъ тогда, что Польша своимъ тѣснымъ соединеніемъ „съ народомъ одного съ нею происхожденія должна современемъ „посредствомъ постоянныхъ и неутомимыхъ усилій достигнуть „своей независимости. Слишкомъ много событій измѣнили съ „тѣхъ поръ мое убѣжденіе. Постоянное и очевидное нарушеніе „конституціи и законовъ, равно какъ и многочисленныя преслѣ„дованія слишкомъ подозрительной власти не позволяютъ болѣе „никому думать о приложеніи къ дѣлу тѣхъ идей, исполненіе „которыхъ я считалъ когда-то возможнымъ. Отнынѣ всякая „связь между нами разорвана: нація провозгласила громко свое „желаніе оставаться свободной и независимой. Чего бы не „потребовала теперь отъ насъ необходимость, обязанность каж„даго подчиниться ей. Народная воля, прямо и единодушно „высказанная, не должна встрѣчать никакихъ препятствій. Устра„ниться въ эту минуту отъ народнаго дѣла, не раздѣлять всѣхъ „его надеждъ и опасностей, значитъ идти противъ внушеній „моей совѣсти. И такъ, убѣжденный, что никто не долженъ от„казываться отъ исполненія обязанностей общихъ для всѣхъ, я „принимаю на себя почетное бремя, на меня возложенное."

„Что намъ необходимо, это единодушіе въ вашихъ усиліяхъ. „Мы должны теперь искать нашего спасенія въ битвахъ съ ору„жіемъ въ рукахъ; Европа, взирающая на борьбу, произнесетъ

Вотъ краткое изложеніе главныхъ злоупотребленій, терзавшихъ Польшу въ продолженіе пятьнадцати лѣтъ. Каждый день порождалъ новыя несчастія, число жертвъ равнялось почти числу личностей. Правительство могло бы еще кротостью и справедливостью привлечь умы на свою сторону, но оно предпочло строгость и насиліе и вооружило противъ себя все народонаселеніе.

„свой приговоръ только послѣ побѣды. Да узнаютъ сосѣднія „державы изъ нашихъ дружественныхъ къ нимъ отношеній, что „мы желаемъ мира и согласія; друзья же наши, сочувствующіе „нашему дѣлу, найдутъ насъ всегда готовыми внимать ихъ со„вѣтамъ; а Европа убѣдится, что Польская революція не желаетъ „ниспроверженія всѣхъ общественныхъ началъ, этихъ вѣчныхъ „основаній политики и нравственности."

„Теперь не время думать объ общественныхъ реформахъ; „громъ оружія, призывая насъ на поле битвы, не дозволяетъ „предаваться покойнымъ и глубокимъ размышленіямъ .... Безъ „сомнѣнія первая побѣда, если благоугодно будетъ Всемогущему „даровать намъ ее, возбудитъ еще нашу энергію: но мы должны „быть готовы и къ неудачамъ равно какъ и къ торжеству. И „такъ долгъ мой заставляетъ меня объявить заранѣе, что судьба „страны и народный интересъ не могутъ быть въ моихъ гла„захъ связаны ни съ какими частными обязательствами: армія и „правительство должны сражаться до конца, настойчиво отстаи„вать каждый свободный аршинъ родной земли."

Нѣсколько дней спустя пришло извѣстіе о вторженіи русскихъ въ Польскіе предѣлы подъ начальствомъ Дибича. И такъ борьба начиналась ....

ДИПЛОМАТІЯ И ЧЕЛОВѢЧНОСТЬ.

Воспоминанія Ф. П. Фонтона. Письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1828 и 1829 г. Лейпцигъ 1862. 2 т.

„Посланники — это шпіоны съ почетнымъ именемъ"

Генрихъ IV.

Ни одна наука не сдѣлала въ послѣднее время такъ мало успѣховъ, какъ международное право вообще, и отдѣлъ его — дипломатія, въ особенности. Несмотря на то, что междуобщественныя, международныя отношенія составляютъ самое характерное отличіе человѣческаго общества отъ табуна людей, что международныя отношенія представляютъ лучшій признакъ человѣчности и развитости общества, — регулятивъ этихъ отношеній лишенъ всякаго нравственнаго начала, пробавляется такими пошлостями, о которыхъ смѣшно и говорить. Вся дипломатія, заправляющая, регулирующая международныя отношенія, только и помѣшана, что на теоріяхъ равновѣсія (Idee des Gleichgewichts), достоитимости посланниковъ, консуловъ, флаговъ и тому подобнаго. Дипломатія, этотъ великолѣпный результатъ нелѣпости государ-

ственной морали, представляетъ во многихъ случаяхъ непонятное извращеніе самыхъ коренныхъ понятій. Напримѣръ, возмемъ для уясненія назначеніе посланника. По здравому смыслу, — посланникъ не болѣе, какъ средство вспомоществованія интересамъ членовъ извѣстнаго народа, органъ договорной дѣятельности государства. По дипломатіи-же — это нѣчто иное. Возмите любое руководство поэтому предмету, хоть Гардена — и вы увидите, что посланникъ есть представитель представителя всѣхъ народныхъ интересовъ: государь земной есть-де представитель бога небеснаго, рачитель всѣхъ народныхъ интересовъ, воплощеніе народнаго достоинства, особа священная и неприкосновенная; а посланникъ, какъ представитель этой священной и неприкосновенной особы, — тоже есть personne sacrée, тоже представитель всѣхъ народныхъ интересовъ и народнаго достоинства. Поэтому, и честь ему необходима особенная, и права божескія, и содержаніе исключительное. Странно только вотъ что: зачѣмъ эти священныя и неприкосновенныя особы подраздѣляются на разные классы? Достоинство извѣстнаго народа одинаково во всякомъ случаѣ. Почему-же достоинство, напр., Россіи въ Пруссіи хуже, чѣмъ въ Англіи? Какое нравственное начало лежитъ въ основаніи этого безсмысленнаго подраздѣленія? Никакого. А дипломатія, какъ наука, только и дѣлаетъ, что высчитываетъ подобнаго рода нелѣпости. Нѣкто Вурмъ посвятилъ цѣлое сочиненіе исключительно рангамъ пословъ. (Ueber den Rang diplomatiſcher Agenten. 1854 г.). Гефтеръ, Викфоръ, Мюррэ пишутъ трактаты о дипломатическихъ формахъ, и можетъ быть одинъ Пинверо-Феррера, провозглашающій пошлость подобныхъ диссертацій, стоитъ не на песочной почвѣ.

Но если дипломатія, какъ наука, зиждется на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ зачалась она въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, если въ дипломатіи, какъ наукѣ, все-таки еще существуютъ нѣсколько добросовѣстныхъ дѣятелей, хотя и неполагающихъ новыхъ началъ, но все-же отрицающихъ нелѣпость старыхъ; то практическая дипломатія не имѣетъ за собою и этихъ circonstances attenuantes, и также хорошо можетъ относиться къ Европѣ XIX вѣка, какъ къ Китаю V столѣтія, или Персіи временъ Александра Македонскаго. Въ практической дипломатіи нѣтъ ни одного нравственнаго принципа. Наиболѣе замѣчательные дипломаты всѣ свои, иногда геніальныя, усилія посвящаютъ на то только, чтобы пріобрѣсти незаконное вліяніе на жизнь другихъ государствъ, и возвысить рангъ своего. Христіанскія правительства дипломатически поддерживаютъ враговъ евангельскаго ученія, и если иногда и являются защитниками правды и права, то тогда только, когда это не противорѣчитъ рангу государства, когда это неопасно для теоріи Gleichgewicht. Для практической дипломатіи нѣтъ никакихъ обязательствъ и вниманія къ человѣку, къ его неуждамъ и потребностямъ. Нѣкогда греки, теперь славяне, итальянцы, поляки, венгры стонутъ подъ ужаснымъ гнетомъ чуждаго молота, и практическая дипломатія, вопреки всякому человѣческому чувству, вопреки справедливости, вопреки христову ученію, поддерживаетъ всѣми силами этотъ гнетъ. Владѣтельный благодѣтель Кургессена утащилъ у своихъ подданныхъ пріобрѣтенныя права — и практическая дипломатія только и знаетъ, что защищаетъ воровство, въ то время, какъ по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, нарушеніе чужаго права должно быть наказано. Практическая дипломатія безсмысленна, потому что она непри-

знаетъ совершившагося факта: по мнѣнію прусскихъ дипломатовъ — итальянцы и до сей поры не одинъ итальянскій народъ, а какая-то разнолокутица, на которую можетъ плевать всякій узурпаторъ, каждый грабитель. У практической дипломатіи нѣтъ достоинства и простой послѣдовательности: невмѣшиваясь во внутреннія дѣла Кургессена, она считаетъ своимъ правомъ вмѣшиваться въ голстинскія отношенія, во внутреннія дѣла соединенныхъ штатовъ. Словомъ, практическая дипломатія такая нелѣпость, которую трудно себѣ представить здравому уму. А между тѣмъ дипломатическая карьера считается самою блистательною, наиболѣе серьозною. Оно впрочемъ и правда: трудно и невыносимо гадко ворочаться въ этой сферѣ постоянной лжи, вѣчной неправды, пошлой лести, постояннаго противорѣчія самому себѣ; нужно не мало мошеннической ловкости, чтобы держаться въ этомъ лабиринтѣ, гдѣ аріадниною нитью служитъ не нравственное человѣческое чувство, совѣсть, а обманъ и пронырство. Да, дипломаты — человѣки ловкіе. Мы, какъ люди простые, отдаемъ имъ надлежащую справедливость; какъ христіане, мы воздасмъ каждому по дѣломъ его, и говоримъ откровенно, что съ умиленьемъ склоняемъ свои головы передъ этимъ искуствомъ пронырства, гнуткостью спины, незастѣнчивостью лжи, изворотливостью уловокъ. Въ самомъ дѣлѣ, нуженъ былъ геніальный умъ, чтобы уяснить всю тормозящую полезность дипломатіи для противународнаго начала, и чтобы въ тоже время убѣдить народы въ необходимости всей этой шумихи понятій, шутовскихъ костюмовъ, подъяческихъ крючковъ!

Русская практическая дипломатія не отстаетъ отъ другихъ практическихъ дипломатій, и можно привести

сотни доказательствъ ея безучастности, безчеловѣчности, безсмысленности и непослѣдовательности. Лучше сказать: каждый актъ, произведенный ею, есть уже прямой доводъ ея непотребности и безсовѣстности. Въ воспоминаніяхъ г. Фонтона, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Франкфуртѣ (на Майнѣ), есть тоже не мало доказательствъ, которыя почтенный дипломатъ, въ припадкѣ добросердечія, высказываетъ съ такимъ неприличнымъ хвастовствомъ, что становится вчужѣ совѣстно.

Но не о нихъ рѣчь: мы нисколько не думаемъ говорить о частностяхъ тогда, когда мы имѣемъ возможность схватить общій характеръ русской практической дипломатіи. Возможность эту представляетъ намъ тотъ-же г. Фонтонъ. Сколько мы знаемъ, онъ считался и считается за одного изъ самыхъ способныхъ русскихъ дипломатовъ. Принимая такимъ образомъ его Standpunkt, его взглядъ на дипломатію, мы, нисколько неошибаясь, уловимъ не частное возрѣніе на занимающій насъ предметъ, а возрѣніе цѣлаго правительства. Тутъ не можетъ быть оговорки, что-де г. Фонтонъ писалъ свои письма, служащія намъ матеріяломъ въ 1828 и 1829 г., — слѣдовательно, онъ и измѣнился во многомъ: дѣло въ томъ, что г. Фонтонъ самъ ихъ издалъ въ 1862 г. Издавать то, надъ чѣмъ смѣешься, что можетъ компрометтировать — крайне не дипломатично. Надо поэтому возрѣнія 1828 г. принять во всей ихъ неприкосновенности, тѣмъ болѣе, что они полны такихъ признаній, которыя драгоцѣнны для каждаго физіолога человѣческихъ отношеній. Ради этой стороны мы совершенно извиняемъ русскому дипломату его безграмотность, пошлость его остроумія, его недостаточное образованіе, его злодѣйски-армейскіе стишки и его расшаркиванія передъ сильными міра сего.

Г. Фонтонъ. вѣроятно, самъ чувствовалъ назначеніе своей книги, и поэтому прежде всего постарался очертить наше офиціальное возрѣніе на дипломатію.

„Главная цѣль дипломата, по русскому міросозерцанію: войну „ловко и въ добрую минуту затѣять, и послѣ, когда всѣ славою „насыщены, заключить блестящій миръ" (Т. 1. стр. 4.

Посмотрите — сколько тутъ христіанскаго и человѣческаго чувства! Единый розголюбецъ Филаретъ могъ бы возвыситься до такого здраваго и благороднаго пониманія отношеній людей между собою! Только его благочестивому пастырскому сердцу, его возвышенному уму могли бы быть нечужды такого рода опредѣленія.

По мнѣнію каждаго простаго человѣка-христіанина, война есть тоже убійство, только съ почетнымъ именемъ, какъ, по мнѣнію Генриха IV, посланники суть тоже шпіоны, только съ болѣе почетнымъ именемъ; по мнѣнію каждаго простаго человѣка-христіанина, война есть зло и вызывается только мрачною стороною человѣческаго духа, — война есть зло, которое нужно обходить всевозможными путями, — а вотъ правительственный элементъ создаетъ цѣлую отрасль отношеній, назначеніе которыхъ „затѣять войну!"

Затѣять войну... но съ кѣмъ, когда, ради чего? — до этого русской практической дипломатіи нѣтъ никакого дѣла. Для ней важно только — затѣять ловко, затѣять въ добрую минуту, затѣять для того, чтобы насытить всѣхъ славою. Вопросы о томъ: правъ-ли, или неправъ противникъ, необходима-ли, или ненужна война, будетъ ли она, или не будетъ имѣть какой нибудь человѣчеству невредный результатъ, — вопросы эти нисколько небезпокоятъ русскую практическую дипломатію. Какое бы нибыло понятіе о добросовѣстности

— не входитъ въ реэстръ ея принадлежностей, такъ какъ она совершенно исключается великолѣпнымъ атрибутомъ „ловко“. „Ловкость“, видите-ли, необходима, — а другое все пропадай!

И сколько на дѣлѣ мы видимъ удивительныхъ примѣровъ этой „ловкости“! Начинается-ли война по прихоти безсмысленнаго автократа, или потому, что одному правительству завидно благосостояніе и величіе другаго, — практическая дипломатія непремѣнно „ловко“ прінскиваетъ благовидный предлогъ, на основаніи котораго правительства считаютъ себя въ правѣ грабить и мучить бѣдный народъ обѣихъ сторонъ. Посмотрите, какъ, благодаря усердію практической русской дипломатіи, чисты побудительные поводы войны съ поляками въ 1830—31 годахъ, венгерскаго похода и т. д. Практическая дипломатія тутъ нисколько не взяла въ расчетъ обстоятельства, вынудившія поляковъ взяться за революціонное оружіе, а право государства карать мятежниковъ — она увѣнчала такими лаврами, и одѣла такою силою, что неразвитой головѣ только и остается, что въ удивленіи поникнуть до земли. Г. Фонтонъ, котораго мы не напрасно считаемъ представителемъ дипломатическихъ возрѣній нашего правительства, даже въ своей пріятельской перепискѣ, тоже не упускаетъ случая подъискать благовидный предлогъ для пошлой, никому ненужной забалканской войны съ турками. Русскій дворъ, по словомъ г. Фонтона, чуть не выходитъ благодѣтелемъ: онъ, видите-ли, хотѣлъ помочь независимости грековъ и благоденствію тѣхъ несчастныхъ славянъ, которые, милостью благаго провидѣнія, брошены подъ спасительный покровъ турецкаго муфти. Но такъ-ли было это на дѣлѣ? Что, въ такомъ случаѣ, заста-

вляло русское правительство окончить войну миромъ, который увеличилъ русскую территорію, предоставилъ русскому двору военную контрибуцію въ 10 мильоновъ червонцевъ, собранныхъ съ несчастныхъ турецкихъ христіанъ, и который въ то же время нисколько не способствовалъ улучшенію быта грековъ и болгаръ? И зачѣмъ пускаться въ столь отдаленныя толкованія! Возмемъ вопросъ поближе: что заставило русскій дворъ вмѣшиваться въ судьбу и независимость другихъ народовъ, когда нашъ собственный народъ стоналъ подъ крѣпостнымъ не-правомъ, когда война за чужія интересы отнимала отъ собственныхъ родныхъ семей дѣтей и работниковъ, увеличивала подати и поборы? Объ этомъ практическая дипломатія молчитъ! Ей до этого дѣла нѣтъ; ея обязанность „ловко затѣять войну“, цѣль которой — слава.

У практической русской дипломатіи есть еще не менѣе почтенная цѣль: „когда всѣ славою насыщены — заключить блестящій миръ“. Видите-ли эту „ловкую“ человѣчность, которая заключаетъ миръ .... „когда всѣ насыщены славою“. Простые люди-христіане думаютъ, что миръ — есть прямая цѣль человѣческаго общежитія; народный разумъ въ видѣ пословицы высказываетъ положеніе, что „худой миръ лучше доброй ссоры“... А практическая дипломатія, „ловко затѣвающая войну“, если и согласна на миръ, то непначе, какъ на блестящій.

Человѣческое возрѣніе, христіанскій взглядъ!

И какъ подобными блестящими мирами благочестивыя правительства превосходно рисуютъ искренность ими руководившихъ, по ихъ словамъ, побудительныхъ причинъ войны. Г. Фонтонъ, блестящій представитель на-

шей практической дипломатіи, говоритъ, что въ 1828 покойный императоръ руководился состраданіемъ къ угнетаемымъ. Но у него-же въ книгѣ есть между прочимъ слѣдующій документъ. Болгары, за которыхъ будто бы шелъ русскій дворъ, выразили свои вотъ какія желанія:

1) Да будемъ сами вольны.
2) Да мы сами себѣ да судимо: Турчинъ суди Турчина, да суди и Булгаринъ Булгарина.
3) Да мы церкви правимо когда и гдѣ захотимъ.
4) Да собирами сами що с царское данокъ *). А харача да нима во истину, и бумаги нима на харачь.
5) Вергіата да сами скушимо.
6) Спахи да нима.
7) Субаши да нима нигде.
8) Зулукяринъ да нима, а гдѣ донде Турчинъ на конакъ и онъ да плати.
9) Да не убиваютъ Чѣвечита и не обираютъ по дорогамъ и въ конакахъ.
10) Да и буди право свакому, какъ на Турчина, такъ и на Болгарина.
11) Да се и христіанско сведочанство прійма у судъ, накво и на Турчите.
12) Бегликъ обца да нима.
13) Да и христіанска челятъ и дѣвойчи силомъ не турчатъ и за жены не зимать.
14) Да и мы оружіе носимо, какъ ото и Турчите, слободно.
15) Ангарія, бегликъ да нима и свакій колко слушно да плати.
16) Да въ православныхъ церквахъ звоно да има! (Т. 2. стр. 190).

Если могущественный русскій императоръ былъ въ состояніи вытребовать 10 мильоновъ червонцевъ отъ жадныхъ на деньги турокъ и оторвать отъ Турціи чуть не цѣлый пашалыкъ, то, конечно, онъ могъ бы, при дѣйствительномъ состраданіи къ болгарамъ отказаться

*) Подать.

отъ „блестящихъ“ пріобрѣтеній — и настоять на дарованіи бѣднымъ народамъ несчастныхъ правъ. Русскіе не обидѣлись бы. Русскіе вѣдь боготворили Александра Iго за безплодную войну 1813, 14 и 15 годовъ. Но у покойнаго Николая никакихъ человѣческихъ побужденій не было. Это только честность практической дипломатіи могла приписать ему хорошія намѣренія. Николай искалъ „блестящаго“ мира, какъ всегда ищетъ его, хотя не всегда обрѣтаетъ благодушное русское правительство. Онъ о болгарахъ и невспомнилъ, и, бѣдняки, навѣсившіе было по церквамъ колокола, и до сей поры должны призывать братьевъ на молитвы колотушкою въ доску. . . .

Такое пониманіе дипломатіи высказываетъ г. Фонтонъ, который какъ мы уже сказали, — одинъ изъ лучшихъ еще представителей нашей практической дипломатіи! Довольно только этого, чтобы уже понять всю ея гадость и вредность. Довольно только этого, чтобы искренно жалѣть всѣхъ нашихъ дипломатовъ, между которыми, вѣроятно, есть не мало хорошихъ людей, которыхъ однако ихъ профессія тупитъ и безсовѣститъ. Лучшее доказательство этому тотъ-же г. Фонтонъ. Онъ иногда прорывается до очень милыхъ вещей. Онъ, напримѣръ, удивляется — почему представителями Россіи при греческомъ дворѣ дѣлаютъ грековъ (Булгариса и т. д.), при французскомъ — француза (Поццо ди Борго).

„Не странно-ли, замѣчаетъ г. Фонтонъ о Поццо ди Борго, — видѣть представителемъ Россіи въ Парижѣ мужа, котораго нѣсколько разъ уже, при перемѣнахъ французскихъ министерствъ, прочили будущимъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“. (Т. 1. стр. 91).

Онъ требуетъ далѣе не только представительства Россіи русскими, но и такими русскими, которые „знали

бы Россію, чтобы были напитаны русскимъ духомъ, словомъ, чтобы умѣли по-русски думать и писать". (Т. 1. стр. 91).

Но всѣмъ этимъ онъ хотя и рисуетъ еще характеристическую черту русской практической дипломатіи, ея невѣжество, ея непониманье нуждъ Россіи, ея неумѣнье даже писать по-русски; да все-таки — едва-ли не слишкомъ достаточно говоритъ, что русскій практическій дипломатъ всегда и останется таковымъ. Осмѣивая совершенно основательно представительство Россіи французомъ и грекомъ, онъ дипломатически умалчиваетъ о нѣмцахъ. Да отчего-же Поццо ди Борго было бы приличнѣе управлять французскимъ министерствомъ, чѣмъ быть русскимъ посланникомъ, а г. Нессельроде и ему подобнымъ г. г. Мейендорфамъ, Штакельбергамъ, Моренгеймамъ, Будбергамъ, Фонтонамъ — приличнѣе быть русскими министрами и посланниками, чѣмъ австрійскими или саксонскими? Прибавляетъ-ли это хоть каплю человѣчности въ нашу практическую дипломатію? Нѣтъ, русскому дипломату о человѣчности думать не суждено, — а только отъ началъ человѣчности, т. е. свободы, разума и правды можно бы дойдти до честныхъ и плодотворныхъ результатовъ. Перемѣна лица — ничего не значитъ, когда вся система скверна. Пока дипломатія будетъ держаться на теперешнихъ началахъ, то будутъ-ли посланники — нѣмцы, испанцы, русскіе — все они будутъ попрежнему шпіонами съ почетнымъ именемъ. Пока дипломатія будетъ ставить своею цѣлью — „ловко и въ добрую минуту затѣять войну" — до тѣхъ поръ ни о какихъ перемѣнахъ, ни о какой человѣчности не можетъ быть рѣчи, и до тѣхъ поръ наиболѣе именитые дипломаты будутъ заниматься

составленіемъ безсовѣстныхъ causa belli и блестящихъ мировыхъ трактатовъ, и стряпаньемъ такихъ безобразныхъ книжонокъ, замѣчательнымъ прототипомъ которыхъ могутъ быть и „Воспоминанія“, или сувениры всепочтеннаго нашего дипломата, послужившія фономъ нашихъ бѣглыхъ медитацій. —

ЕЩЕ МАНИФЕСТЪ ИЗЪ РОССІИ.

Къ братьямъ Славянамъ: Болгарамъ, Сербамъ, Хорватамъ, Хорутанамъ, Словакамъ, Чехамъ, Моравамъ, Лужичанамъ, Полякамъ, Великоруссамъ, Малоруссамъ и Бѣлоруссамъ.

Древнія международныя недоразумѣнія, терзавшія наше племя въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, были для всѣхъ насъ источникомъ величайшихъ несчастій: однихъ изъ насъ они стерли съ лица земли, другихъ предали иноплеменному владычеству, всѣхъ безъ исключенія удерживали въ гражданской и политической слабости. Они привели насъ наконецъ къ мысли о славянской федераціи. Только федерація можетъ окончательно разрѣшить тѣ печальные вопросы, которые иначе, безпрестанно усложнялсь, будутъ становиться болѣе и болѣе неразрѣшимыми. Теперь эта мысль стала извѣстною настолько, чтобы высказать ее гласно ко всѣмъ намъ разомъ.

Намъ слѣдуетъ образовать одинъ великій союзъ, въ который бы вошли всѣ наши народности съ равными правами на самобытность и независимость. Этотъ союзъ долженъ состоять изъ областей, образованныхъ на основахъ какъ народныхъ особенностей, такъ и географическихъ и жизненныхъ потребностей, допуская на бу-

дущее время тѣ измѣненія, какія будутъ вызваны новыми условіями жизни. При бо̀льшей ясности идеи соединенія опредѣлятся сами собою взаимныя границы этихъ областей, и рѣшится вопросъ: какія стихіи политической и гражданской жизни и до какой степени должны быть общими для всего славянскаго союза и какія будутъ составлять особенности той или другой области.

Въ настоящее время можно думать, что общими для всѣхъ будутъ: равноправное представительство областей въ общемъ собраніи союза, одинакая свобода и равенство передъ закономъ членовъ союза во всѣхъ областяхъ его безъ различія вѣры, происхожденія и языка; отсутствіе оффиціально-господствующаго исповѣданія по областямъ, повсюдное уничтоженіе сословныхъ различій, полная свобода мысли и слова, единство началъ при разнообразіи формъ въ народномъ управленіи и законодательствѣ, одинакіе монета, вѣсъ и мѣра, свобода торговли и сношеній, единство военныхъ силъ и единство связующей власти въ соблюденіи неразрывности областей и во внѣшнихъ сношеніяхъ.

Для достиженія этой великой цѣли намъ нужно считать оконченными всѣ наши прежнія недоразумѣнія международныя. Каждая изъ нашихъ народностей не только не должна стремиться къ господству надъ другой, какъ скоро та ищетъ саморазвитія, но должна уважать послѣднюю и съ любовію способствовать всякимъ ея стремленіямъ къ самостоятельной жизни. Всѣ мы знаемъ, что прежде нежели осуществится идея славянскаго союза, необходимы будутъ тяжелыя жертвы для освобожденія нашихъ братій отъ матеріальнаго и нравственнаго ига: мы должны быть готовы на эти жертвы.

Обращаемъ ко всѣмъ, кому дорога̀ свобода родной

страны и будущность его соплеменниковъ: содѣйствуйте, братья, распространенію и уясненію этой великой идеи, которая одна можетъ быть залогомъ будущаго нашего благосостоянія, самостоятельнаго развитія нашей племенной силы и общей нашей свободы. Слова наши мы обращаемъ не только къ народамъ славянскаго племени, но и къ тѣмъ иноплеменникамъ, которыхъ связала съ нами судьба: къ Литовцамъ, Румынамъ, Венграмъ, къ народамъ тюркскаго и финнскаго племени. Пусть они знаютъ общее наше стремленіе, и заранѣе уяснятъ для себя то положеніе, въ которомъ желаютъ оставаться. Мы не допускаемъ надъ ними ни малѣйшаго насилія; но если они захотятъ войти въ нашъ союзъ, то могутъ быть увѣрены, что право на саморазвитіе ихъ народности будетъ уважаемо нами также точно, какъ и наше собственное. И къ вамъ обращаемся мы, народы иныхъ племенъ и другихъ историческихъ судебъ! Опередивъ славянъ на пути гражданской свободы и историческаго развитія, примите ихъ теперь въ ваше великое братство, и протяните руку помощи тѣмъ, которые будутъ нуждаться въ ней!

ПО ПОВОДУ ПОЖАРОВЪ И МОЛОДОЙ РОССІИ.

Отъ Редакціи. По поводу пожаровъ и прокламацій мы получили много писемъ изъ Петербурга и изъ-за границы. Выбираемъ одно изъ нихъ, какъ самое характерное, и кончающееся вопросомъ: „Что-то скажетъ объ этомъ Герценъ?“ Оно тѣмъ болѣе кстати, что Герценъ сказалъ свое слово, безукоризненное и удовлетворительное въ высшей степени. Слово Герцена избавляетъ насъ отъ печатанія другихъ писемъ и высказа своего мнѣнія, такъ какъ оно вполнѣ солидарно съ мнѣніемъ редактора Колокола. Мы увѣрены, что и корреспондентъ нашъ послѣ слова Герцена откажется отъ своихъ неосновательныхъ обвиненій: ошибиться было не трудно; обстоятельства слишкомъ неожиданны.

Въ успокоеніе людей, испуганныхъ поворотомъ общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ на реакцію, мы можемъ сообщить положительныя свѣдѣнія, что эта, неимѣющая долгаго бытія, реакція ограничиваетъ свое пребываніе Петербургомъ: наши провинціи, изъ кото-

рыхъ мы получили очень точныя извѣстія, ждутъ — въ лицѣ дворянства — 26 Августа 1862 г., а въ лицѣ крестьянства — 19 Февраля 1863 г. Правительство можетъ провѣрить наши слова въ губерніяхъ: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской и Полтавской.

I. ЧТО-ТО СКАЖЕТЪ ГЕРЦЕНЪ?

(Изъ общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ).

Что то дѣлается теперь въ нашей дорогой Россіи? Мы оставили ее въ самую грустную минуту, когда петербургскіе пожары, приписываемые не однимъ правительствомъ, но и общественнымъ мнѣніемъ членамъ революціоннаго комитета, напугали самымъ неумѣреннымъ образомъ ревнителей прогресса. И они остановились въ раздумьи передъ требованіями „Молодой Россіи“.

„Это такъ нелѣпо, слышалось со всѣхъ сторонъ, что право одно только III Отдѣленіе, чтобы запугать хорошенько всѣхъ сочувствующихъ подземной литературѣ, могло сочинить такую высокопарную и кровожадную дичь! Кто же пойдетъ за этими господами, кто захочетъ мгновеннаго уничтоженья всѣхъ доселѣ извѣстныхъ основаній общественнаго устройства? Пускай укажутъ они на цѣлое сословіе, которое можетъ согласиться съ ними вполнѣ, во всѣхъ ихъ требованіяхъ. Развѣ одни мошенники, и теперь, безъ ихъ помощи, грабящіе и ворующіе гдѣ могутъ? Самый народъ, для котораго выгодны ихъ всеуравнивающія положенія, и тотъ не разстанется съ своей религіей, съ семьей, съ правомъ передавать сыну пріобрѣтенное трудами цѣлой

жизни отца. Попробуйте сказать старообрядцу, на котораго преимущественно разчитываютъ гг. уравнители, что Богъ — мечта разгоряченнаго воображенія, онъ и не пойметъ васъ; но объясните это ему такъ, — что не надо ходить въ церковь, не дозволяется исполнять дорогихъ ему обрядовъ, за которые онъ страдаетъ и теперь, онъ первый возмется за топоры, только не за васъ, а противъ васъ, станетъ за ненавистное ему, гнетущее его правительство, чтобы оно только избавило его отъ такихъ преобразователей. Вѣроятно гг. преобразователи люди очень молодые, никогда не выѣзжавшіе изъ большихъ городовъ, никогда прямо не сообщавшіеся съ народомъ. И чего боится ихъ правительство: ему бы просто перепечатать ихъ прокламацію во всѣхъ газетахъ!“

Вотъ что говорилось по прочтеніи „Молодой Россіи, огромнымъ большинствомъ, между которымъ было не мало самыхъ горячихъ сторонниковъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ манифестацій. И надо сознаться, что говорившіе такъ, болѣе и лучше знаютъ Россію и народъ, чѣмъ великодушно и безтрепетно несущіе свою голову на плаху — во имя имъ однимъ понятной и желанной свободы. Если они намъ не вѣрятъ, пускай спустятся изъ своихъ заоблачныхъ, не всѣмъ досягаемыхъ высотъ на землю, пускай ознакомятся съ народомъ, изучатъ его требованія и они увидятъ!

Вотъ встрѣча сдѣланная „Молодой Россіи“ въ Петербургѣ: надъ ней иные смѣялись, другіе же приписывали ее III^му^ отдѣленію. Даже ярые соціалисты, люди извѣстные за крайность своихъ мнѣній, раздѣлявшіе въ теоріи главные принципы „Молодой Россіи“ и тѣ находили, что не надо имѣть ни капли здраваго смысла, чтобы

высказать подобныя требованія, среди современнаго общества, нисколько имъ несочувствующаго. А реакціонеры, а сторонника правительства quand même, тѣ иронически-торжественно улыбались, указывая на „Молодую Россію“. — „Вотъ до чего доводятъ превозносимыя вами прокламаціи, говорили они своимъ противникамъ: не лучше ли оставить все по старому и возвратиться къ порядку и закону, оно будетъ разумнѣе, а главное безопаснѣе; развѣ вы не видите, что тутъ дѣло идетъ не о принципахъ, а о выгодахъ. Ote toi, que je m'y mette. А мы и уступай имъ мѣсто, да еще пожалуй потребуютъ, чтобы мы же поблагодарили ихъ за честь, которую они намъ дѣлаютъ. Что-жь вы и уступайте, и благодарите, если это вамъ нравится, а мы ужь лучше останемся тамъ, гдѣ мы теперь“.

Тутъ начались пожары. Дѣло слишкомъ скоро слѣдовало за угрозой, — всѣ и пріуныли. Не прошло дня послѣ устрашившаго всѣхъ пожара 29 мая, какъ въ общественномъ мнѣніи произошла сильная реакція. Всѣ наиболѣе роптавшіе противъ правительства, съ восторгомъ встрѣчавшіе всякую новую прокламацію, не смѣли возвысить голоса противъ строгихъ мѣръ, принятыхъ государемъ; не смѣли, потому что были въ въ разладѣ сами съ собою: съ одной стороны имъ можетъ быть жаль было безумцевъ, съ которыми еще такъ недавно они думали быть за одно, а тутъ стоны тысячи жертвъ, оставшихся безъ крова и куска хлѣба, перетягивали ихъ на сторону порядка и общественной безопасности. У иныхъ же, доселѣ очень жаркихъ прогрессистовъ, негодованіе при видѣ столькихъ несчастныхъ простиралось до той степени, что они находили правительство слишкомъ мягкимъ, желали, чтобы поджигателей вѣшали

тутъ же, на мѣстѣ преступленья, и оставляли висѣть на страхъ другимъ. Случалось намъ въ эти грустные дни слышать молодыхъ офицеровъ, не задолго передъ тѣмъ разсуждавшихъ лишь о томъ, на столько ли они имѣютъ вліянія на свои команды, чтобы въ случаѣ столкновенія съ правительствомъ, перетянуть ихъ на сторону народа, и теперь заговорившихъ другое: они вспомнили и о присягѣ, и о воинской чести, мысли раздвоились. А почему? Потому, что начали сомнѣваться — съ какой стороны правда и право, съ какой стороны дѣйствительныя выгоды народа, несчастнаго народа, ограбленнаго его доброжелателями, обратившаго всю свою надежду на государя и громко требовавшаго безопасности и мщенья.

Правительство, или лучше сказать, реакціонеры, окружающіе всѣми обманываемаго, всѣми предаваемаго государя, должны были торжествовать въ эту минуту! Этого ли вы желали, господа? А если вы намъ не вѣрите, прислушайтесь къ говору раздраженнаго народа, прислушайтесь къ общественному мнѣнію высшаго класса и вы увидите, что вы стоите одни среди негодующей и устрашенной вами Россіи, негодующей вдвойнѣ: не за одно только зло, которое вы успѣли уже надѣлать, а и за поворотъ общественнаго мнѣнія, ставшаго за правительство, какъ за единственную ограду противъ обѣщаемаго вами кровожаднаго деспотизма. Правительство же, вѣроятно, воспользуется этимъ, чтобы снова начать давить всякое проявленіе общественной свободы. Оно уже закрыло Шахматный Клубъ, закрыло читальни и воскресныя школы, произвело множество арестовъ, и быть можетъ, закрыло подѣломъ, арестовало по необходимости, какъ по необходимости, слѣдуя общественному

мнѣнію, объявило военное положеніе. Но съумѣетъ ли оно остановиться во-время? Не даромъ въ его совѣтахъ сидитъ весь дурной отсадокъ прошедшаго царствованія, и настанутъ, пожалуй, опять николаевскія времена, и Россія уснетъ еще на тридцать лѣтъ; тогда тяжелѣе будетъ сонъ, труднѣе пробужденіе. Или (что гораздо вѣроятнѣе) подышавъ шесть лѣтъ, сравнительно, вольнымъ воздухомъ, бѣдная Россія не выдержитъ давленья, взрывъ будетъ страшный, и чѣмъ онъ кончится, трудно отгадать заранѣе: вторымъ ли 14^мъ^ Декабремъ, съ еще горчайшими послѣдствіями, чѣмъ первое; или, быть можетъ, исполненіемъ вашего желанія — рѣзнею. Но выходъ-ли это?

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Что-то скажетъ Герценъ? говорили въ Петербургѣ, — одни съ злобной надеждой, что, ставъ за „Молодую Россію“, онъ тѣмъ самымъ уронитъ себя въ раздраженномъ противъ нея общественномъ мнѣніи и вѣрнѣй пошлой выходки Шедо-Ферроти уничтожитъ вліяніе ненавистнаго имъ Колокола; другіе же напротивъ, только отъ Герцена, политическаго воспитателя и руководителя молодежи за послѣднія шесть лѣтъ, ожидали ея спасенья и вразумленья.

И мы тоже, кончая наше грустное письмо, мы тоже повторяемъ въ раздумьѣ такъ часто слышанный въ Петербургѣ вопросъ: что-то скажетъ Герценъ?

II. ЧТО СКАЗАЛЪ ГЕРЦЕНЪ.

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССІЯ.

Въ Петербургѣ терроръ, самый опасный и безсмысленный изъ всѣхъ, терроръ оторопѣлой трусости терроръ не львиный, а телячій — терроръ, въ которомъ угорѣлому правительству, незнающему откуда опасность, незнающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря, — помогаетъ общество, литература, народъ, прогрессъ и регрессъ ....

„День“ запрещенъ, „Современникъ“ и „Русское Слово“ запрещены, воскресныя школы заперты, шахматный клубъ запертъ, читальныя залы заперты, деньги, назначенныя для бѣдныхъ студентовъ отобраны, типографія отданы подъ двойной надзоръ, два министра и третье отдѣленіе должны разрѣшать чтеніе публичныхъ лекцій; безпрестанные аресты, офицеры, флигель-адъютанты въ казематахъ, инквизиторъ Голицынъ (jun. прежнихъ временъ) призванъ на совѣтъ въ зимній дворецъ съ Ланранди . . . котораго съ омерзеніемъ оттолкнулъ года три тому назадъ тотъ-же Александръ II.

Гдѣ свободныя учрежденія сверху внизъ, гдѣ революція къ-верхъ-ногами, гдѣ демагоги-абсолютисты министерства? Видно не удивимъ мы Европу въ тысяче-

лѣтіе, видно николаевщина была схоронена заживо и теперь встаетъ изъ подъ сырой земли, въ форменномъ саванѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы — и государственный совѣтъ, и протодіаконъ Панинъ, и Аненковъ-Тверской, и Павелъ Гагаринъ, и Филаретъ съ розгой спѣшаются за угломъ, чтобъ грянуть *Николай воскресе!*

Воистину воскресе! скажемъ и мы этимъ не умершимъ мертвымъ; праздникъ на вашей улицѣ, только улица ваша идетъ не изъ гроба — а въ гробъ.

— Позвольте, кто-же виноватъ въ этомъ? Съ одной стороны горитъ Щукинъ дворъ, съ другой *Молодая Россія* . . .

— Да когда-же въ Россіи что нибудь не горѣло? Изъ этого петербургскаго удивленія передъ пожарами и поджогами только видно, что Петербургъ въ самомъ дѣлѣ иностранный городъ. Развѣ въ 1834 году не горѣло Лефортово, Рогожская, Якиманская часть? развѣ прежде и послѣ не выгорали губернскіе и уѣздные города, села и деревни? Поджоги у насъ заразительны какъ чума, и совершенно національное выраженіе *пустить краснаго петуха* — чисто народное, крестьянское.

— Очень хорошо, мы знаемъ, что поджигательства были всегда, но „Молодая Россія“?

— Да что это за „Молодая Россія“? спрашивали мы съ безпокойствомъ *).

— О это ужасная Россія! знаете, отрицаніе всего, — ничего святаго, такъ-таки ничего, ни власти, ни собственности, ни семьи, никакого авторитета; для нея „Великоруссъ“ недалеко ушелъ отъ „Сѣверной Пчелы“ и вы отсталой публицистъ.

*) Къ сожалѣнію мы получили ее не прежде 1-го іюля.

Наконецъ-то этотъ листъ, ужаснувшій правительство и литературу, прогрессистовъ и реаковъ, цивилизованныхъ парламентаристовъ и цивилизующихъ бюрократовъ, дошелъ и до насъ.

Мы прочли его, разъ, два, три раза . . . со многимъ очень не согласны (и въ другой статьѣ поговоримъ объ этомъ), но по совѣсти признаемся, не понимаемъ ни бѣлую горячку правительства, ни хныканье добросовѣстныхъ журналовъ, ни душесмятенія платоническихъ любовниковъ прогресса . . . Маловѣрные, слабые люди! какъ мало надобно вашимъ женскимъ нервамъ, чтобъ испугаться, бѣжать назадъ, схватиться за фалду квартальнаго; какъ мало надобно, чтобъ ваши парныя чувства простыли и свернуспть; какъ мало — чтобъ и вы туда-же пустили свой камень въ преслѣдуемыхъ. И никому изъ васъ не пришло въ голову того, что сказали и Daily News и Star — неурядица въ Росіи и лихорадочное волненіе идетъ отъ того, что правительство хватается за все и ничего не выполняетъ, что оно дразнитъ всѣ святыя стремленья человѣка и не удовлетворяетъ ни одному, что оно будитъ — и бьетъ по головѣ проснувшихся. Нѣтъ, господа, не попадете вы ни въ адъ, ни въ рай, Харонъ васъ отгонитъ весломъ на прѣсный берегъ.

Дѣло другое — открытое, энергическое положеніе, оно понятно. Для насъ во всей этой оргіи страха совершенно ясно и рельефно, ясно какъ на блюдечкѣ, положеніе Липранди, и *литературныхъ* товарищей его въ Москвѣ. Липранди какъ-то нашелъ средство, въ самыхъ доносахъ, перейти Рубиконъ и свернулся; Николай не во-время умеръ, Липранди поторопился съ своей акаде-

міей шпіонства, какъ бы предупреждая по ясновидѣнію семейную переписку московскаго академическаго сената съ флотскимъ начальникомъ своимъ, словомъ Липранди попалъ не въ тонъ и, какъ тараканъ, упавшій на спину, долго не могъ справиться и, само собою разумѣется, съ восторгомъ ухватился за „Молодую Россію“, чтобъ стать опять на свои шесть ногъ. Для него „Молодая Россія“ точка опоры — и онъ поплелся устроивать свою карьеру, да поправлять свои дѣла. Карьеру онъ составитъ, дѣла поправитъ, Филаретъ дастъ ему неба, которое нужно для души, государь дастъ ему земли, которая нужна для крестьянъ, всё это понятно, тутъ есть логика, Литераторы, идущіе на пристяжкѣ III Отдѣленія, тоже понятны; они имѣютъ очень реальные виды, они пишутъ изъ денегъ, изъ мести, изъ зависти, изъ самохраненія и пр., они готовы своей доктринерской риторикой натягивать *круговую поруку* (знаменитое complicité morale!) между неосторожными словами юноши и зажженымъ углемъ, подброшеннымъ въ сарай, между заревомъ революціонныхъ идей и заревомъ Щукина двора: изъ-за этого можетъ кого-нибудь и повѣсятъ, но гражданская доблесть выше всего! Столько же понятна и *третья* категорія, разрабатывающая пожары въ свою пользу, категорія мошенниковъ и воровъ, которые пользуясь передрягой и общей бѣдой, обкрадывали погорѣлыхъ. Эта отрасль практическихъ эксплуататоровъ имѣетъ впрочемъ передъ своими товарищами, одну огромную нравственную выгоду, и неменѣе огромную практическую невыгоду, въ рискѣ и опасности, сопровождающимъ воровство и нисколько не угрожающимъ доносамъ и намекамъ.

Оставляя въ сторонѣ *смирительную* литературу и будущихъ жильцовъ смирительнаго дома, мы обращаемся къ дѣйствительно честнымъ, но слабымъ людямъ и спрашиваемъ ихъ: они-то чего испугались „Молодой Россіи“? Добро бы они вѣрили, что русскій народъ такъ и схватится за топоръ, по первому крику: „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика Русская!“ Нѣтъ, они всѣ хоромъ говорятъ, что это невозможно, что народъ этихъ словъ не понимаетъ, и напротивъ, озлобленный за пожары, готовъ растерзать тѣхъ, которые ихъ произносятъ. И всё-таки каждый *честный* человѣкъ считаетъ себя обязаннымъ ругнуть молодыхъ людей, осыпать упреками и проклятіями — считаетъ себя обязанымъ ужасаться, возводить глаза горѣ.

Разберите-ка, господа, построже ваше чувство, и вы со стыдомъ увидите, что васъ поразила не опасность, не ложь, не вредъ, *а продерзость* вольнаго слова; чувство *іерархической дисциплины* обижено, не по лѣтамъ и не по чину говорятъ . . .

Если молодые люди (а для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что летучій листъ этотъ писанъ очень молодыми людьми), въ своей заносчивости наговорили пустяковъ — остановите ихъ, вступите съ ними въ споръ, отвѣчайте имъ, но не кричите о помощи, не подталкивайте ихъ въ казематы. III отдѣленіе fara da se; а шпіоновъ не хватитъ — у него есть вспомогательная литература, которая только ждетъ конца русскаго, секретнаго, застѣночнаго слѣдствія, чтобъ обвинить ихъ въ зажигательствѣ.

И такъ всё это страшное дѣло, поставившее Россійскую Имперію и Невскій проспектъ на край соціальнаго катаклизма, разорвавшее послѣднюю связь между

хроническимъ и острымъ прогрессомъ, сводится на юношескій порывъ, неосторожный, несдержанный, но который не сдѣлалъ никакого вреда *и не могъ сдѣлать*. Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацію, но винить ихъ мы не станемъ. Ну что упрекать молодости ея молодость, сама пройдетъ какъ поживутъ . . . Горячая кровь, il troppo juvenil' bollore, тоска ожиданія, растущая не по днямъ — а по часамъ, съ приближеніемъ чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется, и чего еще нѣтъ, а тутъ святое нетерпѣніе, двѣ, три неудачи — и страшныя слова крови, и страшныя угрозы срываются съ языка. «Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь-юношей фанатиковъ.

Въ чемъ-же уголовщина?

Еслибъ правительство умѣло понимать, и не хранилобы важную серьозность швейцара съ булавой, какъ-бы оно громко расхохоталось теперь, глядя на испугъ мужественныхъ либераловъ, гранитныхъ прогрессистовъ, отважныхъ защитниковъ правъ и свободы книгопечатанія, неустрашимыхъ обличителей становыхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей, глядя, какъ они, голубчики, побѣжали подъ крылышки той-же полиціи, того-же правительства, требуя, даже мощнымъ органомъ *рижской* газеты, примѣрнаго наказанія. А вы знаете, что́ такое примѣрное наказаніе по образцовому своду нашему? Посмотрите-ка на уголовные законы, съ особенной любовью обработанные кроткимъ и добрымъ царемъ Николаемъ, съ еще-болѣе добрымъ и кроткимъ рабомъ его и легистомъ Губе . . . Стыдно вамъ! Вы всю жизнь молчали отъ страха передъ дикой властью, помолчите-

же сколько нибудь отъ страха будущихъ угрызеній совѣсти.

„Молодая Россія“ намъ кажется двойной ошибкой. Во первыхъ, *она совсе не русская;* это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка ея неумѣстность — случайность совпаденія съ пожарами усугубила ее.

Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закалъ и раковина, мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь ихъ такою и вышла, въ ней нѣтъ той внутренной сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или *строй организованной партіи.*

Но сказавъ это, мы прибавимъ, что неустрашимая послѣдовательность ихъ, одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ русскаго генія, *отрышеннаго отъ народа.* Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ *уважаемыхъ почтенностей,* которыя мѣшаютъ западному человѣку, но которыя ему дороги. За рабство, въ которомъ мы жили, за чуждость съ своими, за разрывъ съ народомъ, за безсилье дѣйствовать, намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе — въ наготѣ отрицанія, въ логической безпощадности и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, *крайнія* слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣдиѣя и осматриваясь. Да, мы произносили ихъ громко, и будто становилось легче — въ ожиданіи

бури, которую вызовутъ они. Намъ нечего было терять.

Обстоятельства перемѣнились. Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбріогеніи. Въ помощь нашему дѣлу. нужна мысль запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько-же не нужна его революціонная декламація. какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ это не пониманіе ни дѣла, ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну есть-ли тѣнь вѣроятія, чтобъ народъ русскій возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?

Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ — а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь-же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Мора *) и Гракха Бабефа на русской площади, не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Французы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить

*) Дѣйствительно, въ „Молодой Россіи“ столько-же Шиллера сколько Бабефа. Благородные и нѣсколько восторженные и метафизическіе порывы Шиллера облекались очень часто въ кровавыя сентенціи Мора, Позы, Фердинанда, за которыми билось его любящее, вѣчно юное сердце. За одинъ эпиграфъ его въ Разбойникахъ московскіе сенаторы подвели-бы его подъ первые два пункта, какъ уличеннаго зажигателя. „Quae medicamentae non sanant, ferrum sanat, que ferrum non sanat, ignis sanat.“

Римской латиклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ . . . народъ требовалъ головы несчастнаго Орбучева.

. . . И вотъ опять слышится хоръ — не подземный, а бельэтажный хоръ трусовъ, разслабленныхъ, чающихъ легкаго движенія прогресса.

— Да, да, кричатъ они, посмотрите что дѣлаетъ хваленый народъ, это дикій звѣрь, вотъ что́ насъ ждетъ. Подите объясните имъ, что мы теперь не помѣщики, а землевладѣльны, что мы хотимъ не барщину — а думу, не оброка — а правъ гражданина.

Тугонекъ народъ на пониманье, и не можетъ такъ быстро сообразить, что вѣковой, кровный врагъ его, который его грабилъ, позорилъ его семью, морилъ его съ голоду, унижалъ, вдругъ впалъ въ такое раскаяніе — „братъ, говоритъ, родной!“ да и только . . .

Бываютъ страшныя историческія несчастія, черные плоды черныхъ дѣлъ; передъ ними, какъ передъ грозой, смолкаетъ человѣческая мудрость и покрываетъ своими руками свои глаза, полные горькихъ слезъ.

Наши жертвы искупленія, какъ Михайловъ, какъ Обручевъ, должны вынести двойное мученичество; они не станутъ народной легендой, какъ братья Бандьеры и Пизакане, народъ ихъ не знаетъ, нѣтъ — хуже, онъ знаетъ ихъ за дворянъ, за враговъ. Онъ не жалѣетъ ихъ, онъ не хочетъ ихъ жертвы.

Вотъ куда привелъ разрывъ. Народъ намъ не вѣритъ и готовъ побить камнями тѣхъ, которые за него отдаютъ жизнь. Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье.

Не за себя несутъ наши мученики тяжкую кару народной ненависти, а за другихъ. Эти *другіе* слиш-

комъ торопятся получить амнистію; съ своей стороны они, кажется, не были такъ великодушны, и что-же они сдѣлали такого — потерявши устрицу, рѣшаются бросить раковину! Развѣ шляхетная Магдалина своимъ собственнымъ сердцемъ дошла до раскаянія? развѣ слово *освобожденія* было сказано ею. развѣ она не упиралась, пока думала, что можно упираться? Такъ легко и съ такой недовольной миной не дѣлаются искупленія и не прощаются вѣковые рубцы.

Очень печально, безгранично печально явленіе на петербургской площади, но вы бѣдные страдальцы, не предавайтесь отчаянію. Довершите вашъ подвигъ преданности, исполните великую жертву любви и, съ высоты вашей Голгоѳы, и изъ подземелій вашихъ рудниковъ, отпустите народу невольную обиду его, и скажите *тьмѣ*, строгимъ-то, что онъ имѣетъ право на это заблужденіе, что вы благословляете его!

искандеръ.

АРЕСТЫ.

По полученнымъ извѣстіямъ въ Петербургѣ въ послѣднее арестовано: до 3000 ч., и между прочимъ.

Чернышевскій.
Писаревъ.
Серно-Соловьевичъ.
Благосвѣтловъ.
Поповъ.
Елисѣевъ.
Антоновичъ.
} (литераторы).

Данненбергъ. (2й разъ).

Свѣшниковъ.
Мисевичъ.
Баллодъ.
} (студенты).

Рагозинъ.
Рагозинъ.
} (медики).

Богданова. (дѣвица).

Въ Нижнемъ Новгородѣ — двое; въ Перми — около 15 человѣкъ въ Варшавѣ 15 т. ч.

Видно недаромъ предполагаютъ выстроить тюрьму для политическихъ преступниковъ. Стройте, стройте, г-да: придетъ пора — вы сами въ ней насидитесь!

ПО ДѢЛУ „ПРАВДИВАГО“ И „ПРАВДОЛЮБИВАГО“.

Съ настоящего года, кн. П. В. Долгоруковъ издавалъ, чрезъ посредство лейпцигскаго книгопродавца г. Гергардта, русскій журналъ: „Правдивый“. По заключенному между кн. Долгоруковымъ и г. Гергардтомъ контракту, „Правдивый“ составляетъ собственность перваго, безъ подписи котораго не можетъ быть выпущенъ ни одинъ No. журнала; участіе же г. Гергардта должно ограничиться только матеріяльными издержками, что очень понятно — при полномъ незнаніи г. лейпцигскимъ книгопродавцемъ русскаго языка. Но несмотря на юридическую и нравственную обязательность контракта, г. Гергардъ позволилъ себѣ такого рода дѣйствія, которыя заставили кн. Долгорукаго прислать намъ и напечатать въ Колоколѣ (No. 138) слѣдующее объявленіе:

Мѣсяцъ тому назадъ, книгопродавецъ г. Гергардъ писалъ мнѣ, что ему сдѣлалъ визитъ русскій генеральный консулъ въ Лейпцигѣ, г. Томгаве, и объяснялъ, что петербургское правительство крайне недовольно журналомъ Правдивый. Я отвѣчалъ г. Гергарду, что у меня въ и мысли не бывало издавать журналъ, пріятный петербургскому правительству! Г. Гергардъ писалъ мнѣ, что онъ впредь будетъ просматривать напередъ статьи,

назначенныя для Правдиваго, и что не слѣдуетъ нападать ни на придворныхъ, ни на лицъ высшаго круга, а нападать можно только на людей незначительныхъ Я отвѣчалъ этому новому цензору, что во первыхъ, по моимъ понятіямъ, нападать можно только на сильныхъ, а нападать на беззащитныхъ неблагородно, а во вторыхъ, что я выселился изъ моего отечества нарочно для того, чтобы писать свободно, никакого надъ собою цензорства не допущу, и прерываю съ г. Гергардомъ всякія сношенія, объявляя ему, чтобы онъ 5й No. Правдиваго не издавалъ, потому что по заключенному между нами условію, онъ безъ моего согласія издать ни одного No. не можетъ. Но г. Гергардъ, вопреки подписанному имъ условію, желая угодить князю Горчакову, начало біографіи коего было набрано къ печати, посѣшилъ издать 5й No., самовольно выпустивъ, въ письмѣ изъ Петербурга, мѣста, въ коихъ говорилось о тупоуміи князя Василія Долгорукова и объ образѣ жизни Буткова. Всякій, читающій въ 5мъ No. статью о кн. Горчаковѣ и письмо изъ Воронежа, догадается, что я имъ и корректуры не держалъ, столь онѣ наполнены самыми грубыми типографскими ошибками, до искаженія смысла. Можетъ быть, корректуру держалъ г. Томгаве, который, въ качествѣ русскаго генеральнаго консула, вѣроятно плохо знаетъ по-русски. Такъ какъ Правдивый принадлежитъ не г. Гергарду, а мнѣ, то я буду издавать его черезъ другаго книгопродавца, о чемъ въ свое время будетъ объявлено, пока прошу моихъ корреспондентовъ адресовать мнѣ письма à Bruxelles en Belgique, rue du Commerce 30. — Повторяю петербургскому правительству, что оно меня никакимъ образомъ молчать не заставитъ.

Спа, 22 іюня 1862. Князь Петръ Долгоруковъ.

Такимъ образомъ, этимъ объявленіемъ, какъ и личнымъ извѣщеніемъ г. Гергардта, кн. Долгоруковъ достаточно ясно выразилъ свое желаніе не издавать „Правдивый“ въ Лейпцигѣ, и свое право исполнить это желаніе. Дѣло поэтому должно бы быть покончennымъ: г. Гергардъ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ царствующему въ Россіи дому, и слѣдовательно не можетъ

распоряжаться чужою собственностью. Но вышло иначе. Г. Гергардтъ не только не покончилъ свои блистательные подвиги по цензурѣ ему непринадлежащихъ статей, которыхъ онъ не понимаетъ, а выдалъ еще No. „Правдиваго“, въ которомъ извѣщаетъ, что кн. Долгоруковъ, нежелающій исполнять законы книгопечатанія, не участвуетъ больше въ изданіи „Правдиваго“ и что г. Гергардтъ будетъ продолжать изданіе этого журнала подъ новымъ только названіемъ: „Правдолюбивый.“

Скажемъ откровенно, что и поступокъ г. Гергардта и его извѣщеніе до того нелѣпы, что рѣшительно не пріищешь имъ названія. Г. Гергардтъ не только беззаконно пользуется чужою собственностью (фирмою), но еще и объявляетъ, что собственникъ журнала, кн. Долгоруковъ, не участвуетъ во владѣніи своею собственностью. Какими законами права и законами логики руководствовался г. Гергардтъ? Какая темная сила заставляетъ его совершать такого рода немыслимые эксперименты? .... Можетъ быть это знаетъ г. Гергардтъ, и это составляетъ его секретъ, его задушевную тайну .... Но мы прямо говоримъ, что такихъ законовъ мы не знаемъ.

Русскіе читатели, безъ сомнѣнія, произнесутъ справедливый судъ надъ поступкомъ и логикой г. Гергардта, — и объ этомъ много думать нечего. Но вотъ вопросъ: какая же темная, незаявляющая себя личность будетъ редактировать „Правдолюбивымъ“? Будетъ ли это г. Томгаве, или г. Шедо-Ферроти, или г. Елагинъ, или кто нибудь иной, неофиціальный, но и несовѣмъ осмотрительный, дѣятель? Честному человѣку, выходящему за границею на борьбу съ произволомъ, не должно скрывать свое имя. Да и иначе, т. е. когда „Правдо-

любивый“ будетъ органомъ правительства, — (конечно, ради убѣжденій) — отчего же и тогда не поднять свою маску: за честнаго человѣка — будетъ общество; за слугу правительства — правительство. Шансы за открытіе маски — въ обоихъ случаяхъ.

Мы не произносимъ этимъ никакого сужденіо „Правдолюбивомъ“: qui vivra — verra, — но не можемъ не заявить о той странности его появленія и „праволюбивости“ его „отвѣственнаго“ редактора, которыя могутъ иныхъ заставить думать, что „Правдолюбивый“ можетъ и не быть „Правдивымъ“.

Что касается до „Правдиваго“, то его кн. Долгоруковъ будетъ издавать на французскомъ языкѣ, въ Брюсселѣ. Le Véridique будетъ выходить въ неопредѣленное время, книжками, отъ 120—150 стр. in 18; цѣна выпуска — 2 франка. Направленіе остается прежнее: монархическо-конституціонное.

Отъ редакціи „Свободнаго Слова“.

Неполученіе нами 4 No. „Свободнаго Слова“ зависитъ не отъ редакціи, а отъ прусской полиціи, наложившей на него запрещеніе.

Въ Берлинѣ основалась „Касса“ для пособія нуждающимся за границею русскимъ. Взносы могутъ быть присылаемы въ редакцію нашего журнала. Victoria-Strasse, 11.

СВОБОДНОЕ СЛОВО

РУССКІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОРГАНЪ,

издаваемый

подъ редакціею Л. П. БЛЮММЕРА.

Томъ I, вып. 7 и 8.

1862.

БЕРЛИНЪ.
Ферд. Шнейдеръ,
Виктор. ул. 11.

BERLIN.
Ferd. Schneider,
Victoriastr. 11.

Цѣна: 24 S. gr. (24 Sgr. = 3 Fr.)

Parait à des époques indéterminées, 11 livraisons pa
année. Chaque livraison se vend séparement.
Bureau de la Redaction: Berlin, Victoria-Str. 11.
(Ici doivent être remis les lettres et les manuscrites.)

Содержаніе:

I. КТО НАРОДЪ И КТО НЕ НАРОДЪ. (Отношеніе политическихъ партій къ нашему крестьянству) . . 449
II. РУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДѢЛАХЪ ВООБЩЕ И ВЪ СЕРБСКИХЪ ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ. 476
III. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНАГО ПРАВА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ И О ВЫДАЧѢ ПОСЛѢДНИХЪ. (По Роберту Молю) 493
IV. НЕОБХОДИМЪ-ЛИ БРАКЪ? (Статья 2 и послѣдняя) 520
V. СООБРАЖЕНІЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ДВОРЯНСТВА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІИ. (По пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ) . 535
VI ЕВРОПЕЙСКІЯ ДОБЛЕСТИ. (La verité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukow) 552
VII. ПОЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ. (Ecole Nationale Polonaise) 575
VIII. ПИСЬМО Г. КУРБАТОВА 580
IX. ГОЛОСА ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ. О Герценѣ и Катковѣ 583
X. РУССКИМЪ СТУДЕНТАМЪ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ . 587
XI. ИНТЕРЕСНО БЫ ЗНАТЬ (I. II. III.) 590

КТО НАРОДЪ И КТО НЕНАРОДЪ?

(Отношеніе политическихъ партій къ нашему крестьянству *)

Sine ira cum studio.

Вопросы дня отличаются тѣмъ, что они очень часто требуютъ перемѣны разрѣшеній. Итальянскій вопросъ состоялъ годъ назадъ во все не во томъ, въ чемъ сущность его теперь. Для итальянцевъ теперь необходимо не сильное итальянское королевство, а единая Италія съ полною мѣстною самостоятельностью, которую и не хочетъ и не можетъ дать правительство Виктора-Эмануила. Въ свою очередь, современныя русско-польскія отношенія требуютъ сегодня во все не того разрѣшенія, которое будетъ необходимо для нихъ завтра. Сегодня у русскихъ и поляковъ есть общая задача — свергнуть общее иго; завтра-же, когда это иго будетъ сброшено, и тѣ и другіе будутъ яро защищать

---

*) *Des reformes en Russie*, par le pr. Pierre Dolgoroukow. 1862. *Essai sur la situation russe*, par N. Ogareff. 1862. *Предложенія дворянству*, Н. Безобразова. 1862 г.

свою національную самостоятельность. Въ далекомъ-же будущемъ, можетъ статься, у нихъ снова будетъ общая задача, смыслъ которой: великая славянская федерація.

Такимъ образомъ, каждый политическій вопросъ видоизмѣняется, благодаря вліянію времени и новыхъ обстоятельствъ, и тѣ дѣятели, которые годились бы въ настоящую минуту для его разрѣшенія, могутъ быть вредны нѣсколько временъ спустя. Это необходимо помнить постоянно, когда хочешь быть современнымъ и практичнымъ.

Мы не можемъ забыть этого и при разрѣшеніе вороса: кто народъ и кто ненародъ? вопроса, сильно занимающаго теперь многіе умы. Правда, пренія о подобномъ вопросѣ могутъ очень легко смахиваютъ на пятидесятилѣтніе споры нѣмцевъ о томъ — „Was ist des Deutschen Vaterland“; — но во первыхъ, ясность понятій не мѣшаетъ ни во какимъ случаѣ; а во вторыхъ, нашъ вопросъ заключаетъ въ себѣ не одну фразу, а и право — очень почетное и важное. Какимъ образомъ кто либо будетъ трудиться на пользу народа, когда не установится вѣрная точку для самаго понятія о народѣ? Чего добраго, можетъ случиться и то, что, желая служить народу, мы, невольные мученики своей близорукости, будемъ служить или человѣчеству (а для такого служенія силъ не хватитъ), или отвлеченнымъ понятіямъ (что не во время), или наконецъ правительству, милому правительству, которое такъ поставило себя, что всякое дѣло въ его пользу — идетъ во вредъ народу.

Вопросъ о томъ: кто народъ и кто ненародъ? тоже не разъ потребуетъ иного рѣшенія, чѣмъ то, которое дадимъ ему мы въ настоящее время, такъ какъ прійдетъ часъ, когда самъ народъ укажетъ на тѣхъ, кото-

рые были близки ему, кто былъ отъ его плоти и крови; но, намъ кажется, что все таки есть и теперь возможность опредѣлить хоть часть тѣхъ элементовъ, которые органически соединены съ народомъ, живутъ его духомъ. Въ крайнемъ-же случаѣ можно уяснить враждебные народу элементы, указать на тѣхъ по меньшей мѣрѣ, кто непародъ. Разсужденіе, какъ кажется, не будетъ лишено нѣкотораго интереса тѣмъ болѣе, что оно дастъ возможность сказать о современности и цѣлесообразности нѣкоторыхъ реформъ и уяснить значеніе нѣкоторыхъ партій.

Народъ въ настоящую минуту нельзя разсматривать ни со стороны государства, ни со стороны общества.

Государственная точка зрѣнія опредѣляетъ народъ, какъ полную совокупность всѣхъ обитателей извѣстнаго государства. Съ этой тѣки зрѣнія эскимосъ и редакторъ „Нашего Времени“ также принадлежатъ къ русскому народу, какъ и Емельянъ Пугачевъ и Антонъ Петровъ; съ этой точки зрѣнія цѣлыя народности польская, литовская, малороссійская составляютъ только единицы числа, называемаго русскимъ народомъ. Но какъ ни лестно бы эскимосу и г. Павлову принадлежать къ нашему живому великану-народу, ни одна добрая душа не признаетъ за ними этаго права. Каждый разумный человѣкъ назоветъ ихъ дѣтищами русскаго государства, но не членами русскаго народа. Что-же касается до національностей польской, малороссійской и т. д., то онѣ и не ищутъ чести быть русскимъ народомъ, такъ какъ имѣютъ честь быть для многихъ такимъ-же, въ свою очередь, самостоятельнымъ живымъ великаномъ, какимъ для иныхъ является Русь. То-же, что eo ipso носитъ на себѣ печать отдѣльности, то не можетъ быть

органическою принадлежностью даннаго предмета. При томъ, какъ извѣстно, самое государство у насъ сложилось не ради внутреннихъ потребностей, но ради угнетенія народнаго начала. Кровная Русь, начиная съ того самаго времени, какъ образовалось россійское государство, постоянно шла въ разрѣзъ государству, не признавала его. Уже съ Петра I для русскаго народа нѣтъ земскаго царя (за исключеніемъ Петра III), хотя понятіе о царѣ исторически выработано имъ. Начиная съ Петра I на русскомъ престолѣ сидятъ, по народному возрѣнію, похитители, лютые волки, антихристы, но не цари. Всѣ императорскіе слуги, все, освященное императорскаго властью, т. е. чиновничество, крѣпостничество, судъ, паспорты, рекрутство — все это отдѣлено отъ чисто русской массы.*) Съ государственной-же точки зрѣнія все это институты русской жизни, члены русскаго народа. И дѣйствительно, это было бы вѣрно, если бы все это было органическимъ продуктомъ національной обособленности, если бы русское государство представляло обособленную, безсословную націю, управляемую общею волею, посредственнымъ или непосредственнымъ выраженіемъ народныхъ желаній и требованій. Но такъ какъ русское государство представляетъ разнолоскутную массу, разбитую на нѣсколько аномально развивающихся частей,**) массу, разгороженную сословными перегородками, управляемую произволомъ одного лица, поставленнаго внѣ контроля и совѣта, то государственная точка зрѣнія на народъ не должна быть принята во вниманіе, такъ какъ она

*) *Essai*, Огарева стр. 8 и 9.

**) *Ibid.*, les races, стр. 37—50.

приводитъ къ положительной и ясной нелѣпости, лишенной всякаго внутренняго содержанія.

Разсмотрѣніе народа съ общественной точки зрѣнія также невозможно, благодаря неестественному, отрѣшенному происхожденію и развитію нашего общества. Принадлежность къ русскому обществу не есть еще принадлежность къ русскому народу. Исторія Россіи съ конца XVII столѣтія представляетъ явленіе крайне печальное. Сила, сосредоточенная въ правительствѣ, одолѣваетъ народную силу, и правительство на русскую массу начинаетъ смотрѣть какъ на нѣчто чуждое, побѣжденное. Русь относительно правительства является хозяйствомъ, хотя не въ формѣ прежняго патріархальнаго „кормленія“,*) за то безъ какого бы то ни было права на самоведеніе, самоуправленіе, которое, въ извѣстной степени, все таки существовало въ древней Руси. Правительство произвольно организуетъ органы для управленія этимъ хозяйствомъ, органы съ бюрократическо-вотчиннымъ характеромъ. Мало-по-малу изъ представителей этихъ органовъ, выдѣляется горсть людей, отбрасывающихъ чисто офиціальное, правительственное свое значеніе, но и не сливающихся съ опекаемою массою, и кладетъ основаніе теперешнему русскому обществу. Благодаря историческимъ обстоятельствамъ, столкновенію съ западною Европою, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ, общество наше воспитывается, набирается научнаго лоска, внутренно крѣпнетъ и является третьею силою, несогласною ни съ подавляемою массою, ни съ

*) Кормленіе не чуждо и петровскому государству, только нѣсколько видоизмѣненное изъ послужебнаго въ вѣчное (раздача крестьянъ).

правительствомъ, впрочемъ болѣе симпатизирующее первой, чѣмъ послѣднему. Общество, сложившееся на правительственной почвѣ, отличное отъ крестьянства возрѣніями, религіею, обычаями не могло и естественно не можетъ представить такого рода точку зрѣнія, съ которое можно правильно смотрѣть на народъ.*)

Такимъ образомъ, и общественная и государственная точки зрѣнія негодятся. Государственная власть и общественная сила не выходятъ изъ народа, какъ изъ своего источника. Взаимно враждебныя, онѣ спорятъ за право управленія; онѣ хотятъ быть управителями. Изъ этаго, по видимому, можно бы вывести потятіе о народѣ. Народъ, казалось бы, необходимо опредѣлить, какъ совокупность управляемыхъ. Но это опредѣленіе неудовлетворительно, потому что оно слишкомъ обще. Вопросъ состоитъ въ томъ: какіе элементы образуютъ русскій народъ, органически связаны съ народомъ, а не въ томъ, кто управляется. Само общество до сихъ поръ только добивается управленія, и еще состоитъ подъ благодѣтельною опекою правительства.

Разрѣшеніе ограниченное, опредѣленное можно выразить такъ: русскій народъ состоитъ изъ велико-русскаго крестьянства; къ народу принадлежитъ каждый русскій, кто желаетъ нашему крестьянству землю, свободу и развитіе. Вѣрнѣе: къ народу принадлежитъ только тотъ, кто принимаетъ самое возрѣніе на свободу, землю и развитіе отъ крестьянства. А крестьянинъ не понимаетъ свободы безъ мірскаго самоуправленія и

---

*) Огаревъ даже во все не признаетъ у насъ общества. Онъ говоритъ: La nation russe est divisé en deux catégories: le peuple et les fonctionnaires. *Essai*, стр. 88.

съ паспортами, безъ права вѣрить во что онъ хочетъ и съ не-правомъ быть опекаемымъ полиціею и вотчинникомъ; крестьянинъ не понимаетъ земли, какъ предмета владѣнія, а не собственности, такъ какъ онъ вовсе не слушалъ курса о римскомъ эмфитевзисѣ; крестьянинъ не понимаетъ развитія, если оно сопровождается пинками и толчками, если оно идетъ въ разрѣзъ съ его понятіями о вѣрѣ, правѣ и общежитіи.

Тотъ, кто, подобно правительству, отрицаетъ волю крестьянства; подобно вотчиннику и правительству, — собственность земли; подобно „Молодой Россіи“, идетъ противъ народной вѣры и народныхъ обычаевъ, — тотъ ненародъ.

Такое опредѣленіе для настоящей минуты, по нашему мнѣнію, совершенно вѣрное и единственно возможное. Но, какъ мы уже сказали, разрѣшенный такимъ образомъ вопросъ еще не разъ потребуетъ своего перерѣшенія. Самобытная, живая Русь въ настоящую минуту заключается именно въ крестьянствѣ, къ возрѣніямъ и духу котораго, конечно, примыкаетъ не мало элементовъ и изъ дворянства и изъ купечества и изъ нашего общества. Только крестьянство въ настоящую минуту является трудящимся классомъ народа; одно оно только представляетъ *занятыхъ* людей, — всѣ-же другія сословія русскаго государства живутъ на счетъ крестьянства.*) Но можно-ли предполагать, что такія отношенія въ массѣ останутся на всегда и недвижимо? Напротивъ, можно съ увѣренностью сказать, что наше общество мало-по-малу, разрушивъ перегородки и застѣнки, сольется съ крестьянствомъ въ одну общеграж-

*) *Свободное Слово*, кн. 2, стр. 118 и 119.

данскую семью, русское земство, и представитъ тогда возможность смотрѣть на народъ съ точки зрѣнія общественной. Необходимо думать, что перемѣна образа правленія въ Россіи дастъ нѣкогда возможность опредѣлить народъ и съ точки зрѣнія государственной.

Въ эту послѣднюю эпоху, — кто будетъ работать для правительства — тотъ для будетъ работать и народу; труженикъ для общества будетъ труженникомъ и для крестьянства. Словомъ, разрѣшеніе вопроса будетъ очень легко, и самый вопросъ сдѣлается окончательно лишнимъ. Но теперь задача не такъ легка, и, вѣроятно, найдется не мало людей, которые будутъ далеко несогласны съ нашимъ разрѣшеніемъ. Они очень естественно спросятъ и о русскомъ дворянствѣ и о русскомъ купечествѣ. Для однихъ будетъ обидно, что мы выключаемъ изъ народа дворянство; для другихъ, что мы не вводимъ открыто въ народъ торговаго сословія.

Отчего-же нѣтъ? Мы нисколько не отрицаемъ, что часть и дворянъ и торговцевъ можетъ желать нашему крестьянству общегражданской свободы, земли и развитія. Съ нашей точки зрѣнія покойный Ростовцевъ, въ послѣдніе дни своей жизни, совершенно принадлежалъ къ русскому народу.*) Но мы не говорили о какихъ нибудь сословіяхъ потому, что предполагали возможность существованія въ каждомъ сословіи членовъ, которые сходятся съ коренными народными возрѣніями и требованіями. Подушнымъ вычисленіемъ мы естественно не можемъ заняться, тѣмъ болѣе, что онъ не привелъ бы

*) Покойный Ростовцевъ, къ сожалѣнію, еще не нашелъ хорошего біографа; для добросовѣстныхъ статей о немъ мы всегда нашли бы мѣсто.

къ важному результату; тѣмъ болѣе наконецъ, что, обходя сословія, мы намѣрены ниже сказать объ отношеніи къ народу *партій*, которыя, по нашему мнѣнію, существуютъ у насъ, несмотря на великое прискорбіе „Русскаго Вѣстника“ и „Нашего Времени“.

Въ Россіи настоящего времени есть четыре партіи: правительственная (нѣмецко-бюрократическая), дворянская (помѣщачья), конституціонная и республиканско-соціалистическая (вѣрнѣе: радикалистская).

Партія правительства сильнѣе остальныхъ матерьяльно, но вполнѣ безсильна нравственно. Смотря на народъ съ точки зрѣнія государственной, она никакъ не можетъ, и по существу своему, и по выгодамъ, быть партіею за народъ. Напротивъ, какъ она сама выражается, вся ея надежда съ одной стороны въ войскѣ, съ другой — дворянствѣ. Въ 1851 году Николаи сказалъ слѣдующія слова уполномоченнымъ петербургскаго дворянства: „Вся моя сила въ васъ; въ главѣ васъ я непобѣдимъ .... Въ вашемъ лицѣ я говорю всему русскому дворянству.“*) 31 Августа 1858 г. Александръ Николаевичъ выразилъ въ свою очередь слѣдующее: „Я люблю дворянство, *считаю его первою опорою престола.* Я желаю общаго блага, но не желаю, что бы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ.“**) Послѣднихъ словъ совершенно достаточно, что бы понять, что правительственная партія можетъ имѣть къ крестьянству отношенія только самыя далекія, и едва-ли друже-

---

*) *Предложенія дворянству*, И. Безобразова. 1862. Третье приложеніе, стр. 108.

**) *Матерьялы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія*, 1860 г., т. I стр. 375.

ственныя. Но есть еще не мало выраженій болѣе характеристическихъ и прямыхъ, чѣмъ слова государя. Объ этомъ такъ ясно свидѣтельствуетъ вся историческая жизнь Россіи, крестьянская кровь, проливающаяся не тайкомъ и не одинъ разъ.

Партія дворянская, благодаря эгоистичности руководящихъ ею побужденій, также не можетъ быть партіею за народъ. У нея есть какія-то стремленія, но за исключеніемъ одного желанія сохранить свою землю, едва-ли они понятны ей самой. Одинъ день она примыкаетъ къ партіи правительственной; но на другой день, недовольная и правительствомъ, она хотѣла бы представить ему опозицію, захватить въ свои руки самое управленіе страной. Это видно во первыхъ, въ притязаніяхъ депутатовъ перваго и втораго призыва, и во вторыхъ, въ мнѣніяхъ, выраженныхъ наиболѣе откровенными изъ ея членовъ, въ главѣ которыхъ стоитъ извѣстный *предводитель* дворянства г. Безобразовъ. Послѣдній прямо говоритъ, основываясь на дворянской грамотѣ, данной Екатериною II, что дворянству принадлежитъ: „Начальство и предводительство народомъ.“*) Иные не такъ откровенны. Г. Кавелинъ, напр. свои притязанія выражаетъ и туманнѣе и далеко мягче. Говоря объ освобожденіи крестьянъ, онъ высказываетъ слѣдующее: „Лучшая образованнѣйшая часть дворянства досадуетъ не за освобожденіе крестьянъ, съ необходимостію котораго свыклась, не за надѣлъ ихъ землею, которою и до сихъ поръ крестьяне пользовались на самомъ дѣлѣ, не за матерьяльныя пожертвованія, которыя дворянство всегда приносило и теперь приноситъ на общую пользу,—

*) *Предложенія дворянству*, И. Безобразова. 1862. стр. 33.

настоящая причина горечи и негодованія гораздо глубже: дворянство не можетъ примириться съ мыслью, что правительство освободило крестьянъ какъ ему хотѣлось, а не какъ хотѣли дворяне, что дворянство даже не было порядочно выслушано; что правительство не сочло нужнымъ объясниться съ нимъ, почему освобождаетъ крестьянъ такъ, а не иначе, почему отвергло его предложенія. *Роль* перваго сословія имперіи въ дѣлѣ такой важности вышла жалкая и унизительная ....“*) Къ этому г. Кавелинъ прибавляетъ вотъ что: „Къ чувству глубокаго оскорбленія присоединяется еще и тяжелое раздумье: что-же станется теперь съ дворянствомъ? *До сихъ поръ оно было первымъ сословіемъ въ имперіи;* совершись освобожденіе согласно съ его предложеніями и безъ земли — *оно сохранило бы свое положеніе* и поселенные на помѣщичьихъ земляхъ крестьяне остались бы къ владѣльцамъ въ *вассальномъ подчиненіи* и зависимости. Но теперь, когда освобожденіе совершено правительствомъ помимо дворянства, когда *каждый бывшій крѣпостной* крестьянинъ будетъ имѣть свой клочекъ земли, вырванный у помѣщиковъ изъ рукъ насильственно, что ожидаетъ дворянство впереди? Дворянство, потерявъ всякое значеніе и власть, сравняется съ другими классами народа и исчезнетъ въ ихъ огромной массѣ.“**)

Дворянская партія, такимъ образомъ, ищетъ *первой роли* въ государствѣ, *вассальныхъ къ себѣ отношеній крестьянства*, желаетъ *власти*. Невозможно поэтому

---

*) *Дворянство и Освобожденіе крестьянъ*, К. Кавелина, 1862. стр. 3.

**) Ibidem стр. 4 и 5.

предположить, что бы партія дворянская, если бы она сдѣлалась и вполнѣ опозиціонною относительно правительства, могла бы быть партіею за народъ. Доказательствомъ этому могутъ служить опять таки требованія г. Безобразова, поддержанныя между прочимъ 197 голосами московскихъ дворянъ. Онъ настаиваетъ на слѣдующемъ:

„Руководствуясь 48^ою^ статьею дворянской грамоты и 112, 113, 114 и 135 статьями IX т. св. зак. (изд. 1857 г.) поднести государю императору *въ собственныя руки* всеподданнѣйшее ходатайство, въ которомъ, по объясненіи побудительныхъ причинъ, всеподданнѣйше просить:

1ое) всемилостивѣйше дозволить дворянству избрать изъ своей среды уполномоченныхъ отъ каждой губерніи по два, съ возложеніемъ на нихъ обязанности исправить новое положеніе о помѣстныхъ*) крестьянахъ, какъ въ его подробностяхъ, такъ *и во видахъ соглашенія онаго съ неколебимыми основаніями, преподанными въ жалованной грамотѣ дворянству*.**) Дозволить симъ уполномоченнымъ дворянамъ собраться въ одной изъ столицъ, въ видѣ общаго или государственнаго дворянскаго собранія;***)

2ое) всемилостивѣйше обнародывать высочайшимъ указомъ, что бы помѣстные крестьяне не питали суетной надежды о полученіи какихъ либо новыхъ льготъ, сверхъ дарованныхъ ужь имъ гражданскихъ правъ;

---

*) Терминъ г. Безобразова, которымъ онъ хочетъ окрестить русское крестьянство, живущее на помѣщичьихъ — будто бы земляхъ.

**) Курсивъ въ текстѣ.

***) Вассальный смыслъ этого предложенія понятенъ, конечно, каждому.

3ое) всемилостивѣйше нынѣ-же подтвердить коренное право помѣщиковъ — каждому въ предѣлахъ своего помѣстія — утверждать и отмѣнять мірскіе выборы и рѣшенія;

4ое) всемилостивѣйше нынѣ-же подтвердить неотъемленное отъ каждаго помѣщика право удалять изъ своего помѣстья и представлять въ распоряженіе правительства, тѣхъ изъ помѣстныхъ крестьянъ, кои не исполняютъ законныхъ обязанностей, т. е. оказываютъ непокорство, не платятъ опредѣленнаго оброка и не исполняютъ опредѣленныхъ работъ, даровавъ притомъ крестьянамъ право перехода изъ одного имѣнія въ другое (не исключая и казенныхъ) въ предѣлахъ своего уѣзда;

5ое) всемилостивѣйше повелѣть дабы крестьяне, водворенные на помѣщичьихъ земляхъ, именовались не временно — обязанными, а *помѣстными;*

6ое) всемилостивѣйше дозволить дворовымъ людямъ, пожелающимъ пребывать въ помѣстномъ владѣніи своихъ господъ, съ согласія сихъ послѣднихъ, оставаться нетревожимыми въ семъ положеніи;

7ое) всемилостивѣйше повелѣть, что бы всѣ губернскія, военныя и земскія власти, всемѣрно поддерживали законную власть помѣщиковъ;

8ое) всемилостивѣйше разрѣшить, что бы, въ соблюденіе установленныхъ для дворянскихъ выборовъ правилъ, всѣ назначаемые нынѣ мировые посредники подвергались утвержденію непосредственнымъ выборамъ дворянства;

10ое) всемилостивѣйше продолжить двухлѣтній срокъ,

манифестомъ 19 февраля опредѣленный для сохраненіе прежняго порядка — на 12 лѣтъ.“*)

Дворянская партія этою программою своихъ дѣйствій и желаній не позволяетъ себя разсматривать не только съ точки зрѣнія народности, но и съ точки зрѣнія государственной. Своею программою она показываетъ что она хочетъ вассальнаго не-государственнаго отношенія и къ правительству и къ крестьянству, что она желаетъ государству индейскаго положенія состояній и самой страшной язвы — пролетаріата, бездомовничества. Она протестуетъ противъ единственно-разумной мысли положенія 19 февраля: *создать изъ крестьянина независимаго собственника***); она хочетъ вѣчнаго безправія крестьянства, права согнать его съ земли. Къ какимъ результатамъ приводитъ подобное отношеніе имущихъ классовъ государства къ неимущимъ можно видѣть изъ всей прежней исторіи человѣчества. Знаменитый Бокль выражетъ ихъ слѣдующими словами: „Въ Индіи, какъ и во всякой странѣ, бѣдность навлекаетъ презрѣніе, а богатство даетъ силу. Цѣлыя корпораціи и отдѣльныя лица тѣмъ богаче, тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ вліянія. По этому и слѣдовало ожидать, что неравномѣрное распредѣленіе богатства***) поведетъ къ неравномѣрному распредѣленію силы; а какъ нѣтъ примѣра въ исторіи, что бы какой нибудь классъ, обладая силою, не злоупотреблялъ ею, то не трудно понять, почему народъ въ Индіи, осужденный на бѣдность палъ въ униженіе, изъ

---

*) *Предложенія дворянству*, П. Безобразова. стр. 35—38.

**) Ibidem, стр. 24.

***) А дворянская партія, какъ можно судить по г. Безобразову, не желаетъ крестьянству самаго простаго довольства.

котораго никогда не могъ подняться . . . Значительной части индійскаго народа присвоено названіе *судрей*.*) О членахъ этой касты встрѣчаются слѣдующія любопытныя мелкія постановленія въ туземныхъ законахъ. Если членъ этаго презрѣннаго класса осмѣливался сѣсть на тоже мѣсто, которое занимали высшія лица, то онъ подвергался изгнанію изъ отечества, или какому нибудь мучительному и позорному наказанію; если онъ непочтительно выражался объ этихъ лицахъ то ему прижигали ротъ; если-же дѣйствительно оскорблялъ ихъ, то разрѣзывали языкъ; если онъ причинялъ безпокойство брамину, его казнили смертью; если садился на одинъ коверъ съ брамином, то его изурѣчивали на всю жизнь; если, движимый любознательностью, онъ прислушивался къ чтенію священныхъ книгъ, то ему вливали въ уши горячее масло; если-же заучивалъ ихъ наизусть, то его убивали; если онъ совершалъ какое нибудъ преступленіе, то подвергался за него болѣе строгому наказанію чѣмъ то, которое назначалось высшимъ лицамъ; если-же его убивали, то отвѣтственность за это была таже, что за убіеніе собаки, кошки или вороны. Если онъ выдавалъ дочь свою за мужъ за брамина, то никакое изъ наказаній, налагаемыхъ на этомъ свѣтѣ, не считалось для него достаточнымъ. Даже было опредѣлено, что бы самое имя работника уже выражало презрѣніе, такъ что бы можно было прямо узнать, какое мѣсто свойственно ему. А на случай, если бъ и этихъ наказаній не оказалось недостаточно для поддержанія общественной подчиненности, изданъ былъ положительный законъ,

*) Три четверти всѣхъ индусовъ. (Примѣчаніе Бокля, основанное на показаніи Варда.)

воспрещавшій работнику накоплять богатство; въ тоже время, другимъ законоположеніемъ опредѣлялось, что судра, даже по полученіи свободы отъ своего хозяина, на самомъ дѣлѣ продолжаетъ быть рабомъ, „*такъ какъ,*“ говоритъ законодатель; „*что можетъ вывесть его изъ состоянія, которое свойственно его природѣ?*“ *)

Добываясь подобнаго положенія государства и народа, дворянская партія сама себѣ произноситъ приговоръ.

Въ дворянствѣ есть, конечно, другаго роди дѣятели, чѣмъ г. Безобразовъ, которые проникнуты иными, чѣмъ послѣдній намѣреніями и желаніями. Доблестные члены тверскаго дворянства служатъ лучшими доказательствами этого предположенія. Но подобныхъ дѣятелей никакъ нельзя причислить къ *партіи* дворянской, а мы о ней только и говоримъ. Лица, идущія такъ умно и благородно за народъ, за крестьянство, сами плотію и духомъ члены этого народа.

Переходя къ отношенію другихъ существующихъ у насъ партій — соціалистической и конституціонно-монархической, мы постараемся выяснить ихъ вполнѣ добросовѣстно и также тщательно, какъ двѣ предъидущія.

Республиканско-соціалистическая партія высказалось въ настоящее время слишкомъ достаточно. Хотя несправедливо думать, что „Молодая Россія“ служитъ единственно вѣрнымъ ея выраженіемъ, но нельзя отказать этой прокламаціи, что во многихъ случаяхъ она откровеннѣе, опредѣленнѣе, яснѣе, чѣмъ что либо другое выражаетъ принципы нашей республиканско-соціа-

*) *Исторія цивилизаціи въ Англіи,* Бокля т. I. гл. II.

листической партіи. Ея только нельзя назвать *полнымъ* охарактеризованіемъ этой партіи. Герценъ и Огаревъ (въ особенности первый), будучи также ея представителями, далеко не доходятъ въ своихъ требованіяхъ до того, чего страстно добивается „Молодая Россія.“ Шарль де Мазадъ говоритъ о Герценѣ слѣдующее: „Герценъ, безъ сомнѣнія, соціалистъ au fond въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ свой идеалъ будущаго соціальнаго устройства Россіи; но для настоящей минуты онъ имѣетъ планы практическіе, добивается возможнаго и осуществимаго. Герценъ признаетъ теперешнее правительство, только онъ требуетъ отъ этаго правительства измѣненія системы и отреченія отъ николаевскихъ традицій. Онъ требуетъ немедленнаго обращенія крестьянъ въ собственниковъ; общиннаго самоуправленія; уничтоженія сословныхъ перегородокъ и тѣлесныхъ наказаній; измѣненія бюрократіи; пересмотръ свода законовъ; введенія въ судебную систему принциповъ публичности и присяжности; свободы для вѣроисповѣдываній; свободы печати, обученія и промышленности; взаимной независимости администраціи, магистратуры и полиціи; контроля надъ бюджетомъ. Онъ согласенъ даже на конституцію, но какъ форму правленія переходную.“*) Но въ такомъ случаѣ едва-ли „Молодая Россія“ не болѣе имѣетъ правъ на названіе представителя соціалисткой партіи чѣмъ Герценъ (ниже мы укажемъ впрочемъ, что де Мазадъ ошибается) и потому мы сперва и будемъ ею характеризировать соціалистно-республиканскую партію по отношенію къ крестьянству.

---

*) *La Russie sous l'empereur Alexandre II*, par Charles de Mazade. 1862. стр. 19.

Это партія за народъ, но партія ненародная. Она желаетъ народу всякаго блага; къ сожалѣнью, ея пониманіе блага неслишкомъ вѣрно, и — главное — нисколько не соотвѣтствуетъ положенію вещей той минуты, которую она переживаетъ. Она желаетъ народу свободу, землю и развитіе; но эти три слова для нее значатъ совершенно не то, что подразумѣваетъ подъ ними народъ. Народъ понимаетъ свободу какъ отсутствіе всякаго насилія; соціалисты-же — какъ подчиненіе ими предлагаемымъ законамъ, будто бы вѣчно справедливымъ и нерушимымъ. „Мы требуемъ, говорятъ они, общественнаго воспитанія дѣтей; мы требуемъ уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка“*) и пр. Свобода-ли это, при которой человѣкъ имѣетъ право выбирать то, что онъ хочетъ, что ему по-плечу? Откуда-же соціалисты узнали, что народъ хочетъ общественнаго воспитанія дѣтей, желаетъ уничтоженія семьи? „Всякій человѣкъ, говорятъ представители республиканско-соціалистской партіи, долженъ непремѣнно приписаться къ той или другой изъ общинъ; на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли.“**) Эта вещь прекрасная, которая клонится къ матерьяльному обезпеченію жизни каждаго гражданина, — но согласно-ли это съ духомъ народныхъ желаній? Извѣстно напримѣръ, что народъ боится приписыватья къ чему бы то ниобыло. Поэтому очень легко можетъ статься, что въ этомъ добромъ дѣлѣ онъ увидитъ худыя намѣренія, и почувствуетъ насиліе бладѣнія, потому что тутъ выражается не желаніе сво-

*) *Молодая Россія*, перепеч. въ 4й кн. „Своб. Слово“, стр. 321.
**) *Тамъ-же.*

боднаго проявленія народной жизни, а желаніе организовать народное общежитіе.

Соціально-республиканская партія желаетъ отдѣленія народа землею. И тутъ она является партіею за народъ. Но опять таки ея возрѣніе на землю и возрѣніе народное расходятся. „Земля, отводимая каждому члену общины, говорятъ представители этой партіи, отдается ему не на пожизненное пользованіе, а только на извѣстное количество лѣтъ, по истеченіи которыхъ міръ производитъ передѣлъ.“ *) Крестьянство во многихъ мѣстахъ съ этимъ окончательно не согласится. Въ очень многихъ губерніяхъ земля у крестьянина не только что находится въ пожизненномъ владѣніи, но еще переходитъ отъ отца къ сыну и далѣе. Крестьянинъ именно поэтому и дорожитъ землею, что она была въ его родѣ не одно поколѣнье. Противорѣча этому, соціалистская партія произвольно нарушаетъ народное возрѣніе на землю и не является народною партіею.

Что касается до развитія, то его пониманіе соціалистскою партіею также положительно идетъ въ разрѣзъ съ пониманіемъ народнымъ. Народъ цѣлую жизнь терпитъ за право вѣрить во что онъ хочетъ, и представители партіи, о которой мы говоримъ, именно начинаютъ съ того, что откровенно объявляютъ всякую вѣру за нелѣпость. Развитіе, какъ извѣстно, состоитъ въ большемъ воспріятіи положеній вѣчной правды и воспріятіи честнаго взгляда на человѣческія отношенія, въ сознаніи своего личнаго достоинства. Соціалисты же понимаютъ развитіе, какъ отрѣшеніе отъ всѣхъ теперешнихъ убѣжденій, выработанныхъ, по ихъ мнѣнію, изъ невѣрныхъ началъ.

*) *Свобод. Слово*, кн. 4, стр. 321 и 322.

Если бы не стѣснять себя выраженіями, можно бы сказать, что соціалистко-республиканская партія, имѣющая въ главѣ „Молодую Россію“, стоитъ собственно не за народъ какъ народъ, а за народъ, какъ возможность осуществленія того идеала общества, который вычитали эти господа изъ нѣкоторыхъ очень благонамѣренныхъ, но неособенно полезныхъ французскихъ книжекъ. Дѣйствительною партіею за народъ quand-même является она только тогда, когда выразителями ея являются Герценъ, Огаревъ и еще одинъ нестолько извѣстный публицистъ — Кельсіевъ, заслуги котораго не подверглись еще надлежащей оцѣнкѣ, но въ которомъ, какъ кажется, нѣкогда можно будетъ видѣть дѣятеля необыкновенно замѣчательнаго и небезслѣднаго. Представляемая этимъ лицами соціалистко-республиканская партія, конечно, уклоняется отъ прямаго своего назначенія, можно сказать — не соотвѣтствуетъ вполнѣ своему названію, имѣетъ недостатки, но тѣмъ не менѣе вполнѣ любитъ не одну идею народа, а самый народъ.

Въ лицѣ этихъ представителей соціалистско-республиканская партія желаетъ народу землю, волю и образованіе.*) Она даже не насилуетъ самое пониманіе этихъ словъ. „Что бы народъ получилъ ихъ въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Огаревъ, необходимо:

1) Объявить, что всѣ крестьяне свободны съ той землей, которою теперь владѣютъ. У кого нѣтъ земли, напримѣръ у дворовыхъ и нѣкоторыхъ заводскихъ, тѣмъ дать участки изъ земель государственныхъ, т. е. народныхъ, никѣмъ еще незанятыхъ.

---

*) *Что нужно русскому народу,* Огарева, Колок. 10², стр. 844.

2) Избавить народъ отъ чиновниковъ.*) Для этаго надо, что бы крестьяне, и въ общинахъ и въ волостяхъ, управлялись бы сами, своими выборными.

3) А для того, что бы народъ, получивъ землю и волю, сохранялъ ихъ на вѣчныя времена, надо, что бы народные выборные съѣзжались на уѣздные сходы, на губернскіе и наконецъ къ царю въ столицу, гдѣ порѣшатъ какія повинности и подати должны быть отбываемы народомъ для общихъ нуждъ всего русскаго народа.“**)

Тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о насиліи. Полное согласіе съ народнымъ пониманіемъ еще болѣе видно въ томъ, что, будучи республиканскою по своей сущности, партія, представляемая Герценомъ и его товарищами, соглашается на *земскаго* царя. „*Крестьянинъ*, говоритъ Огаревъ, *хочетъ царя земскаго*“,***) и объясняетъ полную законность такого желанія, разсматриваетъ его историческое происхожденіе „Мысль о царѣ земскомъ, говоритъ онъ, идетъ издавна; она идетъ еще съ тѣхъ поръ, когда народъ призывалъ князей, выбиралъ князей земствомъ, а землю считалъ своею; съ тѣхъ временъ когда царя Михаила Ѳеодоровича выбрало земство. Съ мѣхъ поръ народъ и думаетъ, что въ царѣ земская *правда*“.†) Кельсіевъ говоритъ въ свою очередь слѣдующее: „Народъ признаетъ себя собственностью царя; но онъ убѣжденъ, что царь, хотя и все

---

*) *Тамъ-же*, стр. 855. Къ другомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ чиновничество слѣдующими словами: „Оно-то и есть дворянство“, Колок. 122, 123, стр. 1016.

**) *Тамъ-же*, стр. 855.

***) *Колоколъ*, 134, стр. 1109.

†) *Куда и откуда*, Огарева, Колок. 134, стр. 1109.

можетъ дѣлать, но ничего не захочетъ сдѣлать во вредъ своихъ сиротъ".*) По этому партія, имѣющая такихъ представителей, безспорно можетъ быть вполнѣ народною, особливо если припомнить то, что она представляетъ народу полное право *вѣрить* во что онъ хочетъ. Но тѣмъ не менѣе, есть и у этой партіи недостатки, которые не позволяютъ многимъ, при полномъ сознаніи ея достоинствъ, примкнуть къ ней. Главнѣйшая ея ошибка состоитъ въ томъ, что она во первыхъ, не утеряла вѣру въ насильственные перевороты**) а во вторыхъ, что если Русь достигнетъ предполагаемаго этою партіею, то послѣдняя успокоится; она желаетъ закаменить Русь въ той формѣ общежитія, которая въ извѣстный моментъ дѣйствительно будетъ хороша. Ошибка ея въ томъ, что она видитъ *предѣла* развитія народной жизни, и въ этомъ случаѣ является, подобно другимъ, *организаторомъ* народнаго общежитія. „Вотъ тогда народъ и будетъ въ самомъ дѣлѣ благоденствовать", говоритъ Огаревъ***) — по выраженію своихъ желаній. Словомъ, она вѣритъ не въ самую жизнь, а въ извѣстную соціальную форму, между тѣмъ какъ неизмѣнность формъ и составляетъ величайшее несчастіе человѣческаго общежитія, равняющееся другой бѣдѣ: мгновенной перемѣнѣ формъ, скоропѣлости ихъ. Партія, о которой мы говоримъ, предполагаетъ, что сегодняшнее *хорошо* будетъ вѣчно хорошимъ, что теперешнее *полезно* будетъ вѣчно полезнымъ. Она забываетъ, что потребности из-

---

*) *Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*, Кельсіева, 1862 г., т. 3. предис. стр. VIII.

**) *Журналисты и террористы*, Герцена, Колок. 141, стр. 1165.

***) *Что нужно народу*, Огарева, Кол. 102, стр. 855.

мѣняются и временемъ и обстоятельствами, и утверждаетъ, что настоящія потребности вѣчны. Ея тенденціи можно оформулировать слѣдующими положеніями: она на вѣки хочетъ тѣхъ матеріальныхъ и политическихъ гарантій, которыя нѣкоторое время будутъ дѣйствительно соотвѣтствовать народнымъ желаніямъ и потребностямъ. Достигнуть этихъ гарантій она желаетъ à tout prix. Если, по достиженіи этихъ гарантій, народъ захотѣлъ бы ихъ измѣнить, то она явилась бы противникамъ народной воли. Словомъ, соціалисты во всякомъ случаѣ идутъ съ народомъ до тѣхъ поръ, пока народъ съ ними идетъ.

Изъ этаго оформулированія естественно вывести два положенія: а) теперь эта партія можетъ явиться очень полезною, такъ какъ стремленія ея направлены на благо народу и б) партія эта можетъ быть и вредною по истеченіе нѣкотораго времени, по осуществленіи ея идеала. Послѣднее тѣмъ болѣе возможно, что она не признаетъ еще существующей силы историческаго элемента, что она, по выраженія одного изъ ея представителей, злится на консерватизмъ, хомя и сама сознаетъ, что подобное отношеніе къ предмему можетъ быть и не оправдано. „Историческій быть для насъ во все необязателенъ", говоритъ Герценъ. *„Въ натощемъ,* сопротивленіе консерватизма насъ бѣситъ. Благодушный покой и умѣренность въ борьбѣ невозможны", замѣчаетъ онъ.*) Это между прочимъ доказываетъ несправедливость сужденій о немъ де-Мазада, такъ какъ на конституцію можно соглашаться только при сознаніи силы историческаго элемента.

---

*) *Repetitio est mater studiorum,* Герцена, Колок., 107, стр. 894.

Собственно говоря, это несознаніе и раздѣляетъ партію Герцена отъ значительнаго отдѣла послѣдней изъ существующихъ у насъ партій — конституціонно-монархической. Если считать кн. Долгорукова единственнымъ представителемъ всей послѣдней партіи, то различіе конечно выйдетъ значительнѣе, такъ какъ онъ, въ свою очередь, вѣритъ въ незыблемость теперешнихъ основъ общежитія, выработанныхъ государствами западной Европы. Но есть въ конституціонно-монархической партіи отдѣлъ, который, признавая конституцію необходимою, не вѣритъ ни въ вѣчность этой формы, ни въ вѣчность общихъ основаній современной общественной жизни. Не имѣя права хвалиться знаніемъ народныхъ потребностей и желаній во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ, дѣятели этаго отдѣла конституціонной партіи не стараются окончательно уничтожить современные порядки и вводить новые въ народную жизнь, добиваются только возможности высказа народомъ своихъ желаній и возможности привести эти желаніе въ необходимое исполненіе. Конституцію они не считаютъ самостоятельною формою общежитія, а только положеніемъ вещей, изъ котораго все можетъ выйдти, которое способствуетъ образованію всякаго новаго порядка, хоть бы уничтожающаго его самое. Для этаго отдѣла конс. партіи нѣтъ идеала, а есть только *жизнь*, и способы ея выраженія.

Впрочемъ, конституціонная партія, на сколько она выражается и кн. Долгоруковымъ, приходитъ почти къ тому-же, и будучи партіею *за народъ*, по нашему мнѣнію можетъ принести слишкомъ много пользы нашему крестьянству, хотя, можетъ статься, изъ большой осторожности, умедляетъ факты очень близкіе.

Эта партія хочетъ выраженія народной воли посредствомъ земской думы. Но сознавая силу правительственнаго элемента, не имѣя возможности значительно его ограничить, предоставляетъ правительству quand-même большую долю вліянія на дѣла, на рѣшеніе вопросовъ. „Нельзя лишать всякой надежды на существованіе, говоритъ одинъ изъ органовъ конституціонной партіи, тѣхъ людей, которые держатся за нынѣшній порядокъ. Въ противномъ случаѣ эти „господа“ станутъ такими тормазами на дорогѣ еще Россіи къ конституціи, которые надолго отдалятъ Россіи отъ достиженія теперешной ея цѣли. Фактъ не нужно освящать, скверно ему покоряться, но нельзя не принять его въ расчетъ, если строишь планы не на пескѣ“.*) Благодаря этому. правительственному элементу предоставляется возможность осуществлять свою силу посредствомъ верхней палаты, куда назначаются пожизненно лица, могущія поддерживать самыя странныя предложенія правительства. Доказательствомъ тому, что только обстоятельства принуждаютъ конституціонную партію соглашаться на эту компромиссу, могутъ служить пожизненность членовъ верхней палаты, и нежеланіе наслѣдственной періи. „У насъ есть валетократія, и нѣтъ аристократіи,“ говоритъ кн. Долгоруковъ,**) и во все не желаетъ образованія послѣдней.

Такимъ образомъ, конституціонная партія дѣлаетъ эту уступку потому только, что именно хочетъ услышать голосъ народа.

Она-же добивается образованія, уничтоженія тѣлес-

---

*) *Свободное Слово,* кн. 3., стр. 173.

*) *Des reformes en Russie,* кн. Долгорукова, стр. 188.

ныхъ наказаній, равенства передъ закономъ, религіозной терпимости, свободы прессы, публичнаго, гласнаго и присяжнаго судопроизводства, уничтоженія секвестровъ и пр.,*) но всѣми этими требованіями не вводится въ народную жизнь какой нибудь институтъ, который организировалъ бы народную жизнь, подводилъ ея подъ извѣстные размѣры. Напротивъ, это только предоставленіе возможности народу высказать свои желанія. Этимъ народу предоставляется устроить свое общежитіе по всей своей волѣ, безъ благодѣяній съ какой бы то ни было стороны.

Правда, дѣла пошли бы гораздо скорѣе, если бы вмѣсто двухъ палатъ, изъ которыхъ одна вполнѣ принадлежитъ правительству, была одна палата, одно собраніе выборныхъ отъ народа; но, сколоко можно думать, и конституціонная партія никогда не пойдетъ противъ одной палаты. Она считаетъ только, что правительство, полное враждебности къ народу, но все-таки еще сильное, не согласиться на прямое ограниченье своей власти. Полное эгоистическихъ побужденій, оно до крайности будетъ бороться противъ созванія однихъ народныхъ депутатовъ; при достаточной-же требовательности, оно, можно думать, согласиться на такое устройство, которое, улучшая народную судьбу, все-же остовитъ за нимъ извѣстную власть.

Результатомъ всего этаго, по нашему мнѣнію, является самое естественное отношеніе конституціонной партіи къ нашему крестьянству: тутъ нѣтъ очевидныхъ благодѣяній, и нѣтъ непростительной индифферентности и враждебности.

---

*) *Le Véridique*, Revue, т. 1. No. 1, стр. 9.

Изъ этаго обзора, какъ кажется, можно вывести и разрѣшеніе вопроса: кто народъ? и сужденіе о томъ, кто̀ принадлежитъ къ народу. Пусть-же каждый, провѣривъ свои убѣжденія, примкнетъ къ той партіи, куда влекутъ его человѣческіе и общественные его интересы. Пусть-же каждый работаетъ сообразно своимъ понятіямъ, но пусть ни одинъ русскій не останется въ позорномъ бездѣйствіи: спать не во время и нездорово, и грѣшно — передъ богомъ и людьми . . . .

Берлинъ, Августъ 1862 г.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДѢЛАХЪ ВООБЩЕ, И ВЪ СЕРБСКИХЪ ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ.

Результатомъ неестественной централизаціи, сдавившей русскую общественную жизнь, вышло, по словамъ защитниковъ этой доктрины, то, что Русь сложилась въ огромное, по видимому могучее государство. Поклонники гегелевской философіи, безъ сомнѣнія, восхитятся этимъ результатомъ, потому-что, по ихъ мнѣнію, только въ государствѣ возможно полное развитіе человѣка, только при государствахъ возможны международныя отношенія, а jus gentium есть вѣнецъ правоваго института, есть конкретное выраженіе общечеловѣческой цивилизаціи. Но намъ кажется, что если вглядѣться по пристальнѣе въ „могучесть“ русскаго государства, есть опредѣлить точнѣе цивилизующія начала его, то самыя ярые централизаторы поникнутъ своими учеными главами, и сознаются, что при децентрализаціи во-время можно было достигнуть болѣе значительныхъ результатовъ не только во внутреннемъ состояніи Россіи, но и въ самомъ наружномъ блескѣ, который увлекаетъ часто не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя націи, какъ напр, французскую.

Въ самомъ дѣлѣ, — къ чему пришла теперь Россія — съ своимъ необъятнымъ пространствомъ, заключающемъ въ себѣ ⅙ всей суши, съ своимъ мильоннымъ войскомъ? Къ сознанію обидной несостоятельности. Внутреннее положеніе страны болѣе чѣмъ неопредѣленно: оно положительно плохо. Нѣтъ одного уголка въ Россіи, въ которомъ не раздавались бы жалобы; нѣтъ сословія, которое было бы довольно; у правительства нѣтъ денегъ, у общества нѣтъ, мало ихъ и у народа. Мильонное войско, на которое идетъ ⅓ всѣхъ доходовъ государства, тоже ропщетъ, какъ ропщетъ все, не смотря на то, что нынѣшнее царствованіе далеко не хуже предъидущаго.

Что же касается до внѣшнихъ отношеній Россіи, блеска и величія, чарующаго нашихъ централизаторовъ, то и тутъ нельзя не сознать положенія крайне незавиднаго. Начиная отъ Петра и кончая Александромъ II, мы не видимъ непосредственной зависимости участи Европы отъ опредѣленія Россіи, мы не видимъ, что бы европейская политика руководилась петербургскимъ кабинетомъ. Мы были счастливы только въ войнахъ съ Турками и персіянами, да и то не всегда, хотя грандіозность нашей территоріи, необыкновенная даровитость русскихъ, сила славянскаго элемента позволяли намъ надѣяться на значеніе слишкомъ видное — во всякомъ мѣстѣ и во всякое время. Петръ одолѣлъ Карла, но уничтожилъ-ли онъ вліяніе Швеціи, и безъ того обезсиленной прежними войнами и своимъ нелѣпымъ сословнымъ устройствомъ? Елисавета Петровна была союзницею враговъ Фридриха II, но не Пруссія-ли и до сихъ поръ играетъ въ политическихъ дѣлахъ роль болѣе значительную, чѣмъ Россія? Екатерина II участвовала въ раздѣлѣ

Польши, но одна-ли она положила конецъ этому вольному государству? Что сдѣлала она относительно Турціи, этой ничтожной имперіи Османлы? Павелъ прославился суворовскими побѣдами; но какъ велико было значеніе этаго магистра мальтійскаго ордена можетъ свидѣтельствовать судьба этого-же самаго ордена. Николай, этотъ императоръ XIX вѣка, безграничный властитель теперешняго русскаго государства, сдѣлалъ-ли онъ что для болгаръ, сербовъ, молдаванъ и валаховъ, которыхъ онъ не разъ обнадеживалъ разными обѣщаніями? сдѣлалъ-ли онъ что нибудь для угнетенныхъ христіанъ, во имя которыхъ не разъ поднималъ свое оружіе? Онъ, какъ наемникъ, какъ слуга, дѣйствительно помогъ призвавшимъ его австрійцамъ; но что онъ значилъ во французскихъ дѣлахъ?

Какъ на единственное исключеніе можно указать на императора Александра I, который безспорно имѣлъ громадное вліяніе на судьбы европейскихъ народовъ; но силу ему дало не его государственное положеніе quand-même, не распоряженіе центральною властью въ государствѣ; — а народная война, до который онъ ничего значилъ. Онъ былъ силенъ потому, что тогда были затронуты народные интересы, народная самостоятельность. Послѣдніе же годы его царствованія сіяютъ уже блѣднымъ, потухающимъ блескомъ.

Вотъ и все величіе Россіи, отъ котораго отброшена только одна шумиха нелѣпыхъ восклицаній, торжественныхъ одъ, нечеловѣческихъ и безнравственныхъ наградъ .... небольшое величіе, особливо если вспомнишь — чего стоило оно бѣдному русскому народу!

Но централизаціонныя стремленія, погубивъ прошлое Россіи, отнявъ у ней и мѣстное самоуправленіе, народ-

ный судъ, бывшую вѣротерпимость, и уничтоживъ ея внѣшнее значеніе, грозятъ тою-же пагубой и будущему Россіи, которой, при другихъ стремленіяхъ, суждено не только внутренно окрѣпнуть и возродиться, но и играть блестящую политическую роль, обусловливаемую состояніемъ Европы, видимо свидѣтельствующимъ новый принципъ, появившійся въ наше время, принципъ національный, вызывающій на сцену вопросъ славянскій.

Славянскимъ племенамъ, волею провидѣнія, дано положеніе слишкомъ невыгодное. Разбитыя, отдѣленныя другъ отъ друга большими народностями, они естественно подпали подъ чужеземное иго, изъ подъ котораго освободиться имъ слишкомъ трудно, особенно при тѣхъ политическихъ традиціяхъ, которыя такъ свято исповѣдуются кабинетами западной Европы. По дипломатическимъ теоріямъ, основная цѣль европейской дипломатіи — это: поддержаніе равновѣсія въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, равновѣсія, ради котораго такъ яро охраняется существованіе австрійской и турецкай имперій, хотя, по сознанію каждаго здравомыслящаго человѣка, уже давно пора положить конецъ двумъ этимъ нелѣпостямъ, живущимъ чужими бѣдствіями. Внося въ международныя отношенія абсолютныя постановленія гражданскаго права, какъ напр: pacta sunt servanda, европейская дипломатія регулируетъ отношенія государствъ, какъ отношенія по собственности, требуетъ отъ возстающихъ народностей соблюденія трактатовъ, въ которыхъ онѣ не принимали никакого дѣйствительнаго участія, и забываетъ истину, что un traté fait pour cause injuste et dèshonnête est absolument nul, personne ne pouvant s'engager à faire des choses contraires à la loi naturelle (Ваттель). Подобныя традиціи

европейской политики естественно осуждаютъ всякое движеніе славянъ, которымъ предстоитъ единственная возможность освободиться изъ подъ гнетущаго ига — пренебречь всякими трактатами, и съ оружіемъ въ рукахъ еще лишній разъ доказать міру свою политическую правоспособность. Но и эта единственная возможность представляетъ немного шансовъ на успѣхъ. Какъ бы ни было единодушно возстаніе славянъ, они встрѣтятся съ такою массою враговъ, руководимыхъ или самоохраненіемъ, или теоріею des Gleichgewichts, что легко могутъ не управиться, и хоть честно, но напрасно погубить свои силы.

Какая громадная роль выпала бы Россіи, если бы она, воспользовавшись этою минутою, поддержала бы начавшееся уже броженіе, и, говоря языкомъ дипломатовъ, перечертила бы карту Европы, явилась бы рѣшительницею судьбы переживаемой эпохи! Какъ софистическія фразеологіи, рухнули бы старыя государства, и, какъ истина, вышли бы на свѣтъ божій новыя, славянскія — со своею удивительною живучестью, съ своими превосходными, полными внутренной силы, институтами общественной жизни. Дать жизнь, дать свѣтъ — вотъ истинное величіе, вотъ немеркнущій блескъ!

И въ этомъ величіе не было бы ничего натянутаго неестественнаго, не было бы фальшиваго. По словамъ самыхъ германскихъ публицистовъ „der natürliche Zug Russlands geht nach Süden und Osten“ (Фогтъ). Славянскія племена всегда смотрѣли на Россію, какъ на естественнаго помощника своего искупленія; до революціи 1848 г. въ богемскихъ и галиційскихъ хижинахъ портретъ русскаго царя становился на почетное мѣсто; даже двѣнадцать лѣтъ послѣ этой несчастной революціи,

довольно было сдѣлать самый неопредѣленный вызовъ, для того чтобы тысячи чеховъ оставили свободную Америку и поселились на дальномъ клочкѣ Россіи....

Но не для того-ли и существуютъ централизаціонныя доктрины, чтобы губить всякое живое дѣло? Благодаря этимъ доктринамъ, исповѣдуемымъ нашимъ правительствомъ, мы не только не будемъ въ состояніи достигнуть истиннаго величія, которое такъ близко и такъ возможно, не только не можемъ слѣдовать внѣшней политикѣ, обусловливающей наше развитіе, нашу силу, но не управимся даже съ внутренними дѣлами и потеряемъ какую бы то ни было инициативу въ европейскихъ дѣлахъ, поневолѣ потянемся вслѣдъ за другими реакціонными кабинетами, не имѣющими за себя ни здравый смыслъ, ни живое чувство, ни вообще человѣческую даже справедливость. Вмѣсто того, чтобы предоставленіемъ мѣстной автономіи русскимъ провинціямъ, и полной политической автономіи польскимъ развязать себѣ руки, очистить свою совѣсть передъ богомъ и людьми, и выступить на новую дорогу, взять въ свои руки гордіевъ узелъ европейской политики, русское правительство только и будетъ занято, что „усмиреніемъ“ своихъ собственныхъ подданныхъ, составляя на вѣсахъ Европы такой-же балластъ, въ качествѣ котораго красуются милая Австрія и милѣйшая Турція, эти гоголевскія дамы — пріятная вообще и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

Можетъ случиться и большее: горсти отчаянныхъ славянъ возстанутъ, и, какъ искра, брошенная въ порохъ, какъ сигналъ общей европейской революціи, поднимутъ за собою венгровъ и поляковъ. Хлынетъ кровь широкою волною — и затопитъ собою тѣ государства, ко-

торыя подъ своимъ органическимъ единствомъ, подъ штатсорганизмусомъ, скрываютъ государственное тлѣніе .... какая жалкая роль достанется русскому государству, отъ котораго естественно отдѣлится внѣшнею силою то, что должно быть отдѣлено, благодаря внутреннему сознанію права и правды ...

Ученые централизаторы, безъ сомнѣнія, возопятъ тогда, что наступаетъ царство анархіи, которая имъ грезится словно темному народу антихристъ, — но что же вызоветъ эту анархію, какъ не тлетворная централизація, мурующая всякое живое движеніе, и какъ не та политика, которой придерживается петербургскій кабинетъ? И развѣ то положеніе анархично, при которомъ людямъ будетъ жить лучше чѣмъ при теперешнихъ порядкахъ.

Впрочемъ, der natürliche Zug Russland's nach Süden до того силенъ, что и наше правительство, несмотря на свою тупоумность и близорукость, не могло его не чувствовать инстинктивно. Уже начиная съ Петра, во время котораго нынѣшней южной Россіи еще не существовало, слѣдовательно прямого casus belli между Россіею и Турціею не было, идетъ движеніе Руси на югъ, завязывается война за войною, но или вполнѣ неуспѣшныя, безпослѣдственныя, или успѣшныя посредственно, увеличивающія русскую территорію. Инстинктивныя войны продолжаются до средины XVIII столѣтія, когда въ геніальномъ умѣ великолѣпнаго князя Тавриды зараждается громадный планъ Южно-Славянской имперіи, задуманный и обдуманный односторонне, но поражающій смѣлостью мысли, торжественностью начала освобожденія. Пошлый куйчукъ-канарджицкій міръ мѣщански заканчиваетъ этотъ поэтическій планъ. Изъ

прибережья Чернаго моря составляется русская провинція, привязанная цѣпями рабства къ русскому центру, — но провинція безъ екатеринославскаго университета, гдѣ должна была получать свое образованіе вольная молодежь зараждавшагося славянства. Малороссія, чудная Малороссія съ каждой минутой обращается въ крѣпость, безсовѣстно кабалится, и самая мысль Потемкина теряется въ массѣ плоскихъ правительственныхъ проэктовъ, какъ въ песковой пустыни Африки изчезаетъ широкій Нилъ. Филантропическая сентиментальность Александра I снова навела было этого государя на помощь славянамъ, тѣмъ болѣе, что къ нему во многихъ случаяхъ перешли въ облагороженномъ видѣ тенденціи его сластолюбивой бабки. Въ 1806 и 1810 (—12) годахъ, руководимый ex-посланникомъ Тамарою и гр. Италійскимъ, онъ началъ два раза войну (въ первый разъ по поводу смѣщенія господарей молдавскаго и валахскаго); въ 1810 году, въ лицѣ главнокомандующаго Каменскаго, даже почти призналъ самостоятельность Сербіи, назвалъ славянъ братьями русскихъ, но тѣмъ не менѣе, увлекшись общимъ ходомъ европейской политики, войною съ Наполеономъ, онъ позабылъ естественную русскую политику, и покончилъ свое участіе въ славянскихъ дѣлахъ одними общими фразами. Нѣкоторое-же время онъ дѣйствительно стоялъ на почвѣ, близкой къ народной, — онъ рѣшился было покончить съ все захватывающею централизаціею, рѣшился на отдѣленіе Польши; но отъ ахенскаго конгресса идетъ крутой поворотъ въ его предположеніяхъ, изъ которыхъ нѣкогда можно было ожидать рѣшительнаго переворота въ славянскомъ вопросѣ. Въ его рукахъ было вычеркнуть Турцію изъ числа европейскихъ державъ; но онъ,

вмѣсто слѣдованія политики жизни, подчинился политикѣ равновѣсія и легитимитета, забывъ простую истину, что необходимо предпочитать тотъ законъ, который лучше — „holds to be writhier“ (Бэконъ), и что la loi naturelle seul régit les traités des nations (Ваттель).

Даже Николая чуть было не увлекъ der natürliche Zug Russland's nach Süden: трактатъ 1827 года позволилъ Россіи, наравнѣ съ Франціею и Англіею, вѣдаться съ Турціею безъ всякой боязни вмѣшательствъ и противорѣчій. Николай въ слѣдующемъ-же году двинулъ свои войска на Балканскій полуостровъ, но былъ до того близорукъ, что не умѣлъ настоящимъ образомъ понять цѣль того стремленія, которое столько лѣтъ уже чувствуется въ русской народной политикѣ. Онъ занимался Греціею, приказалъ составить (Матусевичу и Дашкову) органическій статутъ для Молдавіи, Валахіи, Іоническихъ ос—въ, и забылъ именно то, что нужно было помнить: вопросъ славянскій. Близорукости Николая до того было чуждо пониманіе всякаго живого вопроса, что этотъ императоръ, обманувъ надежды, возбужденныя забалканскимъ походомъ, не только не далъ турецкой имперіи развалиться, когда она была уже слишкомъ близка къ этому, благодаря внутренней гнилости, но въ 1810, по заключенной конвенціи, еще спасъ ее отъ Магометъ-Али.

Впрочемъ, не одною близорукостью обусловливается подобная безобразная политика, а и тѣмъ принципомъ, который положенъ въ основаніе нашей государственной системы. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ сдѣлать хоть покойный Николай для поднимавшихся славянъ, когда на всякое его требованіе очень основательно могли возразить насильственною подчиненностью Польши, Фин-

ляндіи, Малороссіи, Литвы? Какъ могъ онъ стать за угнетенныхъ славянъ, за ихъ отдѣленіе, когда самъ-же онъ угнеталъ, въ свою очередь, не одинъ мильонъ племенныхъ братьевъ? Самъ противникъ всякихъ уступокъ, могъ-ли онъ, на основаніи какого бы то ни было права, требовать ихъ отъ другихъ? Тотъ-ли защитникъ автономіи, — кто цѣлую свою жизнь налагалъ одинъ узы? Благодаря своему несчастному положенію, Николай не могъ и мечтать о славянскомъ вопросѣ, хотя было время, когда славяне рѣшились на сверженіе чужеземнаго ига à tout prix, хоть цѣною новой неволи — русской неволи. Централизаціонный принципъ русскаго правительства уничтожилъ всѣ естественныя, дѣйствительныя выгоды нашего политическаго положенія, наградивъ насъ взамѣнъ тѣмъ блескомъ, который только и освѣщаетъ, что язвы рабства, и запекшуюся кровь погибшихъ мучениковъ.

Но славянскій вопросъ, какъ и самыя славянскія племена, еще не стертъ съ лица земли, еще не погибъ подъ заразительною трухою тѣхъ государствъ, которыя, — держась не внутреннею силою, а головными теоріями, принятыми за святыя истины; боясь какъ огня всякой свѣжей мысли, — отдаляютъ вопросъ о свободѣ и занимаются вопросами о легитимитетѣ и равновѣсіи. Нѣтъ, славянскій вопросъ съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе выходитъ на свѣтъ божій .... Какой-же политики въ этомъ вопросѣ будетъ придерживаться Россія теперь?

По всѣмъ вѣроятіямъ — прежней: это видно по сербскимъ дѣламъ, уже обратившимъ на себя общее вниманіе. Проанализируемъ-же ихъ подробнѣе.

Нынѣшняя Сербія занимаетъ болѣе 600 кв. м., и вмѣщаетъ около мильона жителей. Гористая, ограничиваемая рѣками, она раздѣляется на 18 округовъ, вмѣщающихъ въ себѣ значительное количество небольшихъ городовъ и нѣсколько крѣпостей. Еще въ среднихъ вѣкахъ она представляла самостоятельное государство, находившееся на довольно высокой степени развитія. Во время крестоваго похода Фридриха-Барбаросы, она славилась королемъ Стефаномъ, который предложилъ германскому императору проходъ крестоносцевъ чрезъ свою страну. Въ 1217 г. сербскій жупанъ папою Гоноріемъ III былъ признанъ самостоятельнымъ европейскимъ государемъ. Въ 1333 г. король Стефанъ Душанъ принялъ царскій титулъ и двуглаваго орла, какъ государственный гербъ, и распоряжался войскомъ въ 80 т. человѣкъ. Въ его время Сербіи предстояла блестящая роль, такъ какъ византійская имперія готовилась уже погибнуть, передавъ Сербіи свое владычество надъ балканскимъ полуостровомъ. Но пока длилась агонія одного государства, пока формировались силы другаго, грянула гроза: темною тучею рынулись турки въ Европу, налагая цѣпи рабства и варварства, внося борьбу исламизма съ христіанствомъ. Сербовъ не минула общая участь балканскихъ обитателей. Еще въ 1396 г. никопольская битва почти рѣшила участь Сербіи; въ 1463 — же она положительно подпала подъ турецкое иго, подъ самымъ гнетомъ котораго впрочемъ сражалась цѣлые годы и на каждомъ шагу. Сербской исторіи памятны батучинская, бѣлградская и др. битвы, въ которыхъ сербы гибли за свою независимость. Въ XVIII столѣтіи вся страна покрывается разбойническими шайками, отстаивавшими независимость родной страны, наподобіе знаменитыхъ

въ исторіи Малороссіи гайдамаковъ, бандитовъ Испаніи и карбонаріевъ Италіи, грабившихъ подъ часъ и своихъ собственныхъ земляковъ. Турки не усомнились послѣдовать въ этомъ случаѣ сербамъ, и составили свои шайки, только съ другими цѣлями и средствами. Янычары, распущенные послѣ Чистовскаго мира (1791), заключившаго извѣстную войну турковъ съ австрійцами, собрались въ числѣ 10 т., подъ предводительствомъ нѣкоего Пассаванъ Оглу, и, установившись въ Видинѣ, вносили опустошеніе въ прилежащія мѣстности. Ихъ грабительства возбудили реакцію въ самыхъ туркахъ. Бѣлградскій паша увидѣлъ необходимость присоединиться къ сербскимъ бандамъ, чтобы противодѣйствовать Пассаванъ Оглу, конечно не надолго, до тѣхъ поръ, пока турецкій разбойникъ не былъ признанъ правительствомъ въ качествѣ паши видинскаго. Но, несмотря на кратковременность соединенія, сербы умѣли воспользоваться временемъ, и положили начало новому періоду въ отношеніяхъ своихъ съ константинопольскимъ дворомъ: соединившись разъ, они рѣшились на общее возстаніе, тѣмъ болѣе, что у нихъ нашелся человѣкъ, умѣвшій поддерживать народный энтузіазмъ. Съ 1804 г. они, подъ предводительствомъ Георгія Чернаго, начинаютъ такую войну съ турками, которая, возбудивъ удивленіе и полное сочувствіе къ нимъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, заставила наконецъ и европейскую дипломатію обратить свое вниманіе на невыносимое положеніе страны, на политическую правоспособность сербовъ, и согласиться на признаніе за ними хоть тѣхъ небольшихъ правъ, которыми они пользуются (не вполнѣ) и по нынѣ. По голосу Кара-Георгія поднимается весь сербскій народъ, вооружаясь чѣмъ только можно, истребляя

турокъ гдѣ только можно, и, въ случаяхъ неудачи, скрываясь въ ущельяхъ горъ. Скоро деревни и нѣкоторые города были очищены отъ турецкаго мусора, и уже въ слѣдующемъ году сербы получили отъ Порты приглашеніе прислать своихъ депутатовъ въ Константинополь. Но борьба длилась еще долго, сперва при участіи одного Кара-Георгія, а потомъ и Милоша Обреновича. Турки, терпѣвшіе постоянныя пораженія, стѣсняемые притомъ отъ поры до поры войнами съ Россіею, согласились бы, можетъ быть, на всѣ требованія сербовъ, если бы и тутъ не явилось тормозящимъ началомъ теорія des Gleichgewichts и легитимитета, тѣмъ болѣе, что уже къ 1808 году всѣ крѣпости и города находились въ рукахъ возставшихъ, которые собрали не разъ общенародное собраніе (скупчину) и установили самостоятельное управленіе — въ видѣ президента, сената, министерствъ и собраній всѣхъ гражданъ. Сербы требовали: признанія своей конституціи, свободнаго исповѣдыванія религіи, очищенія крѣпостей, представительства при Диванѣ. и взамѣнъ этого признавали суверенныя отношенія къ Портѣ и обѣщали въ распоряженіе Турціи 12 т. корпусъ. Несмотря на крайнюю умѣренность этихъ требованій, дипломаты съумѣли ихъ обузить. Миръ однако былъ заключенъ благодаря дѣятельности Обреновича, который получилъ сильное вліяніе и на сербовъ и на турокъ.

Этотъ миръ можетъ служить едва-ли не лучшимъ доказательствомъ, что племенамъ, для которыхъ открывается теперь политическое поприще, вовсе не слѣдуетъ обращать вниманіе и надѣяться на систему трактатовъ въ частности и на европейскую дипломатію вообще. Съ 1816 года въ Турціи, какъ извѣстно, было

немало событій, которыя позволяли надѣяться на полную погибель оттоманской имперіи: войны съ русскими, возстаніе грековъ, недовольство валаховъ, возмущеніе паши янинскаго, — все это представляло удобной случай для возстанія сербовъ, — но они остались вѣрными принятымъ на себя обязательствамъ. Чѣмъ же ихъ отблагодарили? — новыми вмѣшательствами во внутреннія дѣла, поддержкою или Милоша Обреновича, или другихъ бояръ, своекорыстно мятежничавшихъ противъ избраннаго государя. Русское правительство только и умѣло, что дразнить сербовъ обѣщаніями и потомъ предавать ихъ на жертву туркамъ; австрійское работало въ помощь турецкому; англійское стояло за послѣднее, какъ за любимую жену.

Тѣмъ не менѣе, сопротивленіями и протестами, Сербія добилась нѣкоторыхъ правъ, и по гати-шерифу 4 декабря 1834 получила, по выраженью нѣмцевъ, erbliche aber tributäre Dynastie: Милошъ Обреновичъ утвердилъ за своимъ родомъ сербское княжество и поставилъ его въ суверенныя отношенія къ Портѣ, хотя нѣсколько времени по промульгаціи признанія принужденъ былъ бѣжать изъ своего государства.

Послѣ революціи 1859—60 г. династія Обреновича была возстановлена, по единодушному желанію народа, и осанктирована европейскими кабинетами. Сербія, хотя и не получила даже тѣхъ правъ, которыми пользуются румынскія княжества, но по видимому успокоилась, несмотря на платимый трибутъ и на занятіе турками шести крѣпостей. Положившись, по выраженію дипломатовъ, на garantie solennelle des grandes puissances, она занялась своимъ внутреннимъ развитіемъ, которымъ прежде почти не было времени заняться, бла-

годаря смутному, лагерному положенію страны. Но garantie solenelle des grandes puissances, конечно ни чему не помогли, да и не могли помочь: уже въ апрѣлѣ 1860 года князь Милошъ долженъ былъ послать депутацію въ Константинополь съ жалобою на безчинства турокъ, засѣдающихъ въ крѣпостяхъ. Въ іюнѣ 1861 г. сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Гарашанинъ представилъ константинопольскому двору новыя объясненія, въ которыхъ, основываясь на договорахъ, гати-гумаюнѣ и гати-шерифѣ, требовалъ прекращенія безпорядковъ. Въ августѣ того-же года сербамъ оставалось только защищать себя силою — и кн. Михаилъ Обреновичъ учредилъ народную милицію. Но это нисколько не предупредило всякаго рода мерзости, которыя дозволяли себѣ турки: кражи, грабежи, насилованіе женщинъ и наконецъ бомбардированіе Бѣлграда, совершившееся 15 іюня текущаго года, — происшествіе, взбудорожившее всѣ европейскіе кабинеты, но все-таки оставшееся ненаказаннымъ. Сербы наконецъ сами пришли къ мысли, что имъ нечего ожидать. Сербъ, издавшій недавно брошюру: „La Serbie après le bombardement de Belgrade“ говоритъ слѣдующее: „Если ни трактаты, бывшія между Россіею и Турціею, ни султанскій гати-шерифъ, ни трактатъ парижскій не были достаточны для полученія, послѣ тридцатилѣтняго и терпѣливаго ожиданія, полныхъ политическихъ правъ; если ни торжественное ручательство европейскихъ державъ, ни конвенція, еще такъ недавно заключенная между Гарашаниномъ и Аширъ-Пашею, конвенція, гарантированная представителями тѣхъ же державъ, не были въ силахъ предупредить бомбардированіе нашей столицы, то какія новыя гарантіи мо-

гутъ быть намъ обѣщаны, на дѣйствительность которыхъ мы могли бы вполнѣ положиться?“

Несмотря на естественность этого вопроса, онъ долженъ казаться слишкомъ наивнымъ: подобная гарантія заключается въ полной политической и гражданской самостоятельности, въ собственной народной силѣ, которую можно бы доказать слишкомъ давно, если бы не обращать излишне большое вниманіе на пустое ручательство другихъ державъ, которыя руководствуются вовсе не тѣми принципами, что могутъ идти въ пользу народной свободы. Но Сербія, къ сожалѣнію, снова пошла дипломатическою дорогою: константинопольскія конференціи трактуютъ о ея судьбѣ, хотя она вовсе не добивается политической самостоятельности: она желаетъ только оставленія турками ея крѣпостей, которыя стоятъ Турціи большихъ издержекъ, чѣмъ весь трибутъ, платимый Сербіею; крѣпостей, которыя еще въ 1806 г. Кара-Георгій отнялъ у турокъ, несмотря на ничтожность своихъ средствъ, на отсталость осадныхъ способовъ. Сербія соглашается и на меньшее: на срытіе этихъ крѣпостей, которыя такимъ образомъ не будутъ поводомъ неудовольствій и столкновеній. „Мы предпочитаемъ поселиться въ нестолько удобныхъ, но болѣе безопасныхъ деревушкахъ, чѣмъ снова подставлять себя подъ жерла турецкихъ пушекъ и отдавать нашихъ женъ, нашихъ дѣтей, нашихъ дряхлыхъ и старыхъ отцевъ, наше имущество на жертву новой рѣзни и бомбардированія“ — вотъ голосъ Сербіи послѣ происшествія 15 іюня 1862 г., вотъ чего не хочетъ Сербія.

Немногое. Но европейская дипломатія до того безнравственна, что не желаетъ удовлетворить и этимъ требованіямъ. Есть впрочемъ кабинеты, которые и не

могутъ. Къ нимъ принадлежитъ и петербургскій. Добросовѣстный русскій консулъ въ Бѣлградѣ, г. Влангали, протестовалъ противъ неистовствъ турокъ; русскій посланникъ въ Константинополѣ, г. Лобановъ, представлялъ ноту за нотою; — но когда собрались на конференцію, — русскіе политическіе агенты не имѣли никакого голоса, не могли его возвысить, потому что, при первомъ звукѣ, имъ указали на бѣдную Польшу, гдѣ, несмотря на штатгальтерство в. к. Константина, польская кровь льется непереставая, гдѣ каждый день обыски, аресты, насилія, разстрѣливанія.

И такое отношеніе Сербіи къ Россіи существуетъ не первый день. Необходимо только вспомнить дипломатическіе акты съ временъ Александра, чрезвычайное порученіе барону Ливену, помощь Кара-Георгію, трактаты андріанопольскій и акерманскій, парижскія конференціи, чтобы понять, что петербургскій кабинетъ давно могъ уразумѣть фальшивость и несочность руководящихъ имъ основаній, уразумѣть, что все это безсиліе производятъ централизаціонныя стремленія, на основаніи которыхъ нѣтъ свободы для Славянства и нѣтъ свободы и величія для Россіи.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ

Положительнаго права европейскихъ державъ

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

(По Роберту Молю.)

---

1. Всѣ государства совершенно согласны въ томъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ право, по собственному благоусмотрѣнію, препятствовать у себя своимъ подданнымъ совершать, противъ государства или сограждан, преступленія, и наказывать преступниковъ, по мѣрѣ вины. Это положеніе до того неоспоримо, что не нуждается въ доказательствѣ или въ приведеніи документельныхъ подтвержденій.

2. Всѣ согласны и въ томъ, что всякое государство имѣетъ право требовать отъ находящихся въ его предѣлахъ иностранцевъ, соблюденія учрежденій полиціи и прочихъ законныхъ постановленій, и, подвергать ихъ въ случаѣ совершенія преступленій дѣйствію своихъ карательныхъ законоположеній. Смягченіе наказанія, или совершенное освобожденіе отъ него преступника, на основаніи незнанія имъ закона большею частью выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей.

3. Далѣе, нѣтъ между цивилизованными европейскими государствами никакого несогласія и въ томъ, что каждое государство и имѣетъ право и обязано наказать своихъ подданныхъ, какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ, если они въ его предѣлахъ совершили преступленіе противъ иностранныхъ державъ, или гражданъ этихъ державъ. Происходившія по этому пункту разногласія относились не къ основному правилу, а къ его подчиненнымъ вопросамъ, напримѣръ: должно ли дожидаться жалобы обиженнаго государства, или начать судъ надъ обидчикомъ по одной только обязанности наказать послѣдняго. Если обиженныя государства иногда и не требуютъ наказанія своего оскорбителя, а только его высылки, то это тоже не говоритъ о какомъ нибудь другомъ принципѣ. Такія государства, при высылкѣ расчитываютъ или на большую для себя безопасность, или на гласность совершенія наказанія. Одна только Англія дѣлаетъ исключеніе относительно этого положенія. Что касается до осуществленія на дѣлѣ принятаго принципа, то никакое государство не отказывается наказать у себя, по собственнымъ законамъ, всякаго изъ своихъ подданныхъ, который совершилъ бы преступленіе противъ иностранца. Есть даже много примѣровъ законнаго преслѣдованія такого рода преступниковъ. Но, съ одной стороны, нѣтъ общаго законнаго постановленія, которое бы можно было привести въ дѣйствіе во всѣхъ случаяхъ даннаго рода преступничества, а всякій случай вызываетъ особое о себѣ сужденіе, которое зависитъ единственно отъ мѣстнаго характера судопроизводства; съ другой стороны, при караніи даннаго рода преступленій, по крайней мѣрѣ, противъ иностранныхъ правительствъ, онѣ разсматриваются

не какъ нарушеніе права вообще, но какъ поводъ къ международнымъ столкновеніямъ.

4. Напротивъ того, нѣтъ никакого согласія между государствами относительно вопроса: долженъ-ли подданный быть наказанъ за совершенное за границей преступленіе? Здѣсь государства распадаются на 4 различныя группы. Мнѣніе одной изъ нихъ относительно этого вопроса подвергается различнымъ, болѣе или менѣе, непослѣдовательнымъ видоизмѣненіямъ со стороны другой группы, такъ-что рѣшеніе даннаго вопроса послѣднею группой совершенно противоположно рѣшенію первой. Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ государства, которыя, на основаніи своихъ законовъ, не наказываютъ своихъ подданныхъ, за совершенныя за границей преступленія, все равно кѣмъ и противъ кого бы онѣ ни были совершены, предоставляя себѣ право карать тѣ только преступленія, которыя совершены на ихъ собственной землѣ. Этого принципа держатся Англія, Сѣверная Америка и Франція. Но Англія и Франція видоизмѣняютъ его по своему, и даже лишаютъ большей или меньшей доли его первоначальной силы. Соединенные Штаты Сѣверной Америки, принявъ вмѣстѣ съ всеобщимъ англійскимъ правомъ и данный принципъ отъ англичанъ, придерживаются его строже ихъ самихъ, такъ что преступленіе, совершенное американцемъ одного штата въ другомъ, не наказывается тѣмъ изъ нихъ, къ которому принадлежитъ преступникъ. Не такъ строго придерживается его Англія. Она постепенно допустила цѣлый рядъ частныхъ исключеній изъ даннаго правила, и такимъ образомъ признала законнымъ: преслѣдовать судомъ многія такія преступленія, которыя англичанинъ совершилъ бы и внѣ предѣловъ Англіи. Во всякомъ случаѣ, эти исключенія носятъ на себѣ отпечатокъ

непослѣдовательности, потому что допускаются не на основаніи какого нибудь общаго законнаго начала, но какъ частности. Сюда относятся допущенныя наказанія за государственную измѣну, смертоубійство, лишеніе жизни, двоеженство; далѣе, за совершенныя, въ извѣстныхъ варварскихъ странахъ, преступленія; наконецъ, за противозаконные поступки со стороны вооруженія на англійскомъ кораблѣ. Сюда относятся еще допускаемый, на основаніи общаго характера народнаго права, судъ надъ морскимъ разбойничаньемъ и торговлею неграми. Франція наиболѣе отступаетъ отъ даннаго основнаго правила, такъ строго соблюдаемаго въ сѣвероамерикан-скихъ Соединенныхъ Штатахъ. Она не только допускаетъ частныя, болѣе или менѣе случайныя изъ него исключенія, но даже вмѣняетъ государственнымъ законамъ въ принципъ — карать цѣлыя категоріи такихъ преступленій, которыя совершили ея подданные въ чужихъ странахъ. Такъ, по старинному французскому праву и даже по своду законовъ брюмера IV года, допускается, какъ правило, наказывать за совершенныя внѣ предѣловъ Франціи преступленія; но по code de Proc. crim., art. 6, 7, наказаніе полагается только за нѣкоторыя опредѣленныя преступленія. По этому кодексу, совершенно освобождаются отъ наказанія провинившіеся въ чужой странѣ противъ иностранцевъ; но оскорбившіе французское правительство подвергаются наказанію за нѣкоторыя поименованныя тамъ преступленія, какъ за покушеніе противъ безопасности государства, за подѣлку государственныхъ печатей, монеты и кредитныхъ билетовъ. Что касается до обидъ, нанесенныхъ французскимъ подданнымъ въ отдѣльности, то виновный тогда только подвергается за нихъ наказанію

тогда только, когда обиженный приноситъ на него жалобу, да и въ такомъ случаѣ съ него взыскивается единственно за „crimes“, а не за „delits“.

Ко второй группѣ принадлежатъ тѣ государства, которыя, на основаніи своихъ законовъ, наказываютъ совершившихъ за границей, противъ ихъ самихъ или ихъ подданныхъ, преступленія; но за преступленія, противъ иностранцевъ съ своихъ поданныхъ взыскиваютъ только въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ случаяхъ. Здѣсь прежде всего должно упомянуть о Бельгіи и Голландіи. По уголовному кодексу отъ 1838 г., послѣдняя взыскиваетъ за нанесенныя иностранцамъ обиды, въ опредѣленныхъ, особенно важныхъ случаяхъ, какъ то: за убійство, поджогъ насилованіе, поддѣлку государственныхъ денегъ и т. под. Бельгія, по своему уложенію отъ 30 декабря 1836, кромѣ этихъ преступленій, наказываетъ и за соглашеніе на выдачу чужестранныхъ эмигрантовъ. Далѣе относится къ этой группѣ Сардинія. По своему уголовному кодексу (art. 6), она безусловно взыскиваетъ съ своихъ подданныхъ, за совершенныя ими, въ чужой странѣ, преступленія, crimes, но за проступки, delits, она тогда только наказываетъ, когда и обиженное государство преслѣдуетъ за нихъ своихъ подданныхъ, совершившихъ преступленіе въ Сардиніи. Въ обоихъ случаяхъ, и она преступленія своихъ подданныхъ, совершенныя въ чужой странѣ, наказываетъ одною ступенію ниже противъ обыкновеннаго. Къ этой-же группѣ относится и Дармштадтъ. Его Straf-Gesetz-Buch, отъ 1841 года, по нѣкоторымъ, безъ сомнѣнія, весьма страннымъ причинамъ, допускаетъ исключенія изъ общаго правила о наказаніяхъ. Дармштадтъ наказываетъ за тѣ только преступленія, которыя совершены противъ страны, при-

надлежащей къ германскому союзу; что же касается до нанесенныхъ другимъ странамъ обидъ, то преслѣдованіе ихъ зависитъ отъ воли министерства юстиціи. Кому не покажется удивительнымъ, что гессенецъ, уже наказанный или помилованный за совершенное за границей преступленіе, тѣмъ не менѣе, въ своемъ отечествѣ, можетъ еще разъ подвергнуться за него пенѣ; а это бываетъ нерѣдко и въ такомъ случаѣ, когда онъ даже оправданъ судомъ за границей.

Третья группа еще болѣе удаляется отъ основнаго начала. Къ ней принадлежитъ одно виртембергское королевство. Послѣднее тогда только наказываетъ преступника, когда сдѣланное преступленіе подвергаемо наказанію на мѣстѣ его совершенія, преимущественно же если оно здѣсь преслѣдуется, какъ совершенное противъ виртембергскаго королевства. Въ правилахъ-же Виртемберга назначатъ заграничнымъ преступникамъ наказанія легче тѣхъ, какимъ ихъ подвергли бы на мѣстѣ совершенія преступленія. —

Государства, составляющія четвертую группу, совершенно согласны между собою въ наказаніяхъ своихъ подданныхъ за совершенныя за границею преступленія. Къ этой группѣ принадлежитъ большая часть нѣмецкихъ государствъ, несуществующее нынѣ неаполитанское королевство, Португалія, Россія, Норвегія и нѣкоторые швейцарскіе кантоны. Эти государства наказываютъ своихъ подданныхъ, по собственнымъ законамъ, за всякія совершенныя за границею преступленія, все равно, противъ кого бы онѣ ни были, противъ самихъ государствъ, ихъ подданныхъ, или чужеземцевъ. Между характеризующими эту группу главными постановленіями есть, безъ сомнѣнія, и нѣкоторыя несогласія по част-

нымъ положеніямъ. Но послѣднія или до того незначительны, что не выражаютъ собою противорѣчія принятому данными государствами принципу, или отчасти составляютъ одинъ слѣдствія этого принципа, слѣдствія, однимъ государствомъ именно выраженныя, а другимъ только подразумѣваемыя. Такъ, напримѣръ, нельзя полагать, чтобы Пруссія, Баденъ и Ганноверъ ограничивали объемъ даннаго принципа, когда они, опираясь на свой законъ, отказываются взыскивать съ своихъ подданныхъ, за совершенные ими въ чужихъ странахъ такіе поступки, которые предосудительны только по тамошнимъ, а не по законамъ Пруссіи, Бадена и Ганновера. Это, напротивъ, можетъ служить, съ ихъ стороны, подтвержденіемъ даннаго принципа. Такимъ же образомъ и нѣкоторыя другія особенныя постановленія или неважны, или не требуютъ никакого объясненія.

5. Замѣчательно различіе въ мнѣніяхъ европейскихъ государствъ относительно вопроса: имѣетъ ли государство право наказать преступника-чужеземца, совершившаго, противъ его самого или его подданныхъ, проступокъ въ чужой странѣ, въ случаѣ, если бы преступникъ очутился въ его власти, будучи ему выданъ, или добровольно вступивъ въ его границы? — Нѣкоторыя государства, весьма немногія по числу, вовсе не наказываютъ такого рода преступленія. Такъ Англія и Сѣвероамериканскіе Штаты строго держатся основнаго правила о территоріальности преступленій. Этотъ принципъ чрезвычайно замѣчателенъ. Доставляя у себя убѣжище безусловно всякому эмигранту, Англія и Сѣвероамериканскіе Штаты иногда принуждены терпѣть, въ своихъ предѣлахъ нарушителя ихъ собственныхъ законныхъ постановленій. И ольденбургское уголовное право,

по Straf-Gesetz-Buch, art. 3, признаетъ неподлежащимъ наказанію совершенныя иностранцами за границею преступленія противъ Ольденбурга; но допускаетъ такое исключеніе изъ этого правила, которое менѣе всякаго другаго заслуживаетъ оправданія. Такъ, по законамъ Ольденбурга, можно наказывать за государственную измѣну и оскорбленіе величества. — Многія государства совершенно противоположнымъ образомъ рѣшаютъ данный вопросъ. Онѣ утверждаютъ, что государство имѣетъ право наказать, по собственнымъ законамъ, своихъ обидчиковъ - иностранцевъ, если только можетъ позволительнымъ образомъ завладѣть ими. Этого правила держатся всѣ нѣмецкія государства, Голландія, Россія и Норвегія. Иныя государства, при рѣшеніи даннаго вопроса, допускаютъ еще нѣкоторыя прибавленія къ принимаемому основному правилу. Такъ, законъ Австріи, признавая иностранцевъ, совершившихъ противъ нея въ чужой странѣ преступленіе, подлежащими ея суду, дозволяетъ поступить съ ними по болѣе снисходительнымъ, можетъ быть, законамъ ихъ отечества; но подобно Баваріи, всегда требуетъ высылки наказаннаго изъ государства. Законъ Сенъ-Галлена присвоиваетъ обиженному правительству право увеличить наказаніе преступника по своему благоусмотрѣнію. — Франція опять иначе рѣшаетъ данный вопросъ. По здѣшнему праву, преступниковъ-иностранцевъ должно судить какъ своихъ подданныхъ, совершившихъ преступленіе въ чужой странѣ. И къ этому постановленію оно необходимо должно было прійдти, слѣдуя пути послѣдовательности. Въ старинномъ французскомъ правѣ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ постановленій касательно наказанія иностранцевъ, обидѣвшихъ изъ чужой страны республику. Въ

12 главѣ уголовнаго права, IV года, уже говорится о наказаніи иностранцевъ, но только за подѣлку монеты или кредитныхъ билетовъ; а за всѣ другія преступленія положена высылка изъ Франціи. Въ Code d'instr. crim., art. 6, говорится о наказаніи и за покушеніе противъ безопасности государства и подѣлку его печатей. Напротивъ того, на счетъ обидѣвшихъ отдѣльныхъ французскихъ подданныхъ, въ чужой странѣ, говорится, что они должны быть оставлены безъ всякаго наказанія. Французское право не назначаетъ иностранцамъ наказанія и за неявленіе по вызову въ судъ, такъ какъ эта мѣра должна быть употребляема государствомъ противъ тѣхъ только преступниковъ, которые находятся уже въ его власти. Такія же точно опредѣленія существуютъ и въ Бельгіи. Сардинія удаляется отъ нихъ на столько, что ищетъ возможности наказать обидѣвшаго даже одного изъ ея подданныхъ. Для этой цѣли предложено сперва доставить преступника на forum delicti commissi, а за тѣмъ поступить съ нимъ по закону.

6. Наконецъ, чрезвычайно рѣдко находишь правило на случай, еслибы кто нибудь изъ чужой страны, оскорбилъ иностранное государство или его подданныхъ. Значительно большая часть государствъ признаетъ рѣшеніе даннаго вопроса совершенно чуждымъ своимъ интересамъ, и только нѣкоторыя изъ нихъ, при взвѣшиваніи вопроса о дарованіи у себя убѣжища такому иностранцу, обращаютъ вниманіе на его прежніе противозаконные поступки. Далѣе, государства, которыя выдаютъ ненаказанныхъ преступниковъ-иностранцевъ могутъ, при возникновеніи вопроса о выдачѣ, принимать въ соображеніе тѣ только ихъ оскорбительные поступки, которые они совершили въ свою бытность въ данныхъ государ-

ствахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя, не многія по числу, государства, такъ далеко увлекаются отвращеніемъ отъ безпорядка вслѣдствіе нарушенія чужихъ правъ, что благодушно считаютъ себя призванными наказать обидчика, если этого не дѣлаетъ даже тотъ, кому бы слѣдовало, по праву или обязанности. Сюда относятся Австрія, Бавaрія, Саксонія и другія, близкія къ этимъ и слѣдующія ихъ примѣру, государства. Послѣднія не всѣ одинаково поступаютъ съ чужестранцемъ-обидчикомъ правъ чужихъ государствъ или ихъ подданныхъ. Законъ Саксоніи предписываетъ отнестись съ вопросомъ объ его участи къ министерству юстиціи, которое, по мѣрѣ виновности преступника, можетъ его выдать кому слѣдуетъ, или само наказать. Баварскій законъ предписываетъ: предложить виновнаго его врагамъ; если послѣдніе его не принимаютъ, Бавaрія высылаетъ преступника изъ королевства, но не наказываетъ. Далѣе другихъ заходитъ Австрія: она предлагаетъ обиженному государству его врага, а въ случаѣ отказа принять его, сама наказываетъ виновнаго и, кромѣ того, въ добавокъ, высылаетъ изъ имперіи.

II. ВЫДАЧА.

Къ изложеннымъ правиламъ о правахъ и обязанностяхъ государствъ подавлять преступленія собственными силами, примыкаютъ положенія, на основаніи которыхъ одни государства содѣйствуютъ другимъ въ возстановленіи ихъ правъ, посредствомъ выдачи послѣднимъ оскорбителей.

Выдача послѣднихъ составляетъ для государства дополненіе къ функціямъ права возмездія за преступленія,

которое (дополненіе) имѣетъ мѣсто тогда только, когда государство, считая себя обязаннымъ содѣйствовать къ наказанію противузаконнаго поступка, въ то же время, по нежеланію или неимѣнію права, не участвуетъ въ самомъ опредѣленіи преступнику наказанія. Понятно поэтому, что рѣшеніе даннаго вопроса различными государствами чрезвычайно разнообразно, смотря потому вмѣняютъ ли они себѣ въ обязанность содѣйствовать къ сохраненію правъ внѣ своихъ предѣловъ и внѣ среды своихъ подданныхъ. Тѣмъ не менѣе многимъ кажется непонятнымъ затрудненіе опредѣлить основныя начала, которыхъ придерживается всякое государство, при рѣшеніи вопроса о выдачѣ преступника. Говорятъ, что для этого стоитъ только разобрать систему, которой оно держится относительно преслѣдованія преступленій въ государствѣ. Но дѣло въ томъ, что государства не всегда являются въ своей дѣятельности послѣдовательными. Не мало въ свою очередь затрудняетъ изложеніе ихъ различныхъ системъ то, что, при рѣшеніи вопроса о выдачѣ, во многихъ случаяхъ, рѣдко вліяли требованія благоразумія, а больше страсти, и никогда не было замѣтно опредѣленная, свободная, соотвѣтственная одному только своему убѣжденію дѣятельность государства. Поэтому тутъ не можетъ быть рѣчи о логической ссылкѣ на принципы теорій различныхъ государствъ о правѣ взысканія; но здѣсь должно быть изложено: какія на дѣлѣ приняты правила относительно разрѣшенія предложеннаго вопроса, не смотря на то, что нерѣдко допускаются отдѣльныя положенія, вовсе неподчиненныя этимъ правиламъ, и заключаются договоры, на основаніи совсѣмъ другихъ началъ. Кромѣ того, для правильнаго и всесторонняго уясненія вопроса, необходимо не только

постоянное проведеніе различія между выдачею собственныхъ подданныхъ и иностранцевъ, обыкновенныхъ бѣглецовъ, и за тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ, между выдачею, вслѣдствіе предъявляемыхъ государственныхъ и, такъ называемыхъ, обыкновенныхъ преступленій; но и изложеніе началъ, на основаніи которыхъ каждое государство принимаетъ иностранцевъ въ свои границы и подъ свое покровительство. Очевидно, что, при большой готовности на пріемъ и защиту иностранцевъ, постановленіе государства къ выдачѣ имѣетъ практическое значеніе совсѣмъ другое, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда оно фактически окончательно не принимаетъ бѣглецовъ, или принимаетъ только немногихъ. Слѣдствія-же готовности государства на пріемъ и неготовности на выдачу должны быть чрезвычайной важности, какъ для него самаго, такъ и для другихъ государствъ.

Если, рядомъ группъ расположить государства, по возрастающимъ степенямъ соревнованія ненарушимости правъ въ чужихъ странахъ, посредствомъ отказа бѣглецамъ въ убѣжищѣ и выдачи ихъ, то нѣтъ сомнѣнія что

1. Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки и здѣсь занимаютъ первое мѣсто. Они менѣе всѣхъ государствъ готовы на упомянутаго рода услугу: въ противуположность всѣмъ другимъ государствамъ, они безусловно предоставляютъ иностранцамъ право селиться въ ихъ границахъ, и не обращаютъ вниманія ни на какое требованіе, не принимать или выдавать эмигрантовъ. Болѣе: здѣсь правительство не имѣетъ права ограничить привиллегіи или выдать иностранца, если бы онъ даже былъ государству въ тягость. Пріютить его — почитается за право и долгъ. Выдача преступниковъ сведена на самое ничтожное количество случаевъ. Соб-

ственныхъ гражданъ*) почти никогда не выдаютъ, какія бы преступленія они не совершили за границею; (не выдавать своихъ подданныхъ — правило наибольшей части государствъ). Да если бы другія государства и выдавали иностранцевъ, Англія и соединенные Штаты все таки оставались бы при своемъ принципѣ. Поэтому, англичане и сѣвероамериканцы, въ безконечномъ числѣ случаевъ, когда имъ только удается достигнуть счастливо

*) Очень естественно, что законами государства должны быть опредѣлены его отношенія къ своимъ собственнымъ подданнымъ и иностранцамъ. Несомнѣнно и то, что государство можетъ постановить какія ему угодно условія для пріобрѣтенія въ немъ права гражданства, можетъ по своему желанію производить и перемѣны въ этихъ условіяхъ. Отъ него также зависитъ не предоставить извѣстныхъ политическихъ правъ только-что натурализованному, на всю жизнь или на нѣкоторое время, гражданину, безъ того, чтобы послѣдній не терялъ черезъ это преимущества своего прежняго положенія и не отрѣшился отъ права на покровительство изъ за границы. Поэтому, никакое государство не имѣетъ ни малѣйшаго повода возразить противъ того, что въ Англіи, по act. 7 и 8, Vict. c. 55, право гражданства доставляется въ настоящее время однимъ только статъ-секретарскимъ свидѣтельствомъ, а не парламентскимъ актомъ какъ было прежде. Признавая-же цѣлесообразнымъ не предоставлять такому гражданину права быть выбрану въ депутаты, Англія въ тоже время, не поступаетъ несправедливо, если она не выдаетъ его. — Въ порядкѣ вещей, напротивъ, что государство не можетъ признавать своими гражданами и защищать какъ своихъ подданныхъ тѣхъ, кого оно еще не признало своими дѣйствительными членами: и каждый, кто имѣетъ даже самое поверхностное понятіе о правѣ, легко пойметъ, что исполненіе условій только отчасти для поступленія въ члены государства не ведетъ за собою никакой перемѣны въ правахъ исполнителя Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что юридическаго средняго состоянія между гражданиномъ и негражданиномъ не существуетъ: кто не гражданинъ, тотъ иностранецъ.

своего отечества, совершенно свободны отъ наказанія, за совершенныя въ чужихъ странахъ преступленія: ихъ отечества не взыскиваютъ за такія вины, а обиженныя государства не въ состояніи исполнить надъ ними своего приговора. Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки чрезвычайно рѣдко выдаютъ и иностранцевъ. Именно, только вслѣдствіе заключеннаго съ извѣстнымъ государствомъ особеннаго на счетъ этаго договора, съ особеннаго одобренія законодательной власти. И тогда они выдаютъ не политическихъ, но обыкновенныхъ преступниковъ, и то въ не многихъ, сильно вопіющихъ случаяхъ, за совершеніе преступленій самого тяжкаго свойства. — Но эти правила, конечно, вовсе не такъ безусловно исполняются, какъ часто полагаютъ и даже выставляются съ подозрительнымъ самохвальствомъ.

Именно: Англія съ большимъ жаромъ обращалась къ другимъ государствамъ за защитою отъ козней, которыя въ ихъ предѣлахъ затѣвались противъ ея правъ. Достаточно извѣстно и то, что, на все время французскихъ войнъ и еще нѣсколько лѣтъ спустя, она, биллемъ объ иностранцахъ, уже слишкомъ ограничила свой многохвальный долгъ давать послѣднимъ у себя убѣжище, и даже предоставила правительству право высылки чужеземцевъ, какъ простую административную мѣру. Правда, въ настоящее время, Англія не допускаетъ никакихъ ограниченій въ правѣ иностранцевъ на убѣжище въ ея границахъ, и невѣроятно, чтобы она скоро на нихъ согласилась; но вѣдь это она дѣлаетъ единственно по своей доброй волѣ и изъ политическихъ видовъ, а не на основаніи законнаго начала, которое недопускало бы другихъ съ ея стороны отношенія къ иностранцамъ. И въ Соединенныхъ Штатахъ уже не разъ говорили объ

ограниченія числа переселенцевъ. Ближайшимъ поводомъ этого были конечно затрудненія по попечительству о бѣдныхъ и подобное; но, безъ сомнѣнія, нельзя исключить вліяніе и политическихъ и юридическихъ побужденій, какъ скоро они признаны по своей цѣлесообразности заслуживающими вниманія. Что касается до выдачи, то не говоря уже объ отдѣльныхъ случаяхъ, когда Англія требовала ее и, слѣдовательно, сама напрашивалась на этого рода услуги, есть договоры о всегдашней выдачѣ бѣглыхъ преступниковъ, заключенные Англіею и Соединенными Штатами частію между собою, частію съ другими государствами. Число случаевъ, когда выговаривается взаимная выдача преступниковъ, даже все болѣе и болѣе увеличивается. — Въ настоящее время существуютъ договоры, о взаимной выдачѣ, между Англіею и тремя иностранными державами: Франціею, Китаемъ и Соединенными Штатами Сѣверной Америки. По этимъ договорамъ, отъ 19 декабря 1794, и 28 октября 1795, онѣ обязаны выдавать одна другой бѣглецовъ, виновныхъ въ убійствѣ и подлогѣ. — Договоромъ отъ 9 августа 1842 данныя державы обязались ко взаимной выдачѣ виновныхъ въ морскомъ разбойничаньи и поджогѣ, — распространяя его силу и на собственныхъ своихъ подданныхъ. По аміенскому миру, заключенному 27 марта 1802 года, Англія, Франція, Испанія и Батавская республика обязаны ко взаимной выдачѣ виновныхъ въ убійствѣ, подлогѣ и злонамѣренномъ банкротствѣ. —

Договорами между собою, отъ 31 августа 1787 и отъ 7 марта 1815, относительно своихъ общихъ владѣній въ Ост-Индія, Англія и Франція обязались выдавать одна другой скрывающихся здѣсь бѣглецовъ, не

только какихъ бы то ни было преступниковъ, но и должниковъ.

Договоръ отъ 13 февраля 1843 въ сущности распространяется только на всю Англію и Францію все, постановленное договоромъ въ Амьенѣ.

Наконецъ, Англія заключила съ Китаемъ два договора о выдачѣ. По первому отъ 8 октября 1843, взаимная выдача бѣглыхъ преступниковъ совершается изъ опредѣленныхъ только мѣстъ и въ извѣстныхъ случаяхъ. По 9 параграфу втораго, Tintsin'скаго, Англія обязана выдавать Китаю его обидчиковъ — бѣглецовъ, не требуя отъ ней своихъ. Не должно забывать и того, что въ продолженіе XVIII вѣка, Англія очень часто заключала договоры о взаимной выдачѣ бѣглецовъ и съ нѣмецкими государствами. Соединенные Штаты Сѣверной Америки, кромѣ упомянутыхъ соглашеній съ Англіею, заключили въ 1788 и 1823 годахъ договоры съ Франціею, по которымъ обѣ страны обязаны выдавать одна другой ея бѣглецовъ; 9 ноября 1843 года онѣ положили между собою выдать виновныхъ даже въ маловажныхъ, опредѣленно высказанныхъ въ договорѣ, проступкахъ. Что Соединенные Штаты въ этомъ мало раскаяваются, такъ это доказывается тѣмъ, что они заключили подобные договоры съ Швейцаріею 25 ноября 1850 года, а 16 іюня 1852 съ Пруссіею и другими нѣмецкими державами, хотя въ этихъ случаяхъ, договарившіяся страны положили не выдавать своихъ собственныхъ подданныхъ. Кромѣ того, по самому узаконенію республики, отдѣльные Штаты Сѣв. Америки обязаны выдавать одинъ другому какихъ бы то ни было его преступниковъ. Нью-Іоркъ относительно черныхъ странъ даже положилъ себѣ

законамъ, выдавать преступниковъ, которыхъ въ обиженномъ государствѣ ожидаетъ смерть или тюрьма.

2. Второе, болѣе многочисленное, отдѣленіе состоитъ изъ тѣхъ государствъ, которыя далеко не безусловно предоставляютъ иностранцамъ право свободнаго вступленія въ ихъ предѣлы и жительства тамъ, но опредѣляя касательно этого — какъ общія постановленія, такъ и частныя мѣры, соотвѣтственно собственнымъ выгодамъ. Что касается до выдачи, то своихъ подданныхъ они никогда не выдаютъ, а иностранцевъ только тогда, когда послѣдніе виновны въ государственномъ проступкѣ, но не обыкновенныхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Въ исполненіи этихъ правилъ допускаются, конечно, и различныя уклоненія, но они затрогиваютъ не самое ядро принципа, а его подчиненныя положенія. Такъ напримѣръ случаи выдачи не во всѣхъ государствахъ этой группы одинаково опредѣлены. Между тѣмъ какъ одни выдаютъ тѣмъ только государствамъ, отъ которыхъ, вслѣдствіе именнаго ихъ обязательства, ожидаютъ подобныхъ услугъ, и, такимъ образомъ, принимаютъ данныя правила не болѣе какъ за исходные пункты для заключенія договора о выдачѣ; другія исполняютъ ихъ нисколько не заботясь о постановленіяхъ о выдачѣ другихъ государствъ. Тоже самое и относительно пріема чужестранцевъ-бѣглецовъ: въ однихъ государствахъ онъ имѣетъ мѣсто, на основаніи общаго законнаго положенія, въ другихъ принимается во вниманіе исключительный характеръ каждаго случая эмиграванія, и поступаютъ съ иностранцами соотвѣтственно особому указанію правительства. — Къ этому отдѣленію принадлежатъ Франція, Бельгія и Швейцарія. Такъ какъ относительно права бѣглецовъ на убѣжище основныя правила этихъ

государствъ особенно важны, то они должны быть изложены каждое въ отдѣльности. Сюда-же относится Россія. —

Россію обыкновенно причисляютъ къ тѣмъ государствамъ, которыя никогда не выдаютъ бѣглыхъ иностранцевъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда она обязана къ этому по особеннымъ договорамъ. Но неизвѣстно, на сколько это отношеніе Россіи къ выдачѣ основано на твердомъ началѣ. Чтобы послѣднее дѣйствительно существовало, нигдѣ нѣтъ доказательствъ, даже въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя посвящены данному вопросу. — Witte, Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland, Dorpat, 1847. — На дѣлѣ же оказывается, что Россія, во многихъ случаяхъ, выдаетъ бѣглецовъ, такъ какъ заключать договоры о выдачѣ совершенно въ духѣ имперій. Такіе договоры Россія дѣйствительно заключила со всѣми сосѣдними державами: съ Китаемъ, — см. Сводъ уголовныхъ законовъ отъ 1815. § 175, примѣч., — 10 іюня 1774 года, кайнарджійскій договоръ съ Турціею, который еще въ 1849 году объявленъ въ полной силѣ; 4 іюня 1834 съ Австріею и Пруссіею, о взаимной выдачѣ бѣглецовъ изъ бывшихъ польскихъ провинцій; 20 ноября 1810, со Швейціею о виновныхъ въ простыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ; заключенный съ Пруссіею, 20 мая 1844, договоръ о выдачѣ даже въ высшей степени общъ, безъ всякихъ ограниченій. Кромѣ этого, существуютъ еще многіе договоры о выдачѣ дезертировъ. И, такъ какъ Россія, кромѣ того, принадлежитъ къ числу государствъ, которыя удѣляютъ иностранцамъ право на проѣздъ и жительство единственно по своему благоусмотрѣнію, — то она, во всякомъ практическомъ

отношенія, должна быть отнесена къ разсматриваемому второму классу.

Франція, прежде всего, не признаетъ за иностранцемъ права жить въ той или другой странѣ, противъ желанія высшаго правительственнаго учрежденія послѣдней. Здѣсь существуетъ даже отъ 21 апрѣля 1832 года законъ, который именно разрѣшаетъ высылать иностранцевъ изъ королевства, если бы ихъ присутствіе оказалось вреднымъ для общественнаго спокойствія и порядка. Исполненіе этого закона лежитъ исключительно на властяхъ правительственныхъ, а не на судебныхъ. Даже терпимые бѣглецы подвергаются здѣсь извѣстнымъ мѣрамъ предосторожности: они всегда переводятся во внутрь государства. Но что касается до выдачи, то своихъ подданныхъ Франція никогда не выдаетъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ ея договоровъ, которые разрѣшали выдачи французовъ, уже давно отмѣнены, да и существовали-то они только какъ частныя постановленія. Также не дѣйствуетъ болѣе и императорскій декретъ отъ 23 октября 1811, признававшій за верховною особою государства право выдавать своихъ подданныхъ, если бы это когда нибудь потребовалось. Иностранцевъ, напротивъ, Франція выдаетъ, но не иначе, какъ при слѣдующихъ ограниченіяхъ. Во первыхъ, для всякаго отдѣльнаго случая выдачи нужно согласіе высшаго управленія государства. Затѣмъ, требующему своего оскорбителя государству выдаются только его собственные подданные, но не тѣ, которые выселились во Францію изъ другой страны. Далѣе, выдачѣ подлежатъ совершившіе не государственныя, но простыя преступленія, crimes, или легкіе проступки. Наконецъ, выдача бываетъ только по требованію самого правительства,

а не какой нибудь подчиненной власти. — Многіе заключенные Франціею договоры составляютъ не болѣе, какъ особенное съ ея стороны утвержденіе этихъ основныхъ правилъ. Въ прежнія времена, впрочемъ, Франція допускала нѣкоторыя изъ нихъ исключенія; такъ, 18 іюня 1828 года, она заключила съ Швейцаріею договоръ, о выдачѣ политическихъ преступниковъ; но сентября 1833 года онъ отмѣненъ состоявшимся по этому случаю особеннымъ договоромъ. И чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ меньше замѣчается, со стороны Франціи, отступленій отъ данныхъ правилъ. Договоры Франціи о выдачѣ ведутъ свое начало отъ исхода первой половины 18 вѣка. Кромѣ многихъ соглашеній на счетъ выдачи дезертировъ, она около 17 августа 1736 года обнародовала свои договоръ съ Нидерландами о выдачѣ преступниковъ. Далѣе, извѣстны два одинаковыхъ по сущности содержанія договора, одинъ съ франкскимъ округомъ отъ 4 октября 1741 года, другой съ Виртембергомъ отъ 3—9 декабря 1763 года, оба о взаимной выдачѣ грабителей, злодѣевъ, malfaiteurs, воровъ, поджигателей, убійцъ, разбойниковъ и бродягъ. Около 5 іюня 1783 года, Франція приступила къ договору между Испаніею и Португаліею, которымъ рѣшено было выдавать одна другой монетоподдѣльщиковъ, контрбандистовъ. Заключенный 2 fruct. VI года, или 19 августа 1798, и обновленный 18 іюня 1828 договоръ съ Швейцаріею признаетъ цѣлый рядъ простыхъ тяжкихъ преступленій поводомъ къ взаимной выдачѣ виновныхъ въ ихъ совершеніи. Но, въ настоящее время, основою общаго правила о выдачѣ считается договоръ съ Бельгіею отъ 20 ноября 1843 года. Опредѣляющими случаями выдачи здѣсь названы слѣдующія простыя преступленія: убійство,

насилованіе, отравленіе, поджогъ, подѣлка монеты, клятвопреступничество, воровство, злонамѣренное банкротство, казнокрадство; къ этому списку преступленій прибавлено замѣчаніе, что злодѣянія тогда только должны быть поводомъ къ выдачѣ преступниковъ, если послѣднихъ ожидаетъ уголовное наказаніе. За тѣмъ, Франція и съ другими государствами заключала договоры, гдѣ, въ сущности, приняты эти же опредѣленія и выражены почти такими же словами.

Въ Бельгіи, вслѣдъ за основаніемъ королевства, само законодательство такъ ясно и несомнѣнно провело всѣ отношенія къ иностранцамъ — преступникамъ, что рѣшительно не оставило мѣста сомнительности въ рѣшеніяхъ или допущенію исключеній изъ положенныхъ правилъ. — Допущеніе бѣглецовъ въ свои границы королевство приняло за правило; но правительство, тѣмъ не менѣе, имѣетъ право выслать ихъ изъ Бельгіи, если бы они своимъ поведеніемъ подали поводъ къ нарушенію общественнаго спокойствія или оказалось бы, что они въ своемъ отечествѣ наказаны за извѣстное простое преступленіе, которое считается достаточною причиною къ выдачѣ. Даже одно обвиненіе ихъ, въ оставленномъ отечествѣ, въ такомъ преступленіи въ состояніи повлечь за собою ихъ высылку. Это положеніе, принятое сперва на три года, объявлено дѣйствительнымъ и на слѣдующее время. — Правительство ни въ какомъ случаѣ не должно допустить выдачи собственныхъ подданныхъ Бельгіи, а иностранцевъ тогда только, если они виновны въ политическихъ преступленіяхъ; но оно имѣетъ право заключать договоры съ другими государствами о взаимной выдачѣ преступниковъ, совершившихъ извѣстныя простыя преступленія. Здѣсь подразумѣваются тѣ

именно, на которыя уже указано въ договорѣ между Франціею и Бельгіею. О правѣ правительства заключать договоры о выдачѣ говорится въ законѣ отъ 1 октября 1833 года; на основаніи этого закона Бельгія дѣйствительно заключила уже извѣстное число такихъ договоровъ.

Швейцарія, представительница ненарушимости народныхъ правъ, признаетъ за бѣглецами право на убѣжище въ чужихъ странахъ, и сама, какъ извѣстно, принимаетъ ихъ въ очень многихъ случаяхъ и въ большомъ количествѣ. Но она не считаетъ обязанностью терпѣть у себя иностранца противъ собственной воли и уже не разъ, даже въ новѣйшее время, высылала чужеземцевъ, которые провинились или предъ самой республикой или, въ свою бытность здѣсь, продолжали дѣйствовать противъ другихъ государствъ. Терпимые бѣглецы не наслаждаются здѣсь полною свободой: имъ или вообще не позволяется жить по близости отъ границъ или назначается опредѣленное мѣсто жительства внутри республики. Уже не разъ изъявленныя на отношенія Швейцаріи къ иностранцамъ жалобы направлены были не только противъ опредѣляющихъ эти отношенія правилъ, но и противъ небрежнаго и злонамѣреннаго исполненія ихъ въ частныхъ случаяхъ. Еще менѣе ясно отношеніе Швейцаріи къ вопросу о выдачѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Швейцарія не выдастъ ни своихъ гражданъ, какихъ бы преступленій они не совершили, ни виновныхъ въ политическихъ преступленіяхъ иностранцевъ. Если даже допустить, что такой образъ дѣйствія основанъ на общемъ убѣжденіи въ томъ, что онъ, по всѣмъ правиламъ, справедливъ, все же поведеніе Швейцаріи относительно даннаго вопроса не становится принятѣе потому-что,

съ другой стороны, она даже въ новѣйшее время заключила договоры, по которымъ обязалась выдавать виновныхъ въ политическихъ преступленіяхъ иностранцевъ. Такъ въ продолженіи времени отъ 18 іюня 1828 до 1833 года она состояла въ подобномъ договорѣ съ Франціею. Далѣе, 23 сентября 1828 года Швейцарія заключила на 25 лѣтъ договоръ съ Австріею, которымъ обѣ державы обязались выдавать одна другой ея бѣглецовъ, виновныхъ въ государственной измѣнѣ и въ возмущеніи, все равно когда бы преступники въ нихъ не провинились, въ свою ли бытность въ Австріи или Швейцаріи или еще до переселенія въ эти страны. Наконецъ, 30 августа 1808 года она заключила съ Баденомъ договоръ, которымъ обѣ стороны обязались до 25 ноября 1820 слишкомъ, именно до 10 февраля 1821 года, выдавать одна другой ея обидчиковъ — бѣглецовъ, виновныхъ въ государственномъ преступленіи или въ возмущеніи. Что касается до выдачи виновныхъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, то насчетъ этого Швейцарія заключила договоры съ названными уже государствами. Далѣе, 11 сентября 1846, договоръ съ Бельгіею, въ которомъ только и говорится, что о выдачѣ виновныхъ въ совершеніи названныхъ тамъ простыхъ преступленій. Мало того, были случаи, когда Швейцарія выдала виновныхъ въ простыхъ преступленіяхъ бѣглецовъ и такимъ государствамъ, съ которыми вовсе не состояла въ договорѣ и даже позволила иностраннымъ чиновникамъ прибыть во внутренность Швейцаріи, для арестованія и увезенія ихъ. И здѣсь нѣтъ общеустановленнаго правила касательно выдачи и опредѣленныхъ формъ ея совершенія.

3. Къ третьей группѣ принадлежатъ государства,

которыя не признаютъ за бѣглецами права на убѣжище въ чужихъ странахъ или лучше сказать — которыя во всякомъ случаѣ пускаютъ въ свои границы только тѣхъ изъ иностранцевъ, кто имѣетъ установленные закономъ документы о своей личности. Но и послѣднихъ они могутъ не впустить или выслать, если, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, эта мѣра кажется имъ необходимою. Съ другой стороны, что касается до выдачи, то онѣ готовы на нее, на основаніи законнаго начала, и выдаютъ не только виновныхъ въ простыхъ преступленіяхъ, но и въ политическихъ. Но собственныхъ подданныхъ они не выдаютъ. Сюда относятся Австрія, Пруссія, и прочія, принадлежащія къ Германскому союзу государства, Неаполь и другія. Но и здѣсь каждое государство допускаетъ тѣ или другія особенности въ слѣдованіи данному принципу. Изъ нихъ слѣдующія наиболѣе замѣчательны.

Австрія имѣетъ строго опредѣленную систему, на основаніи которой она заботится о заключеній съ иностранными державами договоровъ о выдачѣ. При отсутствіи послѣднихъ, она самостоятельно слѣдуетъ своей системѣ, въ силу которой, австрійцевъ никогда не выдаетъ; напротивъ того, иностранцевъ — всегда, и не только виновныхъ въ простыхъ преступленіяхъ, но и въ политическихъ. Выдача совершается не исключительно по просьбѣ обиженнаго государства, но и безъ всякаго на то вызова, единственно по обязанности, вслѣдствіе одного даже объявленія о бѣглецѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, она сперва арестуетъ преступника или учреждаетъ за нимъ другаго рода присмотръ, за тѣмъ предлагаетъ выдачу его обиженному государству. Если послѣднее не принимаетъ своего обидчика, то Австрія сама наказываетъ его по своимъ законамъ и высылаетъ изъ им-

періи. Права и кругъ дѣйствій разныхъ начальствъ имперіи опредѣлены высочайшимъ декретомъ отъ 10 декабря 1808 года. — На основаніи изложенныхъ правилъ, Австрія заключила договоры съ Пармою отъ 3 іюля 1818; съ Швейцаріею отъ 13 сентября 1828; съ Тосканою отъ 12 октября 1829; съ Сардиніею отъ 6 іюня 1838. Съ Россіею и Пруссіею она состоитъ въ особомъ договорѣ о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ — бѣглецовъ изъ бывшихъ польскихъ провинцій. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ выдача совершается только по требованію обиженнаго государства. — Обо всемъ этомъ см. Vesque von Püttlingen, die gesetzliche Behandlung der Ausländer in Oesterreich, стр. 165 и слѣдующія. —

Что касается до Пруссіи, то кромѣ установленныхъ соотвѣтственно заключеннымъ договорамъ пунктовъ, она не имѣетъ никакихъ общихъ правилъ относительно выдачи иностранцевъ или, лучше сказать, предоставила правительству распоряжаться ею въ какомъ бы то ни было случаѣ. Тѣмъ не менѣе она должна быть отнесена къ третьей группѣ государствъ. Она не только не довольствуется выдачею однихъ только политическихъ преступниковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда самостоятельно можетъ распоряжаться ею, но постоянно и путемъ послѣдовательности заботится о заключеніи договоровъ о выдачѣ какихъ бы то ни было преступниковъ съ наивозможно значительнымъ числомъ государствъ. Въ продолженіи времени отъ 1824 года она дѣйствительно заключила такіе буквально сходные между собою договоры съ Веймаромъ, Альтенбургомъ, Готою, Рейсъ-Плауэномъ, Саксоніею, Вальдекомъ, Рудольфштадтомъ, Бернбургомъ, Брауншвейгомъ, гессенскимъ великимъ герцогствомъ,

Зондерсгаузеномъ. — Далѣе, съ Россіею она вошла въ упомянутое уже соглашеніе 20 мая 1844 года. — И только какъ исключенія существуютъ съ ея стороны и такіе договоры, гдѣ выдача простирается не болѣе, какъ на виновныхъ въ простыхъ преступленіяхъ. Такъ, съ Мекленбургъ-Шверинома отъ 14 февраля 1811 и отъ 28 февраля 1831, — съ Бельгіею отъ 19 іюля 1836; съ Люксембургомъ отъ 11 марта 1844; — заключенные съ Россіею и Польшею договоры отъ 5 мая 1814 и 17 марта 1830 отмѣнены въ 1843 году. — Изъ этого видно, что Пруссію удерживаетъ отъ составленія самостоятельной системы относительно даннаго пункта не отвращеніе отъ выдачи какихъ бы то ни было преступниковъ или нерѣшительность въ выборѣ по этому предмету правилъ, но нежеланіе подчинить себя извѣстнымъ постановленіямъ, при отсутствіи взаимности со стороны другихъ государствъ. Замѣчательны еще значительные по числу договоры Пруссіи о выдачѣ переметчиковъ.

Германскій Союзъ имѣетъ обязательные для всѣхъ его членовъ постановленія, по которымъ каждый изъ нихъ обязанъ выдавать своему сочлену его бѣглецовъ. Сперва, рѣшеніемъ Союза отъ 18 августа 1836, установлена общая взаимная выдача всякаго, безъ исключенія, совершившаго преступленіе относительно „верховной власти или существованія, цѣлости или безопасности“ того или другаго государства, члена Союза. За тѣмъ послѣдовало подобное предписаніе о виновныхъ въ простыхъ преступленіяхъ всякого рода, за исключеніемъ утайки податныхъ денегъ и несоблюденія полицейскихъ постановленій и законовъ о финансахъ. — Въ этомъ случаѣ государства уже не выдаютъ собственныхъ подданныхъ, что тѣмъ необходимѣе было допустить, что въ

большей части нѣмецкихъ державъ законодательные кодексы рѣшительно запрещаютъ выдачу своихъ подданныхъ. Рядомъ частныхъ постановленій опредѣляется образецъ требованія выдачи и то, кому отдать преимущество, еслибы на преступника объявлено было претензія съ нѣсколькихъ сторонъ. — Кромѣ этихъ правилъ Союза, существуетъ еще между его членами общій взаимный договоръ о выдачѣ отъ 12 марта 1831 года.

НЕОБХОДИМЪ-ЛИ БРАКЪ?

СТАТЬЯ II И ПОСЛѢДНЯЯ.*)

Бракъ, который по нашему мнѣнію, выраженному въ первой статьѣ, пока необходимъ, какъ обезпеченіе судьбы женщины, лишенной по предразсудкамъ нашего времени, многихъ возможностей зарабатывать насущный кусокъ хлѣба, какъ обезпеченіе судьбы дѣтей, долженъ тѣмъ не менѣе принять такую форму, которая непремѣнно разрѣшала бы слѣдующія два обстоятельства: свободу вступленія въ сожительство и свободу выхода изъ него. Бракъ поэтому никакъ не можетъ быть регулируемъ ради какихъ нибудь постороннихъ обстоятельствъ, напр. малонаселенности государства, поддержанія породы, блюденія нравственности и пр., что мы видѣли въ римскихъ законоположеніяхъ стараго времени, и въ европейскихъ кодексахъ текущей эпохи. Половое стремленіе сильно само по себѣ; а заботы о нравственности или поддержаніи породы приводили только къ полной безнравственности и къ полному униженію. Бракъ не можетъ быть регулируемъ также и религіозными требованіями, что существуетъ почти всюду и что

*) Первая статья см. кн. 5 и 6.

почти всегда, или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, служитъ рѣшительною преградою къ выходу изъ брака. Церковь, признавая бракъ за таинство, будучи послѣдовательною, естественно не можетъ допустить нарушенія этаго таинства; но естественно въ свою очередь и то, что люди во все не обязаны мучиться ради признанія церковью брака за таинство, и ради желанія правительствъ придерживаться къ каноническимъ возрѣніямъ, тѣмъ болѣе, что эти возрѣнія прямо противорѣчатъ и нуждамъ и духу времени и признаются слишкомъ многими за абсурдъ.

Человѣчество пережило уже не одну форму брака, начиная отъ количественно-варьирующейся полигамія до строгой, ограниченной моногамія, отъ формы сакраментальной до брака per usum и по contractus nuptialis. Но такъ какъ каждая изъ этихъ формъ обусловливалась временемъ, мѣстными обстоятельствами, особенными видами законодателей, то едва-ли хоть какая нибудь изъ нихъ вполнѣ соотвѣствуемъ нашему времени, нашимъ потребностямъ, нашему развитію. Но во всякомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать бѣглый обзоръ прежнихъ брачныхъ отношеній мущины и женщины, что бы увидѣть ихъ несостоятельность.

1. Полигамія. Несмотря на то, что эта форма принадлежитъ къ брачнымъ, она въ полной мѣрѣ подчиняется тому осужденію, которое мы произнесли противъ отношеній чисто животныхъ - небрачныхъ. Полигамія соотвѣствуетъ только тому состоянію человѣка, когда нѣтъ никакой заботы объ участи и достоинствѣ женщины, когда плотское наслажденіе служитъ руководящимъ началомъ всей дѣятельности человѣка. Можетъ-ли быть свобода вступленія въ сожительство и выхода

изъ него тамъ, гдѣ женщина относиться къ мужу какъ рабыня, гдѣ она разпредѣляется по классамъ, гдѣ достоинство ея измѣряется не ея человѣческою сущностью, а степенью молодости, раньшего или позднѣйшаго вступленія въ бракъ? Если представить себѣ даже полное равноправіе нѣсколькихъ женъ на одного мужа, то и тутъ уже получиться нелѣпость, такъ какъ нельзя на одинъ и тотъ-же предметъ имѣть нѣсколько одинаково полныхъ правъ. Строго говоря, полигамическій бракъ не есть чисто брачная форма, а только ея анологія, сходная съ нею по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, но вполнѣ отличная in extenso.

II. Только въ моногаміи мы можемъ видѣть дѣйствительныя характеристическія опредѣленія брака, и только ее можно разсматривать по системамъ канонической, гражданской и соціальной. Брачныя формы тутъ могутъ быть очень разнообразны, но все-же больше или меньше не удаляются отъ самой идеи брака, тогда какъ полигамія полагаетъ въ свое основаніе не общее, а частное стремленіе.

Различныя формы моногаміи происходятъ отъ тѣхъ воззрѣній, мѣстностей и обстоятельствъ, въ средѣ которыхъ онѣ сложились, или видоизмѣнялись. Когда у различныхъ народовъ, въ первую эпоху ихъ исторической жизни, теократическое начало проникало всѣ гражданскія, общественныя и семейныя отношенія, тогда, конечно, и бракъ долженъ былъ быть проникнутъ этимъ началомъ, носить на себѣ печать той религіи, которую народъ исповѣдывалъ. Брачныя формы и зависели отъ религіозныхъ символовъ, установлялись жрецами и духовенствомъ. Когда-же народы, благодаря развитію политической жизни, мало-по-мало освобождались отъ ига

религіозныхъ предразсудковъ и переходили на почву дѣйствительной гражданственности, тогда и бракъ принялъ форму гражданскаго договора. Когда, наконецъ, человѣчественность стала руководящимъ принципомъ политической жизни, тогда и бракъ принялъ свободнѣйшія формы. Кромѣ этого вліянія развитія народовъ, различныя формы брака получила свое бытіе, благодаря мѣстнымъ или чисто-физическимъ условіямъ. У римлянъ, напр. форма брака часто зависила отъ мѣстонахожденія брачущихся, отъ экономическихъ условій, отъ различнаго положенія мужа и жены. (Бракъ патриція съ плебеянкою совершался очень долго не по строгой римской формѣ, а по matrimonium ex jure gentium и т. д.) Но исчислять всѣ формы моногаміи совершенно излишне; достаточно напомнить только главныя системы.

Бракъ, по церковной системѣ, есть sacramenta, обусловливающее общность божескихъ и юридическихъ правъ, единеніе двухъ существъ въ одно, единеніе на всѣ жизнь (conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, individua vitae consuetudo, divini et humani juris communicatio). Хотя новѣйшіе протестантизмъ и католичество и умудрились втиснуть въ эту сакраменту гражданскую сторону, хотя они нашли возможность совершать вмѣсто одного брака — два (церковный и гражданскій), но по чистой канонической системѣ изъ института брака вынута вся гражданская сторона и положительно отстранена общая судная компетенція.

Канонической системѣ необходимо воздать извѣстную похвалу за то, что, если бы она не стѣсняла сожительства разными степенями родства и свойства, то она представляла бы значительную свободу для вступленія въ супружескія отношенія. Церковь рѣдко не признаетъ

(и то развѣ во времена слишкомъ варварскія) достаточности для брака простаго обоюднаго согласія и обоюднаго безбрачія. Но этимъ и кончаются всѣ достоинства канонической системы, которая не удовлетворительна во первыхъ потому, что забываетъ общественныя отношенія брачущихся; а во вторыхъ потому, что признавая человѣческую свободу при вступленіи въ бракъ, отрицаетъ ее по вступленіи. Она не признаетъ, будучи послѣдовательною, что союзъ, благословленный церковью, можетъ быть несчастливъ, что въ волѣ обрачившихся есть право разрушить таинство, созданное церковью. Церковь совершенно консеквентно признала, что по ея убѣжденію свободы разводовъ быть не можетъ и она не отдала разводныя дѣла вѣдѣнію свѣтской власти. Но этимъ самымъ она и погубила каноническій бракъ, такъ какъ безвыходностью изъ супружескихъ отношеній порождено несчастіе и озлобленіе мильоновъ существъ, сильное развитіе проституціи. Люди наиболѣе религіозные чувствовали и чувствуютъ тяжесть подобнаго брака, и, несмотря на полное нежеланіе, не могутъ не согласиться въ положительной несоотвѣтственности канонической системы нашему времени, нашимъ нуждамъ и стремленіямъ. Люди наиболѣе религіозные, скрѣпя сердце, соглашаются на гражданскую систему брака, открывающую большую возможность выхода изъ него, хотя хорошо помнятъ заповѣдь христову: „что богъ сочеталъ, того человѣкъ да неразлучаетъ“ (Матв. Гл. 19 п. 4—16).

Но при всемъ желаніи быть умѣренными въ требованіяхъ и сужденіяхъ, къ несчастію, нельзя не сказать, что гражданская система брака едва-ли не нелѣпѣе канонической. Несмотря на то, что въ бракѣ есть дѣйствительно гражданская сторона, что въ отношенія мужа

и жены входятъ гражданскія явленія, что при бракѣ почти всегда бываютъ имущественные вопросы,—строить бракъ на гражданской системѣ рѣшительно невозможно, хотя зачинъ подобнаго построенія и принадлежитъ отцу германской философіи Канту. По гражданской системѣ бракъ есть договоръ. контрактъ (contractus nuptialis). Но во первыхъ, со стороны часто юридической, для контракта непремѣнно требуется вѣритель и должникъ, чего въ бракѣ нѣтъ, что всякій гражданскій договоръ непремѣнно влечетъ за собою возможность гражданскаго иска, чего также нѣтъ; во вторыхъ-же, бракъ, по своему существу, не можетъ исчерпываться вполнѣ одною гражданскою стороною, такъ какъ въ немъ существуютъ еще стороны физіологическая и нравственная. Бракъ есть договоръ, контрактъ, — но что-же въ такомъ случаѣ составляетъ предметъ этаго контракта? Не ужели простое обязательство жить подъ одною кровлею, спать на одной кровати? Этимъ, какъ извѣстно, не исчерпываются брачныя отношенія. „Мужъ да любитъ свою жену, жена да любитъ своего мужа,“ говоритъ церковь и благословляетъ эту любовь. Установители-же гражданскаго брака не возвысились и до подобнаго пониманія и, близоруко хвастаясь увеличеніемъ числа разводныхъ пунктовъ, наложили гражданскую форму на то, въ чемъ договорный элементъ является далеко непреобладающимъ. Гражданская система брака является поэтому небеззнаменательною нелѣпостью, хотя — нужно отдать ей полную справедливость — какъ историческая ступень развитія брака, она принесла слишкомъ много облегченій. Впрочемъ, до чего эта облегченія были во многихъ случяхъ недѣйствительны, до чего гражданскій бракъ въ понятіяхъ слишкомъ многихъ людей кажется безобра-

зіемъ, можно видѣть изъ статистическихъ данныхъ, которыя указываютъ, что въ Франціи число гражданскихъ браковъ уменьшается, а не увеличивается; что уменьшается даже число рождающихся, такъ какъ иные, не рискуя на ménages parisiens, не соглашаются и на гражданскій бракъ и насилуютъ свои физіологическія потребности.

Такимъ образомъ, прежнія брачныя отношенія оказываются несостоятельными; лучшая же форма небрачныхъ отношеній несвоевременною, благодаря необезпеченности женщины и дѣтей, благодаря тому, что женщинѣ закрыты многія поприща жизни, а дѣти, рожденныя внѣ брака, осуждены на пренебреженіе и несчастіе, на возможность умереть голодною смертью. Какъ же миновать эти Сциллы и Харибды? Гдѣ-же твердый берегъ, на которомъ можно остановиться съ увѣренностью дойдти до вѣрнаго убѣжища?

Удовлетворительное разрѣшеніе вопроса, какъ кажется, можно найдти въ системѣ соціалогической, или общественной, зиждущейся на тѣхъ-же самыхъ естественныхъ законахъ, на которыхъ основано бытіе человѣческаго общества. Въ этомъ бракѣ, сущность котораго будетъ выяснена ниже, избѣгается неопредѣленность небрачныхъ отношеній, замкнутость системы канонической и договорность системы гражданской, т. е. все то, что губитъ существовавшія и существующія формы отношеній мущины и женщины. Соціалогическая система не уничтожаетъ брака, какъ обезпеченія женщины и дѣтей, и такимъ образомъ не представляетъ не своевременно — идеальныхъ требованій, и въ тоже время доставляетъ полную возможность свободы вступленія въ бракъ и выхода изъ него, т. е. удовлетворяетъ настоя-

тельной потребности нашего времени. Она уничтожаетъ всякаго рода произвольныя ограниченія и не кладетъ въ свое основаніе головныхъ теорій.

Что бы уяснить соціалогическую систему необходимо первоначально провести аналогію между брачнымъ союзомъ и общественнымъ.

Происхожденіе общественнаго союза, какъ и брачнаго, разсматривали нѣкогда по системамъ теократической и договорной. Одни, считая всякій естественный фактъ за установленіе божества, говорили, что общественный союзъ сложился также по волѣ божества, что общество есть учрежденіе божеское. Благодаря такому взгляду всякое нарушеніе обычаевъ и законовъ общества считали оскорбленіемъ божества, подвергали не гражданскому, а церковному суду. Благодаря ему говорили, что человѣкъ принадлежитъ не самому себѣ, а тому обществу, среди котораго онъ родился, что онъ не имѣетъ права выйдти изъ этаго общества, а долженъ вѣчно служить ему. Этотъ взглядъ, конечно, не могъ имѣть достаточно продолжительнаго значенія: здравый смыслъ человѣка очень скоро отвергъ исключительно фатальное содержаніе общественной жизни. Изслѣдователи человѣческихъ отношеній мало-по-малу выработали другую систему общественнаго построенія. Они начали утверждать, что общество складывается по contrat social. По этой системѣ предполагается, что общество сложилось по волѣ самыхъ его членовъ, при условіяхъ, выбранныхъ ими самими, для цѣли, которую они сами себѣ предназначали. По этой системѣ предполагается что люди договорились жить вмѣстѣ ради выгодности подобнаго сожительства, ради взаимнаго обезпеченія. Но и эта система подверглась вскорѣ самой

основательной критикѣ. Очень естественно просили послѣдователей и защитниковъ такой системы показать хоть одно общество, хоть одно государство, сложившееся путемъ договора. Не менѣе естественно указали и на то, что если бы какое нибудь общество и сложилось бы на основаніи договора, то договорнымъ оно было бы только для первыхъ его членовъ, а не для послѣдующихъ. Каждый членъ русскаго общества не потому принадлежитъ къ русскому обществу, что онъ хотѣлъ бы этаго, но потому, что онъ раждается въ немъ, хотя это можетъ случиться и противъ его воли, — а свободная воля есть непремѣнное условіе договора.

Послѣ двухъ опровергнутыхъ raison d'être общества, выработалось наконецъ дѣйствительно вѣрная система — соціалогическая. По этой теоріи общество не есть осуществленіе воли божества и не есть договоръ людей на сожительство; общественность не есть выработанное понятіе людскаго сознанія, а свойство человѣческой натуры. Общество, по соціалогической системѣ, есть такая-же естественная необходимость, какъ и самъ человѣкъ. Произвести ее, или уничтожить не можетъ никто, пока есть условія ея существованія. Люди сходятся не потому, что бы имъ было лучше жить въ обществѣ, а потому, что имъ безъ общества жить нельзя, такъ какъ они, по выраженію Аристотеля, общественныя животныя. Люди являются въ общество не ради извѣстныхъ выгодъ, удобствъ, взаимнаго обезпеченія, а напротивъ всѣ эти учрежденія являются въ обществѣ потому, что оно состоитъ изъ людей. Общество поэтому есть установленіе естественное, такъ какъ оно неизбѣжно.

Живя въ обществѣ, отдѣльныя личности подчиняются извѣстнымъ, въ немъ существующимъ законамъ и обычаямъ; но развитое общество отличается отъ неразвитаго именно тѣмъ, что предоставляетъ или не предоставляетъ личностямъ, въ немъ живущимъ, большую или меньшую возможность выхода изъ общества, большую или меньшую снисходительность законовъ, неисполненіе которыхъ ведетъ само собою къ наказаніямъ и ограниченіямъ.

Бракъ, какъ мы сказали, также нельзя разсматривать по системамъ теократической или договорной; онъ, также какъ и общество, есть установленіе неизбѣжное, существующее ради самого себя. Въ бракъ, какъ и въ общество, вступаешь не потому, что бы жить вмѣстѣ, раздѣлять удовольствія и выгоды съ другою личностью, не потому, что бы производить грядущія поколѣнія, но потому, что отношеній мущины съ женщиною требуетъ человѣческая натура. Въ бракѣ, какъ и въ обществѣ, подчиняешься извѣстнымъ законамъ, но не для того вступаешь въ бракъ, что бы подчиниться этимъ законоположеніямъ, но самыя эти законоположенія являются естественнымъ результатомъ брака. Въ обществѣ живешь при извѣстныхъ условіяхъ съ другими лицами; въ бракѣ живешь также съ другою личностью, только одною: разница въ числѣ и т. д.

Такая аналогія брака и общества и должна дать понятіе о тѣхъ законахъ, которые могутъ существовать для брака. Необходимо только взять общественныя условія и аналогически проводить ихъ въ бракъ.

I. Вступленіе въ бракъ по системѣ соціалогической.

Въ извѣстномъ возрастѣ, каждая самостоятельная личность можетъ избрать для сожительства общество

по своему выбору. Точно также должна существовать полная свобода въ выборѣ лица для брачнаго сожительства. Никакого принужденія быть не должно ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Человѣкъ, являясь въ извѣстное общество, заявляетъ себя тѣмъ или другимъ способомъ. Точно также, вступая въ бракъ, каждая личность обязана объявить это обществу. Какъ въ извѣстныхъ государствахъ довольно однаго факта пребыванія въ немъ для подчиненія существующимъ законамъ, такъ и въ бракѣ можно обойдтись безъ какого бы то ни было рода дозволеній для сожительства съ его послѣдствіями. Но, по желанію лицъ, могутъ быть выдаваемы имъ отъ общества какія нибудь удостовѣренія.

Въ общество человѣкъ можетъ вступить тогда, когда нѣтъ условій, препятствующихъ этому. Если онъ приговоренъ къ галерамъ, не уплатилъ долговъ и пр., то ему не дозволяютъ явиться въ общество до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворитъ лежащихъ на немъ прежнихъ обязанностей. Такъ точно и въ бракъ можно вступить тогда только, когда человѣкъ совершенно свободенъ, когда онъ честно разсчитался въ прежнихъ своихъ отношеніяхъ. Поэтому не можетъ вступить въ бракъ съ даннымъ лицемъ тотъ, кто состоитъ въ бракѣ съ другою личностью. Какъ несостоятельный должникъ не можетъ начинать новыхъ торговыхъ дѣлъ, пока не разсчитается со старыми, такъ точно не можетъ вступить въ новый бракъ тотъ, кто извѣстнымъ образомъ не обезпечилъ судьбы своихъ дѣтей.

II. Жизнь при бракѣ.

Человѣкъ, живя въ обществѣ, можетъ входить съ другими гражданами въ многоразличныя отношенія и обя-

зательства, которыя вполнѣ позволительны, если они не идутъ, по выраженію римлянъ, contra jus publicum и contra mores; но лицамъ, находящимся съ нимъ въ сношеніяхъ и дѣлахъ, онъ не передаетъ ни свои dignitas, ни свои заслуги. Въ тоже время относительно этихъ лицъ онъ не можетъ дозволить себѣ насилія, обмана и т. п., за что подвергается опредѣленному наказанію. Условія, принятыя на себя, онъ долженъ выполнить во всякомъ случаѣ. Тоже самое, что существуетъ при жизни въ обществѣ, должно быть и при бракѣ. Мужъ и его жена должны быть равнопровными гражданами, могущими входить между собою въ разнородныя отношенія, но неимѣющими права дозволить себѣ обмана, насилія, и прочихъ предосудительныхъ дѣйствій, и передовать свои личныя качества, Судья, напримѣръ, не можетъ передать своего достоинства, поэтъ или полководецъ своихъ заслугъ женѣ; такъ точно нельзя передать ей и другихъ личныхъ достоинствъ. Но если купецъ строитъ въ компаніи фабрику, то онъ участвуетъ наравнѣ съ другими при невыгодномъ ходѣ предпріятія. Мущина поэтому, будучи причиною появленія на свѣтъ ребенка, долженъ обезпечить въ опредѣленномъ размѣрѣ его существованіе и образованіе. Взявши-же на себя обязанность обезпечить и судьбу своей жены, онъ долженъ исполнить и это условіе. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, онъ долженъ подчиняться отвѣтственности какъ неисправный должникъ, даже съ обстоятельствами, увеличивающими вину.

Нѣкоторыя общественныя условія бываютъ не рѣдко очень тяжелы. Работнику, заработывающему насущный кусокъ хлѣба, бываетъ крайне тяжело платить необходимые подати и налоги и исполнять разнаго рода требо-

вания; но для вспоможенія ему существуютъ или начинаютъ появляться разнаго рода общественныя учрежденія, которыя неоставляютъ человѣка въ нуждѣ, напр. вспомогательные банки, заемные банки, общественныя больницы, учрежденія филантропическія и пр. Тоже начало можетъ быть примѣнимо къ условіямъ брачнымъ. Должны напр, существовать воспитательные домы, salles d'asyle для дѣтей, школы, общественныя работы, которыя будутъ въ состояніи дать человѣку возможность выполнить безъ затрудненія условія брачныя, обезпечить существованіе дѣтей и женщины. Но едва-ли не важнѣйшимъ обезпечивающимъ средствомъ будутъ ассоціаціи, основанныя на круговой порукѣ. Всякое лицо, вступающее въ бракъ, должно присоединиться къ какому нибудь свободному обществу, которое, изъ взносовъ членовъ, составитъ капиталъ для постройки всякого рода обезпечивающихъ учрежденій и этимъ заранѣе отдалитъ отъ человѣка всякаго рода невзгоды, которыя могутъ, при извѣстныхъ случаяхъ, насиловать его свободную волю.

III. Выходъ изъ брака.

Каждый человѣкъ, по своей свободной волѣ, можетъ выйдти изъ прежняго общества, и не долженъ испрашивать для этаго какого либо рода дозволеніе. Но вполнѣ законно сдѣлаетъ онъ это тогда только, когда онъ, живя въ обществѣ не связалъ себя отношеніями и дѣйствіями, которыя должны быть покончены до выступленія изъ общества. Если N. N. дозволилъ себѣ такого рода поступки, которые влекутъ преслѣдованія суда, или частныхъ лицъ, то естественно онъ не можетъ выйдти изъ общества — пока не удовлетворитъ и не уяснитъ возбужденные вопросы.

Эти выходныя общественныя отношенія должны быть вполнѣ примѣнены и къ браку. Еще въ первой статьѣ мы приводили законоположеніе, по которому разводъ долженъ существовать между прочимъ на основаніи обоюднаго согласія и двухгодичнаго намѣреннаго оставленія однаго изъ супруговъ (постановленіе французскаго законодательнаго собранія 1792 г.); слѣдуя-же системѣ соціалогической, мы должны сказать, что окончаніе брачныхъ отношеній вполнѣ свободно — не только по обоюдному согласію состоящихъ въ бракѣ, но и по изъявленному желанію каждаго лица въ отдѣльности. Законы, которыя могутъ быть установлены по этому поводу, должны заключать въ себѣ не условія окончанія брачныхъ отношеній, но только указаніе удовлетворенія тѣхъ вопросовъ, которые слѣдуютъ за каждымъ брачнымъ состояніемъ. Эти законы должны опредѣлить только:

а) на комъ, въ данномъ случаѣ, лежитъ обязанность обезпеченія дѣтей и т. д.

б) какъ велико должно быть обезпеченіе и пр.

Розысканіе о побудительныхъ причинахъ развода не можетъ имѣть мѣста въ законодательныхъ кодексахъ, назначеніе которыхъ признать разумный фактъ, появившійся въ обществѣ, а не организировать отношенія по произволу законодателя, живущаго подъ вліяніемъ теорій или частныхъ фактовъ.

Словомъ, бракъ, понимаемый по системѣ соціалогической, есть такая законная форма естественнаго и всесторонняго общительства лицъ разныхъ половъ, которая возникаетъ изъ свободной воли данныхъ лицъ, разрушима для нихъ, но не разрушима для третьихъ лицъ, заинтересованныхъ въ бракѣ.

Такое переходное разрѣшеніе, какъ кажется, можетъ вполнѣ удовлетворить требованіямъ нашей эпохи и нашихъ потребностей. Оно не идеально, потому что основывается на фактахъ. Оно кладетъ съ свое основаніе свободу человѣка. Но будетъ конечно время, когда въ основаніе отношеній мущины и женщины ляжетъ исключительно совѣсть — безъ примѣси другихъ элементовъ. Пока-же для признающихъ необходимость брака, форма, уясненная нами, вполнѣ достаточна и цѣлесообразна.

СООБРАЖЕНІЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ

ДВОРЯНСТВА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІИ,

по пересмотру дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ.

Законоположенія, доселѣ дѣйствовавшія, предоставляли дворянству преимущественно предъ другими сословіями нѣкоторое право участія въ судопроизводствѣ и администраціи, посредствомъ лицъ, избираемыхъ имъ изъ среды себя въ разныя должности. Право это однако составляло въ сущности тяжелую личную повинность, лежащую на сословіи, — вслѣдствіе всей административной обстановки государственнаго управленія, которое ограничивало всякое проявленіе полезной самостоятельной дѣятельности обществъ и лицъ, подчиняя ихъ или зависимости отъ бюрократическаго произвола или безполезному соблюденію однѣхъ формальностей безъ существа дѣла. Такая обстановка выборнаго начала, было причиной того равнодушія, которое постоянно проявлялось въ собраніяхъ дворянства, какъ въ отношеніи обсужденія общественныхъ дѣлъ, такъ и въ выборѣ лицъ; ибо какъ тѣ, такъ и другіе отдавались имъ на жертву произвола административныхъ властей.

Дворянство уединенное отъ прочихъ сословій, въ

слѣдствіе событій, укрѣпившихъ за нимъ часть народонаселенія Россіи, было безсильно содѣйствоать къ преуспѣянію государственнаго управленія, неудовлетворительность коего обнаруживается въ тревожныхъ признакахъ взаимнаго-недовѣрія и неудовольствія между правительствомъ и народомъ, въ особенности въ стѣсненномъ положеніи государственныхъ финансовъ и кредита.

Нынѣ дворянство, получивъ возможность востановить права бывшихъ крѣпостныхъ людей, должно соединиться со вновь-возникающимъ земствомъ, отъ коего было отдѣлено произволомъ власти. Отнынѣ дворянство, оставаясь какъ и вдревлѣ почетнымъ сословіемъ, готово посвятить себя служенію общества, но при этомъ оно сознаетъ, что для блага общаго недостаточно одной перемѣны прежнихъ сроковъ собраній, либо переводовъ ценза для право участія въ собраніяхъ съ душъ на десятины, либо другихъ подобныхъ несначительныхъ полумѣръ. Оно высказываетъ положительно насущную потребность приступить къ кореннымъ преобразованіямъ управленія, признаваемымъ всѣми, какъ единственное средство къ охраненію Россіи отъ окончательнаго ея разстройства. Но какъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса, поверхностное и слишкомъ кратковременное разсмотрѣніе его по каждой губерніи отдѣльно совершенно недостаточно, то дворянство симбирской губерніи, полагаясь на сочувствіе правительства, несомнѣвается, что ему будетъ предоставлено вмѣстѣ съ другими губерніями Россіи, участвовать по средствамъ своихъ представителей при окончательномъ обсужденіи тѣхъ преобразованій, которыя требуются силой времени и обстоятельствъ. Въ слѣдствіе этой увѣренности

дворянство нынѣ представляетъ общій очеркъ своихъ предположеній о тѣхъ измѣненіяхъ въ уставѣ о выборахъ, которыя могли бы быть съ пользою примѣнены къ симбирской губерніи. совмѣстно съ полнымъ развитіемъ самоуправленія общественнаго.

I. Общія положенія.

1) Личныя права, присвоенные нынѣ дворянству, должны оставаться тѣже, какими были доселѣ; но право участія въ управленіи мѣстными дѣлами и въ выборахъ, проистекающее изъ владѣнія недвижимою собственностію, какъ принадлежность факта владѣнія таковою собственностію, должно отнынѣ быть предоставлено всѣмъ собственникамъ недвижимости, къ какому бы званію они не принадлежали. По этому участіе въ выборахъ и вообще въ мѣстномъ самоуправленіи, предоставлявшееся доселѣ преимущественно дворянамъ, владѣющимъ недвижимою собственностію, должно быть доступно и лицамъ всѣхъ прочихъ сословій, владѣющимъ недвижимою собственностію — въ опредѣленныхъ размѣрахъ. —

2) Принимая въ соображеніе сравнительную степень образованія дворянства и прочихъ сословій, оказывается, что право на занятіе высшихъ должностей по выборамъ вѣроятно надолго еще удержится преимущественно за дворянствомъ. Въ настоящее же время необходимо еще удержать за потомственными дворянами исключительное право быть избираемыми въ уѣздные и губернскіе предводители земства въ депутаты для составленія дворянскихъ родословныхъ книгъ и для завѣдыванія дѣлами, собственно до дворянъ относящимися. Всѣ прочія должности, замѣщаемыя по выборамъ, могутъ быть предоставляемы, кромѣ дворянъ, и лицамъ всѣхъ прочихъ

сословій, лишь бы они соединяли въ себѣ всѣ необходимыя качества и условія образованія и имущества.

3) Изъ сего проистекаетъ, что нынѣшнія собранія дворянства должны замѣниться собраніями земства и составляться изъ потомственныхъ дворянъ губерніи или уѣзда и изъ лицъ всѣхъ прочихъ сословій, владѣющихъ въ губерніи недвижимою собственностію въ опредѣленныхъ размѣрахъ.

II. О лицахъ, избирающихъ въ должности.

1) Правомъ избирать въ должности на собраніяхъ земства и лично участвовать въ постановленіяхъ онаго должны пользоваться: а) каждый потомственный дворянинъ, имѣющій или не менѣе опредѣленнаго количества десятинъ удобной земли, владѣемой на правѣ полной и неограниченной собственности, или другую промышленную собственность въ уѣздѣ, цѣнностію не менѣе 20 т. руб. серебромъ. Города же должны участвовать въ собраніяхъ земства чрезъ представителей въ слѣдующемъ размѣрѣ. Городъ съ населеніемъ до 5000 душъ мужескаго пола долженъ имѣть право имѣть одного уполномоченнаго; съ населеніемъ отъ 5 до 10 т. душъ — двухъ уполномоченныхъ, и такъ далѣе, прибавляя по одному уполномоченному отъ каждыхъ пяти тысячъ душъ городскаго населенія,

б) Лица всѣхъ другихъ сословій, владѣющіе недвижимою собственностію въ размѣрахъ опредѣленныхъ для потомственныхъ дворянъ съ тѣмъ, что бы они были по крайнѣй мѣрѣ грамотны. По этому слѣдуетъ отмѣнить нынѣ существующее въ законѣ ограниченіе права на съучастія дворянъ въ собраніахъ условіемъ имѣть классный чинъ.

Примѣчаніе. При обсужденіи величины ценза по уѣздно выражены были слѣдующія мнѣнія: по уѣздамъ: симбирскому, сенгилѣевскому, алатырскому, курмышскому что цензъ на право голоса въ собраніяхъ земства долженъ быть опредѣленъ количествомъ земли, составляющимъ 60 душевыхъ надѣловъ; буинскому, карсунскому, сызранскому и ардатовскому, что цензъ этотъ долженъ равняться ста душевымъ надѣламъ земли высшаго размѣра. При этомъ нѣкоторые полагая болѣе удобнымъ опредѣлять цензъ педушевыми надѣлами, а цифрою десятинъ.

в) Потомственные дворяне прослужившіе до сего времени по выбору дворянства, или впредь по выбору земства въ званіи предводителей неменьше трехъ лѣтъ, хотя бы таковые потомственные дворяне не имѣли никакой недвижимой собственности.

2) Правомъ избирать въ должности въ собраніяхъ земства и участвовать въ постановленіяхъ онаго чрезъ уполномоченныхъ должны пользоваться: а, личные поземельные собственники, имѣющіе не менѣе 15 душевыхъ надѣловъ удобной земли и неимѣющіе высшаго поземельнаго ценза. Такіе поземельные собственники, складывая свою собственноеть до ценза размѣромъ вдвое большаго противъ опредѣленнаго для личныхъ собственниковъ, избираютъ изъ среды себя уполномоченнаго, для участія въ уѣздныхъ собраніяхъ земства; и б., волости крестьянъ, получившихъ данныя на владѣніе недвижимою поземельною собственностію на правѣ полной общинной собственности, въ извѣстномъ колпчества десятинъ, земли. Это должно быть опредѣлено въ послѣдствіи дворянствомъ — при большомъ развитіи выкупа крестьянами поземельныхъ угодій и по окончаніи устройства удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. На первое же время оказывается достаточнымъ допустить въ

уѣздныя собранія земства представителей крестьянъ собственниковъ по одному отъ каждаго мироваго участка, въ коемъ будетъ выкуплено крестьянами земли въ сложности по всему мировому участку не менѣе ⅓ части всего количества, отведеннаго имъ въ пользованіе. Такіе представители должны быть избираемы крестьянами собственниками или изъ среды своихъ домохозяевъ не моложе 25 лѣтъ и находившихся въ составѣ одного изъ крестьянскихъ обществъ того участка не менѣе 6 лѣтъ, или изъ числа поземельныхъ собственниковъ того же мироваго участка, имѣющихъ по цензу личное право участія въ собраніяхъ земства.

3) Предоставленное нынѣ потомственному дворянству право передачи голосовъ должно быть распространено и на всѣхъ личныхъ поземельныхъ собственниковъ другихъ сословій, на одинаковыхъ съ дворянствомъ основаніяхъ.

III. О лицахъ, избираемыхъ въ должности.

1) При новомъ порядкѣ мѣстной администраціи, избираемыя лица должны соединять въ себѣ извѣстное образованіе, нравственныя качества и знаніе дѣла.

2) При опредѣленныхъ условіяхъ образованія, право на избраніе въ должности, которыя будутъ замѣщаться по выборамъ, должно быть предоставлено лицамъ всѣхъ сословій. Изъ этаго исключаются только должности губернскаго и уѣздныхъ предводителей земства и должности депутатовъ для составленія дворянскихъ родословныхъ книгъ. Правомъ избранія въ эти должности должны пользоваться исключительно потомственные дворяне.

3) На этомъ основаніи должны имѣть право быть избранными, во всѣ должности по выборамъ, за исклю-

ченіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя упомянуты въ предшествующемъ параграфѣ, всѣ лица къ какому-бы званію они не принадлежали, лишь бы они кончили курсъ наукъ по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, или получили свидѣтельства на право 2го разряда гражданской службы, или же выдержали экзаменъ на это право. Потомственные же дворяне при условіяхъ, опредѣленныхъ нынѣ въ уставѣ о выборахъ.

4) Избираемые для замѣщенія должностей по выборамъ земства, должны избираться на тѣ же самые сроки, кои нынѣ опредѣлены въ уставѣ о выборахъ.

5) Лица, избранныя для занятія должностей по выбору земства, должны служить, а потому должны-быть отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ закономъ и обществомъ.

6) Лица, служащія по выборамъ, должны пользоваться совершенною независимостію отъ произвола административныхъ лицъ и никакая административная власть не должна имѣть право смѣнять лица, служащія по выборамъ.

7) Лица, служащія повыборамъ, могутъ быть отстраняемы отъ должностей не иначе, какъ по судебному приговору или по рѣшенію общества избирателей не менѣе двумя третями голосовъ.

8) Обезпеченіемъ усердной и вѣрной службы должно служить, кромѣ того достаточное содержаніе, которое должно быть назначаемо отъ общества.

9) Лица, избранныя для занятія должностей, замѣщаемыхъ по выборамъ не должны подлежать утвержденію начальства при правильности избранія. По этому списокъ избранныхъ представляется правительству только для повѣрки правильности ихъ избранія. Въ случаѣ за-

мѣчанныхъ неправильностей, правительство имѣетъ право требовать новаго избранія, коне въ какомъ случаѣ не должно замѣщать должностей коронными чиновниками.

10) Выбывшія лица должны быть замѣняемы ихъ кандидатами; за неимѣніемъ же кандидатовъ должны немедленно назначаться новые выборы. —

IV. Объ уѣздныхъ собраніяхъ земства. 1) Уѣздныя собранія земства должны состоять, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя земства, изъ всѣхъ личныхъ собственниковъ недвижимости, имѣющихъ право участія въ собраніяхъ или непосредственно, или чрезъ уполномоченныхъ, равно и изъ представителей отъ общества крестьянъ собственниковъ, владѣющихъ землей на общинномъ правѣ, по одному изъ каждаго мироваго участка.

2) Уѣздныя собранія земства должны быть очередныя и чрезвычайныя.

3) Очередныя собранія должны происходить ежегодно зимой, за мѣсяцъ до губернскаго собранія земства, и продолжаться не долѣе двухъ недѣль.

4) Чрезвычайныя уѣздныя свбранія могутъ быть назначаемы уѣзднымъ предводителемъ земства во всякое время, когда нужды уѣзда того потребуютъ, какъ это уже предоставлено § 49й общаго положенія сельскимъ и волостнымъ обществамъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

5) Уѣздныя собранія земства должны составлять главный органъ мѣстнаго самоуправленія. Предметы занятій этихъ собраній должны быть слѣдующіе:

a. Избраніе лицъ, служащихъ по выборамъ въ уѣздныхъ должностяхъ.

б. Разсмотрѣніе и повѣрка отчетовъ лицъ, служащихъ въ уѣздѣ по выборамъ.

в. Разсмотрѣніе и утвержденіе раскладокъ по особымъ земскимъ сборамъ на мѣстныя нужды уѣзда. Повѣрка и утвержденіе отчетовъ по этимъ выборамъ.

г. Сужденіе о лицахъ, служащихъ по выбору отъ уѣзда и нарушившихъ свои обязанности, или не оправдавшихъ довѣріе общества.

з. Сужденіе о мѣстныхъ потребностяхъ и нуждахъ уѣзда, находящихся въ связи съ интересами всей губерніи и составленіе своихъ предположеній объ оныхъ для представленія на обсужденіе губернскаго собранія земства.

V. О губернскомъ собраніи земства.

1) Губернскія собранія земства должны состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя земства изъ потомственныхъ дворянъ губерніи и изъ лицъ всѣхъ прочихъ сословій, владѣющихъ недвижимою поземельною или промышленною собственностію высшаго размѣра ценза, и изъ представителей городовъ.

2) Губернскія собранія земства должны быть очередныя и чрезвычайныя.

3) Очередныя губернскія собранія земства должны происходить чрезъ каждые три года зимой и продолжаться не болѣе одного мѣсяца.

4) Для ежегодной повѣрки отчетовъ, разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ по хозяйственнымъ дѣламъ земства должны быть ежегодныя собранія депутатовъ земства, непосредственно для того избираемыхъ по нѣскольку отъ каждаго уѣзда въ общемъ трехъ годичномъ собраніи земства.

5) Чрезвычайныя собранія должны быть назначаемы

губернскимъ предводителемъ земства во всякое время, когда нужды губерніи того потребуютъ, и могутъ продолжаться неболѣе мѣсяца.

6) На губернскихъ собраніяхъ земства, составляющихъ высшій органъ губернскаго самоуправленія, должны разсматриваться и рѣшаться всѣ вопросы и дѣла, касающіяся мѣстныхъ интересовъ цѣлой губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ вмѣстѣ.

7) На губернскихъ собраняхъ должны быть избираемы должностныя лица въ губернскія должности, зависящія отъ выбора, когда срокъ собранія совпадаетъ со сроками избранія лицъ, состоящихъ на службѣ.

8) Губернское собраніе земства должно имѣть право представлять высшему правительству о всѣхъ нуждахъ и дѣлахъ, когда онѣ находятся въ связи съ интересами всего государства, подобно тому, какъ это предоставлено нынѣ дворянству ст. 113. уст. о сл. п. выд. (изд. 1857 г.).

9) Кромѣ того, къ предметамъ занятій губернскихъ собраній земства должны быть отнесены:

а. Разсмотрѣніе и повѣрка отчетовъ лицъ, служащихъ по выборамъ.

б. Разсмотрѣніе и утвержденіе бюджетовъ по губернскимъ земскимъ сборамъ; повѣрка и утвержденіе отчетовъ по расходыванію этихъ сборовъ.

в. Заявленіе правительству о мѣстныхъ нуждахъ губерніи.

г. Сужденіе о лицахъ, служащихъ по выборамъ и нарушившихъ свои обязанности, удаленіе ихъ отъ должности или преданіе суду.

10) Чрезвычайныя губернскія собранія земства должны созываться губернскими предводителями земства,

безъ испрашиванія на то разрѣшенія губернскаго начальства, или по требованію правительства, или по заявленію въ томъ надобности большинствомъ уѣздныхъ собраній.

Примѣчаніе. Для повѣрки отчетовъ лицъ, служащихъ въ губернскомъ управленіе земства, дѣлъ этаго управленія, равно дѣйствій депутатовъ на годичныхъ собраніяхъ земства, должны быть избираемы на трехъ годичныхъ собраніяхъ (земства) временныя ревизіонныя коммисіи, состоящія изъ опредѣленнаго числа членовъ: коммисіи сіи должны собираться для повѣрки отчетовъ и для составленія по нимъ особаго доклада общему губернскомъ собранію земства. Разсмотрѣніе же тѣхъ отчетовъ въ собраніи земства должно производиться подъ предсѣдательствомъ лица, исключительно для того избираемаго каждый разъ изъ среды наличныхъ членовъ земскаго собранія. Она должна быть временная или постоянная, смотря по той необходимости, которая окажется для пользы и интересовъ земства при подробномъ развитіи устройства управленія дѣлами земства. Разсмотрѣніе и повѣрка смѣтъ, составленыхъ въ губернскомъ управленіи земства, должны производиться губернскимъ собраніемъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя земства. Для сего собраніемъ избирается особая коммисія, которая, по разсмотрѣніи смѣтъ, представляетъ свое по нимъ заключеніе на утвержденіе собранія земства.

Уѣздное управленіе по дѣламъ земства.

1) Уѣздное управленіе по дѣламъ земства должна быть постояннымъ учрежденіемъ для завѣдыванія исполнительною частію по дѣламъ земства, до уѣзда относящимся.

Составъ его.

а. Предсѣдатель — уѣздный предводитель земства.

б. Члены: избранные отъ всѣхъ сословій.

в. Лица, служащія по приглашенію общества для производства дѣлъ.

Примѣчаніе. Для дѣлъ, касающихся собственно до дворянства, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, должны быть избираемы особые депутаты дворянства самимъ дворянствомъ, или дѣла эти могутъ быть поручаемы избраннымъ отъ земства въ уѣздное управленіе дворянамъ.

Предметы занятій. 1) Составленіе списковъ избирателей и лицъ, имѣющихъ право быть избранными.

2) Завѣдываніе дѣлами по опекунскимъ имѣніямъ и назначеніе опекуновъ. Опеки же дворянскія должны подлежать вѣдѣнію дворянскаго сословія.

3) Надзоръ за полюбовнымъ размежеваніемъ земель.

4) Дѣла по общественному здравію.

5) Непосредственный надзоръ за всѣми постройками и сооруженіями, производящимся въ уѣздѣ на счетъ земскихъ сборовъ — общихъ губернскихъ, или частныхъ уѣздныхъ.

6) Непосредственный надзоръ за исправнымъ содержаніемъ путей сообщенія по уѣзду и представленіе по этому предмету своихъ предположеній, при экстренныхъ дѣлахъ, въ губернское управленіе земства.

7) Непосредственное производство торговъ, наблюденіе за исправнымъ исполненіемъ подрядчиками принятыхъ на себя обязательствъ, наблюденіе за дѣйствительнымъ и правильнымъ расходываніемъ общественныхъ суммъ, назначенныхъ на производство общественныхъ работъ.

8) Расходованіе по произведеннымъ работамъ и представленіе по нимъ отчетовъ, по общимъ губернскимъ расходамъ губернскому земскому комитету, а по частнымъ уѣзднымъ — уѣздному собранію земства.

9) Наблюденіе за правильнымъ и своевременнымъ

отбываніемъ всѣхъ уѣздныхъ денежныхъ и натуральныхъ земскихъ повинностей.

10) Наблюденіе за правильнымъ и своевременнымъ взысканіемъ общихъ государственныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей.

Примѣчаніе. Контроль дѣйствій уѣздной коммисіи долженъ быть предоставленъ губернскому управленію земства.

Губернское управленіе по дѣламъ земства.

1) Губернское управленіе по дѣламъ земства должно быть постояннымъ учрежденіемъ для завѣдыванія преимущественно исполнительною частію по дѣламъ земства. Кромѣ того, этому управленію должно быть предоставлено право вносить свои предположенія, касающіяся пользъ и нужды всего земства губерніи, на обсужденіе губернскаго собранія земства.

Составъ его.

а. Предсѣдатель: губернскій предводитель земства.

б. Члены: выборные отъ всѣхъ сословій, избираемые на губернскихъ собраніяхъ.

в. Лица, служащія по приглашенію общества для завѣдыванія канцелярскими дѣлами.

г. Техники для завѣдыванія дѣлами, которыя требуютъ спеціальныхъ познаній.

Предметы занятій. Они должны подраздѣляться на 1) дѣла собственно до дворянства относящіяся и 2) на дѣла касающіяся всего земства.

Къ первому разряду дѣлъ относятся:

Дѣла, подлежащія вѣдѣнію дворянскаго депутатскаго собранія и посредническої коммисіи и касающіяся собственно до дворянъ, съ тѣми измѣненіями, которыя

потребуются въ слѣдствіе возстановленія земства въ полномъ его составѣ. Дѣла сіи должны разсматриваться и рѣшаться въ особомъ отдѣленіи при губернскомъ управленіи выборными отъ дворянства подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя земства.

Ко второму разряду дѣлъ должны быть отнесены слѣдующіе предметы:

1) Дѣла по общественному хозяйству (предметы вѣдомства строительной и дорожной коммиссіи).

2) Дѣла по земскимъ повинностямъ.

3) По народному продовольствію.

4) Дѣла объ опекѣ личныхъ собственниковъ, къ какому бы званію они не принадлежали.

5) Завѣдываніе личнымъ составомъ служащихъ въ губернскомъ управленіи дѣлами земства.

6) Исполненіе всѣхъ постановленій губернскаго собранія земства и наблюденіе за исполненіемъ представленій губернскаго собранія земства правительству.

7) Составленіе отчетовъ и проэктовъ по земскимъ сборамъ для представленія ихъ губернскому собранію земства.

8) Составленіе предположеній и отчетовъ по управленіи земства для предъявленія ихъ на обсужденіе губернскаго собранія.

Устройство судебной частихъ. Неудовлетворительность судопроизводства въ Россіи, по мнѣнію дворянства симбирской губерніи, не требуетъ доказательствъ. Она обнаруживается безпрерывно на фактахъ при производствѣ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Отъ первыхъ страдаютъ всѣ сословія — по медленности дѣло-

производства, по произволу въ примѣненіи законовъ, по отсутствію отвѣтственныхъ судей и наконецъ по безконечной перепискѣ въ разныхъ многочисленныхъ инстанціяхъ, чрезъ которыя проходятъ дѣла, часто по одному произволу тяжущихся лицъ. Ради нынѣ существующаго порядка производства уголовныхъ дѣлъ подсудимыя лица томятся часто по нѣскольку лѣтъ въ тюремномъ заключеніи по причинѣ излишнихъ формальностей и неудовлетворительности слѣдственной части. Рѣшеніе же дѣлъ уголовныхъ, при отсутствіи контроля общественнаго мнѣнія надъ дѣйствіями судей и при безотвѣтственности судей въ большей части случаевъ, имѣетъ послѣдствіями или безнаказанность преступленій, или наказаніе невинныхъ.

Такое состояніе судопроизводства требуетъ коренныхъ преобразованій, о коихъ неоднократно было уже заявлемо правительству.

Учрежденіе должностей судебныхъ слѣдователей не вполнѣ принесло ожидаемую пользу.

Вслѣдствіе этаго дворянство симбирской губерніи заявляетъ о необходимости установленія устнаго, гласнаго судопроизводства, суда присяжныхъ, адвокатуры, отвѣтственности судей и полной независимости суда отъ административныхъ властей. При этомъ судьи должны быть пожизненные. Не находя однако возможнымъ обсудить столь важный вопросъ съ надлежащею полнотою въ назначенный краткій срокъ, дворянство ограничивается представленіемъ правительству того, что въ нынѣ существующемъ уставѣ о выборахъ, впредь докоренаго преобразованія судопроизводства, возможно сдѣлать только тѣ измѣненія, которыя проистекаютъ изъ изложенныхъ въ настоящей запискѣ основаній, т. е. что-

бы судьи и предсѣдатели палатъ были избираемы каждые три года изъ лицъ всѣхъ сословій, преимущественно кончившихъ курсъ наукъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Для засѣдателей судовъ и палатъ слѣдуетъ установить, что бы избираемые въ нихъ лица кончили курсъ наукъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Устройство полицейской части. Что касается до измѣненія нынѣ существующаго устава о выборахъ должностныхъ лицъ въ полицейскія должности, то дворянство симбирской губерніи заявляетъ убѣжденіе, что до точнаго разграниченія въ существующемъ законодательствѣ судебной и полицейской части и приданія послѣдней характера чисто исполнительнаго и охранительнаго, полезно предоставить всѣмъ сословіямъ принадлежащее нынѣ дворянству право избирать въ должности исправниковъ, но съ тѣмъ измѣненіемъ, что бы отъ лицъ избираемыхъ требовалось образованіе одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній. За тѣмъ оказывается необходимымъ ограничить предоставленное нынѣ право начальникамъ губерній отрѣшать отъ должностей избранныхъ исправниковъ безъ производства надъ ними суда, ибо чрезъ это пріобрѣтется большее число лицъ, достойныхъ и отстранится произвольное вліяніе мѣстныхъ властей надъ полицейскими лицами, вліяніе весьма часто вредное для интересовъ общества, ставящее сословія и правительственныя мѣста въ непріятныя отношенія, тогда какъ тѣ, такъ и другіе должны быть тѣсно связаны взаимнымъ довѣріемъ для пользы общей.

Эти положенія обсуждали 1862 года февраля 28 дня, въ губернскимъ собраніи симбирскаго дворянства, прибывшаго къ выборамъ на XXVII трехлѣтіе, во исполне-

ніе высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ отношеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 ноября за No. 1356, къ г. начальнику губерніи, и постановили: соображенія представить г. министру внутреннихъ дѣлъ за подписомъ г. г. губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства.*)

---

*) По нашему мнѣнію постановленія симбирскаго дворянства страдаютъ между прочимъ отсутствіемъ твердости при высказѣ желаній и принятіемъ слишкомъ высокаго какъ активнаго, такъ и пассивнаго ценза. Крестьянскій элементъ имѣетъ тутъ слишкомъ мало доступа. При томъ, фактъ владѣнія нисколько не говоритъ за доходность имѣнія, за количество платимыхъ налоговъ. Отчего наконецъ симбирское дворянство не послѣдовало примѣру тверскаго — хоть въ томъ положеніи, что дворяне должны принять на себя участіе въ государственныхъ повинностяхъ? Ред.

ЕВРОПЕЙСКІЯ ДОБЛЕСТИ.

La vérité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukov, par un Russe. Londres, 1862.

Все минется — только правда останется.

Русская пословица.

Добиваясь разныхъ гарантій политической свободы, мы между прочимъ добиваемся и суда присяжныхъ. Несостоятельность нашихъ судебныхъ учрежденій слишкомъ очевидна. Слѣдственная система имѣетъ такъ много недостатковъ, что ихъ нельзя загладить никакою блистательностью личностей, производящихъ слѣдствіе. Система обвинительная, существующая при устности и гласности судопроизводства, при присяжныхъ, установляетъ на землѣ если и не божескую правду, то по крайней мѣрѣ человѣческую. Обвиненія бываютъ иногда несправедливыми, присяжные ошибаются, — но этаго никакъ нельзя избѣжать. Идеальнаго на землѣ нѣтъ ничего, и разумные люди добиваются только лучшаго, возможно-хорошаго. Судъ присяжныхъ лучше другихъ; — работники для общественнаго блага и требуютъ его.

Но изъ этаго, конечно, вовсе не слѣдуетъ, что судъ присяжныхъ вездѣ хорошъ. Онъ хорошъ тогда, когда онъ дѣйствуетъ самостоятельно. Онъ хорошъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ никакіе происки правительства, не могутъ имѣть вліяніе на судей и на присяжныхъ. Но гдѣ правительство можетъ пропустить и тѣхъ и другихъ „сквозь строй жизненныхъ обстоя-

тельствъ", тамъ, конечно, и самое благое учрежденіе не принесетъ необходимой пользы. Франція имѣетъ между прочимъ судъ присяжныхъ;*) но, не говоря уже объ условіяхъ самаго суда, который тамъ крайне изуродованъ, присяжные и судьи поставлены во Франціи въ такое положеніе, которое позволяетъ императорскому правительству дѣлать величайшія мерзости. Прямо или посредственно заинтересованное въ дѣлѣ, французское правительство, — угрозами или предупрежденіями, — можетъ повести дѣло рѣшительно по своему.

Новымъ доказательствомъ этого служитъ извѣстный процессъ кн. Долгорукова. Имъ много разъ пользовались наши противники. Указывая на то, что кн. Долгоруковъ обвиненъ судомъ, забывая о томъ что онъ обвиненъ французскимъ судомъ, но не судомъ присяжныхъ, они, благодаря ему, смѣшивали либерализмъ съ кражею серебряныхъ ложекъ, съ взяточничествомъ, клеветою и т. д. Мы хотѣли уже давно сами поговорить объ этомъ пресловутомъ процессѣ, несообразности котораго прямо бросались въ глаза, но не могли сдѣлать этого за неимѣніемъ данныхъ. Теперь кстати вышла въ Лондонѣ книга, заглавіе которой выписано нами выше, и мы считаемъ своею святою обязанностью хотя нѣсколько способствовать оправданію оклеветаннаго человѣка. Нами вовсе не руководитъ личное чувство. Нѣтъ; будетъ право не только какое нибудъ частное дѣло,

*) Судъ присяжныхъ существуетъ съ 1790 г.: но уже въ 1799 г. назначеніе судей зависило отъ исполнительной власти. Съ 1853 года назначеніе и присяжныхъ лишено дѣйствительно — избирательнаго характера. Благодаря Code d'instruction criminelle, учрежденіе присяжныхъ стало службою по назначенію правительства (fonction).

будетъ право хоть ненавистное намъ русское правительство, — мы и тогда неостановимся высказать свое сужденіе. Мы очень хорошо знаемъ, что слишкомъ многіе остались недовольными нашимъ словомъ за московскихъ профессоровъ*); но развѣ мы когда нибудь раскаялись въ томъ, что чистосердечно, хотя можетъ быть, и ошибочно, возстали противъ несправедливости? Напротивъ, съ гордостью можемъ сказать, что мы сдѣлали это въ самомъ началѣ нашего поприща, когда этимъ мы могли погубить всю нашу публичную карьеру. Не мало горькихъ минутъ пережили мы ради этого слова, перевраннаго и исковерканнаго добрыми людьми, но мы благодарны ему, такъ какъ оно позволяетъ намъ теперь сказать съ надеждою на довѣріе слово за другаго человѣка — изъ другаго лагеря.

При томъ мы дѣлаемъ это не потому, что бы хотѣли оправдать либерализмъ. Либерализмъ не нуждается въ оправданіи и вовсе не исчерпывается Долгоруковымъ или Герценомъ. Можно дѣйствительно быть передовымъ дѣятелемъ и нечестною личностью, какъ это мы видѣли въ Бэконѣ, — отъ этаго хорошая дѣятельность нисколько не теряетъ своей силы, и для людей здравомыслящихъ одно другому нисколько не мѣшаетъ. Для насъ, напримѣръ, нѣкоторыя дѣйствія в. к. Константина Николаевича и самъ в. князь двѣ вещи вполнѣ различныя; тоже существуетъ относительно кн. Долгорукова и либерализма. Но мы говоримъ за кн. Долгорукова какъ за частное лицо, понесшее несправедливое нареканіе, тѣмъ болѣе безчестное, что оно вызвано его честною дѣятельностью, его гражданскимъ мужествомъ. Тутъ

*) Колоколъ, No. 119 и 120.

слово правды обязательнѣе чѣмъ гдѣ либо. Счастливы мы тѣмъ, что наше слово не будетъ безплодно: намъ повѣрятъ. — такъ какъ мы заслужили право на довѣріе.

Кн. Петръ Долгоруковъ родился 27 декабря 1816 г. Одиннадцати лѣтъ поступилъ онъ въ пажескій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ, вмѣсто того, что бы идти въ императорскіе преторіанцы, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, онъ занялся изученіемъ исторіи роднаго края. Независимость и честность его мнѣній почти тотчасъ же подвергли его пріятности наблюденія отъ тайной полиціи, нелишающей князя своей материнской попечительности и до настоящей минуты. Членъ наиболѣе аристократическаго рода, онъ не предпочелъ блестящую роль придворнаго скромной карьерѣ писателя, и еще въ 1843 году издалъ за границею „Notice sur les principales familles de la Russie“, гдѣ очень скромно и очень ловко указалъ на конституціонную запись Михаила Ѳедоровича, данную послѣднимъ въ 1613 году, т. е. прямо бросилъ перчатку въ лицо такому деспоту, какимъ былъ Николай. Ссылка, которая была ему назначена за изданіе этой книги, казалось, должна была бы сдѣлать князя болѣе опытнымъ: казалось. могъ же онъ увидѣть неблистательность и невыгодность роли писателя; но кн. Долгоруковъ, вмѣсто того. что бы загладить свою горькую вину, вмѣсто того, что бы связями и деньгами добиться до высшихъ отличій, остался неисправимымъ, и женился на дѣвушкѣ безъ всякаго приданнаго. Этотъ фактъ, вѣроятно, рисуетъ его сребролюбіе, его готовность изъ за денегъ сдѣлать величайшую подлость.

Это-же сребролюбіе князя, вѣроятно, и было причиною тому, что онъ, несмотря на свой злой языкъ, пользовался уваженіемъ наиболѣе серьозныхъ лицъ.

Въ 1860 году онъ издалъ свою извѣстную книгу „La vérité sur la Russie," напечатавъ предварительно въ 1855—57 годахъ четыре тома „Россійской родословной книги."

Послѣднее сочиненіе и было побудительнымъ толчкомъ процесса: оно заключало въ себѣ изысканія о происхожденіи всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ фамилій въ Россіи, изысканія, соединенныя съ критическимъ анализомъ документовъ. Очередь доходила конечно и до дома князей Воронцовыхъ. Аристократичность и древность этого дома подверглись сомнѣнію, сомнѣніе вызвало переписку; переписка вызвала фальшь; обличеніе фальши — процессъ.

Но прежде чѣмъ мы дойдемъ до процесса, приведемъ выдержки изъ книги „La vérité sur le procès" о фамиліи Воронцовыхъ.

„Древній родъ бояръ Воронцовыхъ, погасшій въ концѣ XVI вѣка, былъ однимъ изъ наиболѣе славныхъ родовъ русскихъ. Предокъ Воронцовыхъ знаменитый варяжскій полководецъ Якунъ Слѣпой поселился въ Россіи въ XI столѣтіи и сдѣлался родоначальникомъ многихъ и до сихъ поръ существующихъ фамилій — Аксаковыхъ, Вельяминовыхъ, Иселеньевыхъ и т. д. Родъ Воронцовыхъ игралъ большую роль въ исторіи XV и XVI вѣковъ, но въ 1587 угасъ, что доказывается: во 1^ъ, бархатною книгою; а во 2^ъ, указомъ Михаила Ѳедоровича, который, въ избѣжаніе полнаго прекращенія этой знаменитой фамиліи, передалъ названіе Воронцовыхъ старшей линіи Вельяминовыхъ, существующей и до сихъ поръ (Воронцовы-Вельяминовы)."

„Въ XVII столѣтіи появляется новый родъ Воронцовыхъ, но происхожденія самаго темнаго, котораго

родоначальники занимали очень скромныя должности въ стрѣлецкомъ войскѣ. Въ 1741 г. Мих. Воронцовъ былъ камеръюнкеромъ Елизаветы Петровны, и въ этой роли участвовалъ въ переворотѣ ночномъ съ 24 на 25 ноября 1741, когда Іоаннъ Брауншвейгскій былъ низвергнутъ „Дщерею Петра..“ Неудайся этотъ переворотъ — онъ получилъ бы названіе бунта; Воронцова съ товарищи посѣкли бы и отправили бы въ Сибирь; но переворотъ имѣлъ полный успѣхъ, получилъ названіе революціи и вожаки его захлебнулись въ богатствѣ и наградахъ. Елизавета Петровна женила Воронцова на свой двоюродной сестрѣ Аннѣ Скавронской, и осыпала почестями, титлами и всякимъ добромъ не только Михаила Воронцова, но и старика его отца и братьевъ,*) до тѣхъ поръ индивидуумовъ совершенно темныхъ и неизвѣстныхъ. Графъ Михаилъ Воронцовъ, назначенный сперва вице-канцлеромъ, а потомъ и канцлеромъ имперіи, отличался своимъ плутовствомъ и корыстолюбіемъ. Онъ бралъ взятки со всѣхъ иностранныхъ дворовъ. Вотъ что писали по этому поводу французскіе и англійскіе дипломаты (см. книгу „La cour de Russie il y a cent ans“) „Vorontzov, пишетъ въ 1755 году англійскій посланникъ, a fait de son mieux. S. M. devrait bien lui donner quelque chose de plus que les gratifications d'usage pour s'acheter une bague. 500 livres sterling, employés de cette manière auraient les meilleures conséquences pour le bon succès des affaires qu'on aura à traiter plus tard avec cette cour“ (стр. 129). Еще хуже депеши того же посланника въ 1756 и его пріемника, Кейта, въ 1758 г.

*) Старика звали Иларіонъ Гавриловичъ: братьевъ — Романъ и Иванъ.

Курьозно также свидѣтельство Екатерины (см. стр. 17—19.)."

„Графъ Романъ Воронцовъ, старшій братъ канцлера, скуплерничалъ свою дочь, Елизавету,*) Петру III, чѣмъ доставилъ не мало благъ дому Воронцовыхъ. (См. депеши французскаго посланника де-Бретейля, стр. 20 и 21.)"

„Вотъ нечистое начало политическаго возвышенія теперешнихъ Воронцовыхъ; вотъ, омерзительный источникъ ихъ громадныхъ богатствъ."

„Вознесеніе Екатерины покачнуло счастіе дома Воронцовыхъ. Канцлеръ попалъ въ немилость, но, всегда готовый на всякую низость, для возвращенія своего значенія при дворѣ, онъ учинилъ воровство. Екатерина, захватившая корону чрезъ возстаніе противъ своего мужа, пользовалась помощью наставника наслѣдника престола, гр. Панина, подавшаго эту помощь при условіи возведенія на тронъ Павла, по его совершеннолѣтіи. Актъ объ этомъ, подписанный Екатериною, былъ положенъ на храненіе въ сенатскій архивъ, откуда канцлеръ его укралъ и потомъ сжегъ. Впрочемъ, эта низость не принесла ему особенной пользы: Екатерина по прежнему была къ нему весьма холодна, и Воронцовъ, переполненный досады и злости, умеръ въ 1767."

„Романъ Воронцовъ, предложившій, какъ видно выше, свою дочь употребленію Петра, былъ потомъ генералъ-губернаторомъ въ Ярославлѣ и Владимірѣ, и своимъ взяточничествомъ возбудилъ общее презрѣніе. Онъ оставилъ двухъ сыновей, значительно выслужившихся. Старшій — графъ Александръ — былъ чест-

*) Впослѣдствіи вышла за мужъ за Полянскаго. Знаменитая княгиня Ек. Ром. Дашкова была ея сестрою.

нымъ человѣкомъ, управлялъ при Екатеринѣ II коммерцъ-коллегіею при Павлѣ былъ въ немилости, а при Александрѣ I-мъ — канцлеромъ имперіи. Братъ его, Семенъ, отличался коварствомъ характера и отсутствіемъ какихъ бы то ни было принциповъ. Нелюбимый Екатериною, онъ, что бы привлечь ея милость, женился на фрейлинѣ Сенявиной, съ которою Екатерина была очень дружна, но которая въ тоже время возбуждала сильную досаду-послѣдней своею публичною связью съ Потемкинымъ. Что бы удалить свою соперницу, Екатеринѣ хотѣлось выдать ее замужъ, — что, благодаря зазорному поведенію M-lle Сенявиной, было не такъ легко. Но Семенъ Воронцовъ согласился на женидьбу. и цѣною этаго безчестія, получилъ мѣсто посланника въ Венеціи, а нѣсколько спустя — въ Лондонѣ, гдѣ пробылъ довольно долго. По возшествіи на престолъ Александра I-го, онъ захотѣлъ получить министерство иностранныхъ сношеній, которымъ завѣдывалъ гр. Панинъ. отецъ теперешняго министра юстиціи. Гр. Воронцовъ написалъ къ Панину дружескос, конфиденціальное письмо, съ просьбою свѣдѣній о новомъ императорѣ. Панинъ имѣлъ неосторожность отвѣчать вполнѣ откровенно, и въ отвѣтѣ обратилъ особенное вниманіе на слабость характера. на фальшивость и двоеличность Александра. Воронцовъ отослалъ это письмо гр. Ѳед. Ростопчину, политическому противнику Панина; тотъ передалъ его имп. Маріи Ѳедоровнѣ, а послѣдняя государю. Александръ, лично возненавидѣвшій Панина, удалилъ его отъ двора, куда онъ и не могъ являться до конца своей жизни. Но и графъ Воронцовъ обманулся въ своихъ надеждахъ: онъ все таки остался посланникомъ въ Лондонѣ . . .“

„Графъ Семенъ оставилъ только одного сына, Ми-

хаила, — впослѣдствіи фельдмаршала и князя — полнаго наслѣдника талантовъ и низостей своего отца. Князь Михаилъ Семеновичъ былъ способный военный начальникъ и администраторъ, получилъ обширное образованіе; но и былъ самый фальшивый, лукавый, пронырливый и мстительный человѣкъ. Несмотря на свое высокое положеніе, несмотря на огромное богатство, доставшееся ему, благодаря предательствамъ, кражамъ и безчестію, бывшимъ въ его родѣ, онъ провелъ всю свою жизнь низкимъ куртизаномъ. Когда получено было извѣстіе о казни славнаго Ріэго, онъ, за царскимъ столомъ, высказалъ по этому случаю такую радость, которую даже императоръ Александръ нашелъ чрезмѣрною."

О другихъ блистательныхъ подвигахъ кн. Воронцова, какъ-то о доносахъ на Пушкина и Коньева, о безчеловѣчіи относительно жизни солдатъ, о женидьбѣ сына на извѣстной г-жѣ. Столыпиной и пр., читатель можетъ прочесть въ „La vérité sur le procès" на стр. 24—28, — такъ какъ эти подвиги до того безславны, что, не смотря на весь ихъ скандальный интересъ, намъ противно ихъ пересказывать.

Но не ради подобно-скандальныхъ и обидныхъ частностей получилъ свое начало пресловутый процессъ, о которомъ столько шумѣли. Представители дома нынѣшнихъ князей Воронцовыхъ обидѣлись не тѣмъ, что ихъ родственникамъ исторически приписывали предательства, доносы, куплерничество, самопродажу, т. е. полное безчестіе, а тѣмъ, что кн. Долгоруковъ, въ своей „Россійской Родословной Книгѣ", произвелъ ихъ родъ не отъ Якуна Слѣпаго. Обида, видите-ли, кровная, для мщенія за которую можно рѣшиться на все.

Дѣло началось любезностями. Князь Воронцовъ

присылалъ кн. Долгорукову разнаго рода генеалогическіе акты, которые впрочемъ оказывались крайне-недостаточными. Была обѣщана ему присылка и новыхъ. Кн. Долгоруковъ, передъ выходомъ 4 тома „Родословной книги“, послалъ кн. Воронцову очень учтивое письмо, въ которомъ говорилъ о скоромъ выходѣ этого послѣдняго тома, и напоминалъ ему о высылкѣ обѣщанныхъ бумагъ. Это была необходимая вѣжливость, совершенная 4 іюня 1856 года. Однако вмѣсто присылки документовъ, кн. Воронцовъ прислалъ издателю „Родословной книги“, новое письмо, съ слѣдующимъ курьезнымъ постскриптумомъ.

„P. S. J'ai trouvé, à ma grande surprise, dans votre lettre, une note non signée et d'une main qui me paraît différente de la vôtre, dont je vous envoie çi joint la copie“ и пр.

Копія, о которой упоминается въ припискѣ, — содержала въ себѣ приглашеніе прислать кн. Долгорукову 50 т. р. с., при этомъ-де документы не понадобятся, а все совершится по волѣ отыскивающаго свое аристократическое происхожденіе.

Эта „copie“ составляетъ первый актъ дѣла, представляющій слѣдующіе интересные моменты:

1) Кн. Долгоруковъ будто бы присылаетъ компрометирующую записку — въ своемъ письмѣ, когда въ тысячу разъ естественнѣе было бы, при желаніи плутовства, послать ее въ отдѣльномъ письмѣ.

2) Кн. Воронцовъ, довѣряя кн. Долгорукову важные генеалогическіе акты, вскользь увѣдомляя его о полученной „copie“, находя несходство руки, не представляетъ записки правительству и прячетъ ее у себя.

Первый актъ, съ его двумя моментами закончился. Второй актъ начался тѣмъ, что кн. Долгоруковъ естественно добивался представленія самой записки. Онъ не только написалъ къ кн. Воронцову письмо, въ которомъ просилъ о возбужденіи дѣла по этому случаю, но просилъ еще и шефа жандармовъ, кн. Василія Долгорукова, довести объ этомъ до свѣдѣнія государя, что бы хотя этимъ путемъ проявить на свѣтъ таинственную записку. Но съ одной стороны кн. Воронцовъ умеръ; съ другой — и шефъ жандармовъ, и множество знакомыхъ кн. Долгорукова, увѣрили послѣдняго, что слухъ о запискѣ не можетъ возбудить нѣчто иное, кромѣ смѣха. „A quoi bon une enquête? спрашивалъ кн. Василій Долгоруковъ: personne ne croira jamais que vous ayez demandé de l'argent.“ И въ самомъ дѣлѣ съ 1856 года вплоть до 1860 никто не безпокоилъ кн. Долгорукова. Напротивъ, онъ пользовался полнымъ расположеніемъ лицъ наиболѣе почтенныхъ (относительно): кн. Горчакова, гр. Блудова, нынѣшняго министра народ. просвѣщенія г. Головнина и др., которыхъ — нужно отдать имъ полную справедливость — упрекнуть въ безчестности никакъ нельзя. За свою „Родословную книгу,“ кн. Долгоруковъ даже получилъ отъ Александра Николаевича бриліантовое кольцо. Словомъ, — второй актъ находится въ такомъ противорѣчіи къ первому, что невольно пожмешь плечами.

Но еще въ бо́льшемъ противорѣчіи находится онъ къ третьему акту, который является chef-d'oeuvre' омъ всего дѣла. Третій актъ переполненъ такими нелѣпостями, до значенія которыхъ можно добраться только при знаніи всѣхъ нитей, руководившихъ имъ. Въ третьемъ актѣ мы видимъ уже не бриліантовые перстни, а

всевозможные подкопы подъ репутацію кн. Долгорукова; видимъ — не любезное и дружеское обращеніе, а громы процесса. Мой богъ, да гдѣ же причины такого перехода?

— Появленіе „Правды о Россіи."

„Правда о Россіи" — фактъ не беззнаменательный. Какъ извѣстно, книга эта написана вовсе не такъ, чтобы нравиться какому бы то ни было правительству, и какимъ бы то ни было куртизанамъ. Кромѣ серьозной своей стороны, она богата частными фактами (крайне-характеристичными) о тѣхъ господахъ, которые, неимѣя порученія отъ Христа, вяжутъ бѣдный народъ на землѣ, за что, вѣроятно, сами будутъ связаны на небесн. Естественно возбуждается вопросъ: могъ-ли издать подобную ссорящую книгу человѣкъ, у котораго совѣсть не вполнѣ чиста, которому нужно искать защиты у сильныхъ міра сего, чтобы подъ ихъ эгидою мирно прожить свой вѣкъ? Что Бэконъ писалъ „Exemplum tractatus de justitia universali, sive fontibus juris" — это очень понятно: восклицать общія фразы о правдѣ и справедливости крайне не трудно и вовсе неопасно, такъ какъ этими трактатами никого не задѣнешь . . . но „Правда о Россіи" вовсе не „Exemplum tractatus de justitia universali." Чтобы издавать подобныя книги нужно не мало увѣренности въ своей правотѣ.

Правота, дѣйствительно, и осталась правотою; но „Правда о Россіи", лишивши кн. Долгорукова аристократическихъ поддержекъ, дала оружіе его непріятелямъ; она представила случай выигрыша самаго безобразнаго процесса, такъ какъ у „злорадствующихъ" было столько шансовъ поддержки, что можно было надѣяться на самую неправую побѣду не только надъ одинокимъ Долгоруковымъ, но и надъ самимъ Викторомъ Эмануэлемъ, если

бы онъ, чего-добраго, изобидѣлъ кн. Воронцовыхъ. За Воронцовыхъ была вся русская камарилья, вся французская камарилья и французскій судъ: русская камарилья по причинамъ очень понятнымъ, французская — по родству, судъ — благодаря тому состоянію французской магистратуры, о которомъ, равно какъ еще кой о чемъ, мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько сужденій изъ книги: „La vérité sur le procès."

„Тотъ, сказано тамъ, кто не бывалъ во Франціи въ послѣдніе одиннадцать лѣтъ, не будетъ въ силахъ представить себѣ ея современное положеніе: по отсутствію свободы и ея гарантій, по отсутствію даже простой личной безопасности, она сходна теперь съ Россіею, отличаясь отъ послѣдней тѣмъ только, что Россія отходитъ отъ Азіи, чтобы войдти въ Европу; Франція же наоборотъ удаляется отъ Европы, чтобы дойдти до Азіи. Изъ трехъ гарантій, которыя охраняютъ личную свободу и собственность гражданина, т. е. законодательныя учрежденія, магистратура и пресса, — ни одна не пользуется необходимою независимостью: законодательныя учрежденія и магистратура — въ самомъ презрительномъ рабствѣ; пресса — положительно опутана и находится въ полной власти правительства."

„Нынѣшнія законодательныя учрежденія Франціи состоятъ изъ сената и законодательнаго корпуса. Сенатъ, за исключеніемъ какихъ нибудь пяти-шести пользующихся уваженіемъ лицъ (какъ напр. графъ Вильнёвъ-Шеноисо), за исключеніемъ этихъ людей честныхъ, есть передняя перебѣжчиковъ изъ разныхъ лагерей, слугъ всякихъ властей, какія только существовали во Франціи въ періодъ послѣдняго полувѣка. Въ него-же посажены, числа ради, нѣсколько старыхъ генераловъ,

выжившихъ изъ ума рубакъ, всегда вотирующихъ за правительство. Эти сенаторы, посаженные на прокормъ, стоющій Франціи по 30 т. фр. на каждаго, восклицаютъ теперь неистово: vive l'Empereur, точно также, какъ съ 1814—1830 кричали они: vive la Légitimité, — съ 1830—1848: vive le Roi, — съ 1848—1851: vive la République, — и какъ, въ случаѣ паденія наполеоновской династіи, закричатъ: да здравствуетъ.... тотъ, кто будетъ распоряжаться бюджетомъ. Французскій сенатъ палъ такъ неизмѣримо низко, что онъ даже правленіе Наполеона III въ компаніи Мори и Персиньи, находитъ слишкомъ либеральнымъ; онъ напоминаетъ тѣхъ трубконосителей хивинскихъ хановъ, которые упрекаютъ хана за слабость, когда онъ опальному приговариваетъ отсѣченіе головы вмѣсто посаженія на колъ. Оппозиція въ сенатѣ существуетъ тогда только, когда правительство сколько нибудь ослабляетъ свои возжи, а не тогда когда является оно деспотическимъ."

„Члены въ законодательный корпусъ выбираются чрезъ общую подачу голосовъ, что въ странѣ чрезмѣрнаго развитія централизаціи и всемогущества бюрократіи (т. е. разумѣется и во Франціи) равняется назначенію депутатовъ префектами, или, говоря другимъ терминомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ и законодательный корпусъ, за исключеніемъ слишкомъ ограниченнаго кружка членовъ, Жюль Фавра, Эмиля Оливье и ихъ одномысленниковъ, сдѣлался лакейскою дворца; онъ всегда вотировалъ, вотируетъ и будетъ вотировать за правительство"...

„Французская магистратура существуетъ по принципу несмѣняемости; но у правительства тоже существуетъ принципъ награждать членовъ магистратуры,

поднимать ихъ по лѣствицѣ должностей. Мало этого — у членовъ магистратуры есть сыновья, зятья, братья, племянники, которыми, за беззаконныя услуги отцовъ, братьевъ и дядей, правительство замѣщаетъ мѣста. Наиболѣе вліятельныя, по существу ихъ, должности въ магистратурѣ заняты дѣтищами правительства, рабскими его слугами, готовыми на всякое неблагородство, совершенія котораго потребуетъ отъ нихъ правительство. Такъ должности хранителя государственной печати и министра юстиціи занимаетъ Делангль, одно изъ самыхъ злобныхъ и презрѣнныхъ существъ, какія только можно когда нибудь видѣть; Тролонъ, самый дорогой прокормленникъ Франціи, соединяетъ первое президентство кассаціонаго суда съ президентствомъ сената; Дюпень старшій — все еще генералъ прокуроромъ при кассаціонномъ судѣ; Девьеннь занимаетъ президентское кресло важнѣйшей во Франціи, парижской cour impériale; Ше-д'Эстанжъ (Chaix-d'Est-Ange), будучи генералъ прокуроромъ тогоже суда, возвышаетъ свой голосъ во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя правительство желаетъ повести путемъ несправедливости; Бенуа — Шампи исполняетъ важную должность президента сенскаго гражданскаго трибунала первой инстанціи. Трое послѣднихъ: Бенуа-Шампи, Девьенн, Ше-д'Эстанжъ — дѣлаютъ все, что только потребуетъ отъ нихъ правительство; приговоры устанавляются ими заранѣе, часто въ кабинетахъ тѣхъ изъ высшихъ сановниковъ, которые лично заинтересованы въ дѣлѣ“....

„Въ гражданскомъ трибуналѣ Сены есть двѣ категоріи помощниковъ прокурора: категорія честныхъ людей, плохо дѣлающихъ свою карьеру (это меньшинство), и категорія господъ, назначенныхъ для услугъ правитель-

ству, когда послѣднему необходима какого либо рода несправедливость. Въ главѣ послѣднихъ сіяетъ нѣкто Северинъ Дюма. Каждый разъ, когда Деланглъ желаетъ выиграть безсовѣстный процессъ, онъ избираетъ адвоката Матьё (извѣстнаго подъ кличкою fesse Mathieu), который, поддерживаемый правительствомъ, выигрываетъ всегда всѣ свои процессы.

„Шестая камера парижской исправительной полиціи, въ которой судятся преступленія по печати, имѣетъ президентомъ креатуру Морни, Гожля, достойнаго кліента достойнаго патрона.*)

„Такимъ образомъ, во Франціи нашего времени нѣтъ для личности дѣйствительныхъ и серьозныхъ гарантій. Каждый французъ или иностранецъ можетъ быть лишенъ собственности, лишенъ свободы, оскорбленъ, и не можетъ надѣяться на какую бы то ни было защиту: обратится онъ къ магистратурѣ — будетъ самъ-же обвиненъ; прибѣгнетъ къ защитѣ прессы — честные журналы не могутъ возвысить своего голоса, обречены на молчаніе, такъ какъ журналъ во Франціи представляетъ нѣкотораго рода имѣнье (иногда очень значительное), а существованіе его зависитъ отъ правительства. Рядомъ-же съ этимъ, въ официальной прессѣ, находятся органы, которымъ ничего не значитъ, оклеветать человѣка и такъ ограбленнаго, заключеннаго въ тюрьму, оскорбленнаго, да сверхъ того восклицать (какъ это дѣлается ими журналами каждый день), что никогда Франція не пользовалась такою свободою, какъ нынѣ. Если-же наконецъ обиженный обратится, путемъ

*) О французской прессѣ см. стр. 12.

тиціи, сенату или къ законодательному корпусу, — то и петиція его напрасна.“ —

Вотъ обстоятельства, благодаря которымъ очень многое покажется вовсе не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ является оно первоначально.

Въ самомъ дѣлѣ, при знаніи обстоятельствъ процесса, нужно имѣть небольшой запасъ здраваго смысла, чтобы понять всю нелѣпость и безсовѣстность обвиненія кн. Долгорукова.

Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что дѣло было поведено не уголовнымъ, а гражданскимъ порядкомъ. Защитники Воронцовыхъ утверждаютъ, что это сдѣлано по снисхожденію. Снисхожденіе — чувство очень хорошее; только, какъ извѣстно, оно имѣетъ слишкомъ мало мѣста въ мошенническихъ продѣлкахъ, въ стремленіи очернить честнаго человѣка. Дѣло объясняется проще: если бы процессъ былъ поведенъ уголовнымъ порядкомъ, то рѣшеніе зависѣло бы отъ присяжныхъ, а не отъ Бенуа-Шампи съ комп. ему подобныхъ. Какъ ни плохъ институтъ французскихъ присяжныхъ, какъ онъ ни исковерканъ императорскимъ правительствомъ, все же французскіе присяжные никогда не произнесли бы рѣшенія, безобразность котораго слишкомъ очевидна. Для обвиненія необходима была полная беззастѣнчивость чиновничества, самая постыдная судейская казуистика, — а о снисхожденіи не могло быть и рѣчи.

Доблести, оказанныя французскими судьями, дѣйствительно могутъ быть названы европейскими; имъ негодятся даже въ подметки блистательные подвиги одесскаго коммерческаго суда, о которомъ по бѣлому свѣту ходятъ баснословные разсказы. Абсурдъ одного вопроса затмѣвается абсурдомъ другаго, — а рѣшеніе является

такою безобразною нелѣпостью, съ которою можно сравнить одни панегирики третьему отдѣленію.

Вотъ европейскія доблести, о которыхъ мы говоримъ.

1. Судьи кн. Долгорукова пренебрегли основнымъ закономъ объективнаго права, что должно быть доказано не отсутствіе преступленія и преступничества, а его бытіе. Честный юристъ никогда не позволитъ защищаться обвиненному до тѣхъ поръ, пока его преступничество не будетъ доказано фактически. А гдѣ-же хоть одно доказательство виновности кн. Долгорукова? Кн. Воронцовъ утверждалъ, что Долгоруковъ писалъ записку съ приглашеніемъ прислать 50 тысячь руб. сер.; онъ-же говорилъ, что записка была приложена къ письму, что она была запечатана гербовою кн. Долгорукова печатью. Доказалъ-ли это кн. Воронцовъ? представилъ-ли онъ конвертъ, въ который была вложена записка? представилъ-ли онъ свидѣтелей, которые, показали передъ судомъ, что письмо распечатано въ ихъ присутствіи? Представилъ-ли наконецъ кн. Воронцовъ доказательства, что записка, которая была передана суду, была именно та, копію съ которой покойный фельдмаршалъ послалъ кн. Долгорукову? Обратилъ-ли судъ вниманіе на то, что представленная записка написана на одесской бумагѣ, и что кн. Воронцовъ жилъ въ Одессѣ, гдѣ кн. Долгоруковъ былъ за пять лѣтъ до 1856 г.? Судьи не хотѣли и слышать объ этомъ, хотя на всѣ вопросы, заданные нами и важность которыхъ неопровержима, они получили въ отвѣтъ: нѣтъ и нѣтъ. Это такая доблесть, значеніе которой небеззнаменательно.

II. Все обвиненіе судьи основали на сходствѣ почерка. Но объ этомъ сходствѣ есть интересные подробности въ книгѣ: „La vérité sur le procès“: „Когда

одна буква записки, сказано тамъ, похожа на букву письма, трибуналъ кричитъ: „Смотрите, вотъ сходство!“ Если-же никакого сходства нѣтъ, — трибуналъ вопіетъ иное: „Это-молъ преднамѣренная разница.“ Судьи не обратили вниманіе не только на то, что адвокатъ Мари писалъ нѣсколько буквъ очень схожихъ съ буквами князя, но и на то, что почеркъ извѣстнаго гр П. А. Шувалова „удивительно“ подходитъ къ почерку кн. Долгорукова“ (Стр. 114), а послѣдній прямо говорилъ о поддѣлкѣ записки третьею рукою. Судьи дошли до большаго: они утверждали, что

III. Письма въ Россіи не перелюстрируются, хотя въ Россіи и есть для этого офиціальное учрежденіе, находящееся подъ начальствомъ тайнаго совѣтника Ульрихса, хотя есть офиціальныя распоряженія о распечатываніи частной корреспонденціи, хотя все дѣло о бѣлокриницкой метрополіи открыто, благодаря этому образу дѣйствій русскаго правительства.

Мало этого: судьи пустились въ такого рода предположенія, которыя не мыслимы ни для какого честнаго юриста. На замѣтку адвоката кн. Долгорукова, что человѣкъ, занимавшійся генеалогіею болѣе 500 фамилій, при желаніи взяточничества, не ограничился бы требованіями взятки отъ Воронцовыхъ, но обратился бы и къ другимъ фамиліямъ, — честные судьи возразили, что

IV. Долгоруковъ, вѣроятно, дѣлалъ предложенія и другимъ, „seulement les victimes ne se plaignent pas.“

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что подобнымъ честнымъ судьямъ необходимо было произнесть такую нотацію, которую выразилъ авторъ книги „La vérité sur le procès“: „Il faut être un valet de Morny et aussi stupide que Séverin Dumas pour énon-

cer un argument pareil.“ Послѣ подобнаго предположенія французскихъ юристовъ ничего не остается, какъ только наступить на горло перваго встрѣчнаго честнаго человѣка и сказать ему: „мы думаемъ, что ты разбойникъ, только на тебя не жалуются: ступай на галеры.

Этимъ доблести не кончаются. Чтобы уяснить ихъ вполнѣ, нужно привести здѣсь изъ книги о процессѣ разборъ рѣшенія французскихъ судей, помѣщенный на стр. 111—119. Вотъ нѣкоторыя выдержки.

Всѣ обстоятельства, всѣ вѣроятности уясняющія дѣло, убѣждаютъ, что записка есть дѣло одного того, кому она могла-бы принести интересъ, т. е. князя Долгорукова.

Этого именно не показываютъ ни обстоятельства дѣла, ни вѣроятности, уясняющія дѣло. Трибуналъ принималъ, безъ всякаго разсмотрѣнія, безъ всякой критики, за совершенно дѣйствительныя и годныя всѣ показанія и клеветы воронцовскаго адвоката и императорскаго прокурора, и съ умысломъ, тоже безъ повѣрки, отвергалъ доказательства, представленныя г. Мари. Сказать, что Долгоруковъ одинъ могъ быть заинтересованъ запиской — абсурдъ. Напротивъ, въ его интересѣ было-бы, чтобы этой записки не было. Еслибы онъ за тѣмъ потребовалъ отъ Воронцова денегъ, то ему незачѣмъ было писать: онъ это могъ легко сдѣлать посредствомъ какого нибудь третьяго лица; онъ могъ это сдѣлать, наконецъ, самъ въ разговорѣ tête-à-tête. Онъ ничего несдѣлалъ въ продолженіи цѣлой зимы, и вдругъ написалъ записку въ іюлѣ мѣсяцѣ? Что вы! Съ чего-бы человѣку, честному въ апрѣлѣ, сдѣлаться подлецомъ въ іюлѣ. Вся жизнь князя Петра доказываетъ его безкорыстіе: онъ женился

на дѣвушкѣ безъ приданаго, пожертвовалъ частью своего состоянія своимъ политическимъ убѣжденіямъ, чтобы выѣхать изъ отечества, быть независимымъ и писать свободно. И теперь думаете-ли вы, что князь Долгоруковъ не могъ-бы получить отъ русскаго правительства болѣе чѣмъ эти 200 тысячъ франковъ, которыя будто онъ хотѣлъ получить отъ графа Воронцова, еслибы онъ только захотѣлъ — мы не говоримъ продать себя, а только — перестать писать (чего, мы въ томъ увѣрены, онъ никогда не сдѣлаетъ)? Мы повторяемъ: цѣлая жизнь князя Петра носитъ печать безкорыстія, и только какимъ нибудь жалкимъ Воронцовымъ и французскаму судилищу могло прійдти въ голову оклеветать ее въ 1862 году.

Въ самомъ дѣлѣ записка получена фельдмаршаломъ въ письмѣ Долгорукова. запечатанномъ его гербовою печатью.

Въ томъ-то и дѣло, что вовсе не было доказано была-ли вложена записка въ письмо или нѣтъ. Семенъ Воронцовъ не доказалъ, что многіе свидѣтели видѣли, какъ записка выпала изъ письма. лжесвидѣтельствовалъ будто графиня Киселева была при распечатываніи письма; онъ побоялся даже представить конвертъ, по которому можно бы было судить о состояніи печати.

Записка и письмо такъ близко сходятся слогомъ, что, лишенное всякаго основанія предположеніе, будто записка къ письму приложена третьею рукою, потребовало бы доказательствъ на то — какимъ образомъ письмо было такъ хорошо поддѣлано.

Трибуналъ безъ всякаго изслѣдованія объявляетъ „лишеннымъ всякаго основанія“ предположеніе (что скорѣе достовѣрно) будто записка писана 3ею рукою, и

имѣетъ наглость, безстыдство спрашивать какимъ образомъ письмо „такъ подошла къ запискѣ, тогда какъ очевидно для всякаго честнаго человѣка, что „записка поддѣлана къ письму“ третьею рукою.

Мы не можемъ только сказать кому именно повиновалась эта 3я рука — фельдмаршалу-ян Воронцову, или генералу Дубельту или еще кому.

Еслибы Долгоруковъ былъ невиненъ. то поспѣшилъ-бы воспользоваться предложеніемъ фельдмаршала — вручить ему (Дол.) записку при первомъ свиданіи.

Потому-то онъ именно не хотѣлъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, что былъ невиненъ. Если бы онъ дѣйствительно былъ виноватъ, то навѣрное поспѣшилъ бы воспользоваться имъ, какъ счастливымъ случаемъ, которымъ онъ могъ уничтожить единственное доказательство своего безчестія. Нужно признаться, что у французской магистратуры нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, и что она смѣется надъ общественнымъ мнѣніемъ, осмѣливаясь прилагать такіе ложные противные всякой логикѣ мотивы къ самымъ простымъ требованіямъ здраваго смысла? Мари, разбирая передъ аппеляціоннымъ судомъ высказанные мотивы въ рѣшенію трибунала, дошедши до этого мѣста, вскричалъ, что онъ не хочетъ назвать этотъ мотивъ собственнымъ его именемъ, только изъ уваженія къ французской магистратурѣ.

Требованіе о произведеніи слѣдствія, съ которымъ кн. Долгоруковъ будто-бы отнесся къ министру полиціи, очевидно не было серьезно.

Для всѣхъ людей, кромѣ только составляющихъ нынѣшнюю французскую магистратуру, это требованіе

кажется серьезнымъ; да еслибы оно не было серьезно, то министръ полиціи, князь Василій Долгоруковъ, политическій врагъ князя Петра, поспѣшилъ-бы это объявить, между тѣмъ, какъ онъ молчалъ во все время процесса.

Всего этого, какъ кажется слишкомъ достаточно для того, чтобы понять безсовѣстность обвиненія, возведеннаго на кн. Долгорукова. И что касается до насъ, то мы не обинуясь говоримъ, что онъ — честный и благородный человѣкъ, искренно любящій Россію и искренно любимый уважающими свободу и сознающими свое человѣческое достоинство. Его заслугъ и честности не въ силахъ заподозрить лица, которыхъ поступки, какъ напр. куплерничество, самопродажа, доносы, взяточничество, кривосудіе, безспорно принадлежатъ къ тѣмъ европейскимъ доблестямъ, что служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ гніенія общества. „Вѣра ихъ зла и законъ не чистъ ихъ,“ говорилъ нѣкогда о такихъ доблестникахъ Ѳеодосій; теперь приходится сказать: „нѣтъ у нихъ вѣры, и закона нѣтъ у нихъ.“

ПОЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Недавно въ École nationale polonaise былъ годичный актъ, праздникъ, который много говоритъ чувству гордости польской націи. Члены ея, вынужденные покинуть свою родину, обращенную въ тюрьму, не только не разорвали съ нею прежнія связи, но напротивъ еще закрѣпили ихъ, и самымъ странничествомъ воспользовались на благо родины. Извнѣ они поддерживали движеніе внутри страны, они составили общества взаимнаго просвѣщенія и поддержки, они основали школы для доставленія человѣческаго образованія тѣмъ изъ дѣтей Польши, которыя обрекаютъ себя на служеніе угнетенной родинѣ. И вся польская нація, ограбленная русскимъ правительствомъ, не оставила своихъ тружениковъ и глубокой симпатіею и послѣднимъ грошомъ, спрятаннымъ отъ жаднаго ока чиновничества. Теперь изъ этихъ школъ выходятъ новые дѣятели, и École nationale polonaise празднуетъ уже 6ю годовщину: это скромное школьное празднество служитъ въ милліонъ разъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго патріотизма, чѣмъ всѣ красивыя либеральныя фразы, на которыя такъ щедры другія народности и другія общества.

Во-время акта извѣстный польскій писатель и членъ совѣта національной польской школы, г. Юльянъ Клячко сказалъ нѣсколько словъ, которыя слишкомъ вѣрно обрисовали положеніе воспитывающейся польской молодежи. Предварительно онъ указалъ на блистательные успѣхи учащихся и на то, что эти успѣхи достаются полякамъ труднѣе, чѣмъ другимъ ученикамъ. „Этой изгнанной молодежи, сказалъ онъ, недостаетъ отечества, сильнаго подспорья всякой, даже дѣтской жизни; ей недостаетъ даже того тѣснаго отечества, которое мы называемъ семействомъ.“ Положеніе многихъ соперниковъ значительно выгоднѣе. Но есть, замѣчаетъ г. Клячко, дѣти, которые еще могутъ позавидовать этимъ ученикамъ: это молодыя братья послѣднихъ на родинѣ, школьные товарищи въ угнетенной Польшѣ.

„То что здѣсь поощряютъ и награждаютъ — тамъ служитъ предметомъ преслѣдованія, угнетенія и суровыхъ наказаній. Между тѣмъ какъ здѣсь заботливо развиваютъ всякое проявленіе общечеловѣческаго просвѣщенія и польской добродѣтели, тамъ, подкапываютъ и разрушаютъ все, что можетъ возвысить разумъ и облагородить сердце; все, что можетъ поддерживать вѣру въ отечество. — Тамъ въ полномъ значеніи слова осуществлена прекрасная греческая пословица: mathemata pathemata „наука есть страданіе“. Тамъ наука болѣе чѣмъ страданіе, она тамъ мученичество. Тамъ ученикъ съ молодости вступаетъ въ борьбу съ могущественнымъ деспотомъ и, какъ говоритъ поэтъ, „если въ очахъ сына Польши заблеститъ огонь генія, если на его отроческомъ челѣ засіятъ гордость и благородство его предковъ — тогда врагъ находитъ, что этотъ сынъ Польши „бездѣльничаетъ“ и ставитъ ему другія неученическія барьеры:

„Wyzwanie poszle mu szpieg nieznajomy,
„Walkę z nim stoczy sąd krzywoprzysiężny;
„A placem boju będzie dół kryjomy,
„A wyrok o nim wyda wròg potężny".

„Борьбу эту ихъ ровесники начинаютъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ; ибо если въ глазахъ тирана полякъ всегда малолѣтенъ, когда дѣло идетъ о человѣческихъ и гражданскихъ правахъ, то для Сибири и кнута онъ совершеннолѣтенъ уже въ колыбели. „Далѣе г. Клячко представилъ образецъ умственнаго гнета, который уже больше тридцати лѣтъ варварское правительство распространяетъ въ нѣкогда цивилизованной и цивилизовавшей Польшѣ. „Когда въ прошломъ году, сказалъ онъ потомъ, въ Варшавѣ, первый разъ послѣ стольких лѣтъ молчанія, раздался стонъ ужаса, отозвавшійся во всемъ христіанскомъ мірѣ, когда простой народъ съ обнаженною грудью и крестомъ въ рукѣ выступилъ противъ вооруженнаго врага, — какое было первое слово возстанія? Что былъ за лозунгъ этого народнаго волненія? Какой крикъ вырвался изъ столько лѣтъ сдавленной польской груди, въ которой томилось столько справедливыхъ и священныхъ желаній? „Училищъ — кричали — Университета?" Имѣлъ ли когда нибудь возстающій народъ подобный лозунгъ? Раздавался ли гдѣ нибудь такой революціонный крикъ?"

„19й вѣкъ удивлялся старому нѣмецкому поэту, съ замирающихъ устъ котораго послѣднее вырвавшееся слово было: свѣту!... Нѣкогда еще больше чѣмъ умирающему Гете будутъ удивляться воскресающей Польшѣ, первый крикъ которой, какъ послѣдній Гете, былъ — Свѣту! — Просвѣщенія!"

„Видя предъ собою эту кучку молодыхъ учениковъ одѣтыхъ въ національные костюмы и украшенныхъ

вѣнцами, мнѣ невольно приходитъ въ голову другая горсть другихъ польскихъ учениковъ, которая въ эту минуту движется въ архангельской пустынѣ или въ оренбурскихъ степяхъ. Впереди казаки съ пиками; по обѣимъ сторонамъ отряды солдатъ, убійцъ своихъ невинныхъ братій; убійцъ съ пятномъ Каина, вырытымъ на ихъ челахъ; за отрядомъ идетъ офицеръ, тянущій, можетъ быть, какую нибудь либеральную пѣсенку Беранже; и между рядами идутъ младенцы, польскіе ученики, варшавскіе студенты, съ головами „съ которыхъ безстыдная сила волосы сорвала“, въ сѣрыхъ полушубкахъ, томимые жаромъ, кормимые бранью и палками. „Впередъ“ странно кричатъ эти блюстители молодежи; ударъ приклада или нагайки заставляетъ отстающихъ спѣшить; если утомленные члены отказываются въ повиновеніи, то это знакъ, что вмѣстѣ съ силой они потеряли и жизнь. Вотъ путь прогресса, по которому врагъ ведетъ на родины вашихъ братьевъ!

Съ далеке привѣтствуемъ васъ, молодые товарищи, на этомъ крестномъ пути! Привѣтствуемъ васъ со слезами, кровью и честью! И вы прошли ваши академическія испытанія, и вы возвращаетесь съ конкурсу.... Но не лавровый вѣнокъ сіяетъ на головахъ вашихъ, а невидимый терновый вѣнецъ: вы пріобрѣли самую высшую награду въ самой высокой наукѣ, въ той наукѣ, которая есть страданіе и мученичество: mathemata pathemata!“

Кратко оглянулъ г. Клячко удивительныя судьбы польской эмиграціи. Она выставила легіоны; послѣ того въ продолженіи тридцати лѣтъ представляла въ миніатюрѣ цѣлый народный организмъ. Она произвела цѣлое новое поколѣніе, выросшее на чужой землѣ, по соеди-

ненное съ отечествомъ неразрывными узами воспитанія, надежды и жизненной цѣли. —

„Какая то средневѣковая легенда, замѣтилъ онъ при этомъ, говоритъ о прекрасномъ отвѣтѣ пустынника на вопросъ гордаго кесаря: что за дѣятельность его на землѣ? Remeo — отвѣчалъ онъ: возвращаюсь къ Богу, отъ котораго вышелъ. — Каждый польскій изгнанникъ, добросовѣстно исполняющій свой долгъ, можетъ повторить вмѣстѣ съ пустынникомъ эти слова, хотя въ менѣе божественномъ, но столькожe священномъ значеніи. —

Онъ тоже возвращается къ родинѣ, изъ которой вышелъ. Каждый добрый поступокъ, всякая благородная мысль, взлелѣянная въ груди изгнанника, каждый святой примѣръ подаваемый имъ, есть шагъ впередъ на этомъ возвратномъ пути.“

Скромная рѣчь, скромное празденство! А сколько тутъ дѣйствительнаго, хорошаго, благороднаго дѣла! Boże zbaw Polske: она заслужила свое спасеніе, она выкупила свои ошибки!

ПИСЬМО Г. П. КУРОВА.

Милостивый Государь!

Въ 1 No. Вѣсти напечатана статья подъ заглавіемъ: „За кѣмъ зачинъ и закѣмъ разрѣшеніе,“ въ которой доказывается, что литовскіе дворяне подняли вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и добивались его разрѣшенія гораздо прежде знаменитыхъ рескриптовъ. Насколько вѣрны факты, сообщаемые вашимъ корреспондентомъ можно видѣть уже изъ того, что онъ неумѣлъ перечислить губерніи, принадлежащія къ виленскому генералъ-губернаторству (вмѣсто виленской онъ назвалъ смоленскую). Въ остальномъ его изложеніи вѣрно только то, что литовскіе дворяне были недовольны бибиковскими инвентарями и хлопотали объ ихъ измѣненіи. Напрасно также вашъ корреспондентъ приписываетъ исключительно политическимъ соображеніямъ введеніе инвентарнаго положенія въ западныхъ губерніяхъ. Оно несомнѣнно было вызвано бѣдственнымъ состояніемъ крестьянъ, и въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ принесло огромную пользу. Въ собственно литвѣ введеніе инвентарей никогда не было окончательно приведено въ исполненіе. Причиной того были недостатки литовскаго

инвентарнаго положенія, списаннаго съ кіевскаго и едва ли примѣнимаго къ мѣстнымъ условіямъ края.

Согласитесь, что отъ неудовольствія инвентарями до желанія дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ — шагъ не маленькій. Впрочемъ лучшимъ комментаріемъ на слова вашего корреспонд. могутъ служить журналы губернскихъ комитетовъ: изъ нихъ можно себѣ составить понятіе о томъ, какого освобожденія хотѣло литовское дворянство. См. Матеріялы, изд. Редакціон-Коммис. (къ сожалѣнію, ихъ у меня теперь нѣтъ подъ-рукой). Тамъ же вы можете убѣдиться насколько вѣрно утвержденіе, что едва ли и 5 % русскихъ помѣщиковъ противилось освобожденію крестьянъ съ землей.

Что же касается рѣчей государя въ Москвѣ и того, что во второй онъ будто бы отказался отъ прежде сказанныхъ словъ, то едва ли вы найдете что либо подобное при сличеніи текста самихъ рѣчей.

Еще въ одномъ пунктѣ я не согласенъ съ вашимъ корреспондентомъ, а именно: съ заключательными строками его статьи. Я считаю тѣмъ болѣе полезнымъ остановиться на немъ, что онъ служилъ почти вездѣ темой для либеральныхъ разглагольствованій на послѣднихъ выборахъ. Правительство взыскиваетъ 6 % съ выкупной ссуды, выдаетъ всего 5 %, а между тѣмъ долгъ крестьянъ погашается не въ 37, а въ 49 лѣтъ. Дѣйствительно великолѣпный предлогъ сыпать бранью на тупоумное правительство, заплеснившихъ бюрократовъ и т. д. и т. д. Но къ сожалѣнію весь шумъ, поднятый по этому поводу либеральными глашатаями произошелъ отъ того, что они не обратили должнаго вниманія на брошюру, нельзя сказать чтобы очень рѣдкую, — она разослана даромъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, —

я разумѣю Высоч. утвержд. Пол. о выкупѣ. Тамъ ясно выражено, что изъ 6 % вносимыхъ крестьянами, 5 идутъ помѣщику, $^1/_2$ % идетъ на погашеніе (что и обусловливаетъ 49 лѣтній срокъ); $^1/_2$ % же на покрытіе недоимокъ и на расходы по управленію. Въ случаѣ же перебора сверхъ $5^1/_2$ %, остальные деньги пополняютъ выкупной капиталъ, назначенный для усиленія выкупа свидѣтельствъ и билетовъ. Ясно, что при бездоимочномъ сборѣ 49 лѣтній срокъ сократится въ 37 лѣтній (если исключить расходы по управленію). Почему правительство не взяло на себя пополненія недоимокъ и положило выдавать не 100, а 80 % капитальной ссуды, ясно для каждаго хоть сколько нибудь размыслившаго объ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ подобными операціями при неустановившемся (въ началѣ 1861го года) положеніи нашихъ финансовъ.

ГОЛОСА ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ.

О Герценѣ и Катковѣ.

Отъ Редакціи. Статья г. Каткова о Герценѣ, вызвавшая возгласы въ обществѣ и „покровительство“ Сѣверной Пчелы, написана въ такомъ тонѣ, благодаря которому отвѣчать на нее лицу, о которомъ тамъ говорится, невозможно. Что, въ самомъ дѣлѣ возражать на площадную брань, въ родѣ: кривляка, фигляръ, недоносокъ? Невозможно отвѣчать на нее и другимъ публицистамъ, потому-что раздѣляющихъ мнѣнія Герцена и уважающихъ его, г. Катковъ называетъ благовоспитаннымъ названіемъ: собачки. — мы, видите-ли, лаемъ за Герцена. Можно-бы, пожалуй, спросить — отчего г. Катковъ не называетъ насъ вмѣсто собачекъ просто сукиными дѣтьми или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ: можно бы у г. Каткова спросить — какъ онъ называетъ тѣхъ, кто лаетъ не за Герцена, а на Герцена, — но въ такую полемику нельзя пускаться, не роняя своего достоинства. Герценъ поэтому и предоставилъ рѣшить дѣло общественному мнѣнію. Мы не можемъ не назвать такого молчаливаго отвѣта крайне благороднымъ, и поз-

волили себѣ только: дать мѣсто выраженіямъ общественнаго мнѣнія. Ниже читателя найдутъ одну изъ присланныхъ намъ замѣтокъ, такъ какъ у насъ, къ сожалѣнью, пѣтъ мѣста въ этомъ выпускѣ „Свободнаго Слова“ для другихъ писемъ. Этимъ мы и кончаемъ наше вмѣшательство, совершенно соглашаясь съ слѣдующимъ присланнымъ намъ четверостишіемъ:

Избави Боже Искандѣра
(Намъ слишкомъ дни его милы)
Отъ пошлой брани доктринера
И покровительства „Пчелы“

I.

Прочитавши статью г. Каткова въ іюльской книжкѣ Русскаго Вѣстника „Замѣтка для издателя Колокола“ мы не можемъ несказатъ нѣсколькихъ словъ. На возмутительную недостойную брань г-на Каткова отвѣчать не станемъ; отвѣчать на его обвиненія Герцена въ томъ, что Герценъ забавляясь поджигаетъ молодежъ, подвергаетъ ее безумной опасности и ссылкѣ, а самъ сыто и весело ей рукоплещетъ — мы считаемъ лишнимъ: — кто-же такому обвиненію повѣритъ? Мы ограничимся только нѣсколькими словами для г. Каткова о томъ, что сдѣлалъ Герценъ для Россіи. Герценъ Россію разбудилъ, неусыпно ее оживлялъ и поддерживалъ. Герценъ воспиталъ тысячи доброй благородной молодежи, которой Россія обязана своимъ настоящимъ движеніемъ. Герценъ многіе тысячи сдѣлалъ лучшими своимъ горячимъ и живымъ словомъ. Сколькихъ слышали мы, мужчинъ и женщинъ, благодарящихъ Герцена за свое превращеніе

и съ ужасомъ говорящихъ: что-бы изъ меня было, если-бы не онъ! На нашъ вопросъ какъ идутъ дѣла, одна горничная старушка намъ отвѣчала: „совсѣмъ у насъ перестали сѣчь съ той поры, какъ читаютъ листики Александра Ивановича. Дай ему Богъ здоровья, нашему родному батюшкѣ. Прикажу дѣтямъ и внукамъ за него Богу молить“. Это слышали мы въ тульской губерніи; тоже самое, другими словами выраженное, слышали мы въ губерніяхъ кіевской, подольской, орловской, херсонской. Г. Катковъ упрекаетъ Герцена въ томъ, что онъ называетъ раздраженіемъ плѣнной мысли, мозгобѣсіемъ; обвиняетъ за проповѣдываніе то того, то другаго. Всякій знаетъ что Герценъ цѣлый свой вѣкъ проповѣдывалъ Свободу и неотступалъ въ этомъ ни на шагъ; а что онъ былъ подъ впечатлѣніемъ еще и другихъ жизненныхъ вопросовъ и явленій, что можетъ у него были свои сомнѣнья и борьбы, такъ изъ этаго видно, что Герценъ живой человѣкъ. Г. Катковъ ставитъ ему въ вину эту жизненность, а за эту-то жизненность такъ многіе много его любили; отъ того-то такъ жадно его слушали, что видѣли въ немъ неподвижнаго проповѣдника — только, а живаго человѣка, человѣка, поторый самъ неспокоенъ и небезмятеженъ, подобно Олимпійскому божеству; отъ того-то онъ всѣмъ былъ по душѣ, отъ того-то всѣ такъ ему сочувствовали — кто сознательно, а кто полусознательно; отъ того-то онъ былъ всякому дорогъ и всякому доступенъ сильному и слабому, честному и порочному: онъ всѣхъ оживлялъ, поднималъ, укрѣплялъ.“ Другъ Герцена, настоящій другъ“ сколько разъ мы слышали эти слова отъ молодежи изъ помѣщиковъ, купцевъ, изъ мѣщанъ, изъ народа, изъ поповъ, изъ дьячковъ.

Герценъ никогда нестановился на ходули, никогда небарствовалъ. Когда онъ сознавалъ свою ошибку — „я ошибался“, говорилъ онъ прямо и честно, безъ мелочнаго стыда и самолюбія, точно такъ-же какъ иногда спрашивалъ совѣта или объясненія прямо и честно. — У г. Каткова повернулся языкъ назвать это все жеманствомъ и ломаньемъ. Слова братской любви, негодованья, очорченья, упованья; слова, которыя такъ ободряли и утѣшали цѣлыя массы людей — г. Катковъ тоже называетъ жеманствомъ и ломаньемъ. Да неужели г. Катковъ невстрѣчалъ на вѣку честныхъ людей, что все такъ умѣетъ онъ видѣть въ черномъ цвѣтѣ? Благодаря тому, что часть молодежи выразила недовольство слишкомъ мирнымъ направленіемъ Герцена, г. Катковъ заключаетъ: „какъ не скудоумны эти революціонеры, а поняли что есть что-то неладное въ этомъ человѣкѣ“. Отъ имени всей молодежи, которую знаемъ, мы объявляемъ, что это клевета. Одни могутъ находить направленіе Герцена слишкомъ мирнымъ, другіе могутъ находить слишкомъ немирнымъ, но въ уваженіи Герцену отказать никто не можетъ — какъ человѣку и какъ дѣятелю.

Сколько мы знаемъ, видѣли, встрѣтили людей старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ — во всѣхъ статьяхъ г. Каткова возбудила самое сильное негодованіе. Есть люди, находящіе, что Герценъ иногда ошибается; что онъ невсегда непогрѣшительный другъ, но онъ другъ искренній, вѣрный, добросовѣстный и серьезный. Дай ему Богъ здоровья за его неподкупную и чистую службу русскому народу! Спасибо ему за его честные, непрестанные труды и за все великое добро, которое онъ сдѣлалъ для Россіи!

РУССКИМЪ СТУДЕНТАМЪ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ.

Съ крайне грустнымъ чувствомъ получили мы отъ одного изъ нашихъ друзей слѣдующее письмо изъ Гейдельберга:

„Спѣшу сообщить вамъ свѣжую гейдельбергскую новость: сюда пріѣхалъ Путятинъ, бывшій министръ, и русскіе студенты, въ знакъ выраженія своихъ чувствъ къ нему, вознамѣрились привѣтствовать его прибытіе приличнымъ образомъ — рѣшились угостить его Katzenmusik. Вчера, 5го сентября, въ 8 часовъ вечера, собралась кучка русскихъ противъ квартиры Путятина на Anlage съ инструментами, и исполнила концертъ съ рѣдкою добросовѣстностью. Когда они кончили, пришло еще нѣсколько человѣкъ съ инструментами и потребовали повторенія серенады. Только что начали они разыгриваться, какъ вдругъ откуда ни возмись — нѣсколько полицейскихъ, да не говоря худова слова — обнажили свои сабли и давай работать. Били они по преимуществу плашмя, но одному поляку, на котораго они уже напали въ Klöck Str. и который вовсе не участвовалъ въ концертѣ и на Anlage не былъ, прорубили шапку, кожу на головѣ до кости и плечо. Толпа концертистовъ, конечно, разбѣжалась во всѣ стороны, чѣмъ поотвлекла

отъ квартиры Путятина полицейскихъ, пустившихся въ погоню за студентами по разнымъ улицамъ. Этимъ воспользовалась часть музыкантовъ, свободная отъ погони, и окончила свой концертъ, такъ неожиданно прерванный. Повѣствованіе объ этомъ происшествіи напомнитъ вамъ обычаи нашей милой родины. Я право нѣсколько минутъ воображалъ себя въ Москвѣ, и мое бѣдное сердце, страдающее тоскою по отчизнѣ, радостно забилось. Въ забытьи я даже пошелъ было ужинать въ Новотроицкій, и только вывѣска zum rothen Ochs вывела меня изъ заблужденія. Вотъ какія вещи дѣлаются въ Германіи."

И такъ, новая бойня. Мы обращаемся къ русскимъ студентамъ, живущимъ въ Гейдельбергѣ и между которыми у насъ есть нѣсколько университетскихъ товарищей. Неужели вы, господа, забыли, что и Katzenmusik нерусскій обычай, и Путятинъ теперь частное лицо, и полиція всюду полиція? Неужели вы, господа, забыли, что каждый компроментирующій студента шагъ доставляетъ однѣ непріятности студентамъ и искреннюю радость избивающему правительству? Неужели, господа, весь вашъ либерализмъ будетъ выражаться кошачьею музыкой? Не дай богъ! Такого либерализма намъ не нужно. Уличная протестація понятна въ Россіи, серенада возможна для министра Путятина; но и въ Россіи если протестовать, такъ необходимо протестовать дѣльно, серьозно, и не министръ! Путятинъ есть частный человѣкъ, котораго можно за его прошлые поступки неуважать, но оскорблять нельзя. Неуваженіе личности также нехорошо со стороны полиціи, какъ состороны простаго образованнаго человѣка. Никто не станетъ спорить противъ того, что министерская дѣя-

тельность г. Путятина не могла оставить благодарныхъ воспоминаній; да вѣдь неблагодарныя воспоминанія нельзяже выражать такимъ образомъ, который вызываетъ неприличное вмѣшательство полиціи.

Хотите вы, господа, заявить свои либеральныя чувства — заявляйте ихъ, — но не кошачьимъ манеромъ: путей для высказа своихъ убѣжденій есть не мало. Зачѣмъ-же вы выбрали путь и слишкомъ пошлый и ни къ чему не ведущій? Одни изъ васъ поплатились новыми пинками, другіе (чего не дай богъ!) поплатятся всею своею будущностью, которою если рисковать, такъ рисковать на дѣло: — хорошъ-ли этотъ результатъ — судите сами.

Мы обращаемся къ вамъ съ укоромъ дружескимъ, искреннимъ; пріймите-же этомъ братскій укоръ — какъ слѣдуетъ: пора приняться за дѣло, за тяжелое дѣло; пора перестать разстрачивать свои силы на пустяки.

ИНТЕРЕСНО БЫ ЗНАТЬ.

Интересно бы знать — справедливъ-ли слухъ, что правительство слушаетъ доносы пьющаго и поджигающаго учителя Викторова? Интересно бы знать: гдѣ служатъ и чѣмъ занимаются г. г. Назаревскій, Новицкій, Агафоновъ (гвар. оф.), Костомаровъ, Кюлевейнъ, Зотовъ (ст.), Петровъ (ст.) Должиковъ (ст.), Забравскій, Эверманъ, Волокитинъ, Вальденбергъ (куп.), Брауманъ (куп.)? Про господина Давида Вальденберга мы знаемъ, что онъ служитъ въ 3^мъ^ отдѣленіи шпіономъ, за что между прочимъ оттерпѣлъ разныя невзгоды въ Кіевѣ, — но о другихъ интересно бы получить какія нибудь свѣдѣнія.

Интересно бы знать — правда-ли, что лицъ, имена которыхъ были напечатаны въ Колоколѣ и Вѣсти, не арестовываютъ, а только осматриваютъ до . . до . . . и пр.

---

4 НОЯ 1946

LES

DÉPUTÉS

ET

LA COMMISSION RÉDIGEANTE

À

ST. PETERSBOURG

PAR RAPPORT À L'ÉMANCIPATION DES PAYSANS.

LEIPSIC,

FRANÇOIS WAGNER.

1860.

Imprimerie de Gustav Bär à Leipsic.

2007111256